

Управление Алтайского края по культуре и архивному делу

АЛТАЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

В РАССКАЗАХ ЕЁ ЖИТЕЛЕЙ

Барнаул
2012

*Книга издана по заказу и при финансовой поддержке Администрации
Алтайского края в рамках Губернаторского издательского проекта.
Посвящена Году истории в России и 75-летию Алтайского края*

Научные редакторы:

Дмитриева Л. М., доктор филологических наук, профессор;

Щеглова Т. К., доктор исторических наук, профессор.

Редактор, руководитель издательского проекта: Вигандт Л. А.

- А521 Алтайская деревня в рассказах её жителей [Текст] / под науч. ред. Щегловой Т. К., Дмитриевой Л. М.; под ред. Вигандт Л. А. — Барнаул : Алт. дом печати, 2012. — 448 с. : ил.

ISBN

Книга «Алтайская деревня в рассказах её жителей» объединила больше 120 рассказчиков — алтайских крестьян. Личные, семейные истории, которыми они поделились с корреспондентами, вольно или невольно оказались встроенными в глобальные историко-политические вехи России. Деревенские жители рассказали о переселении предков на Алтай по Столыпинской реформе и основании деревень; о годах становления советской власти; о коллективизации; о детстве, пришедшемся на годы Великой Отечественной войны; о целинной эпопее; о своем отношении к перестройке и др. История на страницах данного издания предстала такой, какой ее понимает простой человек, алтайский крестьянин.

Книга состоит из трех частей. В первую часть вошли материалы, поступившие в адрес краевого конкурса (одноименного с названием книги), инициированного Губернатором Алтайского края А. Б. Карлиным. Вторую часть составляют материалы научно-исторических интервью с 1990 года из архива Центра устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения преподавателей, студентов, аспирантов и сотрудников исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии. Основой третьей части являются научные лингвистические тексты с 1973 года из картотеки диалектов и топонимов кафедры общего и исторического языкознания филологического факультета Алтайского государственного университета.

Подготовленные к печати рассказы являются источниками по истории и культуре алтайской деревни в XX веке. Самостоятельное значение имеет этнокультурная и лингвистическая информация в частности, обилие диалектных слов, а также особенностей произношения.

Издание рассчитано на ученых, краеведов, работников музеев и всех интересующихся региональной историей, культурой и языком.

ББК 63.3(253.37)6–21

ISBN

- © Управление Алтайского края по культуре и архивному делу, 2012
- © Дмитриева Л. М. составление, научное редактирование, 2012
- © Щеглова Т. К. составление, научное редактирование, 2012
- © Вигандт Л. А. составление, редактирование 1 части, 2012
- © Раменская Ю. В. оформление, 2012

Один век и несколько эпох

Творческий проект «Алтайская деревня в рассказах ее жителей» был инициирован Губернатором Алтайского края Александром Карлиным в начале 2012 года. В течение года проект развивался в двух направлениях — конкурсном и издательском. В настоящее время они удачно завершены. Конкурс выявил победителей. Книга издана, вы держите ее в руках.

Идея «деревни в рассказах» встретила самый живой отклик.

Начало «историческому собирательству» положили в феврале этого года участники студенческого движения «Снежный десант». Восемнадцать студенческих отрядов побывали в 19 районах края, ребята опросили более 200 сельских жителей. Но рассказы, достойные страниц книги, сумели составить бойцы только из четырех отрядов: «Эверест» (АлтГТУ им. И. И. Ползунова), «Гольфстрим» (АлтГУ), «Буревестник» (АГАУ), «Белые медведи» (АлтГТУ им. И. И. Ползунова).

Активными участниками конкурса стали студенты исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии (АлтГПА) и филологического факультета Алтайского государственного университета (АлтГУ). Нужно сказать, что эта группа авторов — одна из самых подготовленных, и записи, привезенные ими с летней полевой практики, отличают последовательность и скрупулезность.

Конкурс привлек внимание учителей, краеведов, музейных работников. Но особенно ценным нам кажется то, что идея с воодушевлением была воспринята в семьях: дети записывали воспоминания родителей, правнуки — прабабушек.

В адрес конкурса «Алтайская деревня в рассказах ее жителей» прислали свои работы около 90 авторов, самому младшему из них 13 лет, самому старшему — за восемьдесят. Все материалы были внимательно изучены членами жюри (Лидия Дмитриева, доктор филологических наук, профессор АлтГУ; Татьяна Щеглова, доктор исторических наук, профессор АлтГПА; Лариса Вигандт, главный редактор журнала «Культура Алтайского края»). Рассказы пятидесяти авторов были рекомендованы жюри к публикации в книге. Среди них — тексты победителей краевого конкурса «Алтайская деревня в рассказах ее жителей». Назовем их имена. Среди взрослых участников первое место заняла Евгения Прокофьева, аспирант кафедры общего и исторического языкознания АлтГУ. Три призовых места

определено у студентов: Алексей Рыков — 1-е место, Дарья Алекса — 2-е место, Анастасия Мазырина — 3-е место. Все они студенты исторического факультета АлтГПА. Среди школьников первое место заняла Василина Пацукова, ученица Быстрянской средней школы Красногорского района. Второй стала школьница из Краснощекова Алена Куимова. Третье место у Ирины Кульгускиной из Фунтиковской средней школы Топчихинского района.

Книга «Алтайская деревня в рассказах ее жителей» состоит из трех частей. В каждой части материалы следуют один за другим по годам рождения рассказчиков, начиная с самых старших. Подобный принцип организации текстов позволяет повествованию — общей истории — двигаться поступательно: с начала XX века до начала XXI, до наших дней. Перед взором читателя пройдет один век и несколько эпох: переселение на Алтай по Столыпинской реформе; годы становления советской власти; коллективизация; годы Великой Отечественной войны; целинная эпопея; перестройка. По книге легко проследить, как исторические периоды, сменяя друг друга, влекут за собой изменение лексики, строя речи рассказчиков.

Первую часть книги можно назвать «конкурсной», в нее вошли те работы, которые были присланы на конкурс и прошли отбор жюри. Книгу открывают респонденты, родившиеся 100 лет назад. Сам факт присутствия в книге столетних рассказчиков может быть поводом для гордости тех авторов, которые сумели найти этих ценнейших свидетелей прошлого и успели записать их, тем самым превратив живые воспоминания старожил в исторические документы.

Материалы второй части подготовлены сотрудниками исторического факультета АлтГПА под руководством доктора исторических наук, профессора Татьяны Кирилловны Щегловой. Третью часть составили тексты, которые записывались с 1970-х годов преподавателями и студентами филологического факультета Алтайского госуниверситета; в настоящее время эти записи являются собственностью кафедры общего и исторического языкознания АлтГУ, возглавляемой доктором филологических наук, профессором Лидией Михайловной Дмитриевой. Материалы второй и третьей части имеют принципиальное отличие. Историки больше внимания уделяют воссозданию подробного и точного исторического контекста в определенной местности и конкретном времени. Их тексты насыщены подробностями, деталями, фактами, развернутыми

пояснениями в сносках. Филологи, расспрашивая своих рассказчиков о былой жизни, прежде всего, бережно сохраняют диалектные особенности речи респондента, они находят и спасают слова, утраченные современными носителями языка. Этим объясняется написание некоторых слов в книге вне норм современной орфографии, но в соответствии со звучанием в диалекте: ишшо — еще, чёёто — что-то, считалси — считался, трактор — трактор и др. Читатель встретит в книге немало незнакомых русских слов и узнает их значение, например: бабы пригромозки, яманка, заскурмаченный.

Отдавая должное труду авторов материалов, обработчиков записей, хочется восхититься талантом рассказчиков. Среди них мы найдем тех, кому от природы дан литературный дар — это замечательные повествователи и сказители; и тех, кого на Алтае, с легкой руки Василия Макаровича Шукшина, называют «чудиками» — людей, исповедующих правду, справедливость, отстаивающих нравственные идеалы и не понимающих своей чуждости.

Изложив свое понимание истории страны и края, многие рассказчики явили прекрасный образец русского языка — первородного, точного, живописного. Слово из уст старожилостанавливает на себе внимание, заставляет ощущать его творческую силу, открывает для нас родной язык заново. Послушайте: «...а у меня охотка была с Микитой парубковать», «...если самовар не шумит, она [свекровь] тада забегала, запсиховала, только двери говорят!», «нашешь прях, мама седьмая, мы песнякаем и до утра, тады ведь часов не было, мать скажет: «Бабы, бросайте, кичаги уже погасли». Кичаги — это три звездочки вместе, а четыре поодаль».

Замысел проекта «Алтайская деревня в рассказах ее жителей» оправдал себя: мы увидели народную — без официальной выправки — историю нашей страны. Она предстала такой, какой ее понимает простой человек, алтайский крестьянин, и передает из уст в уста каждому последующему поколению своей семьи.

В простых крестьянских историях, вошедших в книгу «Алтайская деревня в рассказах ее жителей», подспудно заложен извечный воспитательный код. В нем зашифрованы моральные и этические принципы, понимание и оценка народных характеров, отношение к религии, власти — все то, что в целом формирует особое народное мировосприятие и определяет опыт национального самоосознания.

Лариса Вигандт

1 ЧАСТЬ

Балаба Николай Иванович (1912 – 2005)

На момент сбора материала проживал в селе
Алексеевка Благовещенского района

Записала в 2004 году
Ольга Подчасова, учитель
Алексеевской средней школы

О прежней жизни

О прежней жизни мне приходилось слышать от стариков: Макара Пищенко, Кобзева, Ивана Апобзева, Ивана Апарина. Поселок Александровка образовался в 1912–1913 годах. До этого земли принадлежали частным владельцам: сто десятин — хозяину Каретникову, сто десятин — хозяину Молошному, остальная земля — Строеву, который жил в селе Леньки, и Непейводе из села Глубокого. А в 1912 году, когда шло перераспределение земли, то нарезали участок для застройки поселка. Земля же давалась только на мужской пол. На мужчину давали десять десятин, семь десятин пашни, из них часть лесных угодий и сенокосных. Землю давали в разных семи местах, чтобы никого не обидеть.

Для поддержания порядка избирали старосту. По всем вопросам собирався сход граждан, только мужчины. Сообща решали: какое кому дать наказание за провинность или еще за что. А когда началась приписка в Леньковской волости и об этом узнали переселенцы, то начался массовый приезд людей.

Поселку дали название Старовской. Он был как бы разделен на две части. На одной половине жили украинцы, а на второй — белорусы. Все переселенцы были из Черниговской области, за исключением некоторых. Отец мой приехал с Украины в 1907 году.

За собранные с грехом пополам деньги купил лошадь, телегу, корову. Получил землю. Объединялись два-три хозяина и вместе вручную убивали урожай. Отец косил косой, мать жала серпом. Кто не ленился, начали понемногу вылезать из нищеты. Покупали в кредит сельхозмашины, заводили скот. Появились в Александровке и ветряные мельницы.

Началась коллективизация

В конце 20-х — начале 30-х годов началась коллективизация. Крестьяне прекратили сеять, земли пустовали. Опять стали голодовать. В колхоз шли с неохотой, особенно середняки не хотели рас-

ставаться со своим хозяйством. Тогда же началось и объединение в коллективные хозяйства. Вначале образовался ТОЗ¹. Членами его стали в основном бедняки: те, кто были побогаче, не хотели расставаться со своим хозяйством. Председателем товарищества был избран Иван Измеров. А за то, что середняки не пошли в товарищество, их лишили земли и два года эти земли пустовали. Разразился страшный голод. Люди питались грибами да кореньями разных трав.

Бесконечно устраивались собрания

Бесконечно устраивались собрания, приезжали уполномоченные по коллективизации. Разговоры велись долгие и жаркие — о колхозах, о кулаках.

Не обошлось без жертв в то время и у нас. Убили комсомольца Ивана Латышова те, кому не по душе были перемены. Три семьи сослали из поселка в дальние края: Тарана, Филиппенко, Свечкопадова. Посадили в тюрьму двоих жителей, больше они не вернулись.

Мой отец тоже посещал бедняцкие собрания. В один из дней, вернувшись домой, сказал матери: «Я записался в колхоз. И ребята нашим пообещали работу хорошую. Павел будет молоко возить, а Николая (меня, значит) поставят кладовщиком». Мать приняла эту новость в штыки, она была верующей, и попёрла на отца: «Иди, выпишись!» Выписался. На другой день пришли к нам и забрали овец, продукты какие были, а семья — девять душ. «Вот так выписываются из колхоза, — укорял отец маму, — хотела попасть в рай, а попала в петлю».

Новая колхозная жизнь

Началась новая колхозная жизнь. Постепенно поднимались люди, появилась у них пшеница. Но где ее молотить? Все прежние мельницы были разломаны. Начали сооружать ручные, помогали друг другу. Всего же было восемьдесят дворов. Большинство жило в землянках. Для обработки земли объединялись по два-три двора. Урожай собирали вручную. Косили косой, жали серпом, молотили цепом.

В середине 30-х годов в поселке появились три молотилки, шесть лобогреек, пять сенокосилок, шесть веялок, одна сеялка, пять ветряных мельниц, маслобойка, шерстобитка.

¹ ТОЗ — товарищество по обработке земли. Одна из простейших форм кооперации.

С 1931 года на 1932-й ТОЗ и сельхозартель Ново-Леньки объединились и организовали сельхозартель «Ударник». Была у них молочная ферма, которая насчитывала 40 коров.

До 1935 года землю обрабатывали лошадьми, а потом появились первые тракторы и комбайны. Организовалась и Ленковская МТС. Мне же довелось поработать на первом комбайне.

Колочки Панский и Хуторянский по дороге на Александровку

Первыми поселенцами на александровской земле были украинцы. Хозяина земли они называли паном, а поселок — хутором. Там, где жил хозяин Каретников, тот лес называли Панским, а его работники поселились в другом, соседнем лесочке, на хуторе, поэтому — Хуторянский. Там до сих пор еще остались следы землянок, глубокие ямы, заросшие травой, да вербы раскидистые стоят. Здесь было десять дворов хозяев: Соковых, Халева, Долина, Сиротина, Шипулина, Лешенко, Андрейчикова, Шишкина, Краснова, Кравченко. Потомки этих семей и поныне живут здесь.

Лучшие лакомства

В довоенные годы главным лакомством были полевые и лесные ягоды. Ели их летом свежими, а зимой — сушеными. Рано весной мы гурьбой ходили за щавелем, гусиным луком. В околках рвали борщевку, коренья разные.

В 50-х годах, когда распахали целину, растили колхозные арбузы. Сейчас такие не растут даже на домашних огородах. Большие, не-подъемные, сладкие. Тогда же, при председательстве Пяты Константина Ермолаевича, заложили яблонево́й сад. Садоводом была Свечкопалова Ульяна, а сторожил сад Калистрат. Яблоки и арбузы выдавались на трудодни, а излишки продавали. Магазин тогда был в конторе, а торговала там Ноздри́на Мария, потом Соковых Катерина.

Подсолнухи, мак и горох...

Вокруг огорода под тяпку садили семечки по два зернышка в лунку и клали туда же две горошины гороха. А по всему огороду, по картошке, сеяли мак. Как красиво было смотреть на огород, когда цвели мак и подсолнухи! Сейчас такого не увидишь. Когда мак поспеет, его соберут, срежут с головок верхушку, высыпят семена, а будылки остаются лежать на погребѣ, как снопы. Сколько же раз

обманивалась детвора. Тайком подползут к этим снопам и шебуршат маковыми головками: вдруг где-то пропустили. Из мака готовили всякую стряпню, особенно любили пампушки с маком.

Моя молодость. Вот такой «дом культуры»

Моя молодость пришлась на 20–30-е годы. В поселке нашем не было ни школы, ни клуба. О музыке и говорить нечего, балалайка — предел мечтаний, но и ее не за что было взять. Учиться у большинства парней и девчат из бедных возможности не было. Учились одному — труду: выделывать кожи, катать валенки, делать деревянные ложки и бочки, плести лапти.

Труд трудом, а молодость свое брала, и так хотелось сердцу музыки. Помню, приставал я долго к матери, чтоб денег дала на балалайку. Не дала, у нее забот было поболее. И тогда с братом пошли мы ловить сусликов, хомяков, на вырученные за шкурки деньги приобрели на базаре балалайку.

Но куда ее девать, мать ведь увидит. Спрятали в лесочке и ходили туда тайком учиться. Какой же был в поселке переполох, когда я появился вдруг с балалайкой в руках, да еще и забренчал на ней! Молодежь так и вилась за мной.

Потом купил в городе Камне гитару за семь рублей, а позже поднакопил двенадцать рублей и купил гармошку. Целый домашний оркестр организовался. Нас было пять братьев, кому не достался инструмент, играли на заслонках. Играли в хате либо на улице на лавочках.

Зимой молодежь откупала у какой-нибудь старухи лачугу для игр. Платили парни — привезут воз дров или пуд пшеницы, дадут бутылку керосина. Места сидячие предоставлялись девчатам и богатым ребятам. Кто победнее — стояли у порога. Музыки никакой не было, все развлечения — игры. Спиртное не потребляли. Вот такой был у нас в поселке «дом культуры».

Задумал жениться

Познакомился я со своей Еленой Дмитриевной в Алексеевке, задумал жениться. Пошел к бригадиру Фёдору Ситнику просить лошадь, за невестой съездить. Он в ужас: «Ты что, сдурел, узнает председатель — голову снимет с плеч». А я чуть не в ноги ему. Сжалился: «Возьми... Лафета, да чтоб председатель не узнал». Я похолодел: «На Лафете только дым возить, и то опасно, шатает его из стороны

в сторону, одно название, а не конь». А деваться некуда. Взял поллитру и повел коня к другу, Косте Рогожину, он у меня штурвальным был. К родителям невесты сразу побоялся: отец у нее грозный, грубый, мог и выгнать. Выпили с Рогожиным для смелости и отправились. Только на порог, а теща с кочергой: «Я вам покажу свадьбу!» — и лупит кочергой по чем придется. Мы в ноги с невестой. Сжалилась: «Ладно, женитесь, только ничего не получите от нас». Все ж дала две подушки и дерюжку самотканую, одеялом она нам была. Так и начинали жить.

А еще всю жизнь люблю я наблюдать свадьбы. Какие они сейчас богатые! У нас же были скромные. Сегодняшние молодые люди ничего подобного не испытали.

Эта страшная война...

Я был призван в армию для прохождения воинской службы 29 мая 1941 года. А через двадцать дней эта страшная война... Застала она нас в лагерях. Это было воскресенье, занятия ожидалось лишь до обеда, а после обеда взвод выстроили и неожиданно сообщили, что на Советский Союз вероломно напала фашистская Германия. В тот же день мы уехали на станцию Юрга грузиться для отправки на фронт в составе 178-го отдельного артдивизиона 178-й стрелковой дивизии. Прибыли на Калининский фронт на смоленском направлении. Нас встретили немецкие самолеты. В районе Ярцева шли ожесточенные бои. Но немцы потеснили, пришлось отступать до города Калинина. Дивизион сильно пострадал — потери были в живой силе и технике — и его расформировали.

Сформировали 178-ю отдельную батарею, дали две пушки. Стояли мы в обороне в районе Ржев — Торжок. Пришлось испытать большие трудности. Дивизион 324-й был многонациональным. Воевали в нем русские, украинцы, татары, узбеки, евреи. Из Сибири был я в батарее один, но одиноким себя не чувствовал. Жили дружно, как одна семья. Война, общая беда, сдружила всех, сейчас так родные братья не живут...

Без гармонии нельзя

Кстати, без гармонии нельзя, в самую тяжелую минуту она выручала. Я на фронте был гармонистом, как Василий Тёркин. У нас как гармонист погиб, так я взял гармонь и уже через всю войну с нею прошел.

Валюша не узнала меня

Для меня война закончилась 25 октября 1945 года. Ведь недобитые фашисты еще беспокоили нередко, приходя из лесов на немецкие хутора, нападая на дорогах. Так что и тогда всякого хватало. Конечно, долгожданной и радостной была встреча с родителями, с женой, которая ждала почти пять лет, и маленькой дочуркой Валентиной.

Валюша не узнала меня, ведь я ушел на фронт, оставив годовалую дочь, а встретился уже с шестилетней девочкой. Бабушка (мама моя) с криком радости кинулась ко мне, а она стояла, застывши на месте, боясь подойти, так как вообще меня не помнила. Вот за них и бился, за детей, за будущих внуков и правнуков, чтобы они были свободными.

Засевал поля, убирал урожай

После войны работал механизатором. Весной засевал поля, а осенью убирал урожай. Очень трудно приходилось во время полевых работ. Техника старая, допотопная, сейчас лучше списывают на утиль. Запчастей — никаких, всё ремонтировали сами. Работали до двенадцати, а то и до двух часов ночи. Электроосвещение не было, при фонаре да при лунном свете работали. Общественного питания тогда и в помине не было. Каждый брал с собой сумку, а если не ладился комбайн, так уж какой здесь обед. Весь день ходили не свои! Часто приходилось днем, а то и ночью, идти за 13–15 километров в другие села, чтобы взять или отремонтировать деталь. Не хотелось терять первенства в трудовом соревновании. Трудился честно, добросовестно, постоянно был в передовиках. Мне довелось поработать на первом комбайне. Механизаторский стаж — 28 лет.

Ребятам и девочкам

Одно бы я сказал ребятам и девочкам: не к лицу вам жаловаться на скуку, трудности какие-то. Скука поселяется в душе человека, когда он сам неинтересен, или от безделья. Такая жизнь вокруг, столько интересных дел! Выбирай по душе любое. И не надо стариться раньше времени. Чем дольше молод душой, тем лучше и полезнее будет жить.

Не увлекайтесь спиртным! А если познали его вкус, то постарайтесь поскорее позабыть. Преступления, трагедии разные — это все пьянство. Жизнь быстротечна. Не надо губить ее в пьяном угаре.

Кислых Мария Михайловна (1912–2012¹)

Родилась в поселке Усть-Курья Хабаровского района. Родители, Семёнов Михаил Прокопьевич и Семёнова Варвара Николаевна, — переселенцы из Воронежской губернии. На момент сбора материала проживала в поселке Мичуринское Хабаровского района

Записали зимой 2012 года
правнучки — Анна Кислых
и Татьяна Кислых

Мария Михайловна Кислых за прялкой

Семья не бедствовала

Наша семья была большая, четыре брата и я — пятая. Семья жила хорошо, не бедствовала. Отец и мать с раннего возраста приучали нас к труду. Мне было года два, когда мои родители переехали в Ко-

¹ 22 января 2012 года многочисленные родственники, близкие, общественность, представители сельской и районной администрации вместе с Марией Михайловной отметили её столетний юбилей! Почти сто человек собралось на этот праздник. У Марии Михайловны семь внуков, пятнадцать правнуков и четыре праправнука. 22 мая 2012 года полный век Марии Михайловны Кислых завершился.

ротояк. Там было много свободной земли для пашни, сенокосов, выпасов. Родители быстро обзавелись хозяйством. Держали много скота. Пашни тоже было много. Её давали на мужиков, а у нас в семье все парни, я одна девчонка. Семья наша была в числе середняков.

Кто не слушался – того ложкой по лбу

Основной едой у нас был ржаной хлеб. Из проса, гороха, гречки и овса варили каши и кисель. Было много овощей: капуста, морковь, редька, свёкла, репа, лук, чеснок, огурцы, арбузы. Всё больше стали есть картошку. Мясо у нас хотя и было, но ели мы его редко, только по большим праздникам, строго соблюдали пост. Зато рыбу мы ели чаще. Её привозили мороженую целыми коробами. Пили хлебный и свекольный квас, пиво, сбитень. Все ели из одной большой посуды. За столом нельзя было смеяться и разговаривать, да и сейчас нельзя, но тогда все было строго, и если же все-таки кто-то из детей не слушался, тогда отец бил их деревянной ложкой по лбу. Помню, и мне не раз от него доставалось, я была еще та егоза.

Из детства помню только работу

Работали мы много: пахали, сеяли, косили, убирали хлеб и сдавали его в государство, в город Славгород. Помню, вот как уедем в воскресенье ночью на поле, так и работаем там аж до субботы. Из детства даже и вспомнить-то нечего, кроме работы, рано начали помогать родителям. Бывало, меня пятилетнюю оставят дома одну за детьми смотреть или обед готовить. Никуда не денешься, надо помогать.

Время, чтобы отдохнуть, было у нас только вечером. По вечерам мы все собирались на посиделки. Девушки вязали, шили, вышивали, пряли, ткали, гадали на женихов, а парни играли в карты, и все вместе мы пели песни. Жили тяжело, но весело! Всю жизнь прялка была для меня и работой, и отдыхом.

Спасли жизнь красному командиру

Как-то под вечер он (командир партизанского отряда Степан Толстых) забежал к нам в дом. Родители спрятали его на печку, накрыли шубой, а мы, дети, сидели на нем и играли. Беляки забежали в дом, всё обыскали и, никого не найдя, ушли. Через некоторое время Степан Толстых слез с печи, всех поблагодарил и ушёл. Больше я его не видела.

Ноги примерзали к сапогам

В ноябре моего мужа забрали на фронт. Осталась я одна с двумя маленькими детьми на руках. Младшему тогда было всего девять месяцев. Прошло чуть больше года, и я получила похоронку. Немало горя пришлось пережить.

Но детей нужно было поднимать. Работала дояркой на ферме, а после дойки вместе со всеми ремонтировала базы, заготавливала корма, на быках возила сено. Где бы я ни работала, но к работе всегда относилась добросовестно.

Жилось, конечно, тяжело. Нелегко было мне, одной-то. Испытали и голод, и холод. Когда зимой гоняли коров на водопой к реке, порой ноги примерзали к сапогам, а надо было идти. А какие морозы и метели тогда были! Бывало, прибегу домой, а избушку замело по самую крышу. Ни окон, ни дверей. Покричу детям в трубу, узнать, что живы, а сама опять на работу. И так несколько дней. Как они там сами, ели, не ели?

И как-то же ещё и выжили! Нароботаешься, идёшь домой и горе горюешь — чем печь топить? Кизяком да соломой немного тепла добудешь, приходилось ходить в лес за березняком. Есть было особо нечего. Ели травку разную да ягодку. Выручал огород, но времени на него не всегда хватало. Иногда приходилось картошку зелёную копать и варить, чтобы накормить детей.

Ящики по центнеру таскали

Во время целины я работала в полеводстве на разных работах. В 1956 году, помню, был хороший урожай. Мы, женщины, на току веяли пшеницу и в деревянных центнеровых ящиках таскали зерно в бурт. Зимой занимались его сортировкой, переивали. Ох, и тяжело же было!

Мудрость

Плохого никогда никому не делала: если сам будешь хорош, так и люди вокруг хорошие попадают, а коли сам негож, то и они тебя почитать не станут.

Долголетие

В чем секрет долголетия? Чтобы долго жить, надо много работать.

Медведева Анна Васильевна

Родилась в 1913 году в селе Шелегино Быстроистокского района. Малограмотная. Годы записи: 2000–2010

Записала Евгения Прокофьева,
аспирант кафедры
общего и исторического
языкознания АлтГУ

Тятя мой из какой-то Рассеи

Родилась я в Шульгине, где щас Верхо-Зерно, а за ним поселок был Шульгина. Семья переехала сюда в 1867 году. Тятя мой из какой-то Рассеи, мать — из Воронежской губернии пришлая. Они жили и в Чесноковке, и в Шульгиной. Щас в Чесноковке три дома, там моя сестра живет. Ну а жили мы неплохо. Так мы дружно все жили: на улицу пойдем вместе с сестрой, с улисы вместе. Песни пели мы всяки и частушки. «Красивы девки, — говорят, — песельники».

В Шульгиной, щас там три дома, я сямнадцать лет прожила. Потом переехала в Дикалу. Озеро прямо тако большо, наколо¹ озеро под горой стояла Диколa. На Диколe я штурвальной работала с мужиком, потом на табаке и на свекле. Потом переехала в Паутову. Бедно мы жили. Ходили босые. Отса тады тятенькой звали. Сошь-

¹ Наколо — около.

ёт обутошки навывороткой¹. А мы кататься на сумёт². Придряжим³, а шулки⁴ пристынут к пощвам-то⁵. Закашлям. Мама тады на палатях сидит, скажет нам: «Щё, простыли? Набегалися? Нате кусочек соли посучите». Так и лечилися.

Раньше-то ниже колена юбошка щёб была

Потом я сортовать ушла, нащали мы сортовать с Верой Анисимовой, мы сортуем на сортовке-то осенью, а моя сватья замуж про-сваталась и мою сястру в подружки взяла и ешшо двух, а мы-то с сестрой все песни свадебны знаем, а те две не знат. Вот нявесту посадим на стульщик посарёдки и говорим жаниху, щёбы пещатку мыла купил, все на невесту измылим, невеста чистая под венец должна ити. А к нам чуть Федька не забралси, вот стыд-головушки, раньше-то не выдешь так, а щас: голые пупы, раньше-то ниже колена юбошка щёб была, а щас девки идют пупы вставили.

Ну щё, вот наутру содишь невесту на стульщик и поешь песню «Ой, родимый ты мой тятенька, пододи ко мне поболиже да расплети мне русу косоньку, и родима моя мамушка, пододи ко мне...» — и вся семья, пока у их есь, так каждому поется. Косу заплетешь ей, если маленьки волоса, то два раза заплетали, а к обеду жаних приезжат за ей с дружкой, а девщёнки садятся за стол и поют:

- Ой, тятенька, бояры едут.
- Ой, мила дощ, не убойся,
Не отдам, не отдам.
- Ой, тятенька, бояры к воротам подходят.
- Ой, мила дощ, не убойся,
Не отдам, не отдам.
- Ой, тятенька, бояры водку наливают.
- Ой, мила дощ, теперь воля не моя.

Вот мы с Верой сортуем, на мне юбка-холстина, и шаль-то у меня подвязана. На работу — холстина основа, а остальное на овечей шерсти. Невеста приходит (ее сродная сестра за моим братом заму-

¹ Навывороткой — обувь, сшитая мехом вверх.

² Сумёт — заледенелый сугроб.

³ Придряжать — замерзнуть.

⁴ Шулки (чулки) — общее название тонкой обуви. Замена ч на щ — явление, характеризующее южнорусский говор. Имеет название щоканье.

⁵ Пошва (почва) — земля.

жем: «Пойдёмте, сегодня жаних приедет с гостинцами, а девки песни не знают, сказали тебя брать». А я говорю: «Работаю я и у меня бригадир». А она пошла к бригадиру, и он мне замену нашёл, а она: «Подём, я на тебя свою парощку¹ надену».

А она богато жила. Мать у нее все шила на машинке, у них богатства много было, это мы щё — жили трень-брень. Я пришла, а она меня завела в кладовку, принесла свою парощку. Полушалок мне принесла, полушалком тада звали разные — и ситцевый, и всяки, тада все было, и ситец был по восемь, по пять рублей за аршин.

Скромность — не порок

Меня хрёстный завел в магазин, а там ситцу — всякой: «Ну щё, какой? Выбирай, хрестница, на кофту». Ситец красивый. Так он ведь дорогой. Ну, я выбрала дешёвенький, щёбы хрёстного не обидеть. Розовенький такой ситчик со цветочками. Хрёстный: «Да ты щё таку плоху выбрала, выбирай лучше». — «Да нет, нет. Мне этот ндравитца».

Колхоз

В двадцать девятом колхоз начался. Мы работали в колхозе на свекле в Шульгиной, косили, вязали, косилками жали. Щатыре девщёнки вязали около деревни, не пускали нас домой ношевать, там жили все — на пашне.

А вот колхоз хоть и был, совецка власть была, а все равно жить было веселее: мы и на поле с песнями, и шутили, а щас слово никому не скажи лишнего. Вот я и дома сижу, а то у меня вылетит — потом буют обижаться.

Пить или не пить?

Я вот молода была, пошла к снохе на день рожденья. А я джемпер купила, думаю, ей понесу. Да охота мне у них скотинку поглядеть, да думаю, погляжу, щё ты там в огороде содишь. В ворота начинала заходить, за каку-то железяку засэпилась и рассóдила лоб себе, хоть и не пила вовсе. И на день рожденья не сходила, и в больницу попала — зашили. Щас всё этот случай помню и алкашкой заывают — так шуткой. И все запились — это все власть виновата. Это вот в каждом доме самогонку гонят, и никто ничё не скажа. Запретили бы — тада, вперед, запрещали же, и любо-дорого было.

¹ Парощка (парочка) — женская одежда, состоящая из кофты и юбки.

История одной семьи

Нас вот шестеро сестер-то было. Перва сестра пятнадцати лет убежала замуж в Чесноковку убёгом. Как оно в песне-то поется: «Я у маманьки дочинка одна, не собравши разума замуж отдала, — это вот замуж она молоденьку отдала. — ...Посылают по воду рано поутру, прищипала¹ рученьки к коромыслецу, прикипели ноженьки к белому снежку...».

Раньше ходили с коромыслом в два ведра. «Любила мя² мать, обожала, щё я ненаглядная дощъ, но с милым я, дощъ, убежала в осеннюю темную ночь», — так и я, в осеннюю темную ночь убежала, — бежала лесом и тайгою, хотела беглянкой³ прожить. Надое-ло. Вспомнила родную мать, «вспомнила рощи зелёны, вспомнила свет голубой, вспомнила мамины речи, залилась горячей слезой».

Вот поедем на покос-то, одинолишно-то, братка старший садится: «Девщёнки со мной едут, а вы, бабы, с Яшкой садитесь». Два коня на покос, когда одинолишно жили-то. Вот и с песнями везде.

Мужик у меня не знал, када выжила, тады болела шибко, а потом сказала, будет у меня сотня, всех буду родить, и потом Леню родила в пятидесятом, Валю — в писят первом родила-то, забеременела последним в сорок чатыре года, я говорю: «Пойду схожу к бабке». Раньше к бабкам ходили, а мой мужик: «Я тебе голову сразу оторву, пусть их много — всё вырастут, может девушка как раз родится, Валей назовем». И вот последнего родила в 44, она щас на пенсии.

Вот пряли сидели, нас две снохи было и три сестры — это сколь? Пять щеловек нас было, пряхи поставят кругом и песнякали, и все свадебны песни перепоем, и такие песни, а мужуки, когда зайдут-то: «Да щё б вас чёрт взял бы, у нас на крылешке человека убьют, а вы не услышите». И вот две снохи нас было, дружно жили. Мы играли все, орда; мы там жили в Шульгиной, а мой сродный брат нам никак играть не давал: «Пойдёмте, дефщёнки, до дому», — как спать захочет, а мы говорим: «Дык ведь рядом дом, иди и спи». А он подошёл к воротам: «Девщёнки, идите, девщёнки, идите. Кто-то в сенки подкрадалси!» А ведь раньше не запирались. А мы говорим: «Как ты увидал, кто там в сенки подкрадался?» А он, дескать, следы видать. А летом. А мы говорим: «Да какой след летом увидал ты». Ох, и дружно жили.

¹ Прищипать — примерзнуть к чему-либо.

² Мя — меня.

³ Беглянка — девушка, которая вышла замуж убёгом, т.е. без согласия родителей.

«Братка, рассказывай, рассказывай, пусть она плащёт»

А сказок-то сколь знали. У меня вот Яков, брат мой, так мы маленькие с Шурой и кричим: «Яша, Яша, расскажи нам сказку». Он начнет рассказывать сказку. Вот жили старик со старухой и были у них сестрица Нюрошца и братец Шурошца, как на нас говорил. Отец уехал на пашню и говорит им: «Принесите мне поисть». — «А как мы тебя найдем, тятя?» А он говорит: «Стружашки буду по дороге бросать, идите по стружашкам ко мне на пашню». И вот они пошли, сестра Нюрошца и братец Шурошца. И вот они шли, шли: «Сестрица, я пить хочу — вон конское копыто с водой на дороге». — «Не пей, братец, жеребеночком будешь». Вот шли, шли они, а дальше — коровье копыто: «Сестрица, сестрица, я пить захотел». — «Нет, не пей, братец, бычком будешь». Дальше пошли, идут — овечьё копыто, а он взял свой ремешок бросил и пошли, отошли подальше, а он: «А я-то поясок свой потерял, я сбегаю его найду». И побежал, напился да бежит барашком-то. Она: «О-о-ох, о-о-ох ты, братец ты братец, щё ты наделал». Отса так и не нашли. Едет барин: «Подрядись ко мне в няньки?» «А я барашка-то куды дену?» — «А он всегда с тобой будет». Вот она и подрядилась. Пришли девщёнки: «Пошли с нами покупаешься». А они её утопили. А мы заплачем: «Брось, брось, не рассказывай ты эту сказку, мы не будем слушать». Я заплашу, а Шура захохочет: «Братка, рассказывай, рассказывай, пусть она плащёт».

И он разрешил мне сесть с ими за стол

У меня мужука в армию собрали, вот он ушел, а я ему ещё одного принесла, они у меня погодки были, Люба и Валя-то. И вот, знашит, я и день, и ночь овес пасла, зимой холодно, бывало, по две куфайки наденешь, укуташься весь; и как-то зимой пасли мы со свекром, а слух пошел, будто мой мужик с армии вернулся, а я и говорю свекру: «Овес давай загоним, а сами подём встречать», — а свёкор говорит: «Мимо дома не пройдет». Вот пришли мы домой, а его нет. Ношью слышу, кто-то идет — открываю дверь, а ведь раньше не было стенок-то¹, и буран весь в дом залетел, и мужик мой с другом пришли. Вот посадили их за стол, а я с девщёнками на руках стою подле стола, а его друг и спрашивает, мол, щё твоя жена за стол с нами

¹ Стенки — сенки, веранда.

не садится, а он отвечает: «Я вот ишшо спрошу, как она себя вела эти два года, щё я в армии был», — а свекор говорит: «Замешательно она себя вела: овес пасла, у нее двои маленьких на руках, на щё ей эти мужуки». И вот только тады он разрешил мне сесть с ими за стол.

Кому надо на юбки, кофты

У нас раньше семнадцать дворов было. Пойдешь, бывало, вот, как Петровка настанет, тятя скажет: «Девщёнки и снохи, кому надо снаряжаться на юбки или кофты — вон дуб — дярите». Все кусты его обдерешь в Шульгиной: так вот зубами прут-то возьмешь, это зачнешь, а потом руками и пуд надерешь — тридцать копеек за пуд, а высушишь если его, шестьдесят копеек за пуд. Когда тихо — на своей меже дерешь, а на завьяловскую кинешься — там ловют, отбирают. Так вот, пока ветер — на завьяловскую идешь скорей. Все обутки грязные, рваные. Вот так ручей течет, сядешь, обутки эти в ручей засунем, и хлеб туды же мащим и едим, наедемси — и играть.

Хлеб — всему голова

Вот раньше на покосе ямошку вырут, там и лягушки, а мы оттуда прям и пили. Один мужик, жена у него была, и хлеб она пекла неудачный — в воде тонул, вот он приедет на покос, положит этот хлеб в ту ямошку — придет, выташшит размокший хлеб да сысть его, а тут овдовел он и друга жену взял, а та ему крендели да пышки пышные напекла, и вот пришел на покос, поклат хлеб в ту же ямку — приходит обедать, а хлеб уже сороки растаскали, он не размок. А он приходит домой и давай жену материть, мол, ты щё такой плохой хлеб испекла.

Железна дорога — это куски железа постлаты далече

У нас в деревне все думали, щё железна дорога — это куски железа постлаты далече. А кады увидала какие-то палки, так и ахнула: «А где же железна дорога-то?!»

Старишок один у нас жил. Слеп он был и вещал, будто жисть плохая будет в вси города, деревя проволокою поволоканы. Будут птисы железные летать и людей в себе держать. И будют кони железные пашню пахать. И как раз он еще живой был — дожилси. А мой мужик на тракториста выучилси и нам трактор в колхоз пригнали. И приходят к нему и говорят: «Дедушка, мы воронка пригнали щас железного». Они его привели, посадили на беседку. А он:

«А это щё?» «А это руль — его узда. Вот управлять им». А тады ишшо руками заводили. Завели. Он как загудел: «Ой, якорь его! Как он шибко ржет-то». Вся Шульгина ой и дивовалася.

Бросайте, кичаги уже погасли

У нас раньше семнадцать дворов было, замки сроду не вешали, орду дома оставляли, приходили ночью. Сядем пряхсть, нас шесь прях, мама седьмая, мы песнякаем и до утра, тады ведь часов не было, мать скажет: «Бабы, бросайте, Кичаги¹ уже погасли». Кичаги — это три звездочки вместе, а четыре поодаль. Песни про всех раньше складывали:

Ленин, Сталин, Ворошилов —
первые вредители,
Ехал дядька на корове,
они его обидели.

Белые и красные были

Россия — богатая страна: там и золото, металлы всякие. Вот и Гитлер на Россию полез, щёбы нажитьсь. А Россия же ведь богатая, а Гитлер, щё Вовка Борщёв (сосед), такой же жадный, всё захватить хотел.

В России много чего было: и совецка власть, и Гражданская война (белые и красные были). Мы от них прятались в погребе. Мама нам туда лепешки и простоквашу сбрасывала. А наши шли бедные, кто чем мох², тем и помогали им: вилы, лопаты, косилки.

Войны

Кода Гражданская война была, я ещё маленькая была, так помню, Новобинка горела, зарево красное несколько дней было. В Покровке людей на воротах вешали и поджигали: всё это за каку-то советску власть. Это черти шли. Солдаты ехали, ни винтовок, нищё не было, были только пики людей колоть. Были белые и красные. И вот наши солдаты шли и плакали, нищё же нету, вот наши бабы помогали, хто чем мог. Хто грабли вынеся, хто вилы, молочка давали пить. Вот как было.

¹ Кичаги — созвездие, по которому определяли время.

² Мох — мог, южно-русское произношение.

Мама нас тады в погреб ссодила, а с нами старищок безродный там жил. Мы только вылазим посмотреть, а он нас палощкой: «А ну, идите. А ну, идите в погребочек». А потом он стал с нами жить, так и до старости дожил и помер у нас. Раньше люд был добрый, всех привечали, никого не обижали.

Ну, вот только, когда война была, голод был страшный. У нас вот картошка не уродилась — мало ее было, а семья-то большая, то всё быстро съели. И вот гнилушки из земли выкапывали картошешные и мама их с мукой смешивала и жарила на льняном масле или запекали в печи. Страшно было, многие умирали с голоду, опухали. Свекольную ботву сушили и заваривали как чай. Ничё, всё пережили.

Наказанье не на том свете, оно на этом свете

Космос — это, когда на звезды лазият каки-то косманасты, лестницу поставят и на нёбу залезут, всё уже излазили. А мы раньше и не знали, щё такое небо. Бох¹ на нёбе сидит. Бох — это старенький старищёк. А вот щас хто знает, есь ли Бох, аль нет. А вот святой дух али ангел есь. Кода женщина рожает, стоит за окном и судьбу яму нарекает: кака жисть ему, кака смерть у него будет. Наказанье не на том свете, оно на этом свете.

И мне-то наказание, како я долго живу-то я. Святой дух из человека выходит, кода он умирает. Я-то велика грешница — дитя одного погубила. Эта самый страшный грех в мире.

Землю сделал Бох, но его никто не видел... Ведь все молились и говорили: «Царствие небесное», — вот оно и было, хоть и земля, а царствие небесное — все будто святы — добрые, хорошие.

Я в Бога верю сы малетства. Тады ведь молились все.

Первородный грех

Мы так в колхозе мешки на себе таскали. Ой, как мы работали. А щас щё все пахат. Вот зачем она яблоку съела — теперь мы все во греху ходим.

А Бох его знат, радива, наверно, я включаю, один мужик какой-то высказывался: «Не бойтесь никакого греха, на том свете никакого там раю нету и никакого там нету аду». Я грешница великая — как Богу, так и добрым людям. Дети и внучок да правнучек есть у меня, а это же я. Слава тебе, Господи, щё прожила жисть.

¹ Бох — Бог, южно-русское произношение.

Загородняя (Ищук) Марина Кирилловна

Родилась в 1914 году на Украине, в Житомирской области. В настоящее время живет в поселке Петровском Алейского района

Записала летом 2012 года
Берта Фридриховна
Тертюхова, жительница села
Бориха Алейского района,
сотрудник Борихинской
сельской библиотеки

В Нарым и на Алтай

Я вместе с моей мамой, Ищук Домной Григорьевной, и братом, Ищук Мефодием Кирилловичем, 1911 года рождения, в 1930 году были высланы из Украины, села Мирословка (Голодьки). Отец, Ищук Кирилл Тимофеевич, был выслан в Архангельскую область.

Мама, я и брат Мефодий были высланы в Сибирь, затем в Томскую область, в Нарым. В товарных вагонах нас довезли до Томска, с собой мы ничего не могли взять, было только в узелке одежда переодеться, чашка, ложка, и одеяло с подушкой. С Томска на лошадях зимой по тайге мы добирались до Нарыма, потом до Чулыма.

Ехали на конных повозках женщины, старики, дети. Многие по дороге умирали от холода и голода. В лесу останавливались на стоянку, копали землянки, рубили лес, накрывали землянку, а сверху набрасывали хвойные ветки и землю. Однажды сделали такую землянку, но до конца не доделали, а утром пришли, а вся крыша от тяжести земли провалилась, и пришлось начинать всё сначала, вытаскивать землю, хвою и брёвна с выкопанной землянки. Останавливались вблизи сибирских деревень и, чтобы как-то прокормиться, мы искали какую-нибудь работу. Я нанималась у местных жителей то прясть шерсть, то нянчиться с ребенком, а хозяева рассчитывались за мою работу. За то, что я целыми днями пряла шерсть, истирала пальцы в кровь, — мёрзлыми капустными кочерыжками или мёрзлым картофелем. Я со слезами всё это приносила домой, в землянку, и мы с мамой кочерыжки очищали, а там ничего и не оставалось, добавляли мёрзлый картофель и варили похлебку. В то время людей в сибирских деревнях называли «кержаки», потому что были жадные.

В Чулыме мы работали на заготовке леса. От тяжелой работы моя мама заболела и умерла. Еще раньше, до ее смерти, украдкой мой брат Мефодий уехал на Украину, там у нас оставалась больная младшая сестра Оля. Так я осталась в Сибири одна.

В 1932 году меня направили на работу в Алтайский край, в Алейский район в свеклосовхоз, ныне это поселок Октябрьский. Жили в бараках, работали на свекловичных полях, копали на полях ямы, где в зимнее время хранили маточную свеклу на семена. Вскоре я вышла замуж в поселке Петровский Алейского района за Мельничук Якова Андреевича, который приехал в 1930 году с Украины.

Зверева Ульяна Афанасьевна

Родилась в 1915 году в селе Новопокровка
Быстроистокского района

Записала Евгения Прокофьева,
аспирант кафедры
общего и исторического
языкознания АлтГУ

Из одиннадцати я одна осталась

В Покровке родилась, всю жизнь в Покровке прожила. Одиннадцать человек нас было у мамы и у тети. Вот сколь нас было много. Все младые, две сестры¹ ещё младые померли, по тридцать годов не было, один брат на войне погиб. Тогда-то ведь помногу у родителей было, а щас один да два. Вот осталась я одна вот из одиннадцати человек. Вот девяносто третий год живу, а эти все померли. А я одна вот осталась — мучаюсь.

А потом коммунизм

Я в десять годов, было, коровы доила, а потом коммунизм, коммуна. Зашли в коммуну. В коммуне начала работать. За коровами ходила, за конями ходила. Сплошная, а тут начала работать в бригаде.

¹ Сестры — сестры. Особенность произношения, обозначаемая в диалектологии как *яканье*.

Косили, вязали, всё руками делали. Молотили. Конбаины на себе¹ возили. Наколотим летом, а по всей зиме молотили. Вот от гумна до гумна дорогу прочистим и на руках на себе перевозили. У нас жизнь тяжелая была, очень тяжелая.

На тракториста пошла учиться, сямнаццать годов было. На тракторе два года отработала. На конбайне три года отработала. Вот так вот.

После войны начали получше жить. А то хлеб досыта не ели. Хлеб убирали, пшаницу, а то привязут-то жамых² кусочек, то пшаницу напарют. Жизнь наша очень тяжелая была. А тут вот война замирилась, стали давать пшаницу, стали давать, и все. Намелют муки своей — хлеб пякли, и все. А то косили — вот такая жизнь была. Крючем³ косили.

В тюрьму или на трактор

На тракториста молодая же пошла учиться, на тракторе отработала в войну, а два года отработала на конбайне. Ну, этим, штурвальным, с мужуком, муж — конбайнёром, а я штурвальным. Вот на третий год меня не поставили с им штурвальным. «Вот, иди на большой трактор учиться. Вот, выбирай: или ж в тюрьму, или на трактор учиться на большой». Из сельсовета не выпускали: вот две дороги: либо в тюрьму или на трактор учиться. Ну, чё делать, как схитрить? Я говорю: «Ну, я поеду к осени-то». А сама обманула их: а к осени-то я сама другая буду. «А чё ж ты вперёд молчала?» Я говорю: «Да чё ж, у меня и этот маленький ребёнок, да ишшо». А тут у нас даже больницы не было. Вот иди в Верх-Ануйскую, что ты беремная, справку приняси. Ну и я кое-как отвязалась.

На мне юбка новая, сама я чернобровая

Вот сами пряли и холстину, все, холстину ткали, как чижало было. Посеют⁴ лен, вот лен поспел, выбираешь его, обмолотишь, постелешь его, он уляжится, ды⁵ мять, потом в баню насажаешь, по-

¹ Собе — себе. Представленные формы типа тебе, тебе, сабе, собе являются архаичными, восходящими к корню с чередованием -teb-/-tob- и -seb-/-sob-. В речи старожилов данные формы наиболее употребительны, хотя и сосуществуют с литературными вариантами.

² Жамых — жмых.

³ Крючья — специальные приспособления в виде крючков, используемые для работы в поле.

⁴ Посеют — употребление мягкого -ть на конце глаголов 3-го лица является характерной для южнорусского наречия чертой.

⁵ Ды — вариант союза да, употребляемого в значении соединительного союза и.

Свадьба в крестьянской семье. Фото из семейного архива Кислых

том мыкать. И вот сидели, пряли по всю ночь сидели, потом ткать. Наткешь, и даж платки холстинные носили. Вот так, ну чё, пошьешь и юбки, и кофты — все холстинное. И вот так жили мы. А тут с пашен придешь — юбка-облезина¹, святками почернишь юбку, святки² таки были, они-то начерно. Ох, какая наряжена я щас пойду: юбка черная, наряжена. Ня дай Бог нашей жизни! И вот дожила — девяносто три уж года. Ведь это только сказать, только сказать.

Свадебный обычай

У нас за Аниськой пришли свататься, а мы картошки напакли, на столе все, сидим ужинам, глядим — сватьи заходятъ, а мы: «Ох-ох-ох! Да ты чё ж ничё не сказала!» Ну чё, убрали да и начали. Ну чё, у вас жаних, вот пришли, ну чё, сосватали. Пошли к жаниху в гости, а потом нявеста сядит, уж там договорились, неделя-две, вот дявчонки шьют все: штаны, рубахи жаниху.

Ну, а потом свадьбу да к вянцу. Вот за нявестой приедут на парах с кольцами — кони убранные. Ну чё, нявеста сядит за столом. А ишь

¹ Облезина — общее название одежды, потерявшей яркость цвета.

² Святки — цветки.

нявесту до этого пойдут у баню. Вот завтра свадьба, вот сёдня суббота, пойдут в баню-то, а подруги убягутъ ды не пускають ее у баню. Она стоять, кричить: «Милыи все мои подруженьки, опустите вы меня в теплу баню, я свою девичью красу буду смывать!» А потом начнут родители благословлять. Постелят шубу, а она вот кричит: «Родимая ты моя мамушка, кормилес ты мой батюшка, да благословите вы меня и в чужие людюшки, и накажите вы меня, как чужим людям уважать...» Вот за стол завядуть, она тож сидить с подругами и кричит: «Милы вы мои подруженьки, приедут мои разлученки и разлучут меня и вас разлучуть...» А тут к вянцу повядуть, от вянца приедут к нявесте, за стол посодють нявесту и начнут ей расплятать русую косоньку. Тяперь ей заплятут две косы да обручком повесят. И вот тяперь свадьба начинается. Пойдуть много народу на свадьбу, гулянка. Щас вот с блинами ходють, а тады-то обыгравали молодых, с блинами находятъ, обыгравають, и все, так хто чё положит. Вот так вот.

В тесноте да не в обиде

Избы были старые, большие избы были. А вот такая мода какая-то была: сенцы, кладовая рублена, в чётыре стены дом-то сделашь, а сямья-то большая была. Чё ж, нас сколь девчонок, а тут брат жанилса, большая сямья. И вот. Тада-то на полатях — полати были, мы на полати все заберёмся, на полатях спали, а тут ишшо избушка стояла. Вот мама хлеба там стряпат, тама и ночует, нас же много — большая семья, надо было.

Раньше ничё не было, койки были деревянные, а хлопы-то¹ вот в койке завядутся, все красно, а щас ведь ничё нет. Они в-под² матрасы набьются, хлопы-то, не давали спать.

Все кругом лавки, кругом, дом большой был, прямо тут начинают и туды вон, все кругом лавки были. Ну, в горнице у нас такой, щас диван, а тада канапелем звали, во всю стенку сделанный был, а щас чё же, вишь какая мода подошла, а то стулы сами сделают, столы. Ложками деревянными хлябали. Жалезных ложек не было, ни вилок. Племени наделама. Мама: «Ну, дывчонки, давайте вилки готовьте, щас племени сварются», — а племени в чугуне в печке. Ну, мы палочки стригём, палочками поддяваем племеншки, даже ви-

¹ Хлопы — клопы.

² В-под — двойной предлог. Употребление двойных предлогов свойственно южнорусскому наречию.

лок — никого. Жалезных ложек не было — дерявянные. И вот обедали: в чашку большую нальют супу и все из одной чашки деревянными ложками хлябают. Вот так вот.

Раньше народу в каждом дому шеловек¹ по восемь было ды по десять, нас вот сколь, одиннадцать шеловек было ды брат жанился. Час² — никао, два да три в дому живут, тогда-то помногу, помногу жили. Вот сын женится, они не отдялялись, все вместе живут, вот, все вместе живут. Щас вот женятся и сразу от родителей отделяются. А тада все вместе жили. Вот так вот. Нихто никуды. Щас вот млодѣж вся разѣхались по городам, а тада-то нихто никуды ня ездил, никуды. Даже в школу, в школу не ходили.

Хозяйство

Да хозяйство, а как же ни было?! Тада-то у всех и кони были свои, и овечки, и коровы, коровы по чатыре доились, всё было, и свиньи были. Свиней-то вот щас, а тада-то вон за воротами корыто поставит, а они придут к вечеру, поядять, а утром уходуть, вон туды, в согру, и всё там целый день в согре копаются. Хозяйство было, и кони, и коровы, овечки — всё было. И гуси — и всё дяржали. А щас вот все, совсем иная жизнь пошла.

Ни школы, ни больницы

Тут начали вечерами учить. А мы, у нас вот хто, Илюшка да Стешка, а мы-то няграмотны все были, ня ходили, эти ходили, Стешка и Илюшка, по восемь классов кончили. И тут школу сделали, а то школы даж не было, больницы даж тож тут не было. Вот хто заболел, в Верх-Ануйску возили. Не было ничѣ тут. Раньше и в магазине товару-то не было ничѣ, там часа в чатыре пойдѣм занимать, привязуть товар, а там сколь-нибудь кусков.

Зима, холода

Раньше зипуны и сачки шили. Вот пойдѣм на катушки кататься, то зипун оденем. Такие зипуны одявали и шубу, у каждого были шубы, куфайков³ не было. Сошьють какую-нибудь курточку, куфак не было. Ничѣ не было. Потом уж пошли куфайки.

¹ Шеловек — человек.

² Час — сейчас.

³ Куфайков — фуфак.

Из Рассеи пришли

Мои родители-то, родители мои тут, оне отсюда, а ишло у их, у тёти, дед из Рассеи, из Рассеи пришли. Большая Рассея. Рассея-то вот, ты чё, там от Москве, Россия-то начинается. Россия-то — город большой. А я в Украине была и Москве, вот. До Рассею доехали, а тамо свет всякий-всякий, фонари на всех вязом, да чё же тут такая. Рассея — город, город большой.

Птицы с железными носами летать будут

Ну и вот, мужук-то у куме Мулючихе-то. Знаешь Мулючиху-то? Вот ее Стяпан-то тоже оттуда пришел — из Рассеи. И вот они все говорили так. Весь белый свет проводами свяжется, птицы будут лятать с железними носами. Вот как. Так и, правда, всё получилось, получилось. И вот он: «Вот, Дашка, вот попомни, попомни. Будуть в Москве говорить, а мы все слышать будем». А она говорит: «Замолчи, а то скажут, чё Мулючиха какого-то дурака приняла». Всё дошло. Вот так вот. Тады лятали, глядели, вот отес скажет: «Ну, в космос опять полятели, глядите». Выходим, глядим. А щас ня стали лятать. А чё ж, щас вязде провода. Кто ж ведь знал, знал кто ведь?

Верую

Бог есть, есть Бог. А я в Бийск ездила — сын в армии служил. А маме-то и говорю: «У меня вот, мама, сын один, отпускай к нему». Ну вот, я поехала, там и свои документы хлопотать. Тады пароходы ходили. Солнышко село — вот с этих пор стала я верить. Я: «Господи! — помолилась, — мама одна старенька, если Бог есть, то пошли мне какой-нибудь транспорт». Только отошла, гляжу, машина едет с Быстрова — молоковоз. Вот я остановилась, он меня привез до горы. Я говорю, что все же есть Бог — вот я стала верить в Бога. Вот так вот. Приехала, мама говорит: «А ты с кем?» Я говорю: «Да, мама, все Бог есть, вот мне Бог транспорт послал».

Один мужик говорил

Ня знаю, какой грех, знаешь, вот тада я слышала, вот стираться — грех большой вот на родителей [родительский день]. Давай настирали. Один мужик говорил, что Иисус Христос на реку пошел, а там две женьшины. Одна пришла дитя своо топить, одна — рубахи полоскать, а он [Иисус Христос] говорить, что ту он простил — ей необходимо его воспитывать, а табе грех большой — ру-

бахи полоскать в праздник большой. Ну и вот, энтой простил, а энтой не простил, какая рубахи стирала. Не стирайся. Я (к дочери обращается), Тань, вот тебе говорю, не стирайся никады. Ты вот на родителей-то вот, тада-то и в пять (пятница), и в середь (среда) и стирались — няльзя. Это ты матери глаза заливаешь. Вот так вот.

А вот шли, шли Иисус Христос с матерей по плашке по тоненькой над водой. Вот тоже тада было. Вот мать шла передом по плашке и всё оглядывается, всё оглядывается, кабы он не упал, не потонул. А када сын пошел наперед, он даже на мать ни разу не оглянулся. Она говорит: «Сынок, я-то всё время оглядывалась, а ты ни разу». Он говорит: «Мама, ты у моего сердца не ляжала, а я у твоего сердца ляжал, поэтому тебе меня жалко, а мне не так тебя жалко». Вот так вот-то! Таки вот разговоры.

Церковь при коммунизме

Церковь была, была церква, а как же. Ну, сломали ее всю, а я училась, као¹, мне годов сямнадцать было, на трахториста училась. И вот в церкви ягзамен сдавали. Установили стол сряди церкви, шело-век восемь сели, вот мы сдавали ягзамен тама. А иконы расташили по сабе, по домам, иконы-то все расташили по домам. А какие, вот в Верх-Ануйском церква была, каки в церкву увязли. А то все боле по домам развязлись, иконы-то. А потом вот, там у нас иконы две больших было, а в Быстром сделали церкву, да отвязли в церкву.

В церкви крястили, вот сряди церкви такую сделали купель, и вот ежлив мальчик, обмокнут три раза в воду, ежлив мальчик — хресному подавають, а он с полотенцем стоять. А ежлив девочка — то хресной, хресна тожа с полотенцем.

...Да хто знает, куды он попадаить, ну, говорят, как вон в рай. Кто вот в Бога, говорит, верил, тот в рай, а хто ня верил — будуть, говорит, вечно в смоле кипеть. Вот так вот говорили. Вот ишшо чё? В смоле кипеть! Вот так вот. Тада в Бога-то верили, верили Богу. В церкву ходили. Вот пост настал, вся няделя поста, народу-то много, каждый день ходили в церкву, постовали. Всю няделю постовали, а вот в эту в субботу причащать пойдуть. Вот девки с рабятami догворятся на одной няделе постовать, а потом к посту нявеста там сабе фартучек хороший сошьёт, чтоб наряжена причащаться идти. Вот так вот.

¹ Као — кого.

Годовые праздники

Раньше веселяей было, раньше никакого ни скандала не было, никого. Вот на Пасху-то, там вот на бригаду, во всё, во всё — мир. Женьшины-то на Паску¹, всю Паску — яички, мужуки — в карты. Там народу — во всё, страсти было. Давно. Тада веселее жизнь была, а щас друг дружку поели, а тада дружный народ был. Крусели тада были тут сделали, школу сделали. Кулацки дома поломали, а школу сделали, вот там крусели сделали, вот на Паску качались.

А вот на Масленку-то вот, Масленка прийдё, всю неделю катушки из снега делают, катались. А тут ишло в пятницу нашинают на конях кататься. Девьки с рябями, рябят с гармоней, и вот катаются три дня по сялу. Там миру страсть чё было. А потом ишло на последний день едут к родителям — младые прошатся, всепрощёный день².

Ну да праздник Троица была годовая. На Троицу вот первый день отпразднывают, а на второй — ходили к часовенке. А миру — страсть сколь там было. Вот так вот. А на Паску празьник. За водой всю Паску с иконами ходили. Вот первый день отслужуть, отдохнуть, а на второй день каждому в двор заходятъ с иконами, отслужуть в каждом доме, во второй переходять. Всю Паску ходили служили, всю сяло пройдуть — служили. На Ржаство ходили славили.

Утром зайдуть и славить

«Рожество твое Христе Боже нас. Воссияния миру и свят разума. Небу звязда служащая, и звяздою всяку всяк ня забыл, тябе кланяюсь и солнцу правда, и тябе видно с высоты с востоку, Господи, слава тябе. И сягодня награждается, и зямля вертепному приступному приносится. Ангел с пастырем: вижу волосы звяздою — наш Бог родился, отрочь у млада привечный Бог».

Вот Рожество буде славить каждый дом. Вот так вот. Да щас, щас живем, как калмыки, ничё не понимают, ничё не понимают. Да калмыки, чё ж вы, ня руцкие, ня руцкие — калмыки-то. Ты чё, ня знаешь калмык, что ли?! Няруцкие. Их тада к нам суды привозили, тут жили калмыки. Тут вот на зямланке, вот где щас дом. Вот они тут жили, калмыки. У их вот, вот такая. У нас вот шеловек³ помреть — кричат все, а у их шеловек народится — они кричать, а помреть — они гуляют, это отмучился человек, а это народился — на муку. Вот такие дела.

¹ На Паску — на Пасху.

² Всепрощёный день — Прощёное воскресенье.

³ Шеловек — человек. Замена ш на ч. В диалектологии данное явление имеет название шоканье.

Токарева Евдокия Никифоровна

Родилась в 1919 году в селе Хлеборобном
Быстроистокского района

Записала Евгения Прокофьева,
аспирант кафедры
общего и исторического
языкознания АлтГУ

Общинный труд

Вот прабабушка была с Тамбовской области. Я была небольшая, но я все помню. Загоняли в колхоз, всё отбирали. Коней, всё-всё. У мене отец караулил коня. И только в избу зашел, вышел — коня нет, уже взяли его, увели. Всё отбирали, всё. Загоняли, всё в колхоз. Чё было, всё выгребали, всё. Загоняли в колхозы. И овечки были, и гуси были, тада в колхозах-то, щас вот ничё нету. Всё было. Вот. Работали, работали.

Вот щас все обижаются, что деньги не получают, а я стою в магазине, жалюсь и говорю: «Вы-то щас убранные, а мы-то в холстинах ходили. Я на плугах уж была девкой, в клуб ходили, мазали ноги глиной, обувать нечего было. Обуть нечего было, мы мазали грязю, да и всем, чтоб как обувшись. И в холстинных юбках ходили, кофтах. Ткали да ткали. Лен поскань, всё сами и мяли, и пряли, всё на свете делали.

Я и плясать любила, и играть, всё любила. Ну, мы же в хоре, ну и вот, ездили все выступали-то. Любила я. Босяками были. А щас и ходят убраны, кого надо-то? И мы не работали за деньги, а там ели, ели за всё, распишася — и всё, нету.

Вот на конбайне, так уж конбайны стали маленькие, ему, конбойнёру, привязуть, а мы какие там, нам — нет, а мы же не уходили с работы, дюжили.

Голодно было, голодно. Ну, работали. Коров, всё сдавали, налоги большие были. Кур дяржали. На базар носили. Масло, какое собирали, на базар носили. Сами почти не ели никого. И вот у меня мужик помер, а я кричу, а мама у меня жила-то, скажет: «Ты чё кричишь?» А я говорю: «А ты, чё ль, тятя не кричала?» — «Дак вас трое оставалось, один одного ниже, да жись-то какая была. А ты щас чё кричишь по ему? К тебе дети ходють, внучата тут, тебе об чём кричать-то?» Я говорю, што ну всё равно. Так что... Ну... Или вдвоем, или одна, вот щас. Вот пятнадцатый год уж мучаюсь.

На лошади, а потом у нас трактора были первые, такие маленькие. Вот ымя¹ пахали. Колёсные назывались. Сеяли мужики, одедали мяшочки и по полю рассявали. А потом-то уж начали сеялки пошли. Эт уже позже. А так руками старики рассявали. Ну у нас колхоз небольшой был. Самый последний садил. Двадцать дворов было. Мешочки сошьют на вярёвочки, прям надявають и идут рассявают.

Да вот тода рожь, да и пшаницу, овес ужо посла начали. Свекла, была сахарная. Её потом руками дергали, из школы ученики все ходили дергали, а такие ботворезы, бабы сидели обрезаи и возили, на коровах возили, а щас всё поразрушили. Сахарный завод был. Бабы работали, сахарный работал, а щас всё разрушили. И возили, кода начнется уборка, возили на машинах, так маленькие машины какие пошли. Там таскали мяшками. И на коровах возили, всяко возили.

Там казаки, а тут русские

Мне рассказывала бабушка. Ну, тут же ничё не было, просто степь была, и они вот тут обосновались... Казаки тама были, а тут русские. Ну они сяло-то и разделили, там казаки, а тут русские. Так жили всё равно вместе. Вот у нас щас и хор казачий.

Тада в колхозе у нас паспортов не было, а нас из Горного гоняли, и мы с двенадцати лет работали. Ну надоело, я в Бийске жила за паспорт год в прислугах. И в Новокузнецке один год прожила и приехала обратно. Луче своей деревни нет.

Сразу посыльной была. Тада не было этих почтольонов². Как бросила школу, посыльной была. Ходила, вот председатель вызывал кого, я ходила оповещала. За сводкой каждый день на пашню ходила. Год так проработала, а потом на плуга. И на все, и на сенокос, и вязде. И копнили мы. Бабы жнекой³ тада жали, а не комбайном, а жнекой. Они вязали, а мы эти снопы собирали и ставили сулоны. Ну как, жнеки, жнец, на коне едут, жнекей жнёт, бабы собирають и это, снопы вяжут. А мы собирали. Суслон — сноп, и состовляли их в куча. Называли сулоны. А ночью возили на конях, в скирды, а потом молотили машинами, комбайнами. А потом в бор нас. Двадцать лет не было, а мы уже ездили в бор. И сами пилили, и кряжевали, и хвою жгли, всё сами.

¹ Ымя — ими.

² Почтольонов — отражены особенности речи, оканье.

³ Жнекой — жнейкой.

За Акутихой мы на семидесятом тут жили. И в дальний бор ездили куды-то, далёко по Чуйскому тракту ездили. И пятами. На конях продукты возили, а оттуда пятами. Вот мы щас и живем долго, потому что мы работали. И ели мы всю эту траву, кандык, а вы его не знаете. Такая вот растения, он сладкая-сладкая, а щас его нету тоже. И вот он у нас первый был. Камыш. Все ели. Его рвали, выдергивали, он в озере растёт. Ели, и всё. Чернобыльник ели. А вы его не знаете. Он щас растёт как трава. Такие листики, как смородина. И не так, а продолговатые.

Война

Ой, а военное-то время чё ж, наверное, всех угнали, отца угнали и он в госпитале у нас помер. В сорок пятом закончилась, а в сорок четвертом пятнадцатого октября. Как забирали тогда? Сам уходил. Уходили на фронт добровольцами. Их собирали в клуб и заставляли, а потом угнали их в Барнаул и нам оттуда прислали бумажку, что они, тятя пишет, что не думайте, что мы подписались, просто они вам послали бумажку. Кто будет подписывать-то? Ну и сразу на передовую. Сразу танкистом. И это сколь он двадцать двое суток в окружении был, и обмораживал ноги, не могли у его отняться. Ну и все, и в госпиталь попал, выжил, а потом прям сразу на фронт. И всё. Летом в больнице был. Часы яго¹ нам послали, то ли он сам сказал, а щас б не послали. Посылали. Мама-то ездила в Бийск, продала куфайки две. Фуфайки щас зовут, а мы их куфайками звали. Он в Литве [госпиталь]. Там и похоронен.

Переселенцы в войну

Када в войну нам переселенцев много было. Всяких было. И чечен, и каких тут тока не было. И все работали, и все вместе жили. И не ругались никого. И евреи были, прям соседы у нас старик со старухой. Все вместе, и никто не ругался никакой, все работали, гагаузы, все были тут. Ну... такая нация. Болгары были. Все были. Да на родину уехали. Война кончилась, объявили, што можно, и все уехали на родину. Калмыки у нас были. Все у нас. И все работали. Вот один нядавно приезжал. Никто тут не остался. Даже наши ребята пожанились на девок на это, уехали в Болгарию. На болгарок.

¹ Яго — его, особенности речи, яканье.

Праздники

Вот на Святки мы собирались в одной избе, все ребяташки, и играли в кулички, в фантики играли, вот все играли. Мы не баловались, никого, всё играли. Гадали мы под Новый год, под Старый год, ходили славили. Собирались, у мене сношенница жили, глядишь, она под окошку: «Дай мне ножку». Мы с ей пошли по деревне там ходить, там ходить и вязде. Да вот нядавно всё ходили, а вот нынешний год никто не ходил. Никто не был. Ну, молодежь, они чё щас, грамотные. Это мы были бестолковые. Безграмотные ходили, а щас набролись много. По сялу ходили, славили.

Праздники, и Пасха, и все, и в карты, и в яйца, котали. И в карты играли, в яйца. Ставишь яйца и в карты играешь, а хто выигрывает. Ну, тада самогонку пили. Строго было, токо из связкы, и то это уж крадучи.

Гончарова Анна Андреевна

Родилась в 1922 году в селе Новопокровка
Бестоистокского района

Записала Евгения Прокофьева,
аспирант кафедры
общего и исторического
языкознания АлтГУ

А дед Семен на все способный такой

Вот щас вот этот дом и вот это все наша пазьма¹ была. Тут были пригоны, сараи. Вот тот дом и вот — два дома, называли они их новый дом и старый дом. Вот. В новом доме жили три брата, а в старом доме — старики: дед Герасим и прадед. А этот дед Семен с образованием, а с каким, я не могу сказать, ну вот Верх-Ануйск — называлась волость, в этой волости он работал судьей много-много лет. Это мой дед. Высокий, красивый, черный, волосы волнистые; природа нас разделила по дедовой линии, вот я была по дедовой. Вон на фотографии, гляньте, какой волос был. Вот и всё.

¹ Пазьма — место, где раньше располагалось село.

А мы некоторые пошли в деда, как яманка¹ (говорят, как яманка, кудрявый). Ну, дед знаменитый. За им приажжали, увозили. А дома он занимался; от дома нового большая-большая пристройка, это называлась его столярка. Он там и колесы делал, и рамы делал. На всё способный такой. Вот. А потом приажжат за ним, он едет там судит. Вот.

Земля и люди

Дед и прадед, я его помню немножко, из Тамбовской области. Оттуда они пришли и стали заселять вот это место, понравилось им-то, что река близко, конечно, все тут было зарощено. Здесь много кто² из Тамбова пришел, пешками³ шли. А тут тьма — лес густой. Оно и щас, если только за школу зайди, там видишь все как заросло-то? Вот⁴.

Всё вырубали, выкорчевывали и строили сябе избы. Жить-то где? Но место очень понравилось. И вот поэтому говорят, как шли по порядку, так и кто оставался тут. Видите, тут через семь километров Верх-Ануйск, потом и так далее, и так далее. Вот.

Ну, климат понравился, тепло было, хорошо. Потом поля начали себе резать. А тада уж впоследствии эти поля, которые обрабатывали всё, ну, пашни, это твоя пашня там, сеяли хлеб, начали жить хорошо. Жили единолично. Я немножко захватила.

Воздух чистый, родник течет. Но мне почему-то их единоличная жисть, хоть я маленька была, очень нравилась. И как-то у их все было. А тут у нас во всё были анбары настроены. Там все несколько отделов было, где мясо, где мука, где пшаница, где что. Вот. Знаете, может, что малые были, не работали, в школу ходили, но как-то питание лучше было. Лучше — я и не забуду. Там не было в то время, что вот щас-то продають в магазинах, щас продають всё, даже что мы прожили жизнь не кушали чё. Но все равно то было лучше, то было выращенное, экология чистая и так далее.

Вот на пашне мне очень нравилось. Называлась притычка. Наша заимка стояла вон там, у каждого разделёно, участок земли, и вот на ней всё. Другие недалеко от нас, вот Климковы жили, они и сея-

¹ Яманка — коза.

² Кто — южно-русское произношение слова кто.

³ Пешками идти — пешком идти.

⁴ Вот — частица, обозначающая конец предложения и служащая для закрепления сказанного. Является диалектной особенностью как в севернорусском, так и в южнорусском наречии.

ли, и пчел держали, очень много. Мы им давали яйца, мясо, молоко, а они нам меду гору наложат.

А строили-то, вот привязать они лес, обрабатывали зямой, а начинается весна, начинают его шкурить, а потом начинают их рубить и строить новые дома из лесу. Нет. У отца нас было двенадцать робятишек. Мне году не было, когда мать умерла в связи с родами. Рябенек прирос там. Вот. Трудно было. Но он взял одну с двумя. Но у нас и щас ишшо живые есть. Вот Таська, Зина, я ишшо хто там.

Евстифеева Екатерина Павловна

Родилась в 1924 году в селе Куликово
Ребрихинского района

Записала в августе 2012 года
Ксения Иванова, студентка
филологического
факультета АлтГУ

Колхоз — дело добровольное

Родилась¹ я в двадцать четвертом году в Ребрихинском районе в селе Куликово. Через год семья переехала в соседнюю деревню Шумилиху. Сами дом там построили. Наш домик небольшой был. Горницы² две было. Мебель самая простая и необходимая. Стол да скамейки. Кровати стояли.

Куликово было село большое, жителей много было. Людей рассылали по другим деревням. В Шумилихе был колхоз. Кто шёл туда, а кто нет. Людей многих загоняли в колхозы. Всё отбирали у них: и хлеб, и скотину. Но мы не пошли в колхоз. Кому работать-то в нём? У мамы на руках детей мал мала меньше. Много нас было, семья многодетная была. Десять детей было. Трое, правда, потом умерли.

Дом бревенный был. Хозяйство у нас было большое. И коровы, и куры были. Когда урожай хороший был, а когда плохой — засуха была. В неурожайный год тяжело было. Исть³ нечего было. Колхоз-

¹ Родилась — здесь и далее вместо -сь употребляется -ся.

² Горница — комната.

³ Исть — есть, кушать.

никам-то выдавали то муку, то другие продукты. А мы-то не в колхозе! Трудодни не заработали, но нам соседи наши, Пальмовы, помогали: тетя Наташа, дядя Фёдор. Муку давали, зерно. Жалели нас, что детей много. Они в колхозе были и трудодни¹ заработали. Хорошие люди были. Мы их ценили.

Как тятя пшеницу прятал

Однажды пришли к нам из колхоза хозяйство забирать. Пшеница у нас была, но тятя² закопал в огороде, чтобы не нашли. Семья-то большая — исть надо, кормиться.

В тридцать пятом году голод в Шумилиху пришёл. Неурожаи случились. Тятя завербовался работать в Калманку, а потом и мы переехали туда.

Сыты всегда были

Всякое было, но сыты всегда были. Всей семьёй ужинали. Кастрюль не было, вилок тоже. Ели деревянными ложками. Мама наварит в чугушке³ картошки, вывалит в большую чашку, и мы из одной чашки умеем⁴ все. Летом квас любили пить. Держали его в квасниках⁵. Стряпать любила мама. Мы стряпню ждали всегда. Особенно Пасха запомнилась: всякие финтифлюшки⁶ стряпала, калачики, булочки, драники⁷ готовили. Клёчки⁸ варили, делали их из картошки.

О детстве

Дружно жили, радостно. Все друг другу помогали. Старшие за малышами приглядывали, по хозяйству помогали. Тятя-то на работе, а мама одна в доме. Помню, я всё люльку⁹ качала да за водой с деревянными коромыслами¹⁰ ходила. Время оставалось и на игру. Много играли. Выйдем в поле и играем: в цепи кованые, в бабки, в прятки. Сестра Валенька родилась, а я нянчилась. У нас в семье

¹ Трудодни — единица учёта затрат труда и распределения доходов по труду в колхозах.

² Тятя — отец.

³ Чугунок — горшок из чугуна.

⁴ Умеем — съедаем.

⁵ Квасник — посуда для кваса.

⁶ Финтифлюшки — здесь имеются в виду изделия из теста.

⁷ Драники — оладьи, лепешки, приготовленные из сырого тертого картофеля.

⁸ Клёчки — клёцки.

⁹ Люлька — кроватка для младенца.

¹⁰ Коромысло — дугообразное деревянное приспособление для ручного ношения двух вёдер и других грузов.

все дети послушные, спокойные были. Не то что сейчас рябятишки пошли! Правнук-то мой, Сёменка, колготной¹ больно.

Учителя были, а врачей не было

Раньше в деревне врачей-то не было. Болезней своих не знали. Захворал² и умер. Чё там с ним, с больным, — кто знает! Роды бабки принимали, старики только некоторые знали как лечить. В нашей семье двое детей умерли. Любе полгода было, а Тольке три с половиной. Почему умерли, до сих пор не знаем. Захворали и умерли.

Школа в Шумилихе была. Она и сейчас стоит на том же месте. Учителей помню. Хорошие были учителя, добрые. А первый учильник³ был мужчина у нас. Сильно уважали мы его.

Маруся с победой вернулась

На войне побывала только сестра Маруся из нашей семьи. Она работала в трикотажке, потом объявили набор на шоферов, выучили и погнали в сорок первом на фронт. Всю войну прошла. Шоферила на фронте. Рассказывала, что раненых подбирали с поля боя. Они валяются на земле, она поднимет бойца и на машину его тащит. Надорвалась там.

Многие её подружки не вернулись, погибли. Многие по своей же вине. Когда немцы отступали, они заминировали дома. Девушки полезли туда. Вещей набрать хотели и подорвались. Маруся-то говорила им, чтобы не ходили. А они вон как! Не послушались. А Маруся вернулась с победой. Одна только шинель новая на ней была. Но долго она не прожила. В сорок восьмом захворала и умерла. Тяжести войны дали знать. Так она ведь ещё и на японской войне была. Третьего сентября сорок пятого домой пришла. Письма она с фронта посылала. Но мы их не сберегли. Плохо это. Маруся два раза замужем⁴ была. Первый муж, Сергей, на фронте погиб.

В войну токарем была

Во время войны меня в Барнаул отправили. Райисполком собирал подростков и отправлял учиться в ФЗУ⁵, потом по заводам рас-

¹ Колготной — суетливый, беспокойный.

² Захворать — заболеть.

³ Учильник — учитель.

⁴ В замужем — замужем.

⁵ ФЗУ — фабрично-заводское училище.

пределял. Меня в депо в сорок первом отправили. Я ветеран войны за то, что в войну работала. Токарем на станке детали разные делала. Мы тогда отработаем, а усталости нет. Вымышься¹ в купалке², и силы новые прибавятся. Не уставала никогда. Не то что нынче молодежь!

Весело было работать в депо, хотя по двенадцать часов работали. Помню, свет выключат, станки не работают, рабочие соберутся вместе и песни орут. Радостно, весело жили, хоть и война шла. Унывать некогда было, либо работали, либо пели.

Нагайцева Зоя Николаевна

Родилась в 1925 году в селе Краснощеково Алтайского края. Предки переехали на Алтай в конце XIX века из Курской губернии. В настоящее время живет в родном селе

Записала летом 2012 года
Алена Куимова, ученица
Краснощековской
средней школы

Обозом за горючкой

Во время войны мы жили в селе Куйбышево Краснощековского района. Запомнилось время с 1943 года, когда я, не закончив восьмой класс, пошла работать. До 1943 года в селе были еще молодые парни, которых месяц за месяцем забирали на фронт. А в 1943-м остались мужчины с бронью, женщины и дети. Было мне в это время семнадцать лет, мне и моим подружкам. Девчат в зиму 1943 года разделили на две бригады, одна бригада возила корм (сено, солому) с полей на базы. А я и еще семь девчонок попали в другую бригаду, мы доставляли в совхоз горючее со станции Пospelиха. От Покровского до Пospelихи около 150 километров. Зимы были снежные, морозные. В селе был колхоз и совхоз. Колхозники жили лучше, так как могли оставить себе и пшеницу на муку, и молоко, и скот на мясо. В колхозе во время войны было еще несколько ко-

¹ Вымышься — вымоешься.

² Купалка — специальная комната на предприятиях, где рабочие могли вымыться после смены.

ней. В совхозе дела обстояли хуже — там все сдавали государству. Поэтому за горючкой ездили на быках, которых запрягали в сани. Закатывали в сани бочки железные и отправлялись обозом в семь пар быков за 150 километров снежными дорогами.

Одеты были в фуфайки, платки, на ногах редко у кого были валенки, чаще всего ходили в сыромятных сапогах (сыромять — это выквашенная кожа), за фуфайками ездили организованно в Барнаулу. Юбки шили себе из полубрезентового полотна. Было такое полотно на комбайнах, поистреплется это полотно и идет девчатам на юбки. С собой из еды брали картошку, которая в дороге замерзала. Хлеба не было; иногда из жмыха пекли в дорогу лепешки, которые тоже оказывались мерзлые. Шли, а не ехали в санях, чтобы не замерзнуть. Иногда, устав, садились на бочку, бочка железная, долго не просидишь — обжигает холодом. На дорогу туда и обратно обычно уходило шесть-семь дней. Если случались бураны, а в те годы это было не редкостью, то из-за недостатка кормов (с собой на этих же санях везли сено или чаще солому для быков) быки дохли. Их потом как-то доставляли в совхоз, чтобы снять шкуру и сдать ее.

Иногда в амбарах удавалось добыть жмых. Жмых был хлопковый, семечек в нем было очень мало. Жевали его в дороге вместе с мякиной, заедая снегом. Иногда под пай давали немного хлеба, настоящего. Мороженая картошка, кусочек хлеба, жмых, чай и дальняя дорога.

Ночевали в селах. Когда буран застанет, просились на ночлег в избы; никто в те времена в ночлеге путникам не отказывал. Если просились к более-менее зажиточным людям, то быков ставили во дворах; а чаще стояли быки прямо на улице.

Экспедиция (постоялый двор) была у каждого района только в Пospelихе¹. Там можно было сварить мерзлую картошку, попить кипятка. Спали на земляном полу (полы почти везде были земляные), часть фуфаек стелили вместо матрасов, другими — укрывались. Утром рано-рано занимали очередь на нефтебазе, заливали в бочки горючее — и в обратный путь. В бураны на все про все уходило две недели. Ездили всю зиму. Иногда давали передохнуть, оставляли в совхозе корм возить, а в Пospelиху ехала первая бригада.

¹ В Пospelиху съезжались за горючим из всех близлежащих районов.

Во время уборки урожая. Зоя Николаевна на фото пятая слева

Комбайн упал набок

В короткие передышки между походами, зимой 1943 года, нас, девчонок, учили водить трактора, курсы были организованы в совхозе. А весной отправили в Тальменку на курсы комбайнеров. Я освоила две мужских специальности. На комбайне работала штурвальным. Комбайны были разные: «Хэдер», «Коммунар», «Сталинец».

Местность в Покровском холмистая, склоны гор, на которых распаханы поля, крутые. Однажды бункер комбайна переполнился, и комбайн упал набок. Я оказалась между комбайном и землей, сильно ушиблась, испугалась, и вдруг вижу, что из бака льется горячее. До сих пор удивляюсь, как хватило сил выбраться из-под комбайна, а главное — поднять семидесятилитровый бак с горючим.

Зерно размачивали в радиаторе и ели

Помнится постоянное чувство голода, нескончаемый рабочий день, холод, нужда. Когда была посевная, то иногда на костре на плечах — совки такие специальные — поджаривали зерно. Или зерно в тряпочке опустишь в радиатор, а там горячая вода, зерно разбухало, и его тоже ели. Были случаи, когда тряпочки рвались,

зерно забивало радиатор, а комбайнера объявляли врагом народа. Иногда кормили и на полевых станах. Там кухарки толкли зерно в ступках, разогревали его. Блюдо называлось кутья, ели её из общего котла. Так жили и работали с сорок третьего по сорок шестой год, а голод тянулся до сорок девятого, пятидесятого годов¹. Кажется, что эта трудная жизнь никогда не кончится, что длится она целый век и даже больше. Осенью терли на терках картофель, отжимали чуть-чуть, скрепляли мукой и пекли лепешки — драники.

В полях работа на комбайнах и тракторах тяжелая и пыльная. Опять спасал радиатор: рвали осоку, макали в радиатор и помогали друг другу обтереть пыль со спины. Осока — трава острая, спины ею были всегда поранены, разъедены пылью и потом.

Важный вопрос на экзамене

Только в 1946 году меня отпустили в зоотехнический техникум. Вступительные экзамены были, но сначала выезжали в села преподаватели, вербовали, агитировали. За месяц до экзаменов в техникуме были организованы курсы по подготовке к вступительным экзаменам. До сих пор помню, что в билетах по истории был вопрос: сколько должностей у Сталина? Было их в то время семь. Техникум закончила в 1949 году, вышла замуж, родила.

Жили в вагончике и строили дом

Тут началась кампания по подъему целинных и залежных земель. Я с семьей переехала в поселок Бураново Краснощековского района, которого сейчас уже нет, поднимать залежные земли. Жили первое время в вагончике и строили свой дом. Лес был тогда везде, от Буранова до леса километров пять было. Из бревен сложили стены. Фундамента не было, просто по углам положили четыре бутовых камня и засыпали завалинку, сделали и обрешетку на них, а крышу покрыть нечем. Обычно крыли соломой, камышом, но там камыш не рос, а соломы не было — скотине скормили. Только на следующую весну пожилые подсказали, что если нет соломы, то можно покрыть крышу травой — осокой. Вручную косили осоку, укладывали ее пучками ряд за рядом, а потом, начиная с конька,² посыпали глиной, чтобы во время дождя глина склеила траву. На дранку раскла-

¹ Имеются в виду 1940-е годы.

² Конек — гребень крыши.

ывали проволоку. Осталось поставить печь. Сбивали ее из глины. Делали опалубку, сыпали тонким слоем глину, уплотняли ее молотком, сначала острым концом, потом тупым, посыпали солью слегка, чтобы из глины выступила. И так дня за три сбивали русскую печь.

Целинный урожай

Залежные земли давали огромный урожай. В 1955 году сняли по 37 центнеров с гектара. Колос у зерновых огромный, тяжелый. Засевали эти поля до конца девяностых годов, но урожайность с каждым годом была все хуже и хуже.

На работу ездила верхом на лошади, и годовалый сын в седле

Когда работала ветфельдшером, то обслуживала в полях на выпасах дойные гурты. Гурт насчитывал от 300 до 600 коров. Гурты передвигались с места на место. На обслуживание ездила верхом на лошади, со мной же был в седле годовалый сын. Дети все были с родителями — и на пашне, и на сенокосе, и на уборочной.

Помню, в 1946 году привезли рыбью шкуру, что-то вроде кожи, только рыба. Из этой шкуры научились шить верх для ботинок, а подошва была деревянная. Шкура была непрочная, носилась недолго. Поэтому ходили все чаще босиком, а ботинки берегли. Иногда на полевом стане вечерами женщины пели, а чаще было не до песен, прилечь бы да отдохнуть. Зимой стежила¹ на пяльцах одеяла себе и людям.

Сейчас вспоминать это все очень тяжело, за годы жизни это трудное время из памяти не стерлось. Греют поздравления от Путина Владимира Владимировича, Карлина Александра Богдановича. Греют тем, что помнят нас, тружеников тыла. Поздравления читаю помногу раз.

¹ Стежить — стегать — прошивать насквозь, положив между подкладкой и верхом слой ваты, шерсти и т.п.

Газукина Ирина Павловна (1926–2011)

Всю жизнь прожила в селе Боровское
Алейского района

Записал в июле 2005 года
Константин Гришин,
студент филологического
факультета АлтГУ

Рассказ о том, как в деревне боролись с саранчой

Один год, до войны, мы были небольшие, ходили то ли во второй, то ли в третий класс, пришел к бабушке бригадир и говорит: «У тебя девочки дома?» — «Дома». — «Сходи в огород, выруби им с листиками длинные метелочки, лохматенькие, и провожай их к школе, мы повезем ребятшек гонять кобылку». Это саранчу раньше звали кобылкой. Бригадиру позвонили с какого-то района, сказали: «На вас идет саранча». Значит, бабушка нам в калачик толщены эти березочки сделала, макушечки отрубила, дала, и мы вышли в поле. Встали так — две девочки, женщина, две девочки, женщина, и махаем метелочками, а саранча вперед нас летит! А на краю поля старшие с возов разбрасывают солому и укладывают в линию. И когда чувствуют, что она уже на подлете, они зажигают со всех концов солому. Саранча поднимется тучей, до соломы долетает, солома горит, и саранча падает, падает, падает. Господи, ужас был, ужас. И слушай: много погибало, почти всю они успевали зажигать.

О сковородках

Знаешь, сколько лет этой сковородке? Хоть в музей сдавай. В войну какая-то тетка приехала с Алейска (туда завод эвакуировали, делали там алюминиевую посуду). Пришла и говорит: «Возьмите у меня сковородку, а мне дайте ведро картошки». Поменялись. И появилась у меня большая сковорода. А у Вáрихи была семейная, вот на столько больше моей сковородки, на семью. Раньше же семьи большие были. Вот моя родная мать — ей семнадцать лет было, выходила она замуж. Ей идти жить в семью большую. Соседка пришла, бабка, и взяла песню слóжила про неё:

Не ходила б ты вовек на семнадцать человек.

Не успеешь ложку взять, а в чашке — донышко видеть!

Из одной чашки -то семнадцать человек хлебали. Во была жизнь!

Зубченко Вера Корнеевна

Родилась в 1926 году на Украине. Жительница села
Зонального со времени его основания — 1932 года.
Ветеран Великой Отечественной войны, снайпер

Записал в марте 2012 года
Роман Гонюков, студент
филологического
факультета АлтГУ

Как обживалось Зональное

Родилась на Украине. В тридцатом году родителей раскулачили. Мне было четыре года, и нас в Нарым всех, раскулаченных. Там в тайгу привезли, бросили — и живи как хочешь. А потом, когда станция строилась, набирали сюда специалистов. У нас отец был мастер на все руки: каменщик — так каменщик, столяр — так столяр, печник — так печник, жестянщик. Он на все руки у нас мастер. Он сиротой рос, ходил по работам везде, поэтому все умел делать, вот.

Ну и вот, и потом сюда привезли — в основном украинцы, вот. Привезли сюда, здесь степь была, полынь, больше ничего не было. Копали землянки и жили. Когда построили вот эти вот каменные дома все, начали приезжать специалисты, тоже все украинцы были, все с Украины были, и я тож с Украины, все, все, все.

Ну и родители работали на свекле, начали свеклу сеять, вот. Ну, пятисотницы были, по пятьсот центнер с гектара получали. Работали в основном всё вручную, уходили в четыре, ну и полный световой день работали.

Школы не было, потом построили школу. Ну и школу когда построили — все разный возраст учились. Кто-то семь классов кончил, а кто-то больше. Которые постарше были, ушли себе дорогу пробивать. А мы были двадцать шестой год — мы остались дальше учиться. Пешком ходили. Под Бийск ходили, там же сахарный завод построили. Свеклу когда сеяли, обрабатывать было. Дети — из школы придет, сумочку бросют и матери помогать на участок.

Потом начали из деревень — их тогда вербованными звали — вербоваться начали, с деревень приезжали тут на свеклу работать. В колхозах там деньги не платили, а здесь-то платили.

А потом начало расстраиваться, с деревень стали переезжать сюда, перевозить даже дома. Там Шубенский поселок был, там — Майский. С деревень, одним словом, начали. Ну и у нас уже разрастаться стало. Построили: нефтебаза, свеклопункт свой все был. То, значит, селекционная станция, Бийский свеклосовхоз рядом. Ну и так и работали. Вот. Мы учились, помогали родителям, родители работали.

В тридцать седьмом году всех подчистили, специалистов с семьями по линии НКВД. Специалистов с семьями всех поубрали, повозили всех. Ну как, они ведь были все грамотные, учились. А раньше учились дети чьи? Дети богатых учились. Крестьянских-то детей сильно не учили. Но, по-видимому, они были дети там помещи-

ков или кого, ну, в общем, всех подчистили. Потом опять новые приехали.

Какой была культурная жизнь до войны и после

Молодых парней столько было, и тогда не пили, представьте себе! Столько молодых парней было — никто не пил. Было три клуба, вот они сами духовой организовали, парни, мол. Вот у меня брат лично был — духовой сами организовали. Клуб, значит, был в селекстанции... А клубы были... Бараки построены. Вначале были общие бараки. По краям две квартиры, а посередине общий барак. Вот зайдешь: одна семья там, две койки стоит, вторая, третья, всё. А я была ну чё — ребенок и ребенок. А мы в землянке еще жили. Ну и я приду в этот общий барак — а мне нравится, что там кто на гармошке, кто что, кто стирает, кто моет, кто что делает — мне это нравится. Я прибегу: мама, давайте пойдем в барак жить — там так хорошо, весело!

Ну а потом, значит, эти общие бараки когда уже ликвидировали, людей расселили, вот наделали клубы. Клубов, значит, на селекстанции, свеклосовхозе клуб, заготзерно — клуб был.

Да, тогда было у нас очень весело, вот три клуба было. Была у нас парашютная вышка, прыгали с парашютной вышки. Были у нас качели. Как выходной — собираются все там, весь народ собирается тогда, весь... Не пили. Тогда товарочку эту какую-то плясали тут в Сибири — у нас на Украине нет этой товарочки, а тут плясали. А вот русские выходят на круг, баянист играет, они частушки поют и пляшут, частушки поют и пляшут. Это всё сибиряки — у нас на Украине такого не было, у нас в основном пели там. И везде свои баянисты были. Поселок-то разросся. Ну и до войны были клубы: кино в основном гнали немое. Нас тогда еще в клуб не пускали. Мы уж стали такие подросточки, побольше, и то, значит, пойдем, а тут был у нас нашенский комсомольский секретарь был. Пойдем, в одну дверь зайдем, увидим, нашенский идет, мы в другую дверь вышли.

Одним словом, нормально жили, весело. Сейчас... я говорю: что сейчас за жизнь — вроде поисть есть, обушь есть, одеть есть, а все забились по углам — деньги, деньги, больше ничё не надо... А мы тогда в школу в чем ходили: с мешка сумочка сшита была, вот, с обыкновенного мешка — не с такого, как щас вот белые делают, а такие мешки — сумочка сшита, значит, фуфаечка, юбочка с мешка, какие-нибудь туфельки или ботиночки, штанов не было никаких — чулочки натянем. И так ходили в школу.

Ну вот, знаете, что мне нравилось. Как-то вот в школе учились, каждый выходной мы сами, дети, собираемся и пошли. Тут лога были, в лога пошли, туда, сюда. Воскресники сами организовывали, нас никто не заставлял. Вот надо было танцплощадку — танцплощадку делали. Сажали, вон там комсомольская роща была, там очень было чистенько — аллейки убраны, всё. Там стояла волейбольная сетка, играли. Все в цветах было. Вот здесь вот сейчас понастроили эти дома, а здесь клумбы были. Мы в землянке жили, у нас все в цветниках было, кругом землянки — заборов не было, ничего не было — все в цветниках было. Ну и... одним словом, хорошо жили.

На фронте

Я десять классов кончила, даже на выпускном не была. Приехали — набирали в снайперскую школу. Была в Москве женская школа снайперов. Вот, там шесть месяцев проучились, и на фронт.

На прикладе немного зарубочек было. Потому что мы попали, в сорок третьем году меня взяли, а шесть месяцев проучились, а потом наша армия в основном в наступлении была. Снайпер, когда в обороне.

Дак, кулаки-то все погибли — кулаки-то воевали в основном. Тут у нас все село, считайте, раскулачены были. Даже не то, что мы с Украины, местные раскулачены были, вот. Забрали-то всех, никто не вернулся. Как дубы парни были, и никто не вернулся.

Меня всегда, знаете, возмущало: вот мы работали, мы работали... Правильно, работали. И я работала. Я и труженик тыла, я ветеран труда, я репрессирована, я вдова, я инвалид войны. Вот, все во мне, все собрано. Работали... И вот мне обидно, я говорю: ну, вы работали, но вы ж не под пулями работали! Когда сидишь, не знаешь, откуда к тебе прилетит. Выполни в нейтральную зону, полежи там. Так мы своих просили этих, пулеметчиков, если мы встретимся с врагом, мы в рост встаем, чтоб нас убивали. Чтоб мы в плен не попали. Это как? Это надо было пережить? И мы не знали: я убила — не убила, приходим, артиллеристы докладывают, они в стереотрубу наблюдение за нами ведут, докладывают: убила. Всё, тут же записывали.

Идем мы, значит, я в санчасть ходила, я была командир отделения. У нас армейская женская рота снайперов была, Третьей ударной армии. Старший сержант я. Ну и это... идем мы, я иду с мед-

санбата, идет парень навстречу. «Привет, землячка». — «Привет». «Откуда?» — «С Зонального». — «А я с Бийска». Поговорили, постояли, я только отошла, слышу: бах! — его уже нету. Нету его! Прилетел снаряд, и прямое попадание, и все — и от него нет ничего. А летчиков! Как подбивали, как мы насмотрелись на них! Это выпрыгнуть-то, уже старается дотянуть на свою землю — выпрыгнет — а там одни уже кости. А глаза живые. Это ведь все пережить надо было...

А раненых — и приходилось перевязывать, все, когда он, бедный, на руках лежит у тебя, ты его перевязываешь: «Успокойся, успокойся». — «Сестрица, охота жить, охота». — «Успокойся, будешь жить, будешь жить», — а он у тебя на руках умирает. Это все пережить надо было!..

Там день и ночь покоя нет. Было так: в обороне сидим мы, по разным дивизиям нас посылали. Потом, значит, месяц мы там были, нас отзывают, устраивают нам баню, там всё переодеваемся — в другую дивизию нас посылают. Поэтому нас вся армия знала.

И как, вот вылезешь в нейтральную зону, вот нейтралка — там немцы, тут мы. Вылезешь, там пролежишь, замаскируешься, пролежишь, вечером приползешь в блиндаж, портянки снимешь, под себя постелешь, и ляжешь, своим телом сушишь их. Потому что ходили, сапоги, портянки. Зимой — ватные брюки, фуфайка ватная. Полушубка у нас не было. Это в кино снимают все в полушубках — полушубков не было у нас.

А потом все-таки я была дочь врага народа. Попробуй я что-нибудь, слово лишнее скажи или что.

Были тогда эти особисты — особый отдел, СМЕРШ — смерть шпионам. И вон там тоже молодой парень был. Он меня вызвал, может, он года на два, на три старше меня, капитан, как щас помню, и он говорит: «Молчи, нигде ни слова не скажи, ничего! Они сказать — им ниче не будет, а тебе вот пришли документы: дочь врага народа». Всё! Я себе парня не могла найти, сколько за мной ухаживали. А я думаю: да куда я? Да куда я? Я — дочь врага народа.

Я домой приехала, приезжал ко мне парень. Я говорю: «Мама, он поступил в Свердловск, там тоже в НКВД учиться». Мама: «Да кто там знает, Вера?» Я говорю: «Все знают, нет, я жизнь не буду человеку портить». Ну так вот мы с ним знакомы были — какая там дружба была. Ну, а после фронта вроде всё, нормально было, уже никто ничё не упрекал — все-таки с фронта пришли.

После войны вышла замуж

Ну, во время войны я тут не была, а после войны приехали, вот, работали. Все, что было, все на фронт забрали: и лошадей, и машины, всё, всё. Только быки были. И вот на быках. В девятнадцать лет я с фронта приехала. В девятнадцать с половиной лет. Инвалид я второй группы. Контузия, ранения.

Брат приехал, инвалид первой группы. У него контузия, и всё вот так трясло. Ну и тоже пошли работать. Пошли опять работать.

Жили в землянках, жили бедно. Мы простыней не видели, ничего, но народ был очень добрый, добрый народ был. Веселый, дружный был народ. Я не знаю, щас что с людьми стало, я не знаю. Щас совсем не те люди стали. Я же говорю, не пили. Вечером соберутся парни — поют. Все украинские песни пели.

Как началась перестройка, все закончилось

Ну замуж вышла. Я, во-первых, долго не выходила. Потому что у меня осколок в позвоночнике, он и щас там сидит. Вернее, не осколок, а пуля немецкого снайпера. Мы стреляли разрывными, и они — разрывными. И он мне попал в шинель... сюда. У меня рана была — четырнадцать на семь. Если бы он в пуговицу не попал, меня бы все — не было, разорвало бы. Стреляли разрывными, бронебойными стреляли.

В двадцать четыре года замуж вышла. Муж, он еще после фронта где-то служил, в армии еще служил. Ну, потом он вернулся, вот так вот познакомились. Я в свое село вернулась, я свое село очень люблю. Я его потому что, я с самого его начала начала. И он сюда к брату приехал, брат здесь специалистом работал. Познакомились и поженились.

А никакой свадьбы не было. Какая свадьба. Родственники собрались немножко. С его стороны брат один, а с моей — мама да отчим, всё. Ни одеть ничего, ни обувь — какие тогда свадьбы.

Ну вот и прожили с мужем. Он — заслуженный механизатор Российской Федерации, у него — орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени, вот. Ратный свекловод края был. Его имени премию вручали — Зубченко Павел Ильич. Щас — нет. Как началась перестройка, все закончилось.

Жили нормально, вырастили четверых детей, все с высшим образованием.

Тракалюк Анна Федоровна

Родилась в 1926 году в Курской области.
В настоящее время живет в селе Бориха
Алейского района

Записала Берта Фридриховна
Тертюхова, жительница села
Бориха Алейского района,
сотрудник Борихинской
сельской библиотеки

Сяду за руль — и борозды мне не видно

Самым трудным годом войны у меня был, когда я окончила курсы трактористов. В 1941 году мне было пятнадцать лет и мне было не под силу заводить рукояткой эту машину. Кручу да лопочу, потом упаду, чуть ли не кричу «Мама!», чтоб кто-то мне помог, — силенки не было. Сяду за руль — и борозду мне не видно, одежду подстелю, чтоб было повыше, и еду.

А сейчас в пятнадцать лет ходят дети и не знают, что такое труд. Скажи что кому из них, никто не поверит, что мы пережили в войну в своем детстве, у нас его не было. Мы были загружены работой наравне со взрослыми. Работая на тракторе, я в посевную сеяла с прицепом. Две конных сеялки, две женщины-сеяльщики на прицепе — и вот с восхода до захода солнца мы были в поле, пока видно борозду.

Обеды нам не возили, как сейчас, возьмешь бутылку молока и кусок хлеба, да не сидишь в кабине, а на ветру. Вся пыль моя, и холод, и дождь.

А трактор у меня был — нигде не увидишь — разве только песню будут петь: «Прокати нас, Петруша, на тракторе». Вот его и показывают, моего родного кормильца. А уборка начнется, и не делают прицеп — три лобогрейки, шесть женщин. И вот мы всю уборку косим, женщины сбрасывают скошенную пшеницу, а люди следом вяжут и ставят снопы, как в кино. Только в кино не показывают, как руки и ноги изодраны до крови. Ходить по жнивью, да еще и босиком, не у каждого было что на ноги надеть в то трудное время.

Шутто Клара Ивановна

Родилась в 1926 году в Омске.

В настоящее время проживает в Рубцовске

Материалы предоставила
руководитель музея
Чарышской средней школы
Людмила Бушуева

Прадеды

Всю жизнь я прожила с родителями. Мама мне много рассказывала о своей жизни. О дедушке и бабушке, о матери и отце. Наш прадед Иван Попов (отчество не знаю, хотя, может быть, мама говорила и о нем, и о своей бабушке, только я не помню). Иван был отцом нашей бабушки Евгении (а бабушка была матерью нашей мамы). Он был кузнец — мастер по изготовлению амбарных замков. С большой выдумкой, с секретом. Каждый замок был единственным экземпляром, никогда не повторялся. В основном он вы-

полнял заказы богатых людей, местных купцов. За сделанную работу его угощали. Жаль спился, ушел из дома и больше его не видели. Когда и где умер — никто не знал. Родился он в семье бедняка. Прабабушка Надежда Попова (девичью фамилию не знаю) родилась и до замужества жила в семье волостного писаря. Родители были против ее замужества с Иваном, но родилась наша бабушка Евгения Ивановна и следом ее сестра Елена. Прабабушка была строгой, копейку берегла, копила. Гладью вышивала, вязала кружева с разными рисунками. На старости ослепла и вскоре умерла. Жила последнее время у своих родителей.

Бабушка — портниха, дедушка — ссыльный

Бабушка Евгения родилась в 1864 году в селе Большеуки Омской губернии. Была бабушка умной, доброй, талантливой, работящей. В деревне ее уважали, любили. Она была в деревне единственной портнихой. Шила платья, костюмы, шубы, пальто. Стежила одеяла. Вышивала, вязала. Ей делала заказы на шитье местная купчиха. Кроила так: посмотрит на человека, на его фигуру и сразу

режет материал, без заготовленной выкройки.

В ту пору появился ссыльный Семен Арефьевич Кирков. Жил он в Саратовской губернии (село не помню). В Сибирь его сослали за убийство. Среди крестьян защитником был. На повышение непосильного оброка не избегал и злого рока. Был горяч и справедлив. С урядником поспорил, разозлился, в сердцах схватил висевший безмен (весы), ударил им урядника по голове. Получил пожизненное поселение в Сибири. Осталась у него семья, неводома нам родня. Он дружил

Евгения Ивановна Киркова (Попова)

Семен Артефьевич Кирков

с политическими ссыльными, ходил на сходки. В деревне он встретился с Евгенией. Она стала его женой до конца жизни.

В семье Киркова была лошадь и корова, телега, сани. Наследство досталось от родителей Евгении. В семье было много детей. Бабушка наша отдыхала с молодости не знала, заботливая, все делать успевала. Была всегда опрятной, аккуратной. В доме порядок был, стены обклеивали дешевыми обоями, потолок беленый был. Жили дружно. Бабушка хорошо вязала, шила. Из мелких лоскутков шила простыни. Своим доче-

рям шила куклы. Да так голову украшала, что восхищению не было предела ни у детей, ни у взрослых. Детей своих всех отдавала в школу-трехлетку. В деревне она была единственным культурным центром. Всего бабушка родила 20 детей. До школьного возраста дожили шестеро. Умирали от кори, оспы, по недосмотру. Родители уезжали ежедневно на весь день в поле. Чистили его, корчевали от засохших кустов, пахали, сеяли пшеницу, сажали картошку. Земли в Сибири было много. Разрешали брать столько, сколько могли обработать.

Бабушка научилась читать в 60 лет

Бабушка была совершенно неграмотной и только при советской власти, в 60 лет, посещая ликбез, научилась читать. Она была любознательной. Еще до того, как научилась читать, по вечерам просила кого-нибудь из детей почитать ей книгу вслух. Учились все дети только на «отлично». Память у всех была исключительно хорошая. Жила семья в нужде, заботе и работе. Наш дед, Семен Артефьевич Кирков, любил рыбачить, не любил безделья. Он рыбу продавал, не забывал кормить семью. Ездил орешить в дальний лес. Знал много грибных и ягодных мест. Все собирал, продавал в городе и поку-

пал необходимое для хозяйства. Дома дел было немало. Помогали дети: Иван, Григорий, Кирилл, Екатерина, Марфа, Евдокия.

Марфа, средняя из сестер, моя мама. С шести лет с малыми водилась (братьями и сестрами). С восьми лет с радостью училась. Школу с похвальной грамотой окончила. С 10 лет жила у своей сестры Екатерины, нянчилась с ее детьми. С 10 лет мама уже хлеб пекла, вязала, вышивала, шила, пела в церкви, стирала, по утрам доила корову, занималась уборкой, кормила детей.

Ушла мама от тети Кати в 20 лет. Уехала к подруге в город Тару Омской губернии, нашла работу гувернантки, жила в семье чиновника. В стране в то время был голод. Семья чиновника в достатке жила и маме было там хорошо. Воспитывала мальчика пяти лет. Учила читать, писать, рисовать.

Пленный мадьяр Шутто

Октябрьской революцией жила страна, появилась новая экономическая политика (нэп), разрешили открывать частные магазины. Еще в Гражданскую войну в город Тару пришла беда — больные тифом с фронта прибывали и распространяли коварную болезнь.

Ее не избежала мама. Спасли ее подруги, ухаживали за ней, лечили ее.

В то время стояли части белой армии. И под охраной гуляли пленные венгры. Утром мама ходила за молоком и в это время всегда встречалась глазами с венгром. Они понравились друг другу. Однажды он заговорил с мамой на ломаном русском языке с акцентом, объясняясь в любви. В дальнейшем они поженились. Вот что рассказал о себе отец. Родился он в 1886 году в селе Солотвино (тогда еще венгерском). Детство прошло в буржуазной Венгрии в семье шахтера. Окончив 6 классов профессионально-

Иосиф Иосифович Шутто

го училища, он в 13 лет начал свою трудовую деятельность в соляной промышленности. Катал в соляной шахте вагонетки по рельсам. Смывленный, грамотный, он обратил на себя внимание руководителей предприятия и через несколько лет был введен в штат управленческого аппарата в качестве переплетчика главной конторы. Действительная служба оторвала от мирных дел. Служил он в рядах австро-венгерской армии. Среди солдат, рабочих и крестьян Иосиф Шутто выделялся своим общеобразовательным уровнем. К концу службы военное начальство присвоило ему звание унтер-офицера. Первая мировая война вернула его в ряды военнослужащих. Германия воевала с царской Россией и пополняла свою армию австро-венгерскими войсками. Так наш будущий отец попал раненый в Россию. Уже тогда он задумывался, появлялась мысль: «За что убиваем друг друга? Кому нужна эта война?» В тяжелом состоянии его раненого подобрали русские солдаты. Сначала госпиталь, потом лагерь для военнопленных. Работал в усадьбе зажиточного крестьянина. Пленный мадьяр Шутто превратился в батрака Тарского уезда Тобольской области. Здесь, в Сибири, он проникся чувством к простому человеку-труженику. Понял, что везде ему живется нелегко, как в маленькой Венгрии, так и в большой России.

Отец стал коммунистом

Революция захватила отца, стала его делом. Сибирь не пугала своей суровостью и отсталостью, стала его второй родиной. Он не смог оставить Россию в тяжелое время, так же как и русскую девушку, замечательную Марфу Семеновну, с которой делился своими делами и мыслями. В 1925 году он стал членом партии большевиков (ВКП(б))¹. Сменялись места жительства, работа, должности. Он всегда оставался добросовестным работником, чутким и внимательным к людям и требовательным руководителем. Уйдя на пенсию, не ушел от общественной работы. Беспокойный и трудолюбивый по характеру, принимал активное участие в районных мероприятиях. Выступал перед молодежью и детьми, встречался со школьниками, рассказывал о революции, о Гражданской войне. Был внештатным корреспондентом газеты «Хлебороб Алтая». Мы жили тогда в городе Рубцовске. Вся жизнь его была связана с партией, и до по-

¹ ВКП(б) – Всероссийская коммунистическая партия большевиков

следних дней жизни он оставался коммунистом. Коммунистов направляли на трудные участки. Семья меняла жительство. Так мы оказались в Алтайском крае. Из города Тары (там родились Александр и Ольга) семья переехала в Омск, где родилась я. Из Омска семья отправилась в Славгород, затем в село Волчиха (там родилась Надежда). Из Волчихи направились в Рубцовск. На этом смена жительства не заканчивалась.

На родину — через 50 лет

В 60-х годах неожиданно приехал к нам человек из Солотвино, с родины отца. На ломаном русском языке поведал, что он сосед отца (жили в одной деревне). Многие жители этого шахтерского поселка выезжали в города России на наемные работы бригадами. С работой в Солотвино было трудно. Приезжая в города, они интересовались, не живут ли венгры. Много военнопленных венгров осталось после войны 1914 года в России. В Барнауле соседу попросили сложить печь. Хозяин квартиры оказался начальником Крайстатуправления. Он сказал, что в Рубцовске живет и работает венгр Шутто. Тут же он собрался и приехал к нам, в Рубцовск. Язык венгерский отец уже подзабыл, но кое-как они поведали друг другу о своей жизни. Отец с гордостью показывал свои награды: орден «Знак Почета», значок «Отличник социалистического учета», значок «За активную работу с пионерами», много юбилейных медалей. Сосед с любопытством рассматривал и удивлялся. Сосед привез много фотографий родственников отца. Живы еще были две сестры отца: старшая Мария, младшая Розалия. Вскоре мы получили письмо от племянника отца. Он был слушателем военной академии в Ленинграде, где учились иностранцы. Он просил разрешения приехать к нам. Дали телеграмму. И вот встреча. Через год племянник снова приехал и увез отца на его родину в Солотвино. Отцу было уже восемьдесят лет. Пятьдесят лет не виделся с родными. словно мертвый воскрес. Встречали отца всем селом на предыдущей станции с оркестром. А в селе, в саду, был уже накрыт стол, который ломился от изобилия вин, фруктов и всякой печеной всячины. Все село приняло участие в торжестве.

В доме, где жила младшая сестра, первое, что бросилось в глаза, висел на видном месте портрет отца в рамке, на которой изображены ангелы с крылышками. Отец был атеист. На вопрос: «Зачем ангелы?» ему ответили: «Всегда верили, что отец жив. А анге-

лы хранили эту веру и хранили отца». Отец словно в другой мир попал. Он уже от всего и от всех отвык. Все были набожными, молились перед сном, целовались. Утром снова целовались. В первый день после торжества повели отца в отдельную комнату на втором этаже. Была приготовлена пышная постель. И вот он остался один в комнате. Открыл окно. Группа скрипачей в национальных костюмах стояла перед окном. И вдруг заиграли любимую мелодию «Тирольский вальс». Отец слушал, и слезы катились по его щекам. Плакал он от переполнявших душу и сердце чувств, навеянных встречей через полвека с родными, которые были близкими и такими далекими по духу и убеждениям. После возвращения домой от своих родных отец привез много фото. Мы узнали, что до 1914 года у отца была семья: жена и две дочери. Мама об этом знала. Теперь узнали мы.

Волчиха запомнилась школой

Еще помню, когда мне было шесть лет, брат сильно болел, и врачи советовали поменять климат, переехать туда, где есть бор сосновый. Папе пошли навстречу, перевели в село Волчиха. И вот мы едем туда. Бричка большая, уместилась вся семья с вещами. Следом за нами в такой же телеге ехали семьей знакомые, веселые шутики. Широкая, казалось, бескрайняя степь. Часто останавливались, дорога длинная, лошади уставали. На остановках собирали букеты полевых цветов, ковыль. Степь, покрытая ковылем, издали казалась снежным полем. Небо чистое, голубое. Вдруг на нем появилась черная тучка, которая стремительно приближалась к нам, и окатила нас крупным ливнем, который быстро прошел. Мы даже не успели спрятаться. Солнце и ливень — слепой дождь. Потом смеялись всю дорогу: мокрые, но веселые.

Село Волчиха запомнилось мне школой. По возрасту меня еще не приняли в школу. А мне так хотелось учиться. Я уже умела рисовать, много знала стихотворений. Ревела каждый день, что не принимают. Мама попросила директора школы: «Пусть попробует. Может, сама бросит учебу». Но я даже лучше всех училась. В школу надо было ходить через всю деревню, по бору. Школа стояла в сосновом бору. Ходила одна в первую смену в нулевой класс, типа детского сада. Утром темно, в бору сосны шумят, мне страшно, иду и реву. Желание учиться пересиливает. Прожили в Волчихе год. Брат поправился. Отца перевели снова в Рубцовск.

Арест отца

Наступило страшное время — 1937 год. Отец работал инспектором ЦСУ (центральное статистическое управление). Его избрали председателем горсовета Рубцовского района. В этой должности он проработал недолго. Наступил август 1938 года. Однажды мама разбудила нас всех среди ночи, спешно подбирая наши постели. Как сейчас помню, отец сидел в ночной рубашке, в брюках за столом. Бледный, как полотно. Какие-то дяденьки в штатской одежде в присутствии соседей (мужа и жены) рылись по всем углам, что-то искали. Мама показывала, что где лежит. Да, собственно, и показывать нечего было. Стол, стулья, две кровати. На одной спали мама с папой, на другой — брат. В маленькой кроватке спала маленькая сестренка. Я и Ольга спали на полу. Была у нас этажерка с книгами и сундук тоже с книгами: Большая и Малая энциклопедии, художественная литература классиков-писателей, сочинения Ленина и Сталина. В другом ящике хранилось белье, одежда. Эти дяди рылись в фотоальбомах и среди маминых фото нашли фото Кирилла (умершего брата мамы) в форме солдата Семеновского полка в Петербурге. Фото красивое, цветное. Это единственная улика, что отец враг народа. В эту ночь его увезли, и один год два месяца мы его не видели. Мы окружили маму и ревели.

Что было делать? Мама не работала, брат больной (инвалид детства), Ольга окончила девять классов и работала в это время в пионерском лагере вожатой. На другой день она приехала урванная. Ее сняли с вожатых и отправили на бюро комсомола. Там ее чуть не исключили, но, видимо, посчитали, что она отличница и выполняла все поручения, участвовала активно во всех мероприятиях. Вынесли ей строгий выговор с занесением в личное дело, как не увидевшей в отце врага народа. В местной газете появилась небольшая статья, где председатель Горсовета Иосиф Иосифович Шутто объявлялся врагом народа. На другой день к нам пришли трое мужчин и заявили, чтобы мы убирались из квартиры в 24 часа. Мама уговаривала подождать, пока найдет квартиру. Но найти ее было трудно. Как только мама говорила, что отца забрали как врага народа и что в семье четверо детей, сразу получала отказ. Знакомые советовали уезжать из Рубцовска. Жили мы в страхе. Боялись, что заберут и маму, и старшую сестру Ольгу.

Мама дала телеграмму тете Кате. В ответ получили: «Приезжайте срочно». Продав все, купили билеты в Калачинск Омской области. Мытарства не кончились.

Дети жили интересно

Приехали в Калачинск рано утром. Запомнилось яркое солнце, маленький вокзал, освещенная широкая улица, деревянные домики. К нам бегут две двоюродные сестры Тося и Вера. Нас обнимают, целуют, и всей компанией идем в домик (маленькие кухня и комната). Семья тети Кати была большая. Вера, старшая дочь, работала. Антонина училась в десятом классе. Оля, Юра, Эдик (внуки) учились в четвертом классе. Их родители жили на севере в Ханты-Мансийском округе, учительствовали. И еще у тети жила девочка беспризорная Мария. Училась она в седьмом классе. Мама стала искать квартиру, но везде получала отказ, все по той же причине. На работу маму не принимали. На семейном совете решили жить вместе. Нас стало двенадцать человек. Было очень тесно. Спали почти все на полу. Хотя было тесно и бедно, но дети жили дружно и весело. Сын тети Кати работал в Новосибирской области и часть своей зарплаты посылал нам. Мама иногда знакомым тети Кати шила платья. Спасало еще то, что год был урожайный, и мука была в цене три рубля за шестнадцать килограммов (пуд). Запомнилась мне школа. Стояла она на пригорке, перед ней большая дорога. Внизу в сторонке от дороги стоял домик тети Кати. Я все время жила в страхе. Сажу на уроке и не слышу, что говорит учитель. Смотрю в окно, слежу — не идут ли за мамой.

Перед отправкой в школу тетя Катя пекла шаньги с морковкой. Такие вкусные! Готовила чай или кисель. Школьников было пять человек. В свободное от учебы время мы не сидели без дела. Помогали по дому, убирали, ходили в магазин. Были послушными и исполнительными. Шурик (мой брат) выпускал стенную газету. Заметки сочинял сам, иногда в стихах и с рисунками. Иногда и мы что-то писали. Шурик сделал игру «Лошадки». Ипподром расчертил дорожками, лошадей с седоками вырезал из плотной бумаги и волчок с цифрами. Играли все, включая и тетю с мамой. Он же устроил шахматный турнир. Все играли в обязательном порядке, все отмечалось в таблице. Устраивали мы и самодеятельность, целые театральные представления. Костюмы мастерили сами, в ход шли мамины и тетины платья, платки, одеяла (ничего не резали). Хорошо запомнила: я исполняла роль орла, который унес невесту. Невестой была Надя, а Эдик — ее жених. Юра изображал индейца. Орел украл невесту, а индеец выследил, убил орла, освободил невесту. Была радостная встреча жениха с невестой. Лучший костюм был у индейца, весь в перьях, со стрелой и луком. Сценарий написал Шурик.

Летом мы играли в бабки. У каждого был панок — большая бабка со свинцом внутри и мешочек с бабками. Еще в памяти осталось, как нас тетя Катя поила рыбьим жиром через день по столовой ложке. Мы послушно вставали друг за другом, и каждый получал эту порцию. Нам не очень хотелось глотать «эту дрянь», как мы считали. Но покупала конфетка — карамелька или леденец. Летом в отпуск приехали родители Оли, Юры и Эдика. Привезли много подарков: Эдику велосипед, Юре — костюм, Оле — два платья. Мне так было обидно и завидно. Я не выдержала, заплакала и убежала на улицу. Потом меня позвали и подарили одно из платьев, которые привезли Оле. На велосипеде катались по очереди. Летом вся тети Катина семья уехали на север в Ханты-Мансийский район. Вера с подругой уехали в город Иваново попытаться устроиться на работу. Тося уехала в Омск поступать в институт. Мария поехала поступать в училище. Наша семья осталась одна. В это время домик понравился какому-то военному. Пришел он к нам и давай кричать, чтобы убирались в 24 часа из квартиры. Пожалела нас учительница физики Екатерина Михайловна, приняла нас в свою квартиру. Сама она жила с сестрой Марией Михайловной. Мария Михайловна спала на печи в кухне. В кухне же разместились и мы. Кровать поставили около входной двери против печки. На ней спали мама, я и Надя. Шурик спал на полу под кухонным столом, Ольга на этом столе. Весь скarb тети Кати разместили в сенях, благо они были большие. Как бы мы жили дальше, не знаю. Клавдий по-прежнему помогал, высылал часть своей зарплаты. Перебивались кое-как. Мама шила учителям, они платили, жалели нас.

Возвращение отца

Неожиданно осенью получили телеграмму, что отец освобожден и едет к нам. Помню, как он зашел в кухню, сразу сел на край кровати. Худой, обросший, в рваной одежде, с каким-то мешочком в руках. Опустился без сил на кровать и заплакал горькими слезами. Заплакали и мы. Один год два месяца просидел отец в Барнаульской тюрьме. Один раз разрешили передать передачу. Встречу с отцом не разрешали. Тяжело было, но отец не отчаялся.

Решили вернуться в Рубцовск. Отец надеялся восстановиться в партии и устроиться на работу. Отца в партию восстановили, реабилитировали. Предложили работать директором пищекомбината. Но он попросился на работу в ЦСУ, эта работа ему нравилась. Его с удовольствием взяли.

По дороге в Чарыш

Отца перевели в село Чарыш Чарышского района Алтайского края районным инспектором ЦСУ. Пришлось снова поменять место жительства. Шел декабрь 1940 года. За нами приехал ямщик на трех подводах. Погрузили свой скарб на две подводы. На первой ехали брат, младшая сестренка и ямщик. На второй с вещами мама и Ольга в пальтишках. Брату и сестренке досталась перина, подушки и одеяла. Мне повезло, достался старенький тулуп, который привез ямщик. Отец ждал нас в Чарыше. Он уехал раньше, чтобы получить жилье и встретить нас. Ехали мы из Рубцовска три дня. Оставались у знакомых ямщика. Ехали по дороге, по степи. Перед глазами огромное степное поле. День солнечный, мороз небольшой. От снега на солнце слепит глаза. Вдали пробежал заяц, остановился, оглянулся по сторонам и пустился прыжками наутек. Видели мы лису и волка вдали. Путь по зимней степи нудный, скучный. Сидеть на санях холодно. Маме и Ольге приходилось бежать рядом с подводой, чтобы согреться. Я ехала на последней подводе с сундуком и в тулупе. Мне было тоже не очень тепло, но я сидела. Показались первые предгорные холмы, которые с приближением к Чарышу становились все выше и выше. Первый раз мы видели горы. Восторг был неописуем. Дорога шла вдоль реки. С одной стороны — река, с другой — скалистые горы. Было удивительно, что скалы словно кто-то раскрасил оранжевой, серой, красной, черной краской, как мозаикой. В одном месте переехали реку на другую сторону. Я удивлялась, что едем по льду, а рядом, с другой стороны, бурлит вода. Еще мне запомнилась одна маленькая деревушка, расположенная на ровном месте, как на блюде, а вокруг горы. Ямщик торопился, кончался корм лошадям. Въезжали в деревушку ранним утром. Солнце только-только поднялось, освещая деревянные домики. Кое-где из труб шел дым. Снег блестел искорками. Начали просыпаться петухи. Перед глазами открылась картина, словно в сказке.

В Чарышской школе

И вот мы в Чарыше. Сани скрипят, полозья скользят по накатанной колее. О том, что мы едем, знала уже вся деревня. Папа встретил нас в натопленной квартире. Это был небольшой деревянный домик из кухни и комнаты на краю деревни. К дому было пристроено помещение для лошадей. В нем держали четыре лошади отдела

ЦСУ, все принадлежности для езды верхом, сани, небольшую кошевку, телегу и прочее. Первое, что бросилось в глаза, — это огромная гора. За домом огород. За огородом дорога, за дорогой гора. Перед домом тоже дорога пешеходная. По ней редко проезжали на лошадях. За этой дорогой речушка Боровушка. Через Боровушку мостик. Он раньше был деревянный. От мостика шла дорога влево к совхозу «Красный партизан», вправо — в сторону центра села. По ней мы ходили в школу.

В Чарышской средней школе я училась с декабря 1940 года по 1943 год — с восьмого по десятый класс. Школа мне нравилась, хотя после городской казалась маленькой. Наш класс размещался в проходной комнате. Запомнилась на всю жизнь огромная, во всю стену, красочная, с рисунками — шаржами, со стихотворными надписями новогодняя стенгазета и выставка рисунков членов изокружка, которым руководил преподаватель рисования Борис Иванович Шантуров. Он погиб в первый год войны. Под его руководством и непосредственным участии в школе были яркие, профессионально оформленные стенные газеты. Ежегодно в течение трех лет, что я училась в школе, отмечали все праздники вечерами с докладами, с выступлениями (стихи, песни, пляски), с танцами. В новогодний вечер был всегда бал-маскарад. Принимали участие в маскараде многие. Костюмы, маски делали сами.

Помню, когда в школе подходило к концу топливо, старшеклассники с пилами и веревками отправлялись в горы на заготовку дров. По крутому склону, по колено в снегу, забирались по цепочке, держась за веревку, на гору. Было много смеху и слез, когда кто-нибудь падал, и вся цепочка катилась вниз с визгом, криком и хохотом. Руки зябли, в валенки набирался снег, часто оттирали обмороженные щеки, нос. Но было весело.

С Новым 1941 годом!

Помню встречу Нового 1941 года. Я сделала себе маскарадный костюм «Кот в сапогах». Всегда делала все сама, придумывала и использовала все, что можно было взять из семейного гардероба. Слепила маску кота. Помню, на этом новогоднем вечере плясала, за костюм получила второе место. Первое место получила Качесова Васса за костюм «Ночь». Очень красивый. Черная накидка сияла на голове луной и звездами по всей накидке. Еще помню, когда зашла в зал в костюме «Кот в сапогах», то Эрик Октябрь не да-

1942 год. 9 класс Чарышской средней школы. В этом классе учились Клара Шутто (четвертая слева в четвертом ряду), Эрик Октябрь (справа крайний в верхнем ряду)

вал мне покоя весь вечер: дергал за хвост, пытался снять маску. И этим испортил мне весь вечер. Мне он вовсе не нравился в школе в это время. В райкоме партии узнали о моем костюме. Второго или третьего января к нашему дому подкачала карета с дедом Морозом. Лошадь была украшена цветными лентами. Приехали за мной. Для детей сотрудников райкома партии был устроен утренник, и решили пригласить «Кота в сапогах». Мне пришлось с ними танцевать, водить хоровод. Получила и я кулек сладостей. Это было большой радостью для всей нашей семьи.

Наши мальчики ушли на фронт

Приближался Новый 1942 год. Я училась в девятом классе. На новогоднем вечере я была в костюме «Смерть фашизму». Брат сочинил стих, и я его прочла ровно в двенадцать часов ночи. За этот костюм получила премию 75 рублей и внесла эти деньги за учебу. С началом войны часть учеников отсеклась, уезжали домой в свои села. У многих отцы уходили на войну. Повестку в армию принесли и Ольге. Ее отправили в Барнаул, из Барнаула в Ташкент на трехмесячные курсы радистов. У Ольги еще раньше признавали большое сердце, порок сердца. В Ташкенте от жары она стала опухать и задыхаться, начались сердечные приступы, и ее отправили домой. Сняли с военного учета. Из девятого класса наши мальчики (Сема Федоров, Ваня Черемнов, Сема Скосырев, Ганя Повышев) ушли воевать. В начале десятого класса ушли на фронт Эрик Октябрь, Вася Баженов. Остался в десятом классе один мальчик Вася Скоркин. Нравилась я ему.

В десятом классе я вела дневник. Вспоминаю, какой была патриоткой. Вот строки из моего дневника (немного наивно, но от души искренно и эмоционально написала): «Не могла же я родиться на два года раньше. Как мне хочется быть в армии. Я отдала бы все свои силы и даже жизнь за великое дело — защищать свою страну. Я сейчас не чувствую себя полезной Родине, а мне хочется посвятить свою жизнь делу полезному и необходимому народу».

В первый год войны осенью ученики помогали колхозу собирать урожай. Аза Плотникова и Нина Обельцова вязали снопы, к ним присоединилась и я. Нужно было поспеть за косилкой. Я еле поспевала за девочками. Силенок у меня было мало. Девочки были покрепче и посолиднее, а у меня еще и сноровки не было. Так вот каждое лето и осень мы работали в колхозах полуголодные. В Майорке ночами веяли зерно. Ночи в горах холодные. Я простудила уши, и меня отправили домой.

Подарки бойцам

Помню, как мы ходили с Эриком Октябрем по заданию комсомольской организации школы собирать подарки бойцам на фронт. Заходили в каждый дом, где нам никто не отказывал. Кто что мог, отдавали: деньги, облигации, носки теплые, продукты. Октябрь Эрик жил по соседству с нами. Выполняя комсомольское поручение, мы общались, разговаривали, узнавали друг друга. Узнал он о моем брате. Захотелось ему с ним познакомиться. Стал часто приходить к нему. Они подолгу разговаривали, привлекая иногда и меня. Однажды он пришел к нам с керосиновой лампой. Мы часто сидели вечерами, учили уроки у печи. Разжигали лучины и с таким огоньком готовились к урокам. Керосина у нас не было. Иногда даже спичек не было. Мама утром смотрела в окно, у кого шел дым из трубы. Шла туда и просила тлеющий уголек, дома разжигала печь. Эрик это увидел и стал приходить к нам с керосиновой лампой. Катались мы с ним зимой на коньках по ледяной речушке Боровушке. Была у нас простая дружба. Мне в школе нравился Сережа Лобанов. Но он дружил с Маргаритой Суворовой. Не скажу, что я переживала. Вообще, я боялась почему-то мальчишек. Слишком много было во мне детского: стеснительная, молчаливая, наивная.

Куда ехать поступать? Конечно, в Москву

Наступил выпускной вечер после окончания десятого класса. Музыка в зале, танцуем «Школьный вальс» под гармонь Нины Травниковой.

С фронта поступали хорошие вести. В феврале 1943 года на уроке химии Алешина Анна Александровна сказала нам, что слышала по радио: в институт принимают без вступительных экзаменов даже после девятого класса. А на истории Лариса Васильевна Ворошкевич сообщила, что студентам будут давать стипендию. Айдаров Иосиф Абрамович (математик) рассказывал, в каких городах есть институты. На выпускном вечере мы обступили его и забросали вопросами, кого готовят, где находятся те или другие институты. Чаепития у нас не было, но танцевали и пели мы до потемок.

После вечера перед нами стоял выбор, что делать: искать работу или попытаться поступить в институт? Ведь шла война. Прежде чем куда-то поехать, нужно было получить пропуск в Барнауле. Плотникова Аза и я решили поехать в Москву в авиационный институт, пришел вызов. Он был первым. А посылала документы я в архитектурный в Ленинград, в Ташкентский текстильный. Получила вызовы из всех институтов, но решила поехать в Москву. Я просто мечтала всегда о Москве, хотелось когда-нибудь попасть туда. Мы рискнули.

Мама сшила мне из папиного пиджака утепленную куртку. Таковую же куртку сшила и Азе, из пиджака ее отца. Положила мне в мешочек булку хлеба, маленький мешочек сушеной картошки, 70 рублей, два платья, необходимую осеннюю одежду, кружку. Все вместилось в подушечную наволочку, позднее нашли чемодан. Добралась до Усть-Тулатинки. Оттуда мы с обозом, который вез сыр, поехали до Усть-Пристани. Приехав в Усть-Пристань, мы узнали, что паром из Барнаула сел на мель, вернулся назад и только вернется через двенадцать дней. Прожили три дня в Усть-Пристани, думали другим путем попасть в Барнаул. Но не получилось. Пришлось обратно вернуться домой с этим же обозом. И хорошо, что вернулись. С таким запасом денег и продуктов мы не доехали бы до Москвы.

Октябрь

Еще разные воспоминания будоражат мысли отдельными моментами. Вспомнила об Эрике. Эрик Павлович Октябрь родился в 1925 году в селе Чарышское Алтайского края в семье служащего по фамилии Жандармов Павел Акимович, коммунист. Когда родил-

ся Эрик, крестить детей коммунистам запрещали. Решили сделать ему в сельсовете октябрины. Дали имя Эрик, что означало Эра Октября, и поменяли фамилию отца на Октябрь. Впоследствии и сами поменяли на эту фамилию свои. В семье была у них еще сестра Искра (в честь ленинской газеты «Искра»). Она умерла маленькой от дифтерии. В школе помню его сидящим на последней парте. В лыжном костюме со спичкой в зубах. Красивый на лицо, он уже знал себе цену. Я тогда не особенно обращала внимание на мальчиков, какая-то наивная была, в еще не ушедшем детстве. Это только сейчас вспоминаю обо всех и словно встречаю их вновь. Конечно, нравился мне Сережа Лобанов.

А из нашего класса — Скосырев Иван, Скоркин Василий, Федоров Семен. Да, в общем, все были мальчишки хорошие. К Эрику в школе была равнодушная. Но вот судьба упорно сводила нас. С первых дней, как он ушел на войну, переписывался с братом, передавая мне приветы. Потом стал писать письма мне. Письма были шуточные и грустные. Служба его в армии затянулась на восемь лет. И все эти годы переписка продолжалась и с братом, и со мной. Случилось у него горе: повесился отец. Мать приехала к Эрику в Хабаровск, где он служил. Вскоре умерла и его мать. Он остался один. С родственниками он не общался. Попросил разрешения приехать к нам на время отпуска. Всем в нашей семье он очень понравился, в том числе и мне. Договорились с ним, что после демобилизации он приедет к нам, и мы поженимся. Вот так судьба сводила нас и свела благодаря его упорству добиваться своего. В 1950 году была наша скромная свадьба. 7 ноября — в день Великой Октябрьской социалистической революции.

Родителей вспоминаю с благодарностью

Ушло наше время. Нет СССР — Союза Советских Социалистических Республик. Остались воспоминания о жизни нашей семьи в ушедшем времени трудном, горьком, бедном, но с большой надеждой на лучшее будущее, с верой в Победу в Великой Отечественной войне.

Своих родителей вспоминаю с благодарностью. Отец прожил 93 года. Мама не дожила один месяц до 101 года. В 93 года ей удалили желчный пузырь, прожила после этого еще 8 лет.

Они столько пережили невзгод, бед, горя и болезней. При этом оставались добрыми, отзывчивыми и трудолюбивыми. Награда им за все: прожили долгую жизнь с неисчезающим интересом ко всему, вселяя окружающим веру в долголетие.

Голубятникова Валентина Ивановна

Родилась в 1927 году в селе Локоть
Локтевского района Алтайского края

Записала в июне 2012 года
Виктория Житкова, студентка
филологического факультета
АлтГУ. Расшифровала запись
Ксения Иванова, студентка
филологического факультета АлтГУ

Детей много — всех их жду

Я родилась в тысяча¹ девятьсот двадцать седьмом году, второго марта, но по паспорту у меня двадцатого марта. В общем², перепутали, а так я второго марта родилась, а паспорт дан мне двадцатого апреля. В общем, мне уже восемь³ пять лет. Здесь и родилась, здесь и детей нарожала. Дети все учились здесь, в Казахстане. Тада⁴ ж было все едино — Советский Союз. Ну а теперь один только у меня в Казахстане остался — с писят⁵ девятого года сын. А остальные уехали оттуда. Второй сын живет в Иркутске. Старшая дочь живет в Омске, она с писят второго года, а с писят седьмого года дочка живет в Бурятии. Там муж у ей⁶ военный. Здесь она замуж вышла и в Бурятию они уехали. Вот четверо у меня ребятишек: два сына и две дочки. Дочка младшая отучилась в институте, а потом нашла, дурочка. И забеременела, а он собрался и уехал от нее. Я говорю: «Приезжай!». Как раз весна. В семь⁷ седьмом году разлив большой был. Я говорю: «Шас⁸ вот вода слынет,⁹ и ты приезжай». А вода сильно разливалась, ну, большой потоп был. Ну, она потом приехала и родила здесь, а сама после рождения дочки пошла в колхоз. А в семь⁷ пятом-то году на уборку военные приехали. И она познакомилась с одним военным. Они потом уехали, и он ее оставил здесь, но он потом приехал через десять дней обратно, и сделали свадьбу. По-

¹ Тыща — тысяча.

² В общем — в общем.

³ Восемь — восемьдесят.

⁴ Тада — тогда.

⁵ Писят — пятьдесят.

⁶ У ей — у нее.

⁷ Семь (диалект.) — семьдесят.

⁸ Шас (диалект.) — сейчас.

⁹ Слынет (диалект.) о воде: уйти с поверхности, стечь.

Уборка сахарной свеклы

женились и уехали в Хабаровск. А дочка ее, Ирка, у меня осталась, пока они там в Хабаровске жили. Прожили они там три месяца и вернулись, но потом уехали опять. Вот внучке щас тридцать лет. Скоро Ирка и они все приедут. Она хочет тридцать пять лет здесь справлять. Вот я их и жду.

На фронт не взяли

Тада общеобразовательные семь классов были. Семь классов кончила. И кончила курсы медсестер. Нас, значит, Тоню Горшкову, Останину (мои подружки) на фронт отправили. До Барнаула доехали, а там комиссия была. Меня не взяли. Отец у меня умер в тридцать третьем году. А два брата на фронте были. А мать одна жила, и меня вернули. Меня на фронт не взяли, а подружку мою взяли. Еще Островская с нами была, но она погибла на войне. А остальные вернулись. Вот так я и осталась здесь. Здесь я и работала. Када¹ у нас² приехал дом инвалидов и у нас здесь открывался, я перешла туда работать медсестрой. Муж у меня трактористом работал. А в писят третьем году нам объявили, что не хватает рабочей силы. Приказали, чтобы жены работали вместе с мужьями в колхозе. Конечно, слез было много, и плакала. Пришлось, и я ушла в колхоз.

¹ Када – когда.

² У нас – к нам.

В колхозе я работала медсестрой. Я четыре года работала так. А потом я ушла, уже специально ушла в бригаду. И в бригаде работала на свекле. По три гектара свеклы обрабатывали. Ну, мне и дети помогали. В колхозе я и дояркой была. И так я и проработала. Мужа я потеряла в семью¹ пятом году и осталась без мужа. Он фронтовик, а я шас вдова. У меня награды есть: медаль, грамоты. Я их никуда не одеваю, подружка у меня всегда одевает.

Никуда не хочу ехать

Дали мне уже на квартиру документы. Только в Алтайском крае, в Барнауле. Уже подружка получила там квартиру. Но я здесь остаюсь. Что я там одна буду жить, в этой квартире! Вот сын мой приедет с Иркутска, и тогда мы решим, куда ехать. А так мне сказал наш район, что ты можешь там квартирантов пустить. Я что там одна, что здесь одна. А от детей я ничё² не требую, я пенсию хорошую получаю. Я сорок два года проработала, это мой стаж. Никуда не хочу ехать. Ну, дети меня, конечно, не обижают, они мне помогают. Я так рада, что дети мои уехали с Локтя³, они там все работают. Дочка вот, в Бурятии которая живет, она на железной дороге работала, а шас она на пенсию пошла, за нее дочка уже пошла работать. В общем, дети с меня ничё не требуют. Вот внук только попросил у меня помощи маленько: квартиру в ипотеку надо выплатить. Живет он в Омске, армию отслужил. Шас двадцать пять лет ему, хочет жениться. Чтобы жениться, надо, чтобы было где жить. Ну, конечно, помогла маленько. А так-то, дети все хорошо живут.

Родят, и дают деньги

А шас, видишь как, родят, и дают деньги. А я родила четверых, и только с четвертого мне⁴ написали⁵ пособие — четыреста писят рублей как детские. Мы поехали с мужем в Змеиногорск, тут у нас всегда насчет шмоток⁶ плоховато было, и мы поехали с мужем, набрали всего, ещё и денег привезли оттуда. Шмотки все хорошие. А шас... вот приехал Ванька, внук, говорит: «Баба, тут хорошие туф-

¹ Семьсь — семьдесят.

² Ничё — ничего.

³ С Локтя — из Локтя.

⁴ Мне — мне.

⁵ Написали — назначили.

⁶ Шмотки — одежда.

ли за семьсот рублей». Я говорю: «Ну, иди, возьми, я те¹ денег дам». Купил. Он прожил здесь четыре дня у меня, с ребяташками в футбол бегал. Пришел — отвалились². Вот тебе пожалуиста, вот так!

Получаю неплохую пенсию

Я ведь даже в Якутию ездила. Я только не ездила в Москву. Не пришлось в Москве побывать³. А так я и в Якутии, и в Хабаровске, и везде была. Конечно, нелегко с семьей пятого года без мужа. В восьмью втором году я пошла на пенсию, пенсия у меня была писят четыре рубля. Ну а потом мне председатель сельского совета сказал: «Валентин Иванна, ты на пенсию пошла, будешь ездить на лошадке молоко собирать по населению⁴». Я говорю: «Буду!». Ну и вот, стала, я девять лет собирала молоко, уже после пенсии. Нас трое собирало, тада коров было совсем не так, как шас. Тада разрешали только корову, телёнка и четыре овечки держать. А шас-то вон как! Я када проработала уже год, меня в контору вызвали и сказали, вот тебе уже добавка к пенсии. И я получала восемьь девять рублей. Второй год — сто десять рублей. А шас я получаю неплохую пенсию — 11804 рубля.

Я помогала, и мне помогают

В общем, всё было: и худо, и плохо было. Всё перенесла и всем за всё прощала. Чё⁵ тока⁶ не было! Там один дядька задавиться хотел, а я как раз зашла топор отдать им, а он уже в петле был. Стол подставила и быстро срезала веревку, и его спасла. А он потом ругал меня за то, что я спасла его.

И шас тоже люди обращаются ко мне — уколы поставить. И ко мне приходят, ставят. Я помогаю, и мне помогают. Врачи не бросают меня. Одна вон вчера звонила и говорит: «Тебе надо на десять дней ложиться в больницу». Я говорю, что шас сын придет, и тогда решим. А шас знаешь, какое воровство! А она говорит, када сын придет? Я говорю, видишь, как получилось: он собрался ко мне, а чё-то⁷ коленка заболела, и операцию ему сделали. Теперь после операции только придет. Тада и решим.

¹ Те (диалект.) — тебе.

² Отвалились (диалект.) — в значении развалились.

³ Побывать (диалект.) — побывать.

⁴ По населению (диалект.) — у населения.

⁵ Чё (мест.) — что.

⁶ Тока (част.) — только.

⁷ Чё-то- (прост., мест.) — что-то.

Кривов Петр Александрович

Родился в 1927 году.

Проживает в селе Панкрушиха Панкрушихинского района¹

Записала в июле 2012 года
Анастасия Мазырина,
студентка исторического
факультета АлтГПА

О переселении дедов

Родился я в 1927 году в селе Панкрушиха Панкрушихинского района. Мать моя — Чапаева Анастасия Трофимовна, отец — Кривов Александр Тимофеевич. Родом они тоже из этих мест, а вот деды мои уже были переселенцами из Тамбовской области — Чапаев Трофим Прокопьевич и Кривов Тимофей. До сих пор в Тамбовской области есть деревня под названием Кривово. Дед Чапаев пришел с переселенцами один, он сиротой там был. Пришел, а ведь нужно на что-то жить, заняться каким-то делом. Вот ему и подсказали, что живет здесь Цыганков Петр Александрович, он мастером, ему требуются работники. Пришел дед Чапаев к Цыганкову, они поговорили, и тот его принял на работу. А уже потом Цыганков женил Чапаева на своей единственной дочери.

О раскулачивании деда Чапаева

Деды наши с нами рядом жили: Чапаевы по левой стороне моста, а Кривовы — по правой. Дед Чапаев тогда очень крепко жил, не сказать, что зажиточно, но крепко. Держал лошадей, скот, жил в двухэтажном доме. Но его постигла та же участь, что и многих в то время... его пришли раскулачивать. Мы с ним стояли в ограде, как пришла к нему советская власть в лице наших панкрушихинских активистов. Я этих ребят знаю... — три друга.

Пришли и говорят, хочут при этом: «На тебе [надет] вот полушубок хороший!» — «Да, ничё, хороший он у меня». — «А ты шубку-то, снимай!» Сняли полушубок, второй подходит: «Слушай, у тебя и валенки новые, давай-ка ты и валенки снимай!» А третий в это время зашел в избу. У матери была хорошая швейная машинка. Взял он это машинку, безо всякого, и вышел. Они захохотали и пошли.

¹ Себя называет русским, указывая, что деды «были мордванами».

Потом забрали и скотину, и плуги, и телеги, в общем, весь инвентарь. Деда Чапаева прямо зимой выгнали из дома. Его дом понравился одному лесничему... Так дедов двухэтажный дом забрали по его распоряжению и сделали из него контору лесхоза.

А деда Трофима Прокопьевича вместе с женой, четырьмя ребятишками и прадедом Цыганковым переселили в избушку. Эта избушка когда-то была деда Цыганкова мастерской. Деда Криво-ва не успели раскулачить, он как-то все имущество переписал, все раздал своим сыновьям¹.

О репрессировании отца

Но на этом произвол властей не закончился, нашу семью коснулась еще одна трагедия.

Историю об отце я узнал от Егора Брусенского, он жил раньше по соседству с нами и тоже был активистом. Мы с ним встретились через много лет в бригаде. Я в то время пахал и боронил там, а он сторожем был в бригаде... Вот он мне и рассказал, что в сельсовете говорили: «Дак вот надо еще Саньку Кривога арестовывать. Его, — говорят, — дома нету, он в Новосибирск сбежал». А наша сноха... тоже активистка, говорит: «Да, как нету?! А Санька-то дома ходит!» — «Как дома ходит?» — «Дома». — «Так надо его брать!»

Заседание заканчивается, Егор пошел домой. Шел мимо нашего окошка и крикнул: «Санька, тебе, наверное, уходить надо. Тебя придут [брать] ...» Отец сразу соскочил... Свету-то тогда не было. А свет какой был? Стояло блюдечко на столе, а в блюдечке жир какой-то, а в нем тряпочка лежит и потихонечку горит. Они с матерью сидят, а мы с Колькой, младшим братом, бегаем. Отец сразу этот свет погасил, потом вышли с матерью в сенки, попрощались, больше мы его не видели.

А мать потом ездила отца искала, ей подсказали, в каком он лагере может быть, это примерно на левой стороне Оби, тогда там называлась станция Кривошеково. С ней там, конечно, разговор короткий был, хотя она дошла до начальника тюрьмы: «Хоть бы справку дали, где он, или погиб, или с голоду умер, или что-нибудь». Он говорит под вид того, что: «Гражданочка, отваливай, а то мы тебя — да и туда. А зачем тебе справка?» — «Так у меня два парнишки рас-

¹ Многие крестьяне, чтобы избежать раскулачивания, разделялись с сыновьями, распределяя хозяйство по дворам. Это способствовало разрушению традиционной семьи, когда под одной крышей жило несколько поколений.

тут, а вырастут, им, может чё надо будет». — «Во-первых, мы в нашей организации никакие справки не даем. Вот видишь, две телеги стоят, каждый день эти две телеги заключенных нагружают и хоронят, нагружают и хоронят. А ребятишкам, вырастут, своим скажи, что ихний отец умер, и все».

О жизни у деда Кривова и о переезде к Чапаевым

Мать как вернулась, мы жили сначала у Кривовых, а потом Чапаевы нас забрали к себе, перевезли наш домишко и поставили к себе на усадьбу. Один дед здесь, другой дед через дорогу. Вот придем к Кривовым, бабка Анна посадит, смотрит на нас и плачет, и плачет. А потом она умерла, прямо при нас, она за отца очень сильно переживала.

Деда Чапаева потом в колхоз загнали, пошли также в колхоз два сына, и мать моя дояркой. Колхоз был за Паншихой, там, где улица Грязная, сейчас она Новая. Колхоз сначала был назван в честь министра сельского хозяйства Гридинского, но потом его признали врагом народа и расстреляли. Собрали собрание, на повестке дня — переименование колхоза. А я тогда, хоть и маленький был, но постоянно там бегал. Народ наш ведь безграмотный был, слышу, мужики переговариваются между собой: «А почему это был Гридинского, а стал Карлы Марлы какие-то?» Тогда ж не знали, кто такой Карл Маркс.

Зимой здесь работали, раз ферма тут стояла, а летом все в степь уезжали: сеяли, пахали. На ферме у нас и дедушка Чапаев, овечек пас, и тетя Дуся, материна сестра, и мать. И им разрешили из дома телку отеленную взять, чтобы она там была [на летней ферме], они там надоят молока — то кашу сварят, то еще что-нибудь. А я пешком туда приду, два дня поживу, потом мать меня с молоковозом отправит. Он в Панкрушиху молоко возил на быках. Меня посадят, я стою, за флягу держусь. А в другой раз приду, матери надоедает или что, она меня отведет километра за два, отлупит хорошенько, и я пошел опять домой. В колхоз я тоже пошел работать, где-то в 1936 году, и копны возил, и на граблях греб. А куда деваться было, в колхозе хоть раз, но покормят. Даже два раза ездил в пионерский лагерь, как хороший копновоз.

Летом мы жили в бригаде, она где-то в 20 километрах от деревни была. Жили там в балаганах: березки нагнут, закрепят, сверху сеном закроют, и все. А внутри — кто дерюжки постелет, кто сено потолще, и спишь, как генерал. Балаганы старались делать, где было боль-

ше ляг¹, в них вода ведь была. Когда умыться, когда лошадей напоить и самим пить. Утром вставали пораньше, пили чай и — работать в поле, а уже в обед нас хорошенько накормят.

О работе во время войны

В то время [летом 1944 года] я работал в промкомбинате: нас дед Золотарев, или Золотухин, вместе с Володькой Ященко взял к себе на подмогу. И вот мы в бор поедem на быку, осину выбираем, которую пряменькую, и привезем — не на чурки, а подлиньше. Приедем, здесь распилим, эти чурки стаскаем в мастерскую, потом ровненько колем их, а он на станке рубанком у себя строгаet их. Из этих чурочек делает дощечки, и мы сбивали эти ящики. Я тогда должен был в четвертом классе учиться, но не учился, некогда было.

Беру акты и пошел

Я устроился работать в ЦСУ — Центральное статистическое управление. ЦСУ — это статистическая отчетность. Колхозы нам предоставляют свою отчетность и на технику, и на животноводство, и на продукцию. А мы этот отчет после приемки просматривали и делали проверки.

С Краевого статуправления приходит задание, например, проверить колхоз такой-то. Я беру акты и пошел в колхоз проверку делать. Сколько коров доится, сколько не доится, сколько курей, сколько свиней, совпадает ли с отчетностью по «форме 24», в которой вся деятельность по статьям расписана. По окончании проверки составляю акт, в инспекции уже старший инспектор проверяет. А если был обнаружен какой-то непорядок, то вопрос ставился на рассмотрение райисполкома. Собиралось собрание, приглашали нерадивых и уже выносили вердикт: либо наказывали, либо убивали с работы.

Там была МТС

А потом, после ЦСУ, в 1954 году меня пригласили в райком партии. Я в то время был секретарем комсомольской организации. Первым секретарем партии был Филипп Агапонович Нечаев. Он пригласил меня и предложил выступить в газетке с инициативой создания своего тракторного отряда. Нас обвиняли в том, что мы сидим,

¹ Ляги — низины с водой в березовых рощах.

ждем откуда-то из Кубани, с Тамбовской области, когда к нам приедут и будут сеять и пахать¹. Из барнаульского статуправления позволили, пожелали мне удачи и выслали трудовую книжку оттуда. Я взял трудовую книжку, взял мешочек — по-солдатски ведь был «мешок» [вещмешок в виде рюкзака, использовался как часть обмундирования солдат], а я — «мешочек», и пошел в Подойниково, рядом село. Там была МТС, от которой были курсы трактористов, на них занимались уже два месяца человек тридцать. Они уже практику проходят, а тут я появился. Со мной побеседовали, сказали, что пойдет, догоню.

Я походил две недели на курсы, а нам уже новые трактора пригнали — ДТ-54 гусеничные, из Рубцовска. Получили пять тракторов. Рассадили нас на трактора по двое. Один — кто уже работал, а один — такой как я. Меня с Петькой Шабаетовым посадили. Он был моим одноклассником, но почему-то в армии не служил. Вот так вот нас рассадили, сделали бригаду, бригадиром поставили кубанца Домашенко, а остальные — все наши.

Заготскот² — уже государственная организация

В 1960 году [после того как П. А. по болезни уволился из МТС] директора заготконторы выгнали, и меня пригласили туда работать. А в марте 1963 года я в заготскот ушел работать. Тогда наш район передавали — и в Новосибирскую область, и в Каменский район. Мы как раз с Каменским районом соединены были в 1963 году. А здесь я только начал работать, все у меня получалось, я находил общий язык с людьми, взяли объединили Камень и Панкрушиху. Все райисполкомы, райкомы, и райпотребсоюз, все ликвидировали³. И я остался без работы, а меня зачислили каким-то инструктором заготконторы Каменского района. Это я живу в Панкрушихе, а числюсь в Камне. И когда заготскот здесь заварил один товарищ, боевой был, и меня вызвали туда в Камень, на беседу. Беседа очень короткая: «Надо ехать домой и принять заготскот». Парфенов был первый секретарь, железная рука. Все не спрашивал, он, конечно, обо мне знает, и сидят наши бывшие, в райисполкоме секретарь, и все. И я принял заготскот. Принял я этот заготскот, пришел

¹ Речь идет о целине и приезжих целинниках.

² Заготскот и заготконтора — организации, проводящие закупки у населения скота и различных товаров (продуктов сельского хозяйства, промысловой продукции и др.).

³ Речь идет об административной реструктуризации и объединении районов. Эта кампания укрепления районов проводилась Н.С. Хрущёвым в 1962–1963 годах.

туда, а они контору продали. Километров пять от деревни, я пришел, было у них всего двенадцать лошадей, шесть человек рабочих было. Ничё не было, кошмар. И перехода не было, даже моста не было перейти, а он на той стороне Паншихи стоял. Вот я с этого начинал, а потом сделал поселок, который сейчас есть, поселок Заречный.

Заготскот — уже государственная организация, она закупала скот и отправляла на мясокомбинат. Нам могли сдавать мясо и колхозы. Нам сдал, считай, государству план выполняешь. Его через восемь лет ликвидировали, так как уже совхозы появились, они были более самостоятельные единицы. Я снова остался без работы.

ПМК тоже с нуля начинал

Я потом написал приказ на создание ПМК: у нас здесь строили каменные и хабарские ПМК, своей не было. Тогда первым секретарем был Луцев Иван Григорьевич. ПМК — это строительная организация, ее я тоже с нуля начинал. Построил контору, постепенно строили маслозавод, больницу, Дом культуры... я не беру жилые дома.

На тот момент я закончил сельхозтехникум каменский. Сформировали группу из человек сорока или тридцати и отправили нас в Камень сдавать вступительные экзамены. Кошмар, как мы сдавали их. Ходит учитель по рядам, буквы исправляет. То где «и» или «е» или еще что-нибудь. Писали диктанты, потом нам эти диктанты показывали, они цветущие — красным чернилом [исправлены ошибки]. Конечно, нас всех зачислили, ну а потом мы стали учиться и постепенно вникали в свою специальность. Я поступил на агронома, учились пять лет заочно, два раза в год ездили на сессии, которые длились по месяцу.

Из ПМК я ушел за свою непослушность. К нам начальник приезжал, краевое совещание проводил, и я выступил на этом совещании и сказал, как здесь плохо руководят нами в строительстве. Он уехал, а через два дня меня уволили.

Деятельность в профсоюзе

Тогда я пришел в профсоюз, моя деятельность в профсоюзе состояла в организации труда, охране труда, отдыхе, путевках и т.д. для работников совхоза. Детский пионерский лагерь — это дело рук нашей профсоюзной организации. Для рабочих устраивали соревнования, кто больше надоил, кто больше напахал. Постоянно отмечали День животновода, День механизатора. А как посевная заканчивается, организуем праздник, выезжаем [всем коллек-

тивом совхоза] на природу. Награждали лучших работников, передовиков премиями или же тем, что предоставлялась возможность купить: ковер или стиральную машинку. Тогда же в магазинах толком ничего не было. Многих [многих членов профсоюза, рабочих совхозов, доярок и т. д.] отправлял на курорты, знал состояние каждого, кто нуждается, я всех пролечил: кого в Крым отправлю, кого в Кисловодск, кого в Белокуриху.

В 1987 году ушел на пенсию. Позже выходил на три года в заготскот работать. А сейчас держим с женой небольшое хозяйство, выращиваем овощи на своем огороде. Стараюсь не сидеть на месте, постоянно что-то делаю.

Баранова Мария Васильевна

Родилась в 1928 году. Живет в селе Фунтики
Топчихинского района

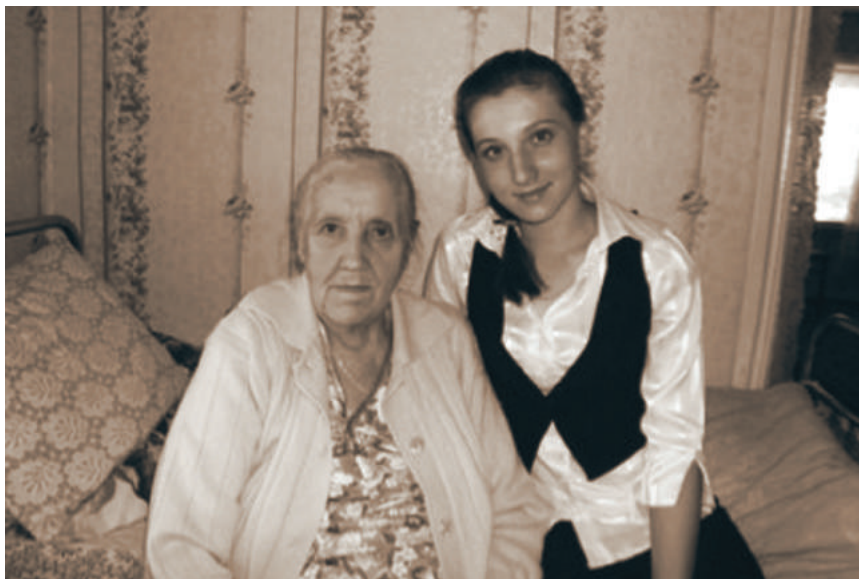
Записала в сентябре 2012 года
правнучка Марии Васильевны —
Татьяна Елисеева, ученица
Фунтиковской средней школы

Так началась война

Мама была на работе. Приходит вся в слезах. Мы стали спрашивать у нее. Она говорит: «Девчонки, у нас большое-большое горе. Началась война!». С кем началась, она не говорила, и мы не знали. Через два-три дня эшелонами и машинами у нас повезли мужчин, отцов, братьев. Всех увезли.

А я еще была ребенком. Глядя на маму, было все тяжело переносить. Все заплакали вместе с мамой, а что плакали, я не знаю.

С началом войны всё пошло в работу. Дома работали, мамы не было. Она была на пашне, на поле. Тут как раз покосы начинались, потом стали нас брать на работу. Стали на поле сначала сгребать, сено копнить, хлеб пололи. Стали нас оставлять на таборах жить, чтобы домой не уходили, чтобы рано вставать и позже ложиться. Всё делали, весь световой день у нас был в работе. И тем мы радовались, когда пройдет сильный дождь. Значит, делать нечего, мы отдыхали.

Мария Васильевна Баранова с правнучкой Татьяной Елисеевой

Как Фунтики помогали фронту

Они помогали. Молоко сдавали, яйца сдавали, шерсть сдавали. На коровах своих пшеничку на элеватор возили. Вот это вот все делали. Мама моя, бабушка — они сидели пряли. А нас уже научили вязать. Вот мы вязали, кто варежки, кто перчатки, кто носки. И собирали посылки. Но где они их сдавали, я не знаю, в Топчихе или в Фунтиках, я не знаю. И это все отсылали на войну. Мы старались всё делать, чтобы закончилась война. Каждый час, каждый день. Всё, что от нас зависело! Нам всё говорили, и мы всё это делали и выполняли.

Весточки с фронта

Кому-то письма были хорошие, их всем селом встречали с радостью. Но тогда так не жили, тогда друг друга все любили. Все знали, кто чем жил. Приходили радостные письма с фронта, тогда все приходили домой и радовались. Но и приходили такие весточки, что мы всем селом оплакивали. Это знаешь, как её называют? Похоронка.

Войны не будет больше — теперь будем жить хорошо

Мы были все на поле. Все подростки были, и все женщины были и старики. Все были. Это была посевная. А тогда всё-всё-всё делали вручную. И сеяли на конях, на быках. И засыпали вручную. Всё делали вручную! Ну, конечно, на полях мы не все в одной кучке были. А везде были. Приехал бригадир на коне верхом и говорит: «Война закончилась!». Но мы не песни пели, а плакали. Не знаю, отчего мы плакали.

И после обеда нас отпустили всех домой. Всё, мы пошли домой.

Я как, ну, я шла домой — войны не будет больше. Теперь будем жить хорошо. А как мы будем жить хорошо, я не знала. Вот война кончилась, значит, это хорошо. Ну, а наутро мы опять пошли на работу, опять на эти же мешки, опять на эти сеялки и так далее и тому подобное. Это всё было наше. Кругом.

А награды я получила уже, милая моя, не в ту пору. Я получила за целину, за трудовой труд¹, а две — за победу. Но эти были послевоенные. В войну мне ничего не было, потому что я еще была несовершеннолетней. Для меня только должна быть работа-работа-работа. Вот это после войны было еще лет десять или пятнадцать, не было ни отпусков, ни выходных. Ну, тогда уже после десяти лет прошедшей войны стали маленько жить.

Вот и вся еда

Во время войны была только картошка, молочко, жмых двух сортов. И трава в околке вся наша была.

Вот и вся еда! А разве это не еда? Картошка досыта была, она не в каждом доме была. Ее тоже так же делили с людьми. Вот у соседей не было картошки, а у нас была. Они приходили и пополам делили. Тогда жили другой жизнью, не как сейчас.

Во что одевались? Ходили по деревне, менялись, продавали. Люди продавали за кусочек хлеба. За три-четыре картошки юбку вязаную какую-нибудь, еще что-нибудь можно было купить. Одна фуфайка дома была на двоих-троих. А так, кто сам что сошьет. Туфлей, тапок и что-то такого не было. Ходили подростки большинство, когда было тепло, босиком.

¹ Трудовой труд — словосочетание подразумевает труд в мирное время в противовес труду во время войны.

У нас жила семья немцев

У нас лично в доме жила семья немцев. Жила тетя Софья, Андрей, Миля и Давыд. Они так и сейчас тут. Миля здесь. Тетю Софью поставили на свинарник. Она была свинаркой. И туда перешла со своей семьей жить. Там свиньям возили свеклу и возили отходы. В этих отходах было маленько пшенички. Она руками перебирала, зернышки сюда, но это никто не знал. А свеклу варила, очищала, кормила детей и ела сама. И мы туда бегали есть эту пшеничку.

Да не только ходили, а чуть жить туда не перешли. Там же тетя Софья жила, она добрая женщина была, очень хорошая. По фамилии они, кажется, были Руш. Точно не знаю.

За что сослали их сюда? Я сильно тебе вглубь не залезу. А только как от них понимали мы. Они немцы, и воюют с немцами. Их выселили, что на них не было надежды. Вот тогда была такая брехня. Вот всё.

Дети тогда были только до девяти лет

Ну, двенадцать лет мне было! Да какой ребенок был? Ты что? Таких детей не было! Дети тогда были только до девяти лет! А в десятый год уже на пашне были.

А во что бы я играла? С кем бы я играла? Одна вышла в земле покопаться? Они все были в поле. Мы все были. Все-все-все. Пока еще войны не объявили, мы еще немножко виделись, но уже много работали. А как только начали работать на пашне, тогда ведь у каждого была своя территория, и она никуда не делась. И все пахали на конях, сажали, пололи, убирали. И это все женские, стариковы, детские руки делали.

Нет, это было весело, хорошо. Лишь бы только скорее закончилась война! А мы все делали. Мы дождались. И победили. А что такое война, еще дал Бог, не видели. Страсть господняя!

В пятнадцать лет лес валила

Случай интересный тебе? Ну, их много интересных. Как я в бору была.

Рассказать? Ну, было мне примерно лет пятнадцать. С мужиками послали туда. Поставили поварихой, чтобы печь, есть варить им и так далее. Приехали туда. Хорошо, что хозяйка была хорошая. Вот там мне было легко, там я хорошо жила. Тетя Нюра ее звали. Я только муку сеяла, воды заносила, баню растопляла и так далее.

Она сама хлеб пекла, мясо варила, я ей картошку чистила, она все сама делала. А потом, видят, что мне делать нечего, и мужики стали забирать меня в бор, в самую тайгу. В тайгу привезли: двуручная пила, мы подходим, она, матушка [сосна], стоит неизвестно какая. Мужики говорят: «Вот с этой стороны пилите, не убегайте от корня, а то убьет!».

И пилили. И собирали щепки, сжигали. Ой-ой-ой. И дояркой была, двенадцать коров у меня было. Я их вручную доила. Сама доила, сама кормила, но не возила корм сама. И двор за лето сама мазала, они ж мои коровы. Да это ужас, не приведи Господь! И после войны еще лет десять было очень трудно жить. Очень! Вот как говорят, что это забыто? Я не знаю, это ничего не забывалось.

А что такое кизяки?

Вот навоз выбрасывали и большими кучами делали. Пришла весна, отсеялись в поле — опростались люди добрые. Приходят, эти кучи раскидывают, с речки воду возят, заливают, конями топчут.

Таня, Маня, Даша станки берут и идут делать, большое поле расстилают в станках. Трех был, двух и один. Вот даже один был, хоть и семь лет, и то делали кизяки. Потом их переворачивали, потом складывали, большие кучи складывали, потом уже скирды. У кого крыша есть, то под крышу. А у кого нет, так на улице и лежали. И топили ими.

Я перешла в эту избу уже сорок лет назад. Я не могла печь хлеб дровами, мне надо кизяками. Как же я буду хлеб печь дровами? Да я его сожгу. Но к кизякам все привыкали. Это ужас! Угля не было, дров такой страсти, какая сейчас у меня, я никогда не видела. Это полынь, солома какая-нибудь чаще была. Но тогда была и изба маленькая.

Мир стал сильно строгий

Да, в такой избе по одиннадцать человек жило. И всем хватало есть и пить. И никто не дрался. Вот как хорошо было!

Ну, сейчас очень хорошо, но немного нежелательно бы так жить. Нужно пообщительней, помилее друг к другу быть. Но сейчас сильно все очень-очень строгие. Это и не только вы, я не об вас, я обо всем мире говорю.

Климов Дмитрий Федорович

Родился в 1928 году.

Почетный гражданин села Завьялово

Записали Нина Гончарова,
учитель истории Завьяловской
средней общеобразовательной
школы № 1, и Светлана Титова,
заведующая Завьяловским
историко-краеведческим музеем

Блиндаж белочехов

В Гражданскую войну Завьялово попало в зону военных действий, несколько раз менялась власть: то белые, то красные, то белочехи. И все сгоняли народ и агитировали за свою власть.

В конце улицы Советской по левой стороне, как ехать на Овечкино, и конец Чкаловской, где сейчас стоит дом, в котором живет Коноваленко, в Гражданскую войну там был блиндаж белочехов. Они здесь занимали позицию, а партизаны наступали со стороны Светлого и в конце бора были у них окопы и блиндаж. По рассказам, они держали оборону два дня, вели обоюдную перестрелку. Беяки потом привезли пушку и ударили по партизанам, попали в блиндаж. Погиб командир партизан, и они отступили. Не пошли в наступление и беяки, они ушли в сторону Дубровино. Потом был большой бой под Сосновкой.

Все это мы узнали от одного деда. Мы пасли колхозный скот. Просят, телят днем пригоняли на стойло на озеро Лабзоватое, и он к нам пришел и рассказал, что он воевал в этом отряде партизан, и, когда попал снаряд, в блиндаже был один командир. Они его откопали, сразу на подводу и отвезли, а сами отступили, потому что командовать некому было. А вот его планшет, саблю и наган они не откопали. Я рассказал ребятам постарше — Бояркину Гаврику и Ивану Орлову, Артюхову Ивану. Они взяли лопаты, пошли туда и выкопали саблю, полевую сумку и наган с барабаном, он был заряжен. Саблю и сумку сдали в милицию, а наган они взяли себе. Патроны они расстреляли, а в барабане одно отверстие залили свинцом под мелкокалиберные патроны. Держал наган у себя дома Гаврик Бояркин. Кто доставал патроны мелкокалиберные, уходили в бор, там стреляли. Тогда в бор никто не ходил и не ездил — было запрещено.

В этом блиндаже в 1933 году жила семья из Казахстана. Там была сильная голодовка, их много сюда приезжало. В этом блиндаже стояла из кочмы юрта, они там жили, а на полу за юртой варили еду. Мы, пацаны, к ним ходили. У них много было ребятишек, и мы учили их говорить по-русски, а они нас — по-казахски.

Кролиководство

Для получения скоромного мяса в обязательном порядке занимались выращиванием кроликов. И первым кролиководом в колхозе «Свобода» был мой отец, а у него я был первым помощником. Выращивались они бесклеточным путем. Было сделано помещение зимнее в виде крытой риги, по бокам делались траншеи, крытые соломой, вход в них был с помещения. Они в боках этих траншей свили норы и в них кролились, и в летнее кроление делалась крышка на столбах, покрытая соломой.

Вся площадь была огорожена плетнем. Была у нас бричка, лошадь. Отец ездил, на корм им рубил ветки лозы, косили траву, получал овес. Были кормушки, поилки для воды и молочных отходов: простокваши, сыворотки. Мне было шесть лет, я уже был помощником. Мне кузнец Голоденко сделал маленькую косу, и я уже помогал отцу косить и раздавать корма. Молодняк кроликов быстро привыкает к людям, они как маленькие дети, особенно ко мне, как только зайду в кролятник, они сразу меня окружают и смотрят, что я им принес, а я им раздавал овес, наливал воды и молочные отходы.

Овцеводство — трудоемкое, но доходное

В каждом колхозе держали овец. Овцеводство было доходное, но трудоемкое. Два раза в лето делали стрижку: весной и осенью. Весенняя шерсть в основном шла на пряжу, из нее изготавливались шерстяные изделия. Осенняя — в основном шла на изготовление валяной обуви. После каждой стрижки овец окунали в креолиновый раствор, чтобы не было чесотки. В хозяйствах шерсть сдавали в заготконтору. Там ее сушили, прессовали в тюки и отправляли на фабрики.

Самой ответственной работой с овцами было осеменение, и ответственный период — получение приплода, окот овец. Для окотившихся овец делали отдельные клетки, потому что ягнята рождались слабенькие, мокренькие. На первый день овца была в клетке, на второй день ее с ягненком выпускали на улицу, но за каждой овцой и ягненком или двумя закреплялся человек, назывался он «сакманщик». Это или подросток, или женщина. На третий день их соединяли по две или три овцы, через неделю уже делали табунок в двадцать-тридцать овец, через двадцать дней их уже пасли в общем табуне.

Овечья брынза

Еще в овцеводстве была одна процедура — это доение овец, из молока варили вкусную брынзу. Это делали так: загораживали загон, в загоне с одной стороны были клетки, овцу задом туда запикивали, а там была поперечная палка, она в нее упиралась; на стульчиках садились женщины — доярки, они и выдаивали; потом палку убирали, она задом выходила на улицу.

Когда овец с ягнятами загоняли в загон, ягнят убирали на улицу. В основном эту работу делали подростки. Вот у меня мать доила, а я вылавливал и убирал ягнят, потому что когда овец ловят, они

сбиваются в кучу и могут ягнят подавить. Первое время было трудно отлавливать, а потом они уже к нам привыкли, и ягнята уже нас не боялись, свободно давались в руки, и мы их выносили за загон. Но овечья брынза была очень вкусная, я бы с удовольствием сейчас поел.

Варили брынзу калмычки-мастера. Жили они на квартире у Булгаковых. Это рядом с нами. А варили ее на берегу озера Чернидино, это с той стороны, где был колхозный сад. Сада тогда не было, была ферма колхоза. На берегу стоял небольшой домик, возле этого домика была печь с котлами, в них они и варили. Отец мой работал в бригаде, и его попросили, чтобы он им привез мухомора-гриба, чтобы травить мух. Он им привез, они ему дали брынзы, вот так я узнал вкус брынзы из овечьего молока.

В хозяйствах были свинофермы, небольшие, до сотни голов. Дойное стадо КРС тоже небольшое, до ста двадцати — ста пятидесяти голов. Доили вручную. За дояркой было закреплено двадцать — двадцать пять коров. И самая основная тяговая сила колхоза — лошади. И мечта каждого крестьянского пацана была прокатиться верхом на хорошей лошади.

Сельхозартели, колхозы, МТС

В сельской местности была проведена полная коллективизация, созданы сельхозартели, колхозы, единоличных хозяйств почти не осталось. Для обслуживания колхозов были созданы машинно-тракторные станции — МТС. В них была сосредоточена вся техника по обработке земли, посеву культур, техника по уборке урожая и заготовке кормов для скота. Перевозка зерна от комбайнов и молотилок, сушка его, очистка и сдача государству — эти работы выполнялись колхозами. Для перевозки зерна на элеваторы была создана в Завьялове авторота. МТС за каждым колхозом закрепляла технику, в каждом колхозе была тракторная бригада, технику давали по количеству пахотной земли и сенокосным угодьям. Кадры механизаторов готовила МТС, на колесных трактористов обучали при МТС, на гусеничные — в Ребрихе, Ключах, на комбайнеров — в Камне. Прицепщиками на весенние, летние работы выделяли колхозы.

Трактористы работали в МТС от колхоза. Они числились колхозниками, комбайнеры — они числились рабочими МТС, получали денежную заработную плату.

Сельские сословия

Прошла коллективизация, сельское население поделилось на несколько сословий. Крестьяне стали «колхозниками», остальное население, работающее в других организациях, — рабочие, служащие. Учителя, врачи и работники других предприятий — сельская интеллигенция. В остальных организациях — просто рабочие.

Колхозники не считались государственными работниками, а колхозно-кооперативными работниками, им не выдавались паспорта и другие документы. Они не могли никуда уехать без разрешения собрания. Молодежь могла выехать из села: призыв в армию, вербовка на строительство метрополитена или фабрик и заводов. Что молодежь и делала, большинство уезжало на вербовку.

Школы, ликбезы, десятидворки

Сельское население в основном было малограмотное или совсем безграмотное, ни писать, ни читать не умели. Стал вопрос об организации борьбы с безграмотностью, для молодежи открылись школы: в малых селах до четвертого класса, в крупных — до седьмого класса. Для рабочей молодежи — ликбезы. Для взрослых организовывались десятидворки¹, где обучали взрослое население, учились читать и писать. Закреплялись на обучение учителя и ученики старших классов.

Школ не было, приспособляли здания, в которых можно было поставить столы для учеников, парт тоже не было. Я помню, я начинал учиться в школе в первом классе, вместо парты были столы, скамейки, за столом помещалось четыре ученика, маленьких садили за первые столы.

¹ Десятидворки – группы для обучения грамоте формировались в деревнях из взрослых людей, проживающих в ближайших десяти дворах.

Одушкина (Нугбаева) Наталья Ивановна

Родилась в 1928 году, родители — переселенцы
из Черниговской области. Проживает в селе
Закладное Романовского района

Записала в июле 2010 года
Дарья Алекса, студентка
исторического
факультета АлтГПА

Дорога на Алтай

Мы заселяли Сибирь [переселились]. Это было в 1926 году. Они [родители] приехали, тогда была Черниговская область, а сейчас, наверное, Брянская область, Орловский район, село Новоновицкое. Она [Черниговская область] граничит с Белоруссией. И у наших родителей и разговор был белорусский, но родители писались русские, вот русские и есть.

Они приехали, когда землю у богатых отобрали и стали бедным давать, а дед был бедный — сирота, у него отец умер рано. Семья человек пять или шесть было детей. Богатые стали грозить деду, что если землю не отдаст [обратно], убьют. Тут как раз стали заселять Сибирь. Вот один мужчина приехал из России — тогда ходками называли. Приехал, узнал здесь все дела, что действительно нужны люди сюда. Их собралось несколько семей сразу. Шесть семей сразу приехало сюда.

Везли их [переселенцев] на товарниках до Рубцовска, в Рубцовске выгрузили. Мама говорила, возле озера где-то, а им климат другой, и детишки заболели. И братишка мой, который с 1925 года, ему еще годика не было, мать говорила, что он родился цвета картошки [желтушный цвет]. Это, может, было в сентябре. Может, в октябре, я даже не знаю. Потом везли сюда ямщики. Нанимали этих людей на лошадях на подводах и командировка им [родителям] была на Гилев Лог. Тогда было распределение людей, которые приезжали, по селам. Вот их распределение было в Гилев Лог. Но вот почему-то до Гилева Лога не доехали, не знаю. Доехали до Закладного. И год они [родители] жили по квартирам у людей. Женщины пряли и ткали, нанимали их. За это давали продукты им жить, а мужчины плотничали. Так они год прожили, а потом дали землю в Яс-

Колодец в селе Луковка Панкрушихинского района

ной Поляне, но там еще никого не было¹. Одни наши первые новоселы были. Усадьбы понарезали, и мужчины канавками обкопали². Вот я помню хорошо эти канавки, бывало, выйдешь, сядешь, ноги спустишь туда и сидишь. А когда весной — вода [в канавках]. Да друзья, бывает, и ныряли. У меня брат был с 1932 года, я с 1928 [года рождения], я уже его пасла [присматривала за ним]. Он было как чуть, так нырнет. Мать меня тогда хворостиной за то, что я его не упасла.

Был колодец, вода была разная...

В каждом дворе был колодец³, вода была разная. В одних вода была соленая. А в других очень хорошая. Ну выбирали, наверное, место. У нас отцу как раз усадьба досталась — ручей тек. Тек прямо по двору, он выкопал колодец, а колодец копал летом. Уже дыни в огороде были. И в огороде картошку не садили, в огороде, а где-то на поле. И вот отец с мамой поехали, наверное, на поле

¹ Речь идет об образовании сел в советское время на месте коммун, как новых общественных форм труда и жизни.

² Один из способов огораживания усадеб в крестьянских деревнях.

³ В западных районах Алтайского края существовали проблемы с водой, которые решались по-разному — снегозадержание, запруды, колодцы.

картошки накопать. Я с братишкой осталась дома. Интересно нам было, в колодезь посмотреть. Он меня за ручку взял и ползком на эту глину, что нарыта была. Заглянули, вода блестела. Вода очень хорошая была, ездили у нас набирали воду. Стоял колодезь, пока не разорили Ясную Поляну¹. И разорили, еще брали воду.

У черниговских была стряпня

Праздники... Тогда были Пасха и уже эти советские праздники. Все были 7 ноября — это самые-самые праздники. Собирались, на митинги приглашали. Потом добрые соседи приходили друг к другу. А на столе тогда такого не было, как сейчас, — хлеб был, картошка была, ну рыба была, и своя стряпня была особенно у нас, у черниговских, была стряпня. Большинство из картошки².

Пекли по-нашему, их называли коржи. Значит, варили картошку, отцеживали ее, соль бросали с расчета, чтобы не пересолить, и быстренько сыпали туда муку. Вот на чугун [в нем готовили тесто]. И быстро ее толкли-толкли, и до тех пор, что оно как тесто уже получалось. Потом это тесто уже раскатывали такими коржами. Лопаты были деревянные, чтобы посадить его. И пекли на черени в печке. Спечется, опять подцепляют этой лопатой. Мать его оттуда вытаскивает, быстро бросает и полотенцем обметет черену эту. И следующие. Складывает их, прикроет, и как мягкие станут, потом ели. Если сметана была — со сметаной ели; если сметаны не было, то конопли толкли... Коноплю толкли, потом кипятком разводили, и такое [получалось], как сметана, и макали и ели.

Военное детство

Как я узнала о начале войны, я даже не знаю. Мне двенадцать лет было, когда война началась. Первое, что мне досталось, кроме меня было еще трое детей, а мама день и ночь на работе, а мне с ними сидеть. Младшая сестра с 39-го года. Она и маму знать не знала, меня нянькой звала. И сейчас зовет. Я ее и кормила, и шила на нее, и мыла, и все на свете.

А потом в войну, когда отца забрали, мама сухарей мешок насушила и на попутных эти мешки тащила, где кто подвезет, а то и пеш-

¹ Имеется в виду ликвидация поселка Ясная Поляна в ходе реализации политики ликвидации неперспективных сел.

² Традиционная белорусская кухня основана на картофеле: картофельный хлеб, картофельные галушки, картофельные коржи и т.д. Даже водка была на картофеле.

ком ташила. А мы шибко долго одни были. Боялись, дверь запрем и колом подопрем. Так вот и жили. Голод был страшный. Наверное, 40-й год был, потому что я уже помню хорошо, как есть нечего было. Снабжали нас хлопком. Масло потом из семечек делали. Хлопок — это технический¹. Какая когда мука была, картошку еще варили. И это туда все [жмых] месила и хлеб пекла. Вот такие булочки посадит на лист, на этот, на под² нельзя было, потому что оно [тесто] рассыпалось. На листе спечет. И это ели. Страшно хорошие [булочки] были.

Один раз, помню, в воскресенье, позавтракали; что-то такое поели... что было дома. Я вышла на улицу, есть хочу. И дядя мой рядом жил. Мы вышли с сестрой — пойдем до склада, рядом с нами был. Пойдем на склад, может, какое зерно упало или что, поднять и поесть. Когда только дошли до склада — он открытый. Приоткрыли, а там лежит хлопковый жмых. Мы вот по такому кусочку взяли и на огород в канаву побежали. Сели, там его сгрызли, чтобы никто нас не увидал и в воровстве не обвинил.

Кто работал — 200 грамм на рабочую душу давали. Мать сама не съест, а нам принесет. А потом я уже пошла работать: и на конюшне работала, и на быках работала, и пахала, а потом, когда урожай косили, — на лобогрейке, такая машина страшно тяжелая, четыре быка запрягали в нее. Были колесные трактора, да и все. Комбайнов не было. И вот два человека ведут этих быков, а третий сидит тут на этой лобогрейке. Наше дело косить, а надо было еще убирать. Вилами сбрасывать. Кто посильнее, сюда садили, а кто послабее — быков водили.

Треугольнички с фронта

Когда война шла, я уже в школу ходила. Письма с фронта приходили. Треугольнички вот эти. Я уже тогда в пятый класс ходила в Закладное, и мне поручили почту носить, некому было почту носить. А почта была тут, в Закладном. Школа, тут почта напротив была. Я эти треугольнички носила женщинам и похоронки приносила. Похоронку как принесешь, что было сколько слез. Да всего было! Похоронку принесла от своего отца. А она почему-то при-

¹ Хлопок — технический — его прессованными пластами после отжима масла поставляли в села Алтайского края. В дальние, например, в Чарышский район, отправляли на вертолетах. Жмых предназначался для скота. Но его в годы войны употребляли в пищу люди.

² Под — каменное или чугунное дно в русской печи.

шла не сюда, к нам, а пришла туда на Брянщину, где жили, наверное, адрес там был написан, а потом уже родственники прислали нам ее. Я принесла и сама три дня плачу, маме не показываю и не говорю. А потом заметила [мама]: «Что-то у тебя не то, давай сознавайся». Я призналась, показала похоронку. Она потом разобралась [в ошибке]. После этого времени нам было письмо от него [отца]. Он потом еще прислал и был живой. Но пришел весь раненный был; лопатка у него все разбитая была. Там [на лопатке] пузырек вскочит, и оттуда косточка выходила. Вытаскивали кости разбитые. А потом не знаю, сколько... он был. Подлечился и опять пошел на фронт. И от брата так тоже принесла похоронку. И сама плачу, маме не говорю. Она так тоже меня обнаружила от брата. Так все и нету [брата].

Я еще переписывалась с дядей. Он у меня на фронте был. И мама заставляла меня писать письма. Так вот, один брат, самый меньший, писал о том, что в 45-м году, в историческом, все закончится. Да, потом узнали! Радость у всех была! У кого живые оставались — радовались, у кого не было — плакали.

Сидякина Мария Яковлевна

Родилась в селе Усть-Алейка в 1928 году.

Живет в селе Калманка Калманского района

Записали Елена Осокина (АГАУ)
и Ульяна Гушина (АлтГПА),
бойцы отряда «Буревестник»
(АГАУ), принимавшего
участие в межрегиональной
патриотической акции
«Снежный десант»

Кто не ленивый, у того все было

Ой, миленькая моя, ходили, правда, плохо, очень плохо, ничего не было. Никаких товаров не было. Мама иногда какое платишко сошьет, или что когда схватишь. Питались — хозяйство держали, гусей держали, поросят держали, овец держали. Овец в стадо сдавали на зиму. Все свое было, да и в магазине ничего не было. Мама

сама лапшу делала с гусятиной. Конечно, кто не ленивый, у того все было. Маме помогали всегда, у нас картошка росла, свекла, морковь. Солили арбузы, помидоры, огурцы, дыни.

На свадьбе давленкой напивались

Свадьба у меня была в 1949 году. Свеклу набирали, парили, давили ее. Это пиво было, вернее, давленка. Вот вареную свеклу в мешочки, доставали — и на доске, стоит ведро и оттуда сок льется, льется. А дрожжей не было, хмель брали. Давленкой напивались.

Мы с девочками гадали. Пойдем в баню, вытаскивали угли из бани и бегом в речку, утонут — плохо это. Завяжешь глаза, крутишь, крутишь — и все равно на пшеницу попадешь, значит, муж трактористом будет. Ремень — будет драчливый, бутылка — пьяница, тогда слова «алкоголик» не было, если пили, то в основном по праздникам.

Вулуйских Дмитрий Григорьевич

Родился в 1929 году.

Проживает в селе Зыково Панкрушихинского района

Записала в июле 2012 года
Елена Прохорова,
студентка исторического
факультета АлтГПА

У хату зашли

В общем, так... обожди, дочка, жили мы... при отцу был плетеный дом. Колья набивали, вот этими прутьями привязывали. А потом уже в сорок девятом году поставили саманный дом. Саман делали — вот эти кирпичики делали [из смеси глины и соломы]. Вот и начинали первый ряд. Вот сейчас фундамент, а тогда не было, вот так сравняешь, на низ накладаешь глины и начинаешь класть его. Сложили первый ряд, тут же стык и тут. Тут же начинаешь четыре стены делать, мажешь, накладаешь.

Печки были битые. Я матери печку сбивал: тут стенка, сюды я щит поставил и сюды [сделал каркас из досок]. Тута поклат я три

мешка, сюды один мешок с песком вот так, другой вот так, у меня вот так мешки и получились. Сейчас для нагрузки кирпичи выкладывают. Сбили все это, такой молоток деревянный, одна сторона такая, другая вот такая [одна сторона с тупым краем, вторая — с заостренным], вот молоточком этим побьешь, ведро так высыплешь.

Мать моя сухенькая такая была, шустрая, все делала. Кирпича не было, навели глину, месили сами — саман делали. Труб тоже нету — мать делала вот такие кольца, как труба, сушила. А когда начали ломать эту печку, не разломишь кирпич-то сразу, а это — как костяшка.

Я как раз матери это все сделал, потолок поставили, печку сделали, крышу не накрывали. А 23 сентября 1949 года меня забрали в армию. Тут уже сестренки пишут: «У хату зашли». Это сейчас друг на дружку смотрят, а тогда как одна большая семья. Кто начал строить, подымает один, тут какие мужики есть — прибегают, помогают.

До угля нам еще далеко было

Дрова готовили: тележка ручная такая была, в день четыре-пять раз поедем, мы жили, тут рядом околки были. И кизяки делали, вот топчешь и топчешь [навоз], вот тебе и кизяк. Вот возишь воду с речки — с Хохлов, начинаешь месить. Вот станок накладает навозу вилами и начинаем топтать, аж до крови когда. Вот и печку топили. И ни дров, ни угля не надо — жара была! Это потом уже уголь пошел, но до угля нам еще далеко было. Жить стали после 1954 года, тут урожай был, наелись тогда хлеба. Урожай был. Дома стали строить, покупать, уголь.

До войны так играли

Тогда играли, но не пакостили. Девки в куклы играли — сами делали из тряпок, у матери что-нибудь своруют, и в магазин как будто играли. Да, играли девки, помню, и на тележках катались, и ворожили, и пимы через дом кидали — просто так женихов нагадывали. Молодые были, молодежь!

О, катались, знаешь как! У кого-нибудь своруешь сани... У нас здесь гора вот большая — Чушкина. Вот кто успел, тот и сел, и к низу, потом опять на гору все снизу идут. У меня бабка Феня пошла кататься, девкой была, пришла, ее мамка ругает, та под сани попала пол-одежи оторвала. А у нас санок не было, я у соседей по-тихому [брал] — и на Чушкину гору. А там Чушкины жили, богатые были,

у них мельница своя была, по двадцать коров держали да по восемнадцать. Красота там была.

[Ледянки] делали. Вот из снега лепишь, лепишь, потом водой обливаешь, обливаешь. А еще на середку коровьего навоза налепишь такое корыто большое, чтоб мягко было, и водой заливаешь. Вот вечером придешь, штаны грязные, мать постирает, на другой вечер то же самое. Так с горы едешь — о-о-о, она так сильно крутится!

Еще сходки были — кулачки, кто кого сшибет. Вот сходятся друг на друга на кулачки, кто кого побьет, тот и выиграл, так кулаками же били. И не серчали никто ни на кого, кто нос разбил, раз такое заведение было. Вот это до войны так играли.

На Масленку вот собирались зимой на конях. Вот у кого есть большая кожа конская, вот специально к Масленке готовят, заколол, растянул кожу, чтоб она застыла, хвост не отрезают. Цепляют [кожу] за сани, бабки садятся и тут еще садятся, и вот по деревне! Пока проехал, с этой кожи уже шерсти нет совсем. С гармонью. А сейчас уже ничего нет, одна улица вообще исчезла, где один дом стоит. Вот где Трудовой колхоз дворов пять или шесть осталось. А как красиво раньше было, в дубровы, да с гармонью. Василий был [гармонист], как заиграет!

Но все равно мы страху-то не видели...

Голод был, на коровах на своих пахали, но страху мы такого не видели, как по городам. Недоели, вечером придем все: «Мам, чё есть?» Да нечего. Вот с этим и ляжешь спать. Корову подоила, в чугунок вылила, литра два-три, подсолила, мы это молоко выпили, вот, как чай сейчас. В войну день и ночь пахали, да на своих коровах. А в бригаду зайдешь — уши [вши], блохи заедали, бани не было. Осенью холод уже, вот такой лед, а я в этом [коровьей «лепешке»] ноги грел. Корова, где полежит, нагрела ж там, мы в фуфайке и ляжем там. А председатель идет и спрашивает: «Эт вы чё там делаете?» А мы ему: «Да вот на печке лежим». Вот натерпелись мы, но все равно страху-то не видели.

Вот отцам нашим досталось

Это было как раз двадцать второго числа, а он [отец] баб возил с покосу, я в стогу тогда лежал, слышу: «Гришка, Гришка!». Я говорю: «Папаны, тебя зовут». Бежит, говорит: «Война началась, тебя уже дома провожают, повестку дали». Приехали народу много,

крик, шум, гам, повели к сельсовету, вот дают по килограмму хлеба на дорогу. А тут я стоял и Манька стояла, а он взял и разорвал [булку]: ешьте, мол. Мать ему еще собрала, не знаю, что там. А председатель ему: «А с щем ты поедешь», да он прям матернулся. Пошли, купил одеколону и вылил в кружку, идем по улице, а я отца за руку держу, а бабка ему: «Гришка, иди сюды», наливает она ему эту кружку, он выпил. А тут как раз к памятнику подошли, а председатель его хлесть с его с этой руки, да с этой. А отец: «Да все равно на фронт идти». А вот 23 октября уже похоронка.

Зубков Николай Иванович

Родился в 1929 году, родители — переселенцы с Украины.
Проживает в селе Конево Панкрушихинского района

Записала в июле 2012 года
Анастасия Мазырина,
студентка исторического
факультета АлтГПА

Жили своим хозяйством... переселялись поближе к пашне

В то время у каждого была своя пашня, жили своим хозяйством. Земли в Конево много было, и у каждого были паи. Такие пашни, были иногда за 25 километров от деревни, и людям неудобно было ездить. Они переселяются поближе к пашням и там организуют поселки. У нас тут был поселок Ильинский, Новопетровский, Световский поселок¹. Наша пашня была в километрах восьми от деревни. На пашне строили избушки, чтобы во время работ не ездить домой, а оставаться там. На пашнях выращивали, кому, что нужно было: и пшеницу, и лен, и коноплю.

Сначала нужно было землю вспахать, пахали ее на лошадях. У каждого были плуга конные, лошадей запрягали и пахали. Потом за коней зацепляли железные бороны и боронили землю, что-

¹ Зубков Н.И. описывает крестьянскую систему расселения, когда по причине отдаленности обрабатываемой земли крестьяне на лето уезжали на пашню. Часто сезонное проживание перерастало в образование постоянного населенного пункта — заимки или выселка.

Предпосевное прикатывание. Колхоз им. Андреева. Славгородский район.

бы не было комков. А потом набираешь мешок пшеницы, надеваешь его на шею, чтобы руки были свободные, берешь из мешка зерно и разбрасываешь по полю.

Когда посеянное вызревало, его нужно было убрать. Брали побольше палку, к ней за веревочку привязывали палочку поменьше, это устройство называлось цеп. И этим цепом оббивали прямо на поле зерно¹. Например, с конопли можно было использовать и семечки, и сами стебли. Семечки и дома жарили, и отдавали их на маслозавод, чтобы там из них получили масло. А уже стебли нужно было обработать, их сначала вымачивали, сушили, а потом в специальной мялке мяли их. Это так поступали со льном и коноплей. А вот пшеницу уже увозили на мельницу, у нас в Конево были мельницы-ветрянки. Привезешь зерно, хозяин уже потом, когда ветер, засыпает в жернова, и оно мелется. Расплачивались с хозяином кто чем может, кто деньгами, а у кого уж их нет, тот отдавал часть зерна.

¹ Респондент описывает обмолот зерна вручную цепом: на расчищенной земле раскладывали снопы и били палкой, на конце которой цепочкой или кожаным ремнем была прикреплена короткая палка.

Из муки пекли хлеб в русских печках, раньше же такого не было, чтобы в магазин привозили. У нас в семье выпеканием хлеба занимался отец, он был пекарем у себя на родине. Хлеб он пек очень вкусный. Сам заводил тесто, добавляя в него воду, дрожжи и муку, ждал, пока оно укиснет, а потом выпекал на листах, хлеб получался у него круглой формы.

Дома держали хозяйство: и курей, и поросят, и лошадей, коров. Их содержали в пригоне, но в разных стайках. Курей содержали зимой в доме, под печкой, а кормили их вареной картошкой, а то они на морозе застынут вместе с этой картошкой. Всяко было, и спать мешали нам, а как начнет вонять, так мы за ними чистили.

Рыбалка и ловушки для рыбы

Отец, кроме домашнего хозяйства, занимался рыбалкой. В основном ставил сети, тогда рыбы очень много водилось: и карась, и щука, и окунь. Неподалеку в лесу, у нас протекала Бурла, она и сейчас течет, только уже не такая, вот он в ней ставил различные ловушки для рыб. Одна из них называлась забор. Перевязывал проволокой между собой несколько досточек, получался такой щит, он им перегораживал реку, а по бокам щита стояли две бочки. Рыба дойдет до него и пошла, дойдет до бочки и в бочке останется. А потом ее из бочки доставали такой палкой, у которой на конце была привязана сетка самовязная. Наловленную рыбу солили в бочках, отрезали ей голову, выпускали кишки и закладывали в бочку пластами, пересыпая солью.

Бери больше, кидай дальше!

В 1930-е годы стали образовываться колхозы, я почти сразу там начал работать. Мы, ребята, копны возили. Женщины нам накладывают, мужика же не посадят на лошадь. Привозили в бригаду, и мы там по месяцу жили. Там стояли дома деревянные, брали заброшенные из деревни и перевозили на бригаду. Воду брали из колодца, у нас был колодец-журавель. А принцип при работе был: бери больше, кидай дальше. Работали с темна до темна. Приходилось пахать даже на коровах, а боронить с помощью овечек. Бывает, загонят табун овечек и по пахоте их гоняют, они затаптывают зерно.

Кормили нас три раза в день, но только чем придется. Это и пшено рушенное, вместе с шелухой, и овес, который просеива-

ли, а из шелухи варили кисель. Когда война началась, работать стало некому, такой трудоспособности нет. Забрали всех мужиков до 1929 года, остались мы, самые старшие, и пахали, и боронили. В основном, конечно, женщины работали. Во время войны сделали комбайны, уже Сталинец и Коммунар были. И вот эти комбайны стоят, к ним свозят в кучу колоски, и падают в приемную¹, таким образом, и молотили.

Трактора НАТИки работали на деревяхках

В 18 лет окончил курсы тракториста в Камне, я мог работать и на гусеничном, и на колесном тракторе. Тогда гусеничные трактора назывались «НАТИками»² — газогенераторные, работали на деревяхках. В бак накладывали чурки и поджигали их. На таких тракторах не было ни кабин, ни фар. Как стемнеет, человек впереди меня идет с фонариком и освещает мне поле. Женщинам нужно было на ходу насыпать пшеницы в сеялку, которая прицеплена к трактору. Боже спаси! День и ночь там на пахоте. Так потом уже специально причину какую-нибудь найдешь, чтобы остановиться: или воды в трактор налить, или еще что-нибудь, чтобы им хоть как-то было полегче. Сеялка состояла из семяпровода, по нему шло зерно в диск, а за диск были приделаны [шлейфы], они сзади тащутся, чтобы загладить зерно в землю.

В колхозах строже законы

В колхозах существовали строгие законы. Колоски останутся после уборки, женщины весной ходили и собирали их. Но если ты попалась начальнику на глаза, то все, сразу суд. Были и несчастные случаи здесь у нас. Один качественник, это как агроном, ходил и проверял поле, хорошо или плохо вспахано. И вздумал после залезть в трактор на ходу, и оскользнулся, попал под гусеницу, его утащило и насмерть задавило.

¹ Приемная камера сбоку комбайна для забрасывания развязанных снопов при стационарном обмолаоте.

² «НАТИк» — сельскохозяйственный гусеничный трактор АСХТЗ-НАТИ, разработанный специалистами Научного автотракторного института (НАТИ) в народе любовно называли «НАТИком». Трактор СТЗНАТИ выпускался с 1937 по 1952 год сначала на Сталинградском и Харьковском, а позднее и на Алтайском заводах.

Как отработаем — на гужовку!

Но несмотря на все эти трудности, люди жили дружно, народ был веселый и все вечерами собирались на гужовку¹. У нас в деревни было два колхоза. И вот мы как отработаем, вечером соберемся и пойдем в другой колхоз на гужовку. Девки с пацанами дружили, кто на гармошке, кто на балалайке играл, песни пели, танцевали. Пацаны у нас редко ходили, все в основном девки соберутся, бывало, до утра пробегают, а там уже и на работу. А мы с Марией Пономаревой работали вместе, я — на тракторе, а она у меня на прицепе. Так мы с ней пашем, пашем, вечером трактор заглушим — и пошли в деревню, на гужовку.

Кудрявцев Иван Митрофанович

Родился в 1929 году.

Проживает в поселке Лебедиха Панкрушихинского района

Записали в июле 2012 года

Алексей Рыков

и Надежда Тарабрина,

студенты исторического

факультета АлтГПА

Как дома во дворе семьей, так и в бригаде... семьей

Колхоз — бригада была. Вот тут у нас село Борисовка — километров семь отсюда. Километра четыре была бригада. Бригада — это стоит домик, обыкновенный домик пятистенный. Две комнаты было. Комната для рабочих и комната для повара. Там еще в уголку сделана как столовая. Просто бригада — вот в этом мы районе [поле] и работаем. В обеденный перерыв приезжаем туда: позавтракаем, пообедаем. Во время посевной или уборки там у ней жили. Там был рабочий скот: кони, быки, там вот. Вот это была бригада. Колхоз был наш разделенный на две бригады. Половина у одну бригаду, а половина у другой бригаде. У нас посев или в основном вот в этой стороне. А у пер-

¹ «Гужовкой» в селах Панкрушихинского района называли одну из форм молодежного досуга — прогулки молодежи по деревне, сопровождавшиеся песнями, плясками, игрой на гармошке, балалайке, или танцы на широких полянах по околицам.

вой бригаде был в ту сторону. И каждая бригада... знали свои поля, где наше поле, где первой бригады поле, бригадиры были. Ну, колхоз один. Это все осенью свозилось в одну кучу. [Работали все] сколько тут [в поселке было]. Ну, я там, к примеру, пахарь. Другой там, к примеру, сеяльщик. Как дома во дворе семьею, так и в бригаде вот. Сенокос — сеном [все] занимались. Посевную — сеяли. Уборку — убирали. Зимой [все] ухаживали за скотом. Сеяли. Пшеницу сеяли, просо сеяли. Сеяли ячмень, овес. Все зерно сеяли. Работали много в колхозе. Сразу весною пахали. Я, мне было тринадцать лет, а я ходил за плугом, а две девчонки водили коров. Четыре коровы у плугу. Сенокос был — копны возил. На граблях греб. А осенью на уборке хлеба.

То сенокоски есть, а то лобогрейки

Косили на лобогрейках. То сенокоски есть, а то лобогрейки¹. Косили хлеб. Я был погонщиком. Четыре коровы у меня было... Косили хлеб лобогрейками. Лобогрейка была, она вот так вот косится литьевка, а эта лопасть крутятся и — а тут женщина сидит, пол сделан. Женщина сидит на стулике и вилки двухрожковые — два рожочка. Она раз, два, а третий уже на улицу, и чтоб были рядочки [скошенного хлеба или травы] один в один. Вот это вот на лобогрейках косили. Потому уже, когда убрали, тогда уже стали мы скирдовать. Эти уже женщины копны наделали, тогда были скирдовать. Наша была задача: были волокуши² сделанные... мы подъезжаем, возили коровами, подъезжаю к этим, кто накладает нам. Они нам наклали в эти волокуши. Мы поворачиваем, подвозим для скирды³. До скирды довозим, там тоже два человека. Они кидают, а там наверху укладчик. Вот скинули нам эту волокушу, освободили. Мы берем... основная наша задача была — волокуши эти вот возили. Ну чё, было по тринадцать лет. По четырнадцать пусть даже. Кончилась война, а мне было пятнадцать лет, я уже был награжденный медалью «За доблестный труд».

¹ Лобогрейка — простейшая жатвенная машина, применявшаяся для уборки основных зерновых культур (рожь, пшеница, овес, ячмень), но могла быть использована и для кошения трав после небольшого ее переоборудования. Лобогрейка производит только срезание стеблей убираемой культуры и укладывает их на платформу. Сбрасывание же срезанного хлеба с платформы производится вручную, что требует большого физического напряжения от рабочего, выполняющего эту операцию, отчего машина получила свое название «лобогрейка».

² Волокуша — сельскохозяйственное самодельное орудие в виде связанных жердей для подбора сена из валков и транспортировки копен сена к местам скирдования, как правило, на лошадях.

³ Скирда — плотно сложенная масса сена, соломы или снопов, которой придана продолговатая форма, предназначенная для хранения под открытым небом.

Мать моя в то время уже в годах. Летом она работала... была плантация — табак выращивали для фронта... Был у них женский бригадир. Огороды были пустые. Был голод — много уехало. Вот и по этим по пустым огородам они ухаживали за этим за табаком [посаженным в пустующих огородах].

Варили затирку, или суп, или картошку — все колхозное

Питались во время работы в бригаде... а что там было у войну. Пшеницу — отходы... сварят эту затирку¹ колхоз. Только был там повар. У повара был помощник. Помощник утром встает, запрягает коня или быка, что там ему дадут, и едет домой. Кто ночует там [в бригаде], до каждого бутылку молока [из деревни привозили]. Я приехал когда... мать моя там наливает бутылку или две или что. И он, этот повар, или, как он назывался, продуктовщик... он объезжал каждый двор. Он знает у бригаде и тогда привозит [каждому]. А вообще так там варили затирку там или суп, или картошку — это все колхозное. Затирка — это муку с яичками натираешь. Растирают ее, делают, она как мелкая, и у кипятка — варили и едим.

Тракторный отряд и тракторный бригадир

В войну было немного техники [в колхозе]. Трактора — как они были, так они и остались. Ни на какой фронт их не брали. Они уже там были изработанные... Два колесных и ЧТЗ. А ЧТЗ — это такой мощный. Челябинский тракторный завод делал. Сильнейший. Он таскал два плуга сразу тракторных. Вот у нас было три трактора. Тракторный отряд-то само собой. У его свой вагончик. У них свои повара, они сами для себя [не колхозники]. Они работали как от МТС². Вот. Бригада — это есть бригада. У тракторного отряда был тракторный бригадир. Ну, как бы сказать, такой опытный тракторист, чтоб знал технику, вот. Он был бригадиром. Учетчик был в тракторной бригаде также, повар... Все было... Вагончик.

¹ Затирка — жидкая пища, приготовляемая путем растирания муки, овощей и т.п. в воде или в молоке.

² Машинно-тракторная станция (МТС) — крупное государственное сельскохозяйственное предприятие в СССР, оснащенное машинами для технической и организационной помощи колхозам. МТС сосредоточивали основные орудия сельскохозяйственного производства (тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины) для обслуживания колхозов.

У нас была бригада, дом построен, а это вагончик. Вспахал полностью, на другую переезжают. Так они по полям ездили.

Комбайны были. А было так. Комбайн заедет на поле. Там круг, два или три дал, и он же сломался. Мы заезжаем на лобогрейках. Косим, косим. Покуда его, трактор, сделали, а мы уже это поле скосили. Плохо шла техника, плохо. Не то что рабочие не хотели. А техника шла плохо, потому что ее нечем было ремонтировать.

На тракторах в основном женщины работали. В основном женщины. Да. Был у нас один... два было [мужчины]. Тракторный бригадир был по брони и был тракторист один по брони. Ну, тракторист был наш. Он и бригадир наш, только он в другом поселке работал. Ими командовал МТС. Куда хочет, туда и перебрасывает. В основном женщины, девчонки, молодежь. Подросткам... им некогда было пахать, в семнадцать лет их уже брали на фронт.

Цена трудодня

Работали в колхозе за трудодни¹. Деньги не выдавали нам, и не было их и в помине, а вот проработал день: хорошо ты работал там, сколько тебе — два трудодня за день, ежели там плохо работал — или мало работал трудодень или пятьдесят соток. Числилось трудоднями. А когда уже... при выдаче осенью уж рассчитывают — хлеб, деньгами, тогда уже сравнивают, чему равняется рубль. Сколько там надо трудодней на рубль или там...

Давали на трудодень что в колхозе есть: хлеб, примерно, ну или там пасека была, и на пасеку мед давали. Ну, что в колхозе бывает, для выдачи. В основном хлеб. Ну и мало, а давали и деньги. Перечисляли, сколько там причитается, чему равен рубль. По урожайности. По урожаю. Там и килограмм на трудодень или, может, два килограмма на трудодень, а может, на трудодень полкилограмма. Ну, когда вот урожай, то еще дают, а когда уже урожая нету, то тогда... Мне причитается, я сам еще был подростком, но уже был взрослым, мне мешок причислился этой пшеницы. Склад далеко был. Я его на плечи и принес домой, вот и весь и заработок, вот этот мешок и ешь [год]... Бывало так, что колхоз когда и выдает кому там фу-

¹ Трудодень — мера оценки и форма учета количества и качества труда в колхозах в период с 1930 по 1966 год. Заработная плата членам колхозов не начислялась. Весь доход после выполнения обязательств перед государством (обязательные поставки и внесение натуроплаты за услуги машинно-тракторных станций) поступал в распоряжение колхоза. Каждый колхозник получал за свою работу долю колхозного дохода соответственно выработанным им трудодням.

файку, кому там брюки, кому там сапоги, ботинки. Вот молоко план перевыполняют, получают деньги и вот для рабочих закупают и по трудовням разделяют. У тебя подходит под двести рублей, а что можно за двести рублей? Ну там фуфайка — ну возьми хошь.

Вот такие были дела

Были случаи воровства зерна в колхозе. У нас одна женщина, может быть, и простить бы ее, а та женщина сторожила зерностан¹. Ну сторожила и взяла, тута подпоясалась и в пазуху насыпала пшенички. Муж уже погиб, пришла похоронная, и три девочки у ей осталось. Ну откуда ни возьмись — уполномоченный. А раньше были уполномоченные. Райком посылает в каждый колхоз, как контролера. Ну ладно. А она расстроилась, застеснялась. Туды-суды, туды-суды. Он: «Бабушка, а что с тобою?» Ну... что, он догадался. Она высыпала... вот так вот подняла подол, вот так как было у ней привязано, — это все высыпалось. Смерили, свешали — три килограмма. Ну, три года и получила. Трое детей остались. Голод был. Голодные ни с чем не считались.

Семенютин Александр Павлович

Родился в 1929 году в Краснодарском крае. На Алтай приехал добровольцем-целинником в 1954 году.

Живет в селе Яготино Благовещенского района

Записали Валентина Витютнева,
учитель Яготинской средней
школы, и ее ученицы Екатерина
Кусакина и Оксана Шуховец

На 51-й километр

Я приехал на целину из Краснодарского края в составе сформированной тракторной бригады при Крымской МТС. Бригада состояла из 12 человек, а возглавлял ее Василий Фёдорович Костен-

¹ Зерностан — площадка с комплексом машин, оборудования и сооружений для механизированной послеуборочной обработки зерна в колхозах и совхозах. На зерностане зерно взвешивают, очищают, сушат, при необходимости временно хранят; семенное зерно сортируют, протравливают, затаривают в мешки.

Первую целинную борозду в Яготино провёл на своем тракторе ДТ-54 Николай Александрович Жук (первый слева). Александр Семенютин – второй слева.

ко. А всего в Орлеанскую МТС прибыло 60 человек. На Кубанской земле поля небольшие, а нам хотелось простора. Вот и выбрали эту необъятную равнину.

Я хорошо помню тот день, когда я приехал в Яготино. Это было 18 марта 1954 года, а как будто вчера. Из Барнаула на поезде приехали на 51-й километр. Подъехал трактор с саними, и мы доехали до конторы.

Я оглянулся вокруг: кругом степь да степь. И казалось, что нет ей конца и края. Первое время жили в палатках, а потом на квартирах.

Сначала мы занимались подвозом кормов для животноводства из Сухого Ракита, Шимолино. В бригаде все работали хорошо, лодырей не было.

Первая борозда и отменный урожай

Первую целинную борозду провел на своем тракторе ДТ-54 Жук Николай Александрович, опытный механизатор.

Ребята в нашей бригаде — Кляхин Анатолий, Дроздов Михаил, Амелин Николай успешно занимались полевыми работами. Не тереяли дорогого времени, поднимали целину. Распаханы были все

За рулем Александр Павлович Семенютин. Фото начала 1960-х гг.

пригодные к использованию земли и даже непригодные. Вели сев зерновых и кормовых культур. С приходом весны нас перебрасывали из одной бригады в другую.

Урожай в 1954 году был отменный. Такого в истории села не было. Наконец-то страна получила свой долгожданный хлеб.

А что такое хлеб? Особое чувство охватывает тебя, когда стоишь у переливающегося золотом поля и держишь на ладонях легкие и такие весомые зерна. Еще издавна степь считали житницей, кормилицей России. А ведь на алтайской ниве лучшие хлеба в мире!

Люди стали лучше жить

После окончания весенне-полевых работ я стал работать помощником бригадира по технике в бригаде № 5 у Дмитрия Архиповича Сухосыра, а позже был назначен бригадиром своей бывшей бригады. К тому времени она уже состояла почти из местных жителей. Работали добросовестно.

Люди стали жить лучше. Вместо землянок построили настоящие дома. Во дворах появились первые велосипеды, мотоциклы. На станции Яготинская был запущен хлебоприемный пункт.

Фильмы озвучивал киномеханик

Вечерами молодежь собиралась в клубе. Кошелев Александр, Кошелева Надежда, Ермак Александр хорошо играли на гармошке.

Девчата исполняли частушки. И так здорово это у них получалось! Любили танцевать и танго, и вальс, и польку, и лезгинку, и краковяк. Иногда привозили фильмы, но это было немое кино. А озвучивал его киномеханик. И мы, не отрывая глаз, смотрели на экран. Весело проводили время. Счастливые и довольные мы расходились по домам.

Неброско, но мило

Поженились с Татьяной Матвеевной — родственники и соседи помогли построить хату¹. В хате было две просторных комнаты: кухня и горница. К избе пристроили сенцы². В кухне возле окон стояла лавка, а недалеко от нее русская печь. Пищу готовили в чугунах. Особенно вкусными были за́холод³ и борщ, приготовленный в печи. Хлеб пекли или на капустных листах, или на жаровне. Булки получались большими и очень аппетитными. На потолке в горнице находилось железное кольцо — это для колыски⁴. Она до сих пор хранится на горище⁵. Когда у нас родился сын, жена, качая ребенка, пела ему колыбельные песни.

Для домашней скотины строили пригон⁶. Но зимой, когда появлялись телята, их заносили в избу, отгораживали закуток и держали до теплых дней. Поили телят сначала молоком, а потом кормили сеном, лушпайками⁷. Осенью в кадушках хозяйки засаливали огирки⁸, помидоры, кавуны⁹, квасили капусту.

Жители деревни — народ очень дружный. Если вдруг случится беда, то на помощь приходили всем селом.

Сейчас, по прошествии многих лет, как-то по-особому осознаешь, какое это было напряженное время — освоение целины.

Хоть неброское наше село, но нет милее его!

¹ Хата — маленький дом.

² Сенцы — помещение между жилой частью избы и крыльцом.

³ Захолод — холодец.

⁴ Колыска — колыбель для младенца.

⁵ Горище — чердак.

⁶ Пригон — сарай.

⁷ Лушпайки — очистки от картофеля.

⁸ Огирки — огурцы.

⁹ Кавуны — арбузы.

Семенютина Татьяна Матвеевна

Родилась в 1931 году в селе Яготино Благовещенского района

Записали летом 2012 года
Валентина Витютнева, учитель
Яготинской средней школы,
и ее ученицы Екатерина
Кусакина и Оксана Шуховец

Мои родители основали Яготино

Кулундинская степь быстро заселялась в 1909 году выходцами из Украины. Переселялись целыми селами. В нашем селе были переселенцы из Яготинского уезда Киевской губернии.

В числе первых переселенцев, основавших село Яготино, были мои родители Волик Матвей Семёнович, Покидько Дарья Федоровна. А также Костюк Александр, Тищенко Никита, Коваленко Афанасий, Кобец Пётр и другие.

Татьяна Матвеевна Семенютина —
третья слева

Такого простора, такого количества земли никогда не видели переселенцы из Украины. Прежде всего они начали обустриваться, обрабатывать свои участки. Они лепили себе мазанки из дернового пласта и глины, а кто не успел это сделать до наступления холодов, рыли землянки и в них переживали суровые и снежные зимы.

Жизнь в селе постепенно начала налаживаться. Приезжали всё новые и новые семьи.

Вот уже 81 год живу в Яготино. Да, быстро летит время. Не успела оглянуться, как незаметно подкралась старость.

Вместо елки — кленовая ветка

В 1939 году пошла в первый класс. Директором школы был Панченко Алексей Кузьмич, а первой учительницей — Анастасия Ивановна Ципко. Электричества в школе не было, выручала керосиновая лампа. Топили зимой соломой, кизяком. Его заготавливали летом и осенью технички, ученики, потом складывали в сарай, который находился недалеко от школы. На переменах играли в мячик. Взрослые его катали из лошадиной и коровьей шерсти. На Новый год вместо елки была большая кленовая ветка. Красили акварельными красками бумагу, делали цепочки, игрушки и украшали «елку».

Школа, работа, семья

Трудное время было в колхозе. Весной школьники помогали сажать картофель, буряк¹. Летом пололи пшеницу, картофель, а осенью убирали урожай.

В 1948 году закончила семь классов, а в 1951 году училась в Барнауле в торговой школе. Работала сначала в сельпо техничкой, а потом продавцом в сельмаге. Проработала в торговле 34 года.

В 1954 году встретились в клубе с будущим мужем Александром. И вот уже 58 лет вместе.

Грачева Нина Федоровна

Родилась в 1930 году. Проживает в селе Селиверстово Волчихинского района

Записал в 2011 году
Алексей Рыков, студент
исторического факультета АлтГПА

Когда я глянула, а это не собака, а волк

Вот, еще только война началась, а брат маленький был. Ему год и сколько было... может, три месяца. А я-то в третьем классе училась. И вот, мама свинаркой была, а я уходила в школу. А этого мальчика на печке... вот это печка русская... вбили на печке в углу

¹ Буряк — свекла.

гвоздь, я не знаю, или какой штырь. И вот этому мальчику сшили как седелку... Надевали вот на него и привязывали на печке. И вот привяжут его на печке... Ой, Господи! Мама на работу, а я в школу. Ну и, как будто бы так и надо. А старушка там, рядом, жила старая. Она... Дома мы не запирали тогда, воров не было. Бедно жили, никто ничего не трогал. А эта старушка приходила его попроведать, на печку-то посмотреть, как он. Пришла, а он вот натянулся как-то, мама, наверное, слабо [привязала], и вот спустился с печки... висит он и уже посинел. А бабушка-то его как схватила! Освободила там, как они развязывали-то, и принесла его домой... И больше меня мама в школу не пустила. А это зимой. Зиму-то я была дома — никуда не ходила. Ну, сколь мене было. Война началась-то в сорок первом, мене одиннадцать лет исполнилось только.

А весной-то свиней выгоняли пасть, а я с этим мальчиком. Мама возит воду, готовит свиньям, а я с этим мальчиком. Околок у нас был, а в околке много корней, а свиньи корни ковыряют. И вот я с ним пасу этих свиней. А волков было, деточка, ой страсть. И вот однажды... а у нас была собачка черненькая, Жучка, и вот я с этим с Колей... Коля бегаёт возле меня, ему уже два годика — третий. И собачка эта, Жучка... А сусликов было тьма. Такие желтые. Их ели тогда. Они жирные, хорошие. Ну и вот. Собачка-то эта бегаёт и прыгает и сусликов-то и мышей ловит. А я гляжу: «Ой, — говорю, — Жучка к тебе бежит. И какой-то Дружок». Когда я глянула — это не собака, а волк. У собаки-то хвост, а этот... Ну, волк, я поняла. Вот, ка-ак крикнула! Он от нее [Жучки] прям близко. Может, метров пять, может, шесть. Я как крикнула: «Жучка!» И Коля-то возле меня, а Жучка и этот волк — ко мне. Вот, знаете, как я кричала! Тут огороды у нас близко, старики пололи. Как дедушка бежит Малахов Иван Васильевич да кричит: «Нина, не кричи. Нина, не кричи». Если бы дедушка не успел, я не знаю бы, кого бы он [съел]. То ли нас с Колей. Я Колю-то к себе, и Жучка ко мне прибежала. Ой, не дай бог!

Маленькая еще. Этот год свиней пасла. Потом свиней у нас у войну не стало. Хлеба не стало. Кормить же их надо, а они хлеб ели. Мама [работала] пояркой. То я свиней пропасла летом. С этим с пацаном, с Колею. А на второй года мама пояркой. Коровы телятся вот. Доярка отпоила их, а потом отдаёт в поярки. Мама телятам готовит там пойло. А я пасу с этим с пацаном этих телят.

Разутые и раздетые, но жили весело

А когда уже мене стало тринадцать лет — весной пахать на быках [с 1943 года стала]. На четырех быках мы пахали с погонщиком. За плугом идет женщина пожилая, а мы вот, подростки: один ведет впереди, один сзади — подгоняет. Они привыкают, идут. «Бороздой, — кричишь, — бороздой...» — там, Куцый, или еще как называют. Они [быки] понимают, идут бороздою. Ну, уж если как зыкнут¹, и борозда, и все на свете [им все равно]. Мы — молодежь, мы жили в бригаде, а вот женщины... и мужчины жили в бригаде². А вот женщины, у них же [у которых] хозяйство и дети ж маленькие, тут — этих возили [домой]. Утром привезут их туда, а вечером увезут опять домой. Вот так работали. Хоть и недостаток, голод и холод, раздетые и разутые, но жили, деточка, весело. Пели песни. А то ведь молодежь, и старые, и пожилые, вот молодые, женатые выходят — все поют песни, пляшут. Песни пели... ну, старинные: «Шумел камыш», «Люди добрые, поверьте», а потом вот у войну пели, как их... «Скакал казак», потом «Синий платочек». Я уже вот сейчас и не могу рассказать. Военные песни пели. А то у перед вот эти такие старинные. А в войну всё военные пели.

Техники в колхозе не хватало

Техники в колхозе не хватало. А война началась, я не знаю, у нас, наверное, ХТЗ один был, что ли... до войны. Даже ни НАТИка не было, ничего. Наверное, один ХТЗ только и был всего.

Комбайнов прицепных также мало было. Тогда вот косили руками, жали пшеницу, и были молотилки³. Молотилки, ну и в комбайнах барабан подавали почему-то тогда, я не знаю. Не было, наверное, тракторов, и таскать комбайны было некому. Что комбайн вот стоит и тут... ну, барабан. Туда вот кидают [снопами], а он молотит на месте. А тут подносят [снопы]. Там одна или двое [женщин] развязывают снопы. Кто прям возят вот такими вот рушнями. Привозят и кидают, прям в барабан. Тогда почему-то вот в войну... после войны сразу, наверное, пошли трактора, может, через год, может,

¹ Народное «бзыковать» — быки и коровы вдруг взбрыкивают и быстро бегут.

² Сельскохозяйственная бригада — в СССР основная производственная единица в сельском хозяйстве. В колхозах бригады создавались по отдельным отраслям хозяйства (полеводческие, животноводческие и т.д.). За каждой бригадой закреплялись средства производства и орудия труда. Бригаду возглавляет бригадир, назначаемый правлением колхоза.

³ Молотилка — механизм или его часть, которая предназначена для молотбы некоторых сельскохозяйственных культур с целью отделить семена от початков и колосьев.

Косарь

через два — я не знаю, через сколько. А вот у войну вот это все вручную делалось. Механизации было совсем мало. А уж потом-то у нас были трактора и комбайны новые. Тогда заставляли работать. Гнали на работу.

Трудно пережили, не дай бог...

Работали в колхозе тогда за трудодни¹. Да. Только трудодни. Денег не было.

Давали на трудодень совсем мало. Мешок, кто два, там, три получит пшеницы, и все. Картошкой жили — огороды большие. Да и то почему-то в войну картошка плохо родилась. Почему? То ли уж так Господь дал. И урожаи почему-то плохие были. Не знаю. То ли дождей не было. Не знаю, почему, но так.

Тяжело жили. Вот были такие у нас Павловы. Они ушли на Рубцовку, но это в войну. У их семеро детей, отца забрали. Он был счетоводом у нас, а жена не умела даже выращивать вот картошку. Ну, надо ж это... Не могла она этого делать, и вот они ходили побирались. А ведь это побираться — в месяц раз прошел, а они каждый день ходят. Ну кто будет [подавать так часто]... Кто подаст, а кто не подаст, и она ушла. У город ушла, у Рубцовку, и спас-

¹ Трудодень — мера оценки и форма учета количества и качества труда в колхозах в период с 1930 по 1966 год. Заработная плата членам колхозов не начислялась. Весь доход после выполнения обязательств перед государством (обязательные поставки и внесения натуроплаты за услуги машинно-тракторных станций) поступал в распоряжение колхоза. Каждый колхозник получал за свою работу долю колхозного дохода соответственно выработанным им трудодням.

ла всех детей — Господь помог. И шла по деревням, побиралася и спасла детей всех.

Голодали мы. Ели падду¹. Вот дошли в войну кони, и ели люди, но я не ела. Я этого не ела, не буду говорить, что я это ела. Я эту падду не ела. А ели траву всякую. Заготавливали, сушили, а потом толкли ее и в хлеб добавляли. Цурепку² [например, туда добавляли]... из чего она, цурепка? Она растет. Зернышки как толкли и пекли — цурепка. Зерна толкли их и ели. Очистки вот... картошку. Тогда не пропадало ничего. Очистки сушишь, толкешь и в хлеб кладешь. Пекли такой хлебушко. Все равно считали, что это хлеб. Мама отрезет... Ну, нас и было у мамы двое до войны: вот брат, что в Пензе сейчас живет, и я. А еще был один — умер. Еще до войны и умер.

Трудно пережили. Не дай бог! Дети. Мы на быках все время, девчонки, работали. Вот с Селиверстова туды, в Лаптевку, лес возили. А они вот такие вот сосны. Надо нагрузить их, а мы девчонки. Грузили ведь. Привыкли. Грузили, на быках возим. За сеном сюда ездили.

Наработаемся, так как убитые спали

Вшей было много. Вот мы сядем, на быках вот пахали когда. И вот так вот расчесываемся, и вот одна у одной бьем... Их страсть сколь было! И в рубашках. Откуда они брались?! Ну, грязь, голод. Но не только у нас там, на Лаптевке, а везде эти вши были. Сплошные были вши. Ужасные, ужасные. И клопы, и тараканы были. Все это было. Все, кто людей ел, все, все были.

А у нас на Лаптевке тем более там [много было]. Воды было мало, колодцы глубокие. Копать их... тяжело, а потом и сруб... Ведь тогда лес не давали. Даже березы боялись спилить. Было строго.

Со вшами [боролись]: керосином голову намазывали. Намажешь, они маленько как потише станут. Тогда гребешки продавали. Вот станешь, бывало, чесать... ну на чего там, на стол ли или какую-нибудь тряпку расстелешь, и вот насыплется их страсть сколько вот. И скорей, скорей в печку их бросаешь, сжигаешь. Столь было вшей. Страсть! А [все равно] спали [крепко], наработаемся, как упадем, так как убитые спали.

А всех всего было много — и голоду, и холоду.

¹ Падла — падаль.

² Сурепка — род травянистых растений семейства капустные. Преимущественно небольшие двулетние или многолетние растения с темно-зелеными листьями и желтыми цветками.

Воробьев Александр Васильевич

Родился в Кировской области в 1931 году.
На Алтай приехал по комсомольской путевке
в 1955 году. Живет в селе Топчиха

Записал в мае 2012 года
Вячеслав Павлов, студент
филологического факультета
АлтГУ. Расшифровала
запись Ксения Ширяева

Я сам приехал на целину

На ремонт загнали трактора¹. Мне дали узел, я все подготовил и заболел ангиной, чуть-чуть не ушел на тот свет. Меня жена увезла ночью в больницу. Пролежал около месяца. Прихожу на рабочее место, на моем месте уже есть. Я помощником бригадира работал в тракторном отряде. Тогда отряды были, сейчас — бригады.

¹ Александр Васильевич рассказывает о событиях, происходивших на его родине, в Кировской области.

Уволили — пришлось сюда ехать. До шестьдесят третьего года я работал в Баевском районе. Засуха была в шестьдесят третьем году, наше отделение — четыре поселка — как с лица стерло. Перестало существовать.

Я сюда приехал [в Топчихинский район], в Парфенове жил до прошлого года. Работал трактористом, комбайнером, свекловодом.

Приехал, дали НАТИк, разобранный весь. НАТИк — это трактор керосиновый. Я его собрал, обкатал, все сделал — только работай. У меня его забирают, дают ДТ-54, и тоже разобранный. Собрал. И я на нем до шестьдесят первого года работал. Своими руками все сделаю, отрегулирую. Два года езжу — не заглядываю. И на мне все было: и топливо возил, и лес возил, камыш возил на строительство¹.

Ордена

Первый орден дали «Знак Почета». Это, кажется, в шестьдесят восьмом году было. Потом через два года дали. У меня выработка всегда большая была. Весной посею, потом сенокос, потом, например, кукурузу убираю², потом зерновые.

Мне запомнился семьдесят второй год. Я на ДТ-54 засеял 1049 гектар за посевную. Потом в уборку скошил 1075 гектар на свал, и 3500 намолотил зерна дома, и в «Коммунаре» еще тысячу намолотил. За это наградили орденом Трудового Красного Знамени.

Соревнования и учеба пахарей

В хозяйстве у нас каждый год проходили соревнования пахарей. Потом в район, в районе всегда получал первые места. Холодильник, радиоприемники, часы там — награждали. Потом в край ездил.

Возили на Украину. Самолетом летали с Барнаула свеклу сеять. А мы уже сеяли, наверное, года четыре сеял или пять. Еще куда учиться? Повезли, а там так же сеют. Только там, конечно, отношение совсем не то, как здесь. Там и удобрения вносят, как следует, и все. А у нас не было такого. Потом в Москву тоже учиться. Мы там, наверное, дней десять были, на ВДНХ учиться сеять тоже съездили.

Там тоже показывали электронные эти сеялки и культиваторы какие-то, которые тогда выпускались. А они выпускались только для показа.

¹ Из камыша строили дома.

² Употреблена усеченная форма глагола «убираем».

Как правильно свеклу сеять

Нам не давали ходу, чтобы самостоятельно что-нибудь сделать. А был этот Чуркин сам директором, до этого он был агрономом, главный агроном. Раньше сеяли, если это по правде, сеяли они до нас ровно клубочков двадцать семь — тридцать два на погонный метр, чтобы было надежно. А мы не хотели. Один со мной работал, два звена как бы так были у нас, вот он тоже. Упрямылись: «Давайте будем сеять реже». А он [директор] уперся, не давал. А главным агрономом уже другой был, Ивакин. Вроде он согласился, но согласился не меньше двадцати. А мы отрегулировали сеялки на около одиннадцати так клубочков на погонный метр. У нас получился самый большой урожай, сразу.

Ведь женщины ходили полоть. Подряд вырубает, останется два-три, может быть, на погонный метр вместе с травой, а остальные вырубят. А мы как посеяли, она смотрит: ага, сидит здесь. Тяпкой тяпнет, между них получается, они все остались. Да и на второй год опять не дали нам это сделать. Ненадежно. Плохо. И так у нас опять урожайность снизилась. Ну, потом все равно не шибко мы поддавались, конечно. Я был упорным, меня не любили руководители.

Если бы нам дали волю, 300 центнеров было бы каждый год, я уверен в этом.

Звягинцева Антонина Петровна

Родилась в селе Павловск в 1931 году.

С 1953 года живет в селе Рогозиха Павловского района

Записали в феврале 2012 года
Ирина Демидова и Юлия Дубова,
бойцы отряда «Гольфстрим» АлтГУ,
принимавшего участие в меж-
региональной патриотиче-
ской акции «Снежный десант»

Окна — на солнце

Приехала я сюда переводом после окончания института, сначала в Чернопятново я проработала один год, потом перевели в Рогозиху. Она в то время была не очень обустроена, я не понимала, как тут улицы устроены, потому что строили дома как удобно. Вот, например,

в Павловске строят дома и с той стороны улицы, и с другой, и окна на дорогу выходят. А в Рогозихе окна всегда на солнце ставили.

Как была устроена школа

В нашей школе, когда уже я сама была учителем, были кабинет директора, жила в одной комнате сторожика, библиотека была и остальное — просто классы, и мастерские были. Печное отопление было, в каждом классе стояла печка. Истопник каждый вечер носил дрова и топил ее. В каком году я не помню, Звягинцев, директор, провел водяное отопление, кочегарку построили рядом со школой. Даже первое время ребята разувались перед тем, как зайти в школу. Спортивный зал был у нас на втором этаже. После того как директор съездил в Павловск, стали вводить спортивную форму. Все купили маечки себе и черные трусики, а один мальчик ходил в валенках, потому что больше не в чем было. И ведь никто не смеялся.

В школе у нас был очень хороший дендрарий, пригласили специалистов из Барнаула, они сделали планировку. За каждым учеником было закреплено дерево, вечером они поливали их и дежурили по вечерам у них. Никто, собственно, и не лез к ним, не было такого.

В школе елка обязательно была и игрушки, из соломы куколшили, делали кульки для подарков. Подарки покупало нам хозяйство, на территории которого находилась школа. Сами делали костюмы, и такие красивые. Дети активные были, что им Дед Мороз скажет, то они и делают.

Честность

Начиналась ягода, никто нас не будил, только солнце встает, и мы бежим в лес. Придем из леса, и сразу с молоком ее и съедали. Встречали волков на тропинках иногда, но они нас не трогали. Однажды у нас теленок пропал, день искали его, не нашли. На следующее утро нашли его в лесу, волк его задрал, но не съел почему-то. Мы его привезли на тележке домой, освежевали, мама на работе, хоть и маленькие были, посолили и спустили в погреб. А на следующий день пришел наш теленок. Оказалось, что это у других потерялся теленок, по шкурке они определили, что это был их. И вот мы отдали все это мясо им, не оставив ни одного кусочка себе, вот такая вот честность была. Никто ничего не воровал друг у друга никогда.

Каждый день нам давали задания, принести два мешка шишек, чтобы печку в школе топить. Подметали весь лес за лето.

Медведева Валентина Андреевна

Родилась в 1931 году в селе Березовка
Краснощековского района. В настоящее время живет
в селе Харлово Краснощековского района

Записали в феврале 2012 года
Виктория Гуляева (АлтГПА)
и Софья Казанцева (АлтГУ),
бойцы отряда «Эверест»
(АлтГТУ им. И.И. Ползунова),
принимавшего участие
в межрегиональной
патриотической акции
«Снежный десант»

Учителей присылали из Москвы

А учителей местных не было, были только приезжие из Московской области. Там-то уже была цивилизация, тут-то было еще захолустье. Вели у нас французский язык. Учительница была из Ленинграда. Учила она так, что до сих пор могу на французском разговаривать, стихотворение даже помню. Она была очень современная, никогда не ходила в платьях, она всегда была в рубашке и пострижена была по тем временам по-пацански, примерно как сейчас стригутся. Все учителя тогда просто были прекрасны, на них было не наглядеться.

Была у нас Клавдия Алексеевна, математик она была отличный. Помню, домашнее задание как она проверяла! На уроке спросит домашнее задание, показываем, вызовет кого-нибудь к доске и говорит: «Пиши». Если ты делал домашнее задание, то напишешь, а если не открывал даже, то она ругала. Помню, стоишь у доски, пишешь, сделаешь ошибку, она стоит и пальцем в это место бьет, да так бьет, что палец потом долго болит.

Иди, доча, на учителя

После окончания школы меня родители спрашивают, куда ты думаешь идти. А я думаю: куда еще-то идти, кроме школы. Но потом задумалась по поводу бухгалтера, потому что мне бухгалтерия нравилась. Но потом мама говорит: «Иди, доча, на учителя. Учителям дают три тыщи кизяков и пять литров солярки вместо электроэнергии».

Объездила весь Советский Союз

И вот, кстати, не знаю, почему сейчас так относятся к молодежи, но раньше было совсем по-другому. Вот я с учениками объездила весь Советский Союз. Когда с детьми уезжаем, то у меня муж остается с детьми. Мне повезло, у меня хороший муж, он с пониманием относился ко всему этому. И вот сейчас я сижу на старом диване, и у меня нет никаких накоплений, зато я очень много где была. И вот иногда вспоминаю, что мы там делали да как. Будто возвращаюсь туда, и мне так приятно на душе.

Оспинникова Зоя Илларионовна

Родилась в 1931 году в селе Уралики. В настоящее время живет в селе Шумилиха Ребрихинского района

Записали в феврале 2012 года
Валентина Брыкова (АлтГПА)
и Степан Легенький (АлтГТУ),
бойцы отряда «Белые медведи»
(АлтГТУ), принимавшего
участие в межрегиональной
патриотической акции
«Снежный десант»

Волк в табун забежал

Я училась в третьем классе, меня учительница отправила за техничкой, мамой Вани Коровякова. Это было днем. Иду, вижу табун коров, а там четыре волка забрались и дерут корову. Я прибежала к бабке этой, у нее сын дома был. Он сгреб ружье и побежал стрелять. Все из школы высыпали, народ собрался. Веры Трофимовой корову съели.

Позже, у меня уже Татьяна родилась, у соседки ночью напали волки на телка, корову не тронули. А от телка остались только голова и копыта. Гусей жрали. Я и сама под волков попадала, когда овец пасла. Волк в табун забежал. А я его за уши схватила и к себе тащу. Бабушки шли по ягоды, меня и отобрали у волка. Я смелая была.

На коромысле — по пять километров

Во время войны продукты на фронт сдавали. По полям колос собирали, сдавали на склад. Овец доили, из молока сыр варили. Мы с братом пасли овец, двое слепых доили, а сестра на коромысле носила ведра в Шумилиху по пять километров летом на молоканку.

И для себя весной колос собирали, зимой картошку выкапывали, готовили. Те, кто побогаче, они плохо выкапывали, мы у них спрашивали разрешения и выкапывали картошку. Мы с братом колос собирали в определенном месте, где бригадир разрешил, относили маме на болото, она там шедушила его. А сестра за нас овец пасла в это время. А тех, кто без разрешения колос собирал, тех наказывали, били и даже сажали в тюрьму. Потом зерно мололи на мельнице и варили кашу. Дома держали около сотни кролов. В огороде сажали подсолнухи. Потом связывали их пучками и выдавливали и жарили на солидоле, масла не было. Это было во время войны.

Работать надо, некогда разъезжать

Двадцать три года отработала телятницей, пять лет проработала, а потом стала профилакторщицей.

На мне были все телята. Коровы телятся, телята сосут их один день, а потом их ко мне приводят со скотняка. До ста штук было телят, как их напоить? Ставлю их в стайки, беру соски и сразу троих поила. У меня есть награды, почетные грамоты и медали за труд. Меня в Москву направляли, чтобы наградить, но я не поехала. Работать надо, некогда разъезжать. Я и сейчас не могу сидеть, надо работать.

Тополева (Суртаева) Августа Федоровна

Родилась в 1931 году.

Проживает в селе Быстрянка Красногорского района

Записала Василина Пацукова,
ученица Быстрянской
средней школы

Вот и молодость прошла...

А клуб где был, старая школа рядом, тут сейчас дома построены... вот попримечай. Вот тут... было сделали кочегарку, а сюда клуб был, а вперед-то не было кочегарки. Вот это зимой мы, девчонки... — летом в клуб бежим, а зимой холодно. Какой-нибудь гармонист придет, играть, мы танцуем без ума. А танцевали вальс, фокстрот, таки вот... Вот и молодость прошла.

Башкой не верти, садись за прялку и пряди!

Тут была старая школа, там мама училась. Мама училась в первом классе и училась хорошо, ее хотели сразу из первого во второй перевести: вроде хорошо учится. Пришла она домой, сказала матери, а та: «Хватит, башкой не верти, садись за прялку и пряди!» Села за прялочку и прядет шерсть, вот так.

Какие были дела-то...

Родилась я тридцать первого года, семнадцатого августа. Вот. Родилась в Старой Суртайке, мама туда взамуж выходила. Он был Суртаев Федор Михайлович — отец. Мама-то вышла взамуж убе́гом¹ убежала. Их первая сестра, ее постарше, приехали, увезли, посватали в Суртайку же в Старую. А ее мамин-то муж [будущий] — [во время сватовства ее сестры] присмотрел маму. Дома у них [у своего отца] мать ничё не делала. У свекровки еще дочь младшая была — она спят до второго чая. Вот мама [будучи уже снохой] отправит всех на пашню, накормит всех. И чтоб она подымалась, свекровка-то, с постели, и чтоб самовар шумел. Если самовар не шумит, она [свекровь] тада забегала, запсиховала, только двери говорят! В тридцать шестом году самый ее хозяин у моей свекровки помер, она осталась с тремя, парнишки всё были. Старшего взяли в армию,

¹ Замуж убе́гом — девушка сбежала к жениху одна, либо из-за несогласия и отказа в благословении родителей, либо чтобы быстрее оформить супружеские отношения.

война уже была. Вот так жили, какие были дела-то... Все уж примерли, я одна болтаюсь.

Тут было три колхоза

Тут было три колхоза: «Чапаев» сверху, в середине у нас — «Призыв Ленина», а туды, к пенькозаводу — «Путь к социализму». Три колхоза. А в колхозе? Ну, люди работали... В летнее время тогда же и хлеб руками косили даже, снопы вязали, потом возили, скирдами складывали снопы, потом молотить. Тут машина стоит... что тут вилами бросают, ты хватаешь, как вроде на скамейке стоишь, и туда, в эту машину, бросают. Она эти зерно-то обмолачивает, только мякина летит, солома, ее там отвозят сзади, солому-то... Э-э, ага, а потом... это нескоро было, сделали общий, и совхоз получился.¹

Война началась!

А в войну мы жили в Горном². Мы жили в Алтайторге, мама там техничкой работала; было два этажа, а внизу магазин. Вот вышли за ворота — чёй-то такое: народ бежит с базара. Там бежит, друг дружку перегоняют, бегут быстрым шагом. Чё такое случилось-то? Чё народ-то так? А потом услышали: война началась! Вот... Плохо было в войну-то, конечно. Война — она и есть война: голод, холод, хвалиться нечем! Потом отца на фронт забрали, и он не вернулся, погиб, без вести, похоронки не было от его. Неизвестно где [погиб].

О работе на ткацкой фабрике

Ну, я, конечно, тут не работала. Я пошла в 16 лет работать: в то время мы с мамой тогда в Горно-Алтайске жили, и я пошла на фабрику, ткацкая она называлась. Я там сидела, нас там много было, мы цевки мотали. Вручную же ткали-то. Я как цас³ помню. Дощечка такая, на ей набиты как гвозди, и пока полную не намотаешь, тогда приходит ткачиха и берет. У меня не путались цевки: как намотаешь, так и идет. У меня была сто одна дощечка, и она у меня только брала, эта ткачиха. А потом вздумали штой-то переводить, чтоб мене учить ткать. Ой, я сколь слез пролила: не пойду

¹ Объединили колхозы «Чапаев», «Призыв Ленина», «Путь к социализму» в один. Затем колхоз (коллективное кооперативное хозяйство) перевели в совхоз (государственное сельскохозяйственное предприятие).

² В Горном жить — в Горном Алтае жить

³ Цас — сейчас

я, боюсь, не пойду я, ага, ткать. И в это время сдумали суда обратно в деревню, в Быстрянку, жить. Стала я увольняться, а меня не увольняют. Мама со мной пришла, ну, уволили кое-как.

Про дедушку

У моего дедушки, когда он жил ишшо с родителями, их было девять братовой, одна сестра. Когда пришла пора жениться, он же поехал невесту в Майму искать, кто-то нахвалил. Приехали в зимнее время, а ее дома нету. Мать сказала, что она на речке полощется, стирается. Пришла, они дождались ее. Пришла она, как подол-то весь вымочила: полоскалась-то, отжимала и не переоделася. Так в мокром-то подоле самовар [понесла]. А было [принято] чтоб, раз сваты приехали глядеть невесту, она должна и самовар поставить, и на стол направить. Вот. Ну, а он приехал домой, и она ему не понравилась, что не могла даже переодеться, в подоле мокром так и шлындила¹. Всё. Поехал в Березовку и вот эту бабушку-то нашу Акулину Федоровну, он ее [взял замуж]. А оне бедно жили. Отец был слепой уже. Их было две сестры и брат. Вот она и приехала к нам. Вот у них и получилось девять сестер и три брата.

Костомаров Владимир Ильич

Родился в 1933 году в селе Верх-Камышенка
Краснощековского района. В настоящее
время живет в родном селе

Записали односельчане
Людмила Синюкова
и Людмила Пельц

Птухины

Родился я в Верх-Камышенке 11 февраля 1933 года на месте жительства, где в настоящее время находится летняя мехдойка ко-
ров бригады Ерыгина, СПК «Верх-Камышенский». Это моя ма-
лая родина, на этом месте прошло мое детство, многие годы тру-

¹ Шлындила — ходила.

довой деятельности. С этого места я пошел в первый класс в Верх-Камышенскую школу в 1941 году. Мой дедушка по материнской линии Птухин Моисей Дмитриевич, у него было еще два брата и две сестры.

До 1924 года все жили вместе в родительском доме, но женились, стало тесно, и дети стали разъезжаться. В 1924 сломали на старом поместье амбар, перевезли его и построили дом. В этом доме и в настоящее время живет инвалид Дорохов Иван Федорович. И вот, по рассказу дедушки Моисея Дмитриевича, он как старший брат должен был отделяться и отделился. Вскоре построили дом второму брату — Ивану Дмитриевичу, и его тоже отделили, сестры вышли замуж, остался с родителями младший брат — Мефодий Дмитриевич. Дом Ивана Дмитриевича в настоящее время целый, в нем живет вдова погибшего на войне Птухина Гаврила Ивановича — Птухина Матрена Кирилловна с сыном Виктором Гавриловичем.

Средний брат дедушки — Иван Дмитриевич, был глухонемым, а почему глухонемой, дедушка тоже мне рассказывал: когда их мать Матрёна Яковлевна была в положении, то есть носила будущего Ваню, в последние дни, как подавала снопы на воз с мужем Дмитрием Васильевичем, то есть с отцом дедушки, и упала с воза. Роды прошли благополучно. Когда Ваня стал подрастать, мама обнаружила, что он глухой, а потом не появилось и речи. Был Ваня очень красивый, темно-русый, кудрявый, работающий.

До Октябрьской революции Птухины жили средне. Имели пять дойных коров, пять запряжных лошадей, овец, птиц, пчел. Считалось, семья крепкого середняка-крестьянина. В начале 1930 года началась коллективизация, то есть по решению правительства стали организовывать коллективные хозяйства. Вначале они назывались ТОЗы (товарищества обработки земли), коммуны, а потом уже колхозы. В Камышенке организовалась коммуна имени Володарского, где в настоящее время находится конеферма СПК и отруб-хутор «Рассвет», где также в настоящее время находится мехдойка коров СПК «Харловское». В эту коммуну начали свозить лесоматериал разобранных домов, амбаров и строились вновь дома и общественные постройки.

Мой дедушка Моисей Дмитриевич, не долго думая, вступил в колхоз. У него забрали коров, лошадей и все остальное за бесценок. Лошадей угнали в «Рассвет», где они погибли от бескормицы. Он начал работать вместе с бабушкой Екатериной Нестеров-

ной. Зимой ухаживали за овцами, а летом дедушка работал на пасеке, а бабушка стерегла овец. Дедушка был безграмотный, но со временем научился немного читать по слогам. Во время войны стал выписывать газету «Крестьянка» с красными большими буквами. И я, будучи учеником второго-третьего класса, ему читал кое-что из газеты. Особенно он любил слушать сообщение с фронтов, Совинформбюро.

Дедушка с бабушкой вырастили пять детей и некоторые получили высшее образование. Дети — Ваня, Ольга, Никифор, Василий, Татьяна, да еще сколько умерло из-за плохих жизненных условий. У среднего брата, Ивана Дмитриевича, было четверо детей: Таня, Гаврил, Тоня и Анна. Средний брат Иван в начале тридцатых годов умер, и все заботы по воспитанию детей и содержанию хозяйства легли на плечи дедушки Моисея Дмитриевича. Дедушка очень любил племянника Гаврила Ивановича. Я даже помню, как он придет к нам на ферму перед войной, дедушка его обнимет, поцелует. Гаврил Иванович выучился, перед началом войны работал бухгалтером в колхозе.

Младший брат дедушки, Мефодий Дмитриевич, закончил трехлетнюю приходско-церковную школу. Он был политически более развит, собрал семью и переехал из Верх-Камышенки на другое место жительства — в село Коробейниково Усть-Пристанского района, а вскоре и в саму Усть-Пристань, где работал бухгалтером в ОРС (отдел рабочего снабжения).

Во время войны он был взят на трудовой фронт в Челябинскую область в город Златоуст, куда и после войны перевез свою семью. У него было трое детей: Шура, Петр и Лида, по сути дела, он перевез всего лишь одну дочь Лиду. Жена его Прасковья Кирилловна умерла в Усть-Пригани, а сыновей Шуру и Петра взяли в армию. Перед войной и после войны дедушка Мефодий приезжал в Верх-Камышенку, я с ним ходил на старое поместье, где они совместно жили, он мне все рассказывал.

С дедушкой Моисеем и бабушкой Екатериной просиживали целые сутки, вспоминали все прожитое и особенно переживали за погибших на фронте своих сыновей и зятя, а погибло пять человек, это мой отец Костомаров Илья Александрович погиб первый в 1941 году, когда немцы сильно наступали на Москву. Вторым погиб на фронте Птухин Гаврил Иванович, третьим — Птухин Никифор Моисеевич, четвертым — Птухин Василий Моисеевич, и, на-

конец, последним погиб Птухин Александр Мефодьевич, Герой Советского Союза. Это была тяжелая утрата для всех нас, близких и родственников. И мне хорошо помнится, как закончилась война. Как прибежала к нам на ферму сестра погибшего Гаврила Ивановича, Антонина Ивановна, она работала почтальонкой, и сообщила нам, что война закончилась. Вся наша большая семья встретила эту весточку и с радостью, и со слезами на глазах. Особенно сильно плакала и причитала бабушка Екатерина Нестеровна и моя мама Ольга Моисеевна.

Хорошо помню, что через некоторое время после окончания войны стали возвращаться домой мужчины: некоторые раненые, искалеченные, некоторые невредимые, тут еще больше было в нашей семье расстройств и переживаний, особенно сильно переживала бабушка Екатерина Нестеровна, да и все мы, о погибшем Василии Моисеевиче, о том, что в похоронке было написано: ушел в разведку и не вернулся, пропал без вести. Это было под Сталинградом, когда немец сильно наступал на город Сталинград.

Так вот, бабушка все плакала до своей смерти, что где-нибудь «твои косточки и по сей день валяются, не преданные земле», и все его ждала. Все остальные погибшие: Гаврил, Никифор и Александр — были похоронены. Мой отец Илья Александрович тоже не был предан земле, потому что в похоронке было написано: «Был направлен в штаб с пакетом секретного донесения и не вернулся». Вот такая участь и доля досталась нашим семьям.

Костомаровы

Немного опишу предысторию рода Костомаровых. Род Костомаровых, или мои предки по отцовской линии, также пришли из Центральной России, из Воронежской губернии. Поселились в Верх-Камышенке. На том месте, где был лагерь труда и отдыха учащихся школы, которая была построена директором совхоза «Мир труду» Пилиным Олегом Ивановичем. Это место называлось раньше Арнаутовкой, по имени зажиточного крестьянина Арнаутова. Было их три брата, мои прадеды, Митрофан Иванович, Николай Иванович, Иван Иванович.

Жили крепко, у всех троих было по хорошему дому, по амбаре, была совместная кузница. Старший брат, Митрофан Иванович, содержал мельницу.

Костомарова мельница

Мельница до 1913 года была единственной на все село. На эту мельницу везли молоть зерно из близлежащих сел. Эта мельница выполняла три операции: размол зерна на муку, обивала рубашку с зерна проса, то есть была устроена теребаха — теребили или чесали шерсть, мужчины катали валенки и войлок.

Была построена плотина для забора воды, чтобы все механизмы на мельнице приводить в движение. Строили плотину руками. На мельнице круглый год был завоз, был народ. Мельница постоянно работала. Сам хозяин мельницы, мой прадед Митрофан Иванович, был инженером. На этой мельнице, особенно в зимнее время, Митрофан Иванович носил овчинные шаровары, овчинные шапки и заскурмаченный¹ полушубок. Все операции на мельнице приводила в движение вода. Эта мельница была сохранена до 1954 года. А когда я пришел из армии в 1955 году, ее не стало. Старое поколение называло эту мельницу «Костомарова мельница».

Расковеркано — разобрано

У прадеда Митрофана Ивановича было четыре сына: Александр, Семен, Василий и Иван. Все выросли физически здоровые и работающие, все обзавелись хозяйством, семьями, стали отделяться. Сам прадед Митрофан Иванович в годы НЭПа умер. Взял хозяйство на себя его старший сын, Александр Митрофанович, то есть мой дедушка. Во время коллективизации все четверо моих дедушек долго не вступали в колхоз. Местное начальство по указанию вышестоящих органов стало их притеснять.

Трое братьев дедушки: Семен, Василий и Иван, все бросают и уезжают неизвестно куда. А дедушку, как принявшего на себя все большое хозяйство, отправили в Нарым со всей семьей. А семья у него была уже большая: сам Александр Митрофанович, жена Марфа Васильевна, дети: Илья, Миша, Лида, Шура, Сергей, Ваня, Варя. Но, как мне рассказывала бабушка Марфа Васильевна, в Нарым не доехали, в пути заболели сильно дети и их вернули. Один ребенок в пути умер, это был Миша. Мой отец Илья, видя, что дело предстоит плохо, девятнадцатилетним парнем женится на Ольге Моисеевне и остается жить в Верх-Камышенке.

¹ Заскурлаченный — простеганный шерстью.

При возвращении в Камышенку дедушки с семьей все, что было нажито своим добросовестным, тяжелым трудом, то есть дома, амбары, кузница, — все хозяйство было расковеркано, разобрано и все перевезено в коммуну «Красная звезда» Березовского сельсовета, где была МТС. Осталась только мельница. По сути дела, дедушка Александр Митрофанович и бабушка Марфа Васильевна со своими детьми возвратились на голую кочку. Но так как мой отец Илья Александрович не поехал или его не отправили в Нарым, купил родителям небольшую избенку, а дедушка Моисей Дмитриевич дал им стельную телку. Так они вновь стали жить в Верх-Камышенке и вступили в колхоз.

Дедушка Александр Митрофанович вскоре при возвращении из поездки в Нарым умер. Я его не помню, бабушка Марфа Васильевна осталась с пятью детьми одна. Дети стали подрастать, Лида пошла работать в колхоз телятницей, Шура работала прицепщицей, Сергей работал на лошадях, возил ГСМ.

Укрупнение колхозов

В 1949 году в Верх-Камышенке была семилетка, чтобы продолжать учиться дальше, нужно было ехать в Березовку, там была десятилетка. Я не поехал учиться, учиться хотелось, но не было у меня возможности. Осенью 1949 года стал работать в колхозе. Пошел к председателю, и мне дали пару лошадей, бричку с ящиком, и я стал отвозить зерно от комбайна на ток, а ночью возил зерно на глубинку, то есть государству. Засыпали зерно в клуб, который сгорел.

В 1950 году в июне произошло укрупнение колхозов. Из шести колхозов, находящихся в Верх-Камышенке, сделали два колхоза, один колхоз имени Молотова, председателем поставили Копылова Иосифа Васильевича. Второй колхоз был имени Жданова, председателем поставили Кретирина Петра Григорьевича. Меня назначили учетчиком животноводства на две фермы. Весной 1951 года меня освобождают от учетчика и направляют заправщиком тракторов в полевую бригаду. Весна 1951 года была ранняя и сухая, отсеялись быстро, трактора поставили на техход уже 17 мая. Меня направляют чабаном, то есть пасти овец, так как дедушка мой заболел бруцеллезом.

В октябре 1950 года вновь произошло укрупнение колхозов. Колхоз имени Володарского и «Рассвет» в первое укрупнение

в июне не вошли. А в октябре 1950 года укрупнились колхозы имени Молотова, имени Жданова и имени Володарского. Председателем поставили Крестинина Петра Григорьевича. А колхоз «Рассвет» не пожелал прилиться к колхозу имени Жданова, то есть из Верх-Камышенки отошел в село Харлово. В 1954 году в Харлово избрали председателем нашего камышенского земляка Мальцева Петра Тихоновича, который проработал бессменно до 1974 года. Лето 1951 года было сухое и жаркое, кормов заготовили мало, и осенью 1951 года на зиму 1952 года меня направляют вновь скотником на доразивание молодняка, зиму проходил за телятами, а весной 1952 года меня призвали в ряды Советской армии.

Животноводство — отрасль живая, повседневная

Возвратясь после демобилизации домой, на свою ферму, вновь начинаю работать скотником, учетчиком полеводческой бригады с 1962 года до 1993 года. До ухода на пенсию работал зоотехником, окончил Павловский сельскохозяйственный техникум заочно. Нашел себе вторую половину — Марию Ивановну, вырастили и выучили трех сыновей, теперь помаленьку помогаем растить внуков. За время своей трудовой деятельности я даже не приобрел никакой механизаторской специальности: все посвятил животноводству, но я на это не обижаюсь, что так во мне привили любовь к живому мой дедушка и мама. Я очень им благодарен.

За время работы на производстве неоднократно мне объявляли благодарности, премировали ценными подарками, выдавали денежные премии. Награжден почетными грамотами и орденом Трудового Красного Знамени, награжден знаком «Победитель социалистического соревнования», был сфотографирован у развернутого Красного знамени колхоза имени Жданова. Да сколько еще было поощрений, которые не были записаны в трудовую книжку.

При уходе на заслуженный отдых управление сельского хозяйства района прислало мне благодарственное письмо. Это все перечисленное не похвала себя, это реально. Мне специалисты управления сельского хозяйства говорили: «Что же ты, Владимир Ильич, еще не поработал?» Откровенно говоря, за сорок четыре года работы в животноводстве мне просто надоело, потому, что эта отрасль живая, повседневная.

Матери наши в годы войны

Хочу вспомнить труд наших мам в годы войны и первые годы после войны. Хорошо помню доярок, которые работали на ферме вместе с моей мамой — Ольгой Моисеевной. Это Мыльниковы Пелагея, Тибейкина Матрена, Соклакова Анастасия. День работают на ферме, выполняют свою работу, а во время хлебоуборочной шли в ночь подрабатывать, зерно очищать на «клеитоне» — это была такая машина по очистке зерна, которую приводили в движение две женщины, крутя руками за ручку, и две женщины засыпали в нее зерно. Хорошо помню женщин, которые во время покоса косили, метали сено руками — это Данилова Прасковья, Мальцева Екатерина, Волченкова Варвара, Коростелкина Нина и Анна. Также помню женщин механизаторов: Дюжева Матрёна, Семенова Ольга, Дюжева Наталья, Шабанова Варвара, Сопова Анна и другие, которые сутками не сходили с трактора. Трактора были без кабин. Ветер, дождь и снег им падал в лицо и грудь.

Помню женщину — председателя колхоза имени Советов, Усову Елену Устиновну. Помню женщин, оставшихся без мужей и не изменявших верность своим мужьям, воспитавших двух, трех детей без мужа: Часовских Клавдия, Стунина Александра, Костомарова Ольга, Шабанова Варвара, Кретицина Хавронья, Птухина Матрёна, Анненкова Матрёна, Волченкова Ульяна, Кожухова Анастасия, Бирюкова Аксинья и другие. Как им только хватало сил и времени, чтобы работать с темна и до темна и, придя с поля пешком за пятьдесят километров, а некоторые с поля на себе несли вязанку хвороста или полыни, чтобы истопить печь, приготовить пищу, управиться по хозяйству, обуить, одеть, покормить детей.

По сути дела, всем женщинам военных и послевоенных лет не легкая досталась доля, но они своим самоотверженным титаническим трудом все сделали, чтобы будущее поколение жило хорошо, а живем пока неплохо. Все женщины того времени не бросили детей, не жаловались на свою судьбу. А что творится в настоящее время с некоторыми женщинами? Спились, бросают детей, убивают детей, дети убивают родителей, наркомания, СПИД и так далее. Это говорит о том, что живем хорошо, трудиться стали мало, заняться больше нечем, а труд облагораживает человека.

Из всех перечисленных мною женщин некоторых уже нет на этом свете. Вечная им слава и вечный покой, а кто еще живой, здоровья им и пусть еще поживут.

Федоренко Виктор Алексеевич

Родился в 1934 году. Живет в селе
Шумилиха Ребрихинского района

Записали в феврале 2012 года
Валентина Брыкова (АлтГПА)
и Степан Легенький (АлтГТУ),
бойцы отряда «Белые медведи»
(АлтГТУ), принимавшего
участие в межрегиональной
патриотической акции
«Снежный десант»

В сорок восьмом карточки отменили

Я прожил уже семьдесят девять лет, фактов было столько...
Что вас интересует? Какие факты нужны?

Сложно было в сорок восьмом году. Я поступил в техникум, Алтайский сельхозтехникум в городе Змеиногорске. Так там столько было фокусов, хватит рассказывать на целый год! Например, тогда карточную систему только отменили, ну а хлеба был еще недостаток, и нам все равно давали паек: кусочек хлеба ржаного грамм пятьсот и тарелку супа. В комнате нас жило восемнадцать человек. Ну, спали всяко, и так, и сяк, насекомых было полно. И однажды есть было вообще нечего, стипендия была крошечная, и мы решили пойти на охоту. И нашли четок водки и полбулки хлеба! А как на восемнадцать человек разделить? У нас таз такой был большой. Мы в него весь хлеб скрошили, водкой полили, и давай, значит, употреблять.

Детства у нас и не было

В войну я еще в школе учился! А тогда было немного иначе, чем сейчас, занятия кончались 20 мая примерно, а наутро уже бригадир приходил к нам домой и кричал: «Нюрка, — а мою мать Анной звали, — где там Витька? Ну-к, давай его сюды!» И все, забирал на пашню. До августа. Ну, мы, конечно, пару раз за месяц приходили домой, но в основном мы были там. Боронили на собственных коровах.

Мне было тогда лет восемь-десять. Я в четырнадцать лет уже с женщинами сено кидал, я здоровый был сам по себе. Вот. Ты представляешь стог?

Во-от! И туда, значит, сено надо забрасывать. В летнее время в уборку женщины днем сенокосилками косили все. Ты представляешь сенокосилку? Запрягали, значит, три лошади в платформу, и они идут, а косилка скашивает, а к ней пристраивали привод, и управляешь ей, делаешь снопы. А ночью эти снопы мы свозили в стога.

Ну, а детства у нас как такового, если сравнивать с теперешними временами, у нас и не было. Но были и свои плюсы.

За ухо-то как крутанет!

Мы сами делали, что нам было нужно, лазили, где лазится и не лазится, даже там, где голова не пролезет! Везде были, везде все знали. Ну а сейчас что? Дотронулся до ребенка, он и пожаловался, и судить родителей!

Вот сказал мне дед, например, что-то или бабушка, то все надо выполнять, иначе — привет! Или вот еще: иду я по улице, а навстречу мне пожилой человек идет. И если я не остановился, не поздоровался, не поклонялся, то он остановит, за ухо-то как возьмет, как крутанет! И скажет еще: домой придешь, скажи деду, что со мной не поздоровался.

Мальчишками бегали — любовались на радио

Разные времена и разные условия, ну, сравнивать, конечно, нельзя. Я вот, например, радио первый раз увидел в десять лет, во время войны. А до этого у нас в селе не было его. И вот когда повесили его у нас на сельсовете, так мы с мальчишками каждый раз бегали туда и любовались на него, а когда оно говорило, так сидели и внимательно слушали. А сейчас у меня правнучка в этом году в первый класс пошла, так она уже на компьютере шурует, будь здоров! Сейчас понятия совершенно другие.

Раньше о деньгах не думали

Сейчас же как: деньги, все деньги! А раньше о них и не думали! И доверие было! Хаты мы вообще не закрывали, замков-то не было. А гостеприимность какая была! Поэтому молодым хочу пожелать больше дружбы, больше внимания друг к другу.

Горшков Иван Яковлевич

Родился в 1935 году в селе Колыванском.

В настоящее время живет в Барнауле

Записали в апреле 2012 года
Вячеслав Павлов
и Мария Киселева,
студенты филологического
факультета АлтГУ

Довоенное детство

Я не шибко довоенный, тридцать пятый год — это уже детская память. До войны, допустим, помню, как мы жили в нашей семье, в окружении детства. Родители работали в совхозе, в нашем селе Колыванском было несколько совхозов, пять совхозов и колхоз организовали. Отец и родители по отцовской линии работали в совхозе, по материнской линии дед работал в колхозе.

Жили очень даже не богато, у нас лично, в нашем доме: была небольшая избенка, что называется. Мы жили с родителями в этой избе до войны. Потом отца взяли в армию, сначала в так называемую действительную службу, то есть это в мирное время, сколько, я не помню, кажется, год тогда служили. Он отслужил, пришел и снова работал в совхозе, это было тридцать девятый год.

Жили скромно, конечно, если говорить, допустим, о мебели — обыкновенная деревянная кровать была, была лавка, были табуретки, никаких ни стульев, ничего в квартире не было. Русская печка, на лавке стояло ведро с водой, умывальничек в уголке приделанный, божничка, где была икона, мама была верующая, отец — нет, и печка-буржуйка маленькая, железная. Люлька, у нас потом родился брат мой второй. Люлька в виде такой рамки, обтянутой мешковиной, повешенная к потолку, и качался ребенок в ней. Корову держали, помню, теленок был. Поросят не помню, чтобы держали, наверное, не было.

Война

Когда войну объявили, люди сбежались сразу к сельскому совету, там стоял репродуктор, еще не тарелка, а в виде рупора. Объявили начало войны, конечно, день был хороший, теплый, плакали. Начали сразу собираться, кому что, мужики на фронт.

Отца сразу взяли в армию, что характерно, у отца осталась та старая форма от гражданской службы, брюки-галифе и гимнастерка.

Деда по отцовский линии забрали на фронт, отцовых двух братьев забрали и отца забрали. Все они погибли, кроме моего отца, в первый же год войны. Отец по ранению в первый раз пришел в 42-м году. Полгода он прожил, работал в это время управляющим отделения. Потом снова взяли, и пришел он уже после войны, либо конец августа, либо начало сентября. Был он в звании старшина, награжден, орден Красной Звезды у отца был, медаль «За отвагу», «За боевые заслуги», ну и «За победу над Германией». Из Кольванска на фронт взяли около шестисот человек, триста девяносто девять погибли.

Военное детство

Детство проходило как обычно у ребятишек деревенских. Летом это что-то помочь матери по огороду. Мать же работала, дома надо что-то делать. Малыш у нас появился, водился с ним. Ну, помогать как, по силе возможностей. Где-то какую-то грядку пополоть, полить. Потом Вовка подрос, его определили в детсадик, я его водил. Это было километра полтора-два вести его, садик был на центральной усадьбе совхоза. Приведу туда, и, кстати, меня там и покормят еще даже, в то время это была проблема.

Зимой что, коровку мы все равно держали, ну, я еще маме не помогал в этом возрасте, сена я еще не давал, по-моему. По дому, что мог, с Вовкой водиться. Деревни тогда очень снегом заносило, были такие бугры, катались на санках, на ледянках, сами делали. Приспособления такие кататься, пластиночку делали из льда или из более существенного, из коровьего, замораживали и катались. Когда стал побольше, делали самодельные лыжи и катались.

В школу я пошел в первый раз в сорок втором году, проходил первую четверть, потом наступает зима, мама говорит: «Тебе еще рано, посидишь годок, ходить не в чем», — не было зимней обуви. На второй год снова пошел в первый класс, в сорок третьем году. В третьем, четвертом и даже втором классе ребятишек брали на работу — прополка посевов. Ходили, с удовольствием ходили, ну, во-первых, это было отвлечение от учебы, и второе, когда работаешь, то покормят. Мы в колхоз ходили полоть, в совхоз не ходили.

Немцы, калмыки и армяне

В первый же год переселили немцев, и в соседях у нас немцы жили. Мы к ним относились немножко, я честно скажу, враждебно. Война с немцами, и тут немцы. А потом все сдруживались и уже реагировали совсем по-другому.

Немцы, когда приехали, они жили получше нас в материальном плане, и даже что им было позволено забрать с собой мало, это отличалось от нашей жизни. И одежда у них была побогаче чуть-чуть.

А вот когда переселили калмыков, это был сорок второй год, их привезли зимой, вообще какое-то бедственное положение у них было. Во-первых, народ они были отсталый, они ничего не умели делать, кроме как пасти скот, а скота здесь как бы и нету. Они не знали, не умели ничего делать по огороду, ни картошку выращивать, ни тем более овощи. Они знали только вот коня, они могли ухаживать за конем, за овцами, и все. Привезли их зимой, и были они очень бедные. Если немцы были побогаче нас, местных, то эти были, наоборот, нищие практически, вот у них шуба — и больше ничего нету. Шуба, малахай на голове, обувь какая-то, даже ни пимы, ни валенки, а что-то пошитое, и они очень бедные и голодные были. И они были, что называется, забытые. Немцы, у них порядок во всем был, а эти как-то беспорядочные.

Со временем, ребяташки когда подросли, они тоже стали трудолюбивыми калмыками. Многие немцы практически остались, никто не выезжал, до пятидесят шестого года их держали на учете, и немцев, и калмыков и потом армян. Переезжать они могли только здесь, на Алтае. Потом, когда им возможность предоставили, калмыки все уехали, за исключением одной семьи. Немцы потом тоже расселились, разъехались, но некоторые до сих пор остались.

Были у нас еще переселенцы армяне, это было уже после войны, наверное, это был сорок седьмой год, точно не помню. Эти были самые наиболее культурные армяне. Они были из городов, они жили в нагорном Карабахе, он к Советскому Союзу не относился, а потом его присоединили, и их как малонадежных людей переселили сюда. Одеты были очень культурно, очень культурные, знали музыку, шахматы, организовали в нашем совхозе духовой оркестр, у них и инструменты были, они привезли. Потом все армяне уехали, когда им дали возможность.

Кузьмичёва Галина Ивановна

Родилась в 1935 году в селе Куличье Троицкого района Алтайского края. В настоящее время проживает в городе Барнауле

Записала летом 2012 года
Галина Белоглазова, заведующая
музеем истории Алтайской
академии культуры и искусств

Убёгом от мужа

Жила я с родителями в селе Куличье Троицкого района. Это был рабочий поселок, организованный в 1935–1936 годах в связи с разработкой леса. Моя мама из Белоруссии, она с детьми (в общей сложности она родила 13 детей, в живых осталось трое) убёгом уехала от второго мужа. Первый муж погиб в Первую мировую войну. Второй муж очень издевался над ней. Почти каждый вечер он проделывал такую процедуру: заставлял жену на затопленную печь ставить сковороду и когда она раскалится, требовал, чтоб она подала мужу сковороду голыми руками. Не сделает — бил нещадно. Передышка наступала только тогда, когда в их дом вечером приходила сестра мужа, он ее побаивался. Вместе с семьей дяди мама решила ехать в Сибирь. Дорогой у нее умерло шестеро детей. Особенно она жалела маленького Коленьку, очень часто его вспоминала.

По прибытии в Сибирь они поселились в поселке Ужур Красноярского края, где добывали уголь. Белорусы — люди лесные, умеющие справляться с землей и лесом, а их заставили работать на шахте. Жить поселили в барак, мама работать на шахте не могла, семья сильно голодала, приходилось побираться. Некоторые белорусские семьи вернулись обратно, у мамы на обратную дорогу денег не было, пришлось остаться. В живых к тому времени у нее осталась одна дочь, я ее нянькой называла. Мама работала прислугой, а моя сестра — нянькой в чужой семье.

Родители встретились на лесозаготовках

После Ужура мама переехала в Новосибирск и там познакомилась с моим будущим папкой. К своему большому сожалению, я не знаю, каким образом он прибыл с Дальнего Востока в Новосибирск. Он был грамотным, очень много читал, знал китайский язык,

был очень работающим, как и мама, кроме этого он умел лечить людей. Его в деревне называли костоправ.

В тридцатых годах был объявлен призыв на лесозаготовки. Мама с папой завербовались на заготовки векового леса, так моя семья оказалась в местечке Куличье Алтайского края. Вернее сказать, вначале не было поселка. Просто определили место для будущего поселения, и люди сами выбирали, где они будут строить жилье. Вскоре дом был построен, а точнее барак на три семьи. В нашей комнате, узкой, как пенал, была широкая кровать, на которой спала вся семья, три маленьких окна на улицу, иконы в углу, стол, лавка, печка-голландка, русская печка и полати. Благодаря полатам значительно расширилось пространство, и в нашей комнате вечерами собиралось много ребятишек, мы располагались на печке и полатах, папка рассказывал нам сказки, рассказы, а мы слушали.

Папка

До сих пор восхищаюсь своими родителями, их работоспособностью и милосердием. Скольких кормила мама, отец лечил всю округу, а мама запрещала за лечение деньги брать. Отец для меня был всем — папкой, самым лучшим другом, учителем. Как он много знал, это он познакомил меня с писателями, поэтами, художниками, до школы я прочитала Дюма, единственно он мне говорил тогда: «Война и мир» Толстого — это тебе рано». Вечерами, когда у нас собирались соседские ребятишки, отец рассказывал сказки, пока все не уснут. А утром я начинала инсценировки. Собирала все сказки вместе и показывала в лицах героев, такие импровизированные спектакли были большим развлечением для моих сверстников. На селе меня называли «Костёй в глаз», либо «Барон Мюнхаузен».

СИБЛАГ

Место, где мы жили, называлось СИБЛАГ. Туда, кроме добровольно завербованных людей, ссылали семьями и по одному со всей России. Были у нас польские семьи, калмыки, немцы. Однажды маме полячка подарила зонт, папа кого-то лечил из их семьи. В то время даже слово такого «зонт» не знали, а у мамы он был настоящий и красивый. К сожалению, у мамы его потом в Барнауле украли. Мама старалась помочь этим людям, они жили очень голодно. Шефствовала над бабушкой-калмычкой, та жила вместе с маленьким внуком Колькой. Моя обязанность была носить ей суп. Мама

нальет суп в чашку, нужно было отнести ее в бабушкин дом. Однажды я принесла чашку с горячим супом, зашла в комнату, а бабушка-калмычка лежит на полу и мне ничего не говорит. Колька ревет голодный, ползает по ней и пытается расстегнуть маленькие пуговицы на груди у бабушки, чтоб добраться до груди. Оказалось, что бабушка умерла. Кольку потом дальние родственники забрали, тяжело ему было. Язык русский знал плохо, и мальчишки его постоянно дразнили.

Поднять целик

Очень тяжело вначале было обрабатывать землю, ведь ее нужно было очистить от корней, выкорчевать кустарники, поднять целик. Иногда приходилось топором рубить землю, по-другому она не поддавалась, только потом можно было что-то сажать в огороде. Капуста, картошка у нас была всегда, была у нас мельничка — два каменных круга, сыпали в отверстие зерно, крутили один круг, а потом из желобка начинала сыпаться мука. Мука получалась грубого помола, но и такому хлебу были рады, хлеба не хватало. В войну на семью давали одну булку хлеба, приходилось занимать очередь в магазин с раннего утра. Мы приходили к магазину с первыми лучами солнца, располагались на крылечке и спали. А женщины придут и выгонят нас, мол, вы здесь не стояли. Обиды, слезы, но мама на селе пользовалась большим авторитетом и сразу все расставляла на свои места — нас пропускали.

Встреча с китайцами

Однажды, это был конец 1941 года, папка был в командировке в Барнауле, работал на строительстве железнодорожного вокзала. Вдруг он услышал китайскую речь. Присмотрелся к группе китайцев и увидел своего давнего знакомого Ивана. Его отец на Дальнем Востоке в поселке, где жил отец, держал лавку. Как оказались китайцы в Барнауле, я не знаю эту историю, но знаю по рассказам папки, что китайцам было предписано «в 24 часа покинуть город». Они не знали, что делать. Отец предложил Ивану ехать в село Куличье. Так Иван оказался в нашем селе, а мама взяла над ним шефство, теперь ему я носила суп в чашке. Однажды, придя к нему, я увидела его висющим в петле, закричала от ужаса, хорошо, недалеко находился мой папка, он успел Ивана вытащить из петли. Тяжело всем жилось. Особенно притесняли немцев с Поволжья и Украины.

По дрова

Лес самостоятельно рубить было нельзя, даже поваленную ветром сухую лесину брать было нельзя. Мама очень рано отгоняла корову в стадо и уходила с ней далеко в лес, чтобы обратно захватить хворост. То, что упало, хворост, сухой валежник, брать было можно. Притащит домой, меня разбудит: «Галья, пойдём пилить». Я научилась пилить дрова с шести лет.

В домах берегли огонь

Электричества во время войны в домах не было, в домах берегли огонь, спички также были в дефиците. Вечером выглядывали, в каком доме загорится огонек, мама меня туда отправляла с ведром. На дне ведра береста и щепочки, несла и смотрела, чтоб ветром не задуло. Когда дома был папа, он высекал искру на фитиль камнями, что это были за камни, я не знаю. Дома у нас было радио, черная круглая тарелка. Мне было очень любопытно посмотреть, что там внутри и как там люди поют. Больше всего меня одолевал интерес, когда исполняли песни. Однажды смотрела, смотрела и дырку в черной бумаге проткнула, влетело мне тогда от мамы.

Чернила из отвара луковой шелухи

Школа от дома находилась далеко, иногда зимой, когда буран, очень рано приходили в школу, только-только техничка начинала печи растапливать. Поможем техничке дрова принести с улицы, она наш класс первым затопит, мы парты ближе к печке подвинем и спим на них. Валенки у меня были, помню одного парня, который босиком в школу ходил.

Тетрадей не было, а иметь их нужно было. Нянька из Барнаула прислала бумагу синюю, вощёную, упаковка от станков, она тогда на заводе № 77¹ работала. Мне из этой бумаги тетради сделали, писать на такой бумаге было очень плохо, чернила плохо впитывались. Иногда делали тетради из старых книг или газет. Листы нужно было разлиновать косыми линиями. Ручки с пером давали только отличникам, в основном у всех были самодельные. Из веточек малины выстругивали ручку и вставляли перо, так и писали. Вместо чернил часто использовали густой отвар луковой шелухи.

¹ ПО «Барнаултрансмаш» в настоящее время.

Вкусный школьный суп

В школе нас кормили. При школе был огород. Весной каждая семья, у кого есть ученики, должны были вскопать сотку земли, посадить картошку для школы. Кроме картошки и другие овощи выращивали. Полоть, окучивать была обязанность школьников. Осенью старшеклассники убирали урожай. В учительской была печка с плитой и котел. Техничка каждый день в котле варила суп. На большой перемене мы выстраивались в очередь за супом, каждому черпаком наливали в миску горячего супа. Мы с мисочками шли к своей парте, обжигая пальцы, и все вместе съедали суп. Это был такой вкусный суп! А вот хлеба не давали. Тому, кто первым попросит добавки, — добавляли, но на следующий день уже давали другому.

Кроме огорода каждая семья для школы должна была напилить один кубометр дров. Строевой хороший лес отправляли на фронт, в школу привозили коряги да сучье, очень часто приходилось этот кубометр дров пилить мне с мамой. Однажды пила пошла не так как надо, и я поранила руку. На рану швы накладывали, а на руке остался шрам.

Папоротник размножается спорами

Учебники покупали сами, и папа, и мама на это денег никогда не жалели, учебники у меня были. Помню, что мне купили учебник по географии за 400 рублей. С четвертого класса нужно было почти по всем предметам сдавать экзамены. Школа была ведомственная, относилась к железной дороге. На экзамен приезжал инспектор в белом нарядном кителе. Экзамен проходил так: весь класс сидел в кабинете и комиссия, которая принимает экзамен, человек семь. Берешь билет, немного готовишься и отвечаешь перед всем классом. Ответил — садись на свою парту и слушай других, выйти из класса нельзя.

Помню, сдавали ботанику. Достался мне билет про папоротник. Я рассказала все, что знала про папоротник из рассказов Го голя, что он зацветает в определенную ночь и так далее. Вижу, комиссия улыбается, мне вопрос: «Как размножается папоротник?» Стою, молчу, слышу подсказку — «спорами», а я не поняла и говорю: — «Размножается шпорами». Комиссия и весь класс хохотали, поставили «четыре», но мне так было стыдно, что я отца своими плохими знаниями позорю.

Чемпионка по игре в бабки

Несмотря на войну, все наше свободное от учебы и работы время проходило в играх. Я была чемпионка по игре в бабки. У меня они были классные, папа мне внутрь свинца залил, бабки очень хорошо били. Однажды иду, пацаны на проталине возле дома Витьки в «чику» играют. Игра, в которой монетками в стенку бьют. Предложили мне поиграть, я знала, что Витька всегда шульмует, но ведь я чемпионка по «бабкам» — и сразу согласилась. В конечном итоге выяснилось, что я проиграла 100 рублей, по тем временам просто колоссальные деньги. Витька говорит: «Иди за деньгами, иначе убью». Знал, что в леспромхозе зарплата была. Я предложила свои замечательные бабки, Витька отказался. Пришлось идти. Дома вытащила из стола 100 рублей и переложила в другой ящик. Долго ходила кругами вокруг него и в конце концов взяла, отдала Витьке. Пропажу мама обнаружила в этот же день. Мне допрос. Я долго стояла на своем, что деньги вот из этого стола я не брала. В конце концов призналась, а мама быстро нашла Витьку, деньги были возвращены. Долго потом на меня Витька зубы точил.

Тайком за клюквой

Денег в семье всегда не хватало. Была хорошим подспорьем клюква, которую мама зимой продавала в Барнауле. В лесу и на болоте было запрещено собирать ягоды и грибы, не пускал лесник. А жить как-то надо, собирали тайком. Уходили в лес затемно, чтоб на глаза не попасться леснику, с рассветом начинали клюкву собирать, мешки с набранной ягодой закапывали в укромном месте и только тогда, налегке шли домой. А по темноте ягоду приносили домой. Зимой до Гордеева пешком на санках три-четыре ведра клюквы везли, а потом мама с такой поклажей забиралась в поезд и ехала в Барнаул, продать клюкву по рублю стакан. Денег на проезд не было, и ездили, чтоб не платить, на подножках, иногда и на крыше.

Баня

Во время войны поселок Куличье был уже очень большим. Много домов, школа, была общая баня, которую топили два дня — день мужской, день женский. Мы ходили в баню к Филиковым, баня была маленькая, наполовину в земле, настоящая землянка. Мылись в этой бане четыре семьи, топили по очереди. Кто топил, тот и щёлок для мытья запаривает. Сначала мылись мужчины, потом женщи-

ны с детьми. Железных тазов не было, мылись в деревянных лоханях, ковшом на длинной ручке воду из котла наливали. Рядом с баней озеро было, из бани все выбегали и в озеро прыгали, ополаскивались.

Вши и вера

Вшей у всех было море. Помню, в четвертом классе наискосок от меня Витька Ретунский сидел (он старше меня на четыре года был, но я его догнала по учебе, часто Витька на второй год оставался), у него волосы черные, смотрю, а по волосам друг за дружкой вши ползут. Фельдшер, Дмитрий Семенович, каждую неделю учеников осматривал, волосы мазью мазал. У меня волосы были не длинные, но очень густые. Мыть и расчесывать такую копну было трудно. Папка мне волосы прореживал — выстригал прядки, но это плохо спасало. Однажды, то ли после болезни, или от вшей, покрылась вся голова коростой. Болит, вылечить мама не смогла, и меня налысо обрили. Какое это было горе! Я тогда молиться впервые начала, просила Бога, чтоб волосы отросли, а они не отросли за одну ночь, тогда я решила, что Бога нет. Я плакала, жить не хотелось. Всегда лидером была, а тут остригли. В платке ходила, на тот момент страшнее горя, как потеря волос, у меня не было.

Ретунчиха волосы рвет по младшенькой

Помню, с мамой стоим возле дома, идет мимо Бажениха. «Егоровна, Ретунчиха волосы рвет». — «По ком?» — «По младшенькой». У Ретунчихи воевала дочь на фронте, была связистка. В бою она своим телом закрыла раненого командира и была убита. Командир Нагайцев, по случайному стечению обстоятельств, лечился после ранения в госпитале в Новосибирске. Когда его выписали, он решил приехать в поселок, где выросла его спасительница, и поклониться в ноги родителям. Это событие взбудоражило спокойную жизнь поселка. Это был первый военный, да еще офицер, приехавший в поселок.

Про меня в поселке говорили: «Кузьмины богатые, у Гальки отец в конюшне работает, Гальке на лошади разрешается сидеть. Она может в конюшню ходить и на лошадей смотреть». Дети тогда пешком практически не ходили, везде бегом, прокатиться на лошади в те годы — мечта каждого ребенка, но не всем это удавалось. А кататься на лошадях очень хотелось. Выходили из положения так — была игра, скаканье на конях. У каждого была своя длинная вет-

ка тальника, листья отрывали, только на конце оставляли пучок — хвост. Это и был конь, мы не ходили или бежали, мы скакали. Однажды слышим: «Галька, Валька, к Ретунским офицер приехал». Мы сразу на коней и поскакали, только пыль за нами вьется. Надо сказать, что я бежала и, соответственно, скакала быстрее всех. Я первой прискакала к дому Ретунских и увидела настоящего офицера в форме, на кителе которого были ордена.

Поезда с фронта

Каким был день 9 мая в поселке — я не помню, но хорошо запомнила, как встречали поезда с фронта. Это было летом. Мы знали, что должен прийти поезд, и все бежали. Было не важно, приедет родной человек либо сосед, бежали все. Спрашивали у тех, кто приехал: «А где мои, ты их не видел?»

Миллер Эмма Ивановна

Родилась в 1935 году в Саратовской области.

Живет в селе Зимари Калманского района

Записали Елена Осокина (АГАУ)
и Ульяна Гущина (АлтГПА),
бойцы отряда «Буревестник»
(АГАУ), принимавшего
участие в межрегиональной
патриотической акции
«Снежный десант»

Мы считаемся репрессированные

Я родилась в Саратовской области. Когда началась война, нас стали переселять сюда, мы считаемся репрессированные. Мне было в то время шесть лет, я помню, как нас вывозили оттуда. Там было большое село, электричество было, люди там лучше жили, чем здесь, в Сибири. Мама стряпала хлеб для колхоза, а отец работал бригадиром на животноводстве. Люди все сдавали свой скот. Сказали, если вы сдадите свой скот, то вам в Сибири дадут какую корову. Мы последние и поехали. Первые люди, которые уехали, им вообще нельзя было ничего брать с собой. Когда мы поехали, были запряженные

верблюды. С собой брали мешок муки, кровати, постельное, хлеб, сухари, солдаты помогали нам грузить, проводили нас. До Саратова наша деревня была — двенадцать километров. Маленькая тогда, но я все это помню, потому что страшно тогда было. Утром приехали, распрягали верблюдов, кормили их. Мама постелила нам. На дорогах машин не было тогда, только кони. Приехали в Саратов, товарный поезд, там были маленькие окошки, были нары, там нас и поселили. Месяц ехали мы, кормили нас, конечно. Куда везут, никто не знал. Братишка маленький был, 1940 года, и вот он ходить стал, и перестал, потому что на руках. Отец говорил по-русски, вот он дошел до машинистов, спросил, куда везут-то, сказали, что в Сибирь. Моя семья так переживала, ведь не знали, где это — Сибирь.

Приехали, отцепили несколько вагонов. Нас расселили по семьям, там темнота была, у нас-то уже электричество было. У них коптюшечки были. Мама сидит, плачет, бабушка плачет, нас стали угощать капустой, картошкой в мундире. У них мы жили лет пять. А тут отца в трудовую армию отправили, по-русски мы-то плохо говорили. Когда отец пришел, был совсем худой, даже сам не мог на крылечко подняться. Там я прожила двадцать семь лет, колхоз «Чапай».

Перышко пристывало к чернильнице

Школа была здесь, в Зимарях, это был двухквартирный дом. Здесь занималось четыре класса. В школе холодина была, нас там особо не отапливали. Обед у нас не было, горячего не было, только чернильница была и ручка. Бывает, перышко пристынет к чернильнице, а ребенок еще пытается достать, а уронит, чернильница разобьется, и весь устряпается в черниле. А я писала на желтой бумаге, в которой все перевозили. До ноября месяца в калошах ходила, они все забивались снегом.

Несу ведро — пальчики белеют

В четырнадцать лет я пошла работать дояркой, одевать нечего было. Летом косили на лугах сено, а тогда возить не было на чем. Доили коров по пятнадцать штук, вручную. Зимой я ведро надоила, надо было сливать во флягу, вот несу ведро, рукам жутко холодно, пальчики белеют. И вот я оставила это ведро, а мужики и говорят, беги, дочка, мы принесем ведро. Я зашла в этот телятник и начала шоркать о телят. Потом стала кожа с этих пальчиков слезать. Сейчас-то все в тепле, по трубам молоко идет.

Избирательные кабины, 1950-е гг.

Дети сейчас счастливые

Когда на Новый год, я иду на концерт, на первое сентября хожу. Я редко когда пропускаю. Вы посмотрите, какая школа у нас, вся новенькая, цветы, линолеум. Дети все одеты красиво. Вот кого бы отблагодарить за это! И я смотрю вот, какие счастливые дети сейчас!

Я старалась. Я в партии была

Орден третьей Трудовой Славы¹ мне дали в 1975 году, медали есть за освоение целинных земель, 44 грамоты у меня, все телеграммы сохранились. Я вне очереди могла купить мотоцикл «Урал», потом машину. С первотелочек я 1446 килограммов надоила. Я старалась, я в партии была. Я однажды иду по улице, идет Стеша, остановилась и говорит: «Тебе ночью не икалось? Ух, я на тебя ночью материлась. Я лягу на спину — все болит, на живот — все болит, а она трепалась, что вперед надо».

Стучат — на выборы

А когда выборы были, утром, в шесть часов, стучат — на выборы. Кто идти не может, на лошадях приезжали наряженные, чтобы голосовать. И все потом гордятся, что к нам приезжали голосовать.

¹ Орден Трудовой Славы третьей степени.

Ненашева Раиса Федоровна

Родилась в 1936 году в селе Рогозиха. В настоящее время живет в селе Бурановка Павловского района

Записали в феврале 2012 года
Ирина Демидова и Юлия Дубова,
бойцы отряда «Гольфстрим»
(АлтГУ), принимавшего
участие в межрегиональной
патриотической акции
«Снежный десант»

Клятва Сталину

На площади Свободы, на Старом базаре в Барнауле, мы услышали репродуктор о последних минутах жизни Сталина, давали клятвы там, рыдали все. Был у нас такой преподаватель педагогики Антон Ануфриевич, говорит: «Чем мы можем ответить на смерть Сталина? Только отличной учебой, поэтому слезки вытираем, и начинаем учиться». Сейчас-то такого нет, только воспоминания. Это было такое единение, такие слезы. Я, как только домой пришла, тут же написала себе в дневнике, что клянусь делать зарядку каждое утро, быть верным и преданным. Сейчас читаешь и улыбаешься. Сейчас дети не такие.

В комсомол досрочно

В комсомол принимали с четырнадцати лет, отличницей я была, и мне предложили вступить в комсомол в тринадцать лет. И вот поехали в райком в Павловск на санях, вот вся такая выхожу в белой рубашке и красном галстуке. Думаю, спрашивать меня будут по уставу, только спросили: «А со сколько лет по уставу вступают в комсомол? А давайте посчитаем, сколько вам лет». И я сразу в слезы. Но мне говорят: «Не переживай, мы тебя досрочно возьмем». И я: «Клянусь, что мой комсомольский билет будет таким же чистым, как и ленинский билет!» Билет к груди, поворот налево — и все, пошла. Я вот удивляюсь, какими мы восторженными были. Как мы в комсомол вступали! Жалко, что сейчас нет такой организации, хотя сейчас что-то и начинается возрождаться.

Погодина Аграфена Егоровна

Родилась в Ленинграде в 1936 году. В возрасте шести лет эвакуирована в Алтайский край. Живет в селе Топчиха

Записал в июле 2012 года
Вячеслав Павлов, студент
филологического факультета
АлтГУ. Расшифровала
запись Ксения Ширяева

Блокада

Жили мы в Ленинграде в пригороде, сейчас Ломоносов называется. Жили, как обычные люди. Жили, радовались. Восемь детишек было у мамы. И вот она нагрязнула, война. Никто не думал, не гадал. Отец работал там при штабе, бронь на нем была наложена, или как это раньше называли. Ну а мама с ребятней что, дома сидела она, потом, как война началась, она пошла, там на военных стирала, убирала. Где там еще дадут поесть. Старшая сестра была, тоже маленько подрабатывала, с двадцать второго года, а эти все были, с двадцать пятого — сын был, брат мой. В десятом классе

учился, взяли его в военную школу, поучили там полгода, наверное, потом на фронт.

Ну, а тут голод когда начался, старшая сестра пошла за хлебом, карточки раньше давали, по карточкам. Ей карточки эти вытащили в начале месяца. Вот. А где еще возьмешь? Вот голод у нас начался, сразу вот четверо за месяц умерли. Мама пошла там в штаб, отец где работал: «Помогите, дети пухнут, есть нечего!» Ну и он говорит, чё «не будете рот разевать». Вот и вся помощь. Один брат в седьмой класс отходил, свалился, умер. Одна девочка, наверное, во второй класс ходила, умерла. Ну вот я шесть лет была, и молоде меня еще была девочка. И еще один маленький мальчик был. Ну вот. Эти две девочки умерли, а схоронить нельзя, бомбежка, выйти нельзя. Вынесли их там в кладовку куда-то, я не знаю, в сенки какие-то. Говорит, мыши пообъели все, пообгрызли. Отец потом повез на саночках, там где-то в траншее хоронили.

Вот я в девяносто втором году ездила там с похоронками, ну наши там, в этом архиве, что хоронили. Отдали мне это удостоверение блокадника.

Приехали на Алтай — и все боятся меня

Ну что, потом объявили, что эвакуация, эвакуировать будут, ну мама что — одно спасение с эвакуацией, что будет. Эвакуировали же только через Ладогу, через Ладожское озеро только переправа была, больше нигде, в окружении были. Ну, там сколько бомбили этих барж с эвакуированными, нам просто удалось — переплыли.

А потом привезли нас туда, в Бологое. Бологое была узловая станция, и тоже там немец бомбил, там бомбил вообще.

Ну вот, приехали на Алтай, приехали в Алейское, на станцию Алейск. Нас распределили по деревням. А возили зерно в ящиках туда на элеватор на быках. Вот нас в эти ящики посадили, привезли в поселок Раздольное. Ну, все зашли, у сестры живот, у брата — такие животы большие от воды. А я вообще не ходила, меня мама на плечах таскала. Все, как сейчас помню, в ящик заглядывают все, и все боятся меня.

Потом семья одна нас приютила, а куда? Тоже у них стопочка¹ одна была и самих четверо было, и нас четверо. Вот все жили. Тут стали маленько кормить нас: кто простоквашу даст, кто картошки

¹ Стопочка — однокомнатная изба.

даст. Сестра выучилась на тракториста, пошла работать, а брат пошел лесовщиком на ток. На работу все идут, а я помираю, под столом сижу, боюсь, что будут бомбить.

В школу пошла, раньше с 9 лет ходили. Ну, семь классов только я закончила, потом пошла в ФЗО¹ на мясокомбинат. Брат больше не захотел ехать. «Туда, — говорит, — не поеду больше на родину». Так и остались тут. Брат умер в шестьдесят лет, сестра в пятьдесят два, а мама умерла в девяносто лет.

Я замуж вышла, двух деток родила, двух дочек. Сейчас уже три внука, два правнука.

Вот я в девяносто втором году ездила туда на родину, документы когда хлопотала. Разыскала свой дом, где мы жили. У нас снаряд падал в стену, вот такая дыра там. Вот сейчас она просто замазана там, как память. Там детсадик сейчас.

Кивоенко Николай Иванович

Родился в 1937 году в Клинцовском районе Брянской области. С 1954 года — на Алтае. В настоящее время живет в селе Топчиха Топчихинского района

Записал в мае 2012 года
Вячеслав Павлов, студент
филологического
факультета АлтГУ

«Как хошь понимай это дело»

Кончил семь классов, поступил в техникум торгово-кооперативный, окончил один курс, ну и из-за материальных трудностей пришлось оставить его. Как-то выживать надо было, посоветовали идти на курсы механизаторов. За полгода курсы окончил, первый год отработал я, пятьдесят третий. А в пятьдесят четвертом выборы были, послевоенная эта суматоха шла, был секретарем комитета комсомола неосвобожденным. Когда на февральско-мартовском пленуме ЦК решили осваивать земли, там, наверное, установка

¹ ФЗО — школы фабрично-заводского обучения.

была райкомовская для МТС¹. Директор райкома приглашает, говорит: «Так, секретарь, как хошь понимай это дело, приказ или беседа, предложение». Ну а наше поколение было не то что сейчас. Девятнадцатый год мне шел. Сказали: надо, — значит, надо. Через три дня путевку выписали.

Первые годы в Парфеново

Сюда прибыли, в Барнаул, ночью, пригласили нас на стадион «Локомотив», ну а там весь этот эшелон народу высадили. Пришли покупатели, кто куда. Поездом до Топчихи, а там уже трактором гусеничным. Это было начало марта. Деревня, Парфеново, дерев-

ня как деревня. Немного убогая, конечно. Был колхоз в Парфеново, то ли имени Сталина, то ли «Путь Сталина». Потом в пятьдесят седьмом году реорганизация. Когда приехали, в кассе колхоза рубля даже не было. Первый год мы отработали, и вышло постановление вести расчет с колхозниками не трудоднями, а деньгами. Заработок я уже свой и не помню. Потом уже пошло повеселее. Наша бригада была целинная, мы работали в колхозе «Заветы Ильича», это он Алейского района теперь стал, переименовали. Территории поделили по-другому. Работал весь сезон, и уборку, да нет, к концу уборки уже, затишье какое-то было погодное, и я пошел в МТС получить зарплату. Это где-то километров двадцать восемь, пешком тогда же.

Приклинился

С «Заветов Ильича» меня перевели в «Красный май», это было опытное хозяйство семеноводческое, туда нужны были механизаторы, в Парфеновском районе. «Красный май» — это теперешняя Комариха, она так и осталась. Ну и там я остался. Работал год. Никто вроде не обижал, но все равно я там был один, пришлый.

¹ МТС — машинно-тракторная станция.

Буран такой, на тракторе ехать, кто поедет? А пускай вон пришлый. Потом с Валентиной познакомились, поженились, тогда уже как-то я приклинился, вроде постоянным стал. Так и остался. Механизатором проработал, кончил техникум рубцовский заочно. Поставили механиком отделения. Там проработал года три, точно не помню. Управляющим стал. Эта должность, знаете как, есть выражение три в одном, а я работал четыре в одном. Тогда же экономия была и на зарплате, и на всем. Надо же было как-то выживать, а объемы-то росли. Работал до семьдесят третьего года. Семьдесят второй год был удачный, наше отделение заняло первое место по всем показателям: по уборке, по заготовке зимних кормов, все-все показатели, что были.

Это же сто пять детей, их привезти надо...

Отчетно-выборное собрание партийное, на каждое собрание от райкома посылался представитель. И к нам приехал управляющий сельхозтехникой, Халецкий. Потом приезжает ко мне главный инженер МТС, говорит: «Есть предложение, забрать тебя на работу в топчихинское МТС». Я говорю: «Это вопрос жареный, во-первых, у меня четверо ребятишек, надо их учить, нужна квартира, жене — работа. А должность меня не волнует, я не боюсь любой должности». Они говорят: «Все будет сделано». На этом, наверное, и сыграли, что ребятишки. А мы тогда из Комарихи в Парфеново возили на транспорте, зимой на тракторных санях, сто пять человек, ни автобусов, ничего не было. И вот каждое воскресенье, как боевая тревога, это же сто пять детей, их же надо привезти. Дети жили в интернате, только на выходные мы возили их, это создавало трудности и неудобства. Переехали сюда.

Я был свободен

Потом пошли тут реорганизации предприятия, стало межхозяйственное предприятие — это что значит: всю технику районных колхозов, совхозов забирали под свое крыло. Руководители все на местах остались, а кадры передали нам. У нас висел еще государственный план ремонта, мы должны были отремонтировать четыреста тракторов, триста пятьдесят комбайнов, двести пятьдесят товарных двигателей, ну и там мелочовка.

Так и прошла жизнь. Я потом перешел главным энергетиком. Вот эта работа мне нравилась, полегче там, да и я был свободен.

Я решал все вопросы самостоятельно, не было никаких уведомлений. И дотянул до пенсии. В девяносто пятом году меня проводили на пенсию.

Марков Валентин Гаврилович

Родился в 1937 году. Живет в селе
Луговском Зонального района

Маркова Нина Никифоровна

Родилась в 1938 году. Живет в селе
Луговском Зонального района

Записал в мае 2012 года
Роман Гонюков,
студент филологического
факультета АлтГУ

Военное детство

Н.Н.: Я росла одна у матери всю войну. Я помню, мама встанет, в углах везде снег, окна доверху замерзшие, я сижу на печке, жду, когда мама... Вначале надо было хлеб состряпать, потом уже камелек топить, чтоб было тепло. А хлеб же тогда не продавали, нигде никакого не было! Вот на трудовни сколько-то там дадут хлеба, муки, картошку — каждый день по ведру надо было натереть этой картошки. Вот там в это ведро картошки две пригоршни мучки, опару какую-то делали, чтоб для закисания, а потом их в этот хлеб стряпали вот так (показывает, как стряпали хлеб). И на лист, и в русскую печку. Кто на лист, кто на под¹.

В.Г.: Протопят печку, подметают и прямо на под ложат хлеб.

Н.Н.: Заметают загну́ту. Все, что там нагорает, — в одну кучку. Обычно вот так вот заслонка была, вот тут ход, и вот к этому ходу с одной сторонки вот эту загну́тку заматают...

В.Г.: А вот загну́тку, я вам щас расскажу. Вот, допустим, топка печи. Печка протопилась, дак вот здесь был уголок. Вот прямая

¹ Под — это дно печки.

была, а там уголок был, и здесь с правой стороны уголок. Так вот туда золу сгребали, в этот уголок, горячую, чтобы, во-первых, держался жар дольше, а во-вторых, спичек-то не было, а угольки сохранялись. Чтобы утром растопить печь, лезут в загнётку, растопляют и потом начинают топить.

Н.Н.: А если у кого погаснет — значит, к соседям идут за угольком — не было спичек. Это была война, и после войны года два-три было еще так, спичек не было.

А.И.: Ну, кресало было.

Н.Н.: Но в этой загнётке неповторимые, вкусные щи — так не сварить ни на камельке, ни на газе, ни на электроплите — они такие наваристые, вкусные щи были, это вообще.

Или картошку... Делали в чугунах. Все это было — в чугунке, ухваты были у каждого. Чугунок вот к этой загнётке поставят,

и она там кипит-кипит-кипит, или картошка там тушится с чем-то. У нас корова была, дак у нас была сметана там, масла маленько было. Маленечко туда, в картошку, она натушится — вкуснятина... Тогда было все вкусно!

В.Г.: И кулагу варили — а это хлебный напиток со ржаной муки делали. Там тоже очень сложная технология приготовления, рецепт. Специальная глиняная такая чашка, горшок такой большой. Туда эту заливают, готовую, она прокиснет, ее туда заливают, дырочку оставляют, замазывают ее. И вот она, значит, стоит тоже там сутки, парится, а потом, когда вытаскивают, отпечатывают дырочку и в стакан наливают. Это был божественный напиток: во-первых, очень вкусный — сахару тогда же не было — там какая-то пеночка, и очень сытный: два стакана выпьешь — на полдня хватает, как будто наелся всего. Очень питательный напиток был, вкусный, резкий...

Н.Н.: А есть-то было — ну вот этот хлеб с картошкой, одна картошка и всё. В магазинах — ничего. Конфеты первый раз появились у нас в Луговском году, наверное, в сорок седьмом или в сорок восьмом. Тетя Мотя работала там, подушечки в коробочках. В войну — никаких! До войны я не помню — я с тридцать восьмого года.

В.Г.: Я-то жил в городе, там еще было, но это был редкий деликатес. Помню, мать работала у меня в войну в железной дороге, она работала дежурной медсестрой, мне там перепало. Но когда война началась, я первый пряник съел в сорок четвертом году — был на елке в военном городке. У матери знакомый был военный, в военном городке, и вот я туда случайно попал, и там я первый раз съел пряник. Так я думал, это просто цари едят — что это невозможно простому человеку смертному такую вкусноту есть.

А нам обычно в подарки что ложили: картошки положат... ну, вон, Александр Иванович знает.

Н.Н.: Ну, нам еще Мариванна стряпала свои булочки маленько — из колхоза маленько дадут муки на елку.

В.Г.: Сами мы подарки лепили из картофельного клея. Делали клей сами, сами себе эти бумажные делали из газетки, из картонки...

Н.Н.: Елку украшали...

В.Г.: ...и нам туда подарок делали, нам же все равно подарок был.

Н.Н.: Ой, ждали-то, ждали этот подарок!..

Беккер Мария Францевна

Родилась в 1938 году в поселке

Мариенбург Саратовской области.

Проживает в селе Велижанка Панкрушихинского района

Записала в июле 2012 года

Дарья Алекса,

студентка исторического

факультета АлтГПА

Депортация на Алтай

В 1941 году нас депортировали на Алтай с Саратовской области, поселок Маринбург, здесь мы оказались как переселенцы¹. Везли сюда поездом, в товарниках, везли целыми селами, по три-четыре села в поезде. Ехали очень долго, нас доставили в Камень [город Камень-на-Оби]. А здесь уже ждали с каждого поселка, тогда машин не было, на запряженных лошадях, называлась бричка. И сколько вмещалось, столько и садилось [людей]. И в каждое село, откуда были эти ездовые, туда везли людей: в Панкрушиху, в Луковку, в Романово. Так нас расселяли. Привезли сюда маму, трех сестер и брата, отца у нас не было, его забрали в 1937 году, как всех забирали по линии НКВД, 10 лет без суда и следствия ему дали, он ушел, мы его больше не видели.

Нас привезли не в Велижанку сначала, а в Куйбышев², а потом мы сами сюда [в Велижанку] перебрались. Он был как большой хутор, работы не было, только колхоз, и зимой не было работы. Вот мама сюда [в Велижанку] нас привезла на санках.

Жили плохо, семьи по восемнадцать-двадцать человек в одной комнате. Печка была, ни света, ничего тогда не было. Вот в одном углу одна семья, в другом — другая, в третьем — третья, еще одна семья на печке, одна между печкой и этой семьей, мы жили семнадцать человек. Потом жили в землянке, такая маленькая землянка была, такое маленькое окошечко, комната. Приходилось очень трудно. У нас от дома что осталось [привезенные вещи], приходилось ходить менять — отнесешь платья, товар какой получишь. Мы все маленькие: мне 3,5 было, сестре 4,5 было. Мама работала в колхозе,

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 года.

² Куйбышев — поселок Куйбышевский Панкрушихинского района, по данным «Списка населенных мест» Ю.С. Булыгина, существовал в 1939–1973 годах.

потом маму забрали, как всех забирали в трудармию¹. Забирали всех: и мужчин, и женщин, кто подходил. Нас отправили в детдом троих, а старшая сестра одна по поселку ходила, то тут поживет, то там.

Говорили: немцам нельзя...

Всяко принимали... Люди же не понимали: кто понял, что мы переселенцы; кто думал, что мы с Германии привезенные. Даже спрашивали: кто у Гитлера рядом жил? А мы даже не видели Германию. Мы же все рожденные в Саратовской области, наши предки завезены 200 лет тому назад, еще Катерина завезла этих немцев².

Колхозы, примерно, в 50–60-е годы, [кто] заработает: кого-то в Москву посылали, кого-то премировали. А нас [немцев] нет, если кто-то заработает, премию могли дать, но послать нет. Говорили: немцам нельзя! А комендатура — это, примерно, вот в районе был комендант, назывался милиционер, и каждый месяц приезжал, и от четырнадцати лет все расписывались, что он здесь и за три километра за деревню не уйдет. Сняли [отменили комендатуру] только в 1956 году, в декабре, и тогда только начали парней-немцев брать в армию. Везде притесняли, но которые люди очень принимали и помогали, не обижали, всяко было, как и сейчас.

Школьные годы

В школе сестра Фрида не училась, она дома [в Саратовской области] перешла в четвертый класс, а там по-немецки учили, здесь она работала. Ей было одиннадцать лет. В бригаде работала. А брат один класс закончил, хорошо учился. Мы с младшей сестрой учились. Она кончила пять, а я четыре класса в школе.

Мы ходили в деревянную школу. Очень много детей было, учились в две смены и еще вечерняя школа. А всякие кружки, кто в раздевалке, кто на сцене, кто в коридоре. А когда праздник, например, Новый год, даже в директорском кабинете занимались, в учительской. Все жили дружно. Учителя были очень хорошие, они были

¹ Постановление ГКО СССР от 10 января 1942 года «О первом призыве немцев в трудовую армию». Трудармия просуществовала до марта 1946 года. В нее было мобилизовано 316 тысяч немцев, погибло 60 тысяч.

² Основанием для переселения немцев из Пруссии в Россию стал Манифест 4 декабря 1762 года «О позволении иностранцам выходить и селиться в России» и 2-й манифест от 22 июля 1763 года «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованном им правах», изданный Российской императрицей Екатериной II.

не такие грамотные, как сейчас. Тогда учителя семь классов закончат, школу педагогическую пройдут и все. Учитель был, хоть какой тупой ребенок — читать, считать, писать — всех учили, даже глупых оставляли после уроков. Это хорошо в то время было. Учителя местные были и приезжие, но в основном местные.

Парты в то время были очень старенькие, чернил не было, ручек не было. Чернила — из сажи, в трубе сажу возьмут, молочком разведут и писали. А ручки — с клена, с тополя, с любого дерева палочку отлочишь... перья [вставляли]. Чернила носили в пол-литровой бутылке. У кого маленький пузырек, у кого четок, но редко у кого чернильница была. Поставим чернильницу, стоит: впереди макают, сзади макают, эти сбоку встают тоже макают. На класс было один-два задачника. Тогда математики в начальных классах не было, была арифметика, грамматика, родная речь, чистописание, а потом уже с четвертого класса — история, естествознание, ботаника, тогда все это учили. Чистописание — тетрадки были, учились красиво писать и чисто. Физкультура, пение.

Строительство домов

Землянки копали в конце улиц, много было на Партизанской — на краю. Там мы потом дом построили и жили. Саманный [литой] дом¹. Чтобы построить дом саманный, брали глину и солому и мешали, мешали и, как сруб, заливали и поднимали. Прибивали доски и столбы, по углам столбы были, туда забивали и заливали. Дня два-три пройдет доски поднимут, и дальше заливают. Обшили. Он и сейчас стоит.

Крышу делали деревянную, перекрывали матку, клали доски или палочки — досок тогда не было. Просто выстругивали дровину, в бору не давали², а брали в околках [березовых]. Стелили и опять мазали сверху, снизу и крыли крышу. Тоже мазали или пласты вырезали, растет трава [дёрн], кубиками топором вырубали или лопатой, поднимали [на крышу] и друг к другу клали. Она постепенно зарастала, и жили, не только мы так, люди многие жили.

Пола не было [земляной пол], где был, а где не было. Возьмешь глину, жидко сделаешь и тряпочкой затирали каждую субботу, что-

¹ Рассказчица путает саманный и литой дом. Тот и другой делали из глины с соломой. Но для саманного готовили крупный кирпич из глины с соломой; а для литого — выливали стены из глины с соломой с помощью каркаса из досок.

² Лес для колхозников регламентировался и выдавался ограниченно.

бы дырочек не образовывалось, еще добавляли коровий помет и затирали. Белили глиной, которую брали в бору. У нас есть такая ляга [стоячая весенняя вода в околках], там со всего края и даже с Новосибирской области приезжали за ней. Глина белая-белая называлась. И вот ездили обычно на ручных тележках: с метр примерно сделаны дощечки и две ручки и два колеса железные, где деревянные. Где кто что мог добыть, у кого побольше, у кого поменьше. Тогда же ни железа, ни проволоки, ничего не было. У многих были [тележки]. Правда, где очень белая [глина] была, где похуже, и делали такие колобки [из глины]. Их сушили и к каждому празднику размачивали [в воде], и белили.

Были в селе и камышитовые дома. Их начинали строить как и саманные [литые] — ставили столбы, связывали пучками камыш и ставили его [между столбами вертикально], укрепляли, а потом с обеих сторон мазали, обшивали; снаружи мазали и обшивали. Камыш для этого заготавливали обычно осенью, когда он отцветет, и брали его на болоте в бору.

Ни в один год такого хлеба не было...

В 1954 году много целинников приехало. Они много сделали, много подняли целины, и много работали. Ну, конечно, не все, но в основном, и много хлеба намолотили, ни один год такого хлеба не было. Хлеба огромное количество получали, еще колхоз был. Там [в Велижанке] машин не было, не могли вывезти. Так, там, на бугру, измерили и туда ссыпали [хлеб]. Ночью отгружали государству, прямо скирды лежали. За зиму и вывезли.

Они [целинники] жили нормально: были здания хорошие, где они жили. Их кормили, постель каждую неделю меняли, в бани их мыли. Отдельные даже остались. Женились. Женщины три или четыре было, может, больше даже. Три девушки были трактористки, одна была токарь, одна была библиотекарь, одна была завклубом. Много было их. Расселили не только у нас, а во все поселки по всему району. У нас человек сорок.

Встречали по одежке

С полотна [льняного или конопляного] рубашки, штаны, юбки шили. Кто что мог. Раньше называлась рубашка нижняя — становина. Женщины надевали и в этих становинах ходили. Мужики все ходили: длинные [рубахи] и поясом подвязанные. А зимой подвязан-

Целинники

ные вот были зипуны, не пальто, одежда такая, не фуфайка, а зипун назывался. Вот он сделан был из этого самого полотна с льна, с конопли и подшито что-то было — вата, подвязывался. Такие опояски выкладывали полосатые в деревне. Опояска [самотканый пояс] называлась: она была широкая, раза два-три завязывался, чтобы тепло сохранить.

Были обутки, были лапти. Обутки были сделанные из кожи под вид калоши, а подошвы всякие были, где что кто мог найти. Лапти... есть такие кусты, как же их называют, забыла. Драли их шкуру и плели лапти. В лаптях вот в этих ходили, и в заводе. Были праздничные, были рабочие. А в заводе люди ходили, там цементный пол, маслозавод, была чурочка, вырезанная подошва деревянная и так приделан ремешок и в этом ходили, а зимой, кто в чем ходил. Лапти, обутки, потом уже валенки.

Тулуп — это самое дорогое, что могло быть в семье, тулуп или шуба. Тулуп, он большой, воротник большой, длинный и широкий. Если завернуться в него, в телегу лечь — не замерзнешь, а шуба была короткая и аккуратная такая, овечья¹. Может, кожа наружу,

¹ Обычно шубой называли верхнюю одежду шерстью или мехом наружу, а тулуп — вовнутрь.

а шерсть внутри и у тулупа, и у шубы. А у тулупа большой воротник и обычно сзади было буквами фамилия имя отчество [хозяйки] вышито нитками, чтобы не потерялся. Они порой поедут, мужики, так покидают эти тулупы, а потом, схватят за воротник, свой наденут.

Такое совпадение бывает очень редко

Я была дояркой, а он тракторист. Так мы и познакомились. Два года дружили, пятьдесят два года прожили. Я, Беккер Мария Францевна, 1938 года, девочкой была, он — Беккер Геннадий Францевич, 1938 года рождения. Такое совпадение бывает очень редко. И фамилия, и отчество, и год рождения, ну вот и поженились. Все не верили и думали или мы свои или брат с сестрой.

Нам даже давали путевки в Москву за хорошую работу на десять дней, как сказать, по экскурсиям там ходить. А тогда в колхозе не было паспортов, паспорта дали уже при совхозе. А нам надо было взять справки в сельсовете, что это именно мы. Но хорошо, что он положил военный билет и партийный билет в карман, и мы туда приехали. И был номер, все, заказанный от совхоза. Приехали и нас расселяют — меня к женщинам, его к мужчинам в гостинице «Интурист». А потом уже, когда военный билет достал, а там я и дети вписанные, и нам дали отдельную комнату.

Тулуп — это самое дорогое,
что могло быть в семье.

Бочаров Иван Семенович

Родился в 1938 году. Живет в поселке
Благовещенка Благовещенского района

Записала летом 2012 года
Мария Мамонтова, ученица
Благовещенской школы № 1

Родителей свела Столыпинская реформа

Мой отец из Тамбовской губернии, а мать из Белоруссии. Отец появился в этих краях во времена Столыпинской реформы. Тогда из Центральной России народу отправлялось очень много, это около 1910–1911 года. Отец 1901 года рождения. Мать появилась на Алтае в это же время, около 1912 года, до Первой мировой войны.

Факт такой, что они с отцом поженились в 1925 году, в то время ей было 17, а отцу 24 года. Обосновались они поначалу в нынешнем Родинском районе, там была такая коммуна «Красный боец». Отец уже в то время занял пост заместителя председателя той самой коммуны.

Во времена, когда проходил Колчак по Сибири, отца мобилизовали. Потом ему с товарищами удалось сбежать, он попал в Иркутскую область, а потом оттуда он каким-то образом добрался до Петрограда.

Кстати, он уже в то время встречался с Жуковым, будущим маршалом Советского Союза, а в то время Жуков был командиром роты. Когда сюда приехал, поработал тут, его направили в Омск, учиться в сельскохозяйственную академию имени Эйхель¹.

Помню случай такой: стог завершили, взрослых подкидывали наверх, а мы, пацанята, там болтались, и вот я со стога хотел спуститься и поехал! Как ударило мне в ноги, отсушило, и все! Без ног остался! Но потом, дней через десять, отошли, а то мог вообще без ног остаться.

Я со школой и не расставался, как закончил ее, так с перерывом небольшим возвратился, сорок один год я там работал. У меня в трудовой книжке единственная запись: «Принят на работу такого-то числа 1961 года, уволен 13 января 2003 года». Что касается карьеры, то закончил я на должности заместителя директора.

¹ Эйхель – видимо, имеется в виду Роберт Индрикович Эйхе, народный комиссар земледелия в 1937–1938 годах.

Бочарова Антонина Александровна

Родилась в 1938 году. Живет в селе Благовещенка
Благовещенского района. Предки — выходцы
из Воронежской губернии

Записала летом 2012 года
Мария Мамонтова, ученица
Благовещенской школы № 1

Много земли было ничейной, сколько хочешь наделы давали

Моя бабушка Акулина Петровна родилась в 1882 году, из Воронежской губернии. Ее привезли сюда, когда ей было девять лет, это были первые поселенцы нашего села. Раньше, как я слышала, наше село звали Баштанка или Бештан, от слова баштан — бахчевые значит. Раньше здесь были богатые земли, на которых хорошо росли арбузы и дыни. Когда была маленькая, помню, что арбузами у нас был завален сарай по самую крышу. Очистки от арбузов, кожуры мы раньше сушили, для нас это было лакомством.

Раньше я бабушке задавала вопрос: «Бабушка, зачем вы здесь поселились? Нет ведь ни леса, ни речки, одна степь!» А она говорила: «Много земли было ничейной, сколько хочешь наделы давали». У каждого дома огороды были по 30 соток земли, оград между ними не было, трава по пояс росла и в ней росла клубника степная. Вот такие были угодья. Сами пахали землю, сами засевали, полуголодные были. Тетя мне рассказывала, что парни днем в одних штанах в поле пахали, а вечером те же штаны выворачивали и шли на гужовку¹.

Односельчане спасли от ссылки

Когда коллективизация началась, бабушку, вдову уже тогда, вместе с шестью детьми хотели сослать, но односельчане вступились на сходке, выручили. Ее семью лишили дома, всего сельхозинвентаря, скотины, несколько лошадей и коров. На месте старого бабушкиного дома был построен детский сад, я туда водила своего младшего брата. Помню, что игрушек никаких не было, выводили нас на прогулку, и мы играли, где-то находили кирпичи, терли их, и это был у нас сахар, которого тогда мы и не видели и не кушали, не имели возможности.

¹ Гужовка — вечеринка, отдых, игрища.

Природа отсеивала

У бабушки было двенадцать детей. Раньше же природа сама отсеивала, если немощный, умирал, но шесть живых осталось. Самая старшая была Татьяна, прожила до 95 лет, тоже долгожительница Благовещенки.

Вторая ее дочь, Зинаида Семеновна, училась в Томском университете, училась на филолога, но ее исключили из университета, потому что была дочерью кулака.

В дом принесли похоронку

Помню, бабушка рассказывала: едет она в конце улицы, по Кирова, она тогда Центральная называлась, а люди уже знали, что к ней в дом принесли похоронку. Когда приехала, зашла во двор, полный народу, все соседи сошлись, все в горе были. И она остановилась и спросила только: «Кто? Васька или Сашка?» И ей ответили: «Василий». Младший.

Соль в войну выручала

Раньше наше село выручала соль, которая здесь рождалась, поваренная соль, только за счет нее и выжили в войну. Ездили в соседние районы, меняли на просо, пшено, да на любую крупу, даже на лук.

Ледяной водопой

Раньше, помню, в колоду наливают воды, колода длинная деревянная, все во льду, около колоды лед. Коровы подходят к колоде пить и скользят копытами, не могут даже подойти попить. Вот такой ледяной водопой поили.

Отца девять лет дома не было

Когда мне было два года, отец мой — бабушкин сын, ушел на действительную службу в армию. Потом началась война с финнами, сразу же после нее — Великая Отечественная, а потом — война с Японией, в которых он участвовал. Он пришел только в 1946 году, его не было дома девять лет. Когда маленькие были, ничего не спрашивали: на каком фронте, где он служил — ничего не знаем. Знаю только, что форсировал Днепр.

Мне все рассказывали, как поставит меня бабушка на окно и говорит: «Кричи, Тоня: папа, скорее, папа, скорее!» А я и кричала. Пока папа пришел, я уже выросла. Когда он пришел с войны,

а я спряталась, чужой человек для меня был, несколько лет даже не могла назвать его папой.

За санями бегом от мороза

Мама моя была агрономом, родилась в Ленинградской области, еще до войны закончила Оренбургский сельскохозяйственный институт. Тогда нужны были кадры, за три с половиной года получали высшее образование. Когда стала работать, уже во время войны нужно было ездить по всему району, во все села, ездили на лошадях, и зимой, в морозы. Мама рассказывала, как бежали за санями, лишь бы не замерзнуть.

Поляна детства

Помню, в детстве была поляна, где сейчас железная дорога, Черный дол называлась, поле большое-большое, мы пешком туда ходили, ведра ягод клубники нарывали. Сахару не было тогда, в те времена, сушили только ягоду да чай заваривали. И корову ходили доить, где сейчас птицефабрика, там было озеро кругленькое, туда стадо с нашей улицы на водопой пригоняли, там и скотина купалась, и мы туда ходили белье стирать. Брали тачку у соседей, туда ванну ставили и шли, там белье стирали и на кусты сушиться вешали. Туда же с бабушкой и коров доить ходили. А рядом была возвышенность, грива называлась, там росли бахчи. Помню еще, с бабушкой ездили собирать глызы¹ коровы, ими топили, не было же ни угля, ни дров, ни лесополос.

За колхоз выступала

В старших классах меня брали в спорт, я была высокой, ноги длинные, бегала быстро, занималась легкой атлетикой, мои дистанции были 400 и 800 метров. До сих пор дипломы за 1957–1958 годы сохранились. Кажется, минута восемь секунд — четыреста метров и восемьсот метров — две минуты сорок семь секунд, что ли. На зональных соревнованиях выступала в Славгороде, в Барнауле. Но почему-то раньше была установка за колхоз выступать, меня в колхоз имени Энгельса дояркой писали, я еще даже десять классов не окончила. И заставили меня один раз бежать с барьерами восемьсот метров, а я их в глаза и не видела даже, не мой вид спорта! Вот так защищала честь школы, района.

¹ Глызы — коровьи лепешки.

Я причастна к своей земле

В школьные годы — восьмой, девятый, десятый классы — мы на уборке были. В детстве и колоски собирали, и поляны дергать ходили. В старших классах мы работали, помню, и в Шимолино, и в Ново-Тюменцево. В вагончиках жили. Занятия начинались только 1 октября.

Тут были целинные земли. В 1956 году был небывалый урожай, завалены все закрома, горы хлеба на току, был в это время поднятия целины построен элеватор. Мы с подругой ездили, машины грузили, мы с ней всю ночь лежали, ждали, когда подойдет очередь подъемника. А потом награждали нас, у меня удостоверение есть и медаль «За освоение целинных земель». Так что я причастна к своей земле и не могу с ней расстаться.

До 16 нельзя

Мы, когда в школе учились, наивные же были, ничего не было, ни телевизоров, ни газет. Библиотека была, и единственное что было — кинотеатр. Мы пошли с подругой, Антониной Багринцевой, на «Фанфан-Тюльпан», на вечерний сеанс. А запрещено было, до 16 нельзя. Нам так хотелось посмотреть фильм, и мы сходили.

На следующий день маму вызвали в школу к директору. Мама домой пришла (а у меня тогда сестренка родилась после войны, Зина), а я спрашиваю: «Мам, ну что?» Она отвечает: «Ну что, тебя исключают, ты теперь будешь с Зиной сидеть, а я пойду на работу». Вот так она меня напугала.

Открылся «Светлячок» — мы там терялись

Я поступила в Барнаульское культпросветучилище, библиотекарем, а двоюродная сестра работала в детском саду, она мне сказала: «Пойдем, сейчас у нас не хватает воспитателей, некому работать, пойдем!» Ну, я и пошла, мне тогда 22 года было.

«Светлячок» (детский сад) открылся, меня туда с группой детей перевели воспитателем. Здание было первое типовое в Благовещенке, мы там терялись! Девяносто с лишним дверей, столько же окон — терялись в них.

Потом меня вскорости перевели методистом, попозже — в заведующие, тридцать три года мне было. Работа для меня все! У нас настолько микроклимат в коллективе был здоровый, воспитатели

шли на работу, как на праздник. До сих пор родители хорошо отзываются, добротой все светились, с такой душой. До сих пор все вспоминают, до сих пор все перезваниваются, встречаются. Ну, дети для меня все, конечно.

Несколько поколений, конечно, и грамоты есть, ну для нас это не важно. Помню, в газете про меня писали, что всех я знаю. Заболевает ребенок — Раиса Михайловна (медработник) бежит ко мне: «Антонина Александровна, где найти маму, где найти бабушку?» Я всех разыщу. Знаю, кому позвонить, чтобы ребенка забрали. Всех, конечно, знаю и помню. Поэтому Благовещенка для нас, конечно, дорога. Родная.

Глазина Нина Андреевна

Родилась в 1938 году.

Живет в селе Зимино

Ребрихинского района

Записали в феврале 2012 года
Валентина Брыкова (АлтГПА)
и Степан Легенький (АлтГТУ),
бойцы отряда «Белые медведи»
(АлтГТУ), принимавшего участие
в межрегиональной
патриотической акции
«Снежный десант»

Ехали на вольные хлеба в Сибирь

Мои предки приехали с Калужской области, в Подмосковье голод был, и все ехали на вольные хлеба в Сибирь. Это было в 1920 году, семья была большая — девять душ. Выехали из Калуги в ноябре в товарном поезде, поезда тогда были холодные, а приехали в апреле. Были буржуйки. Когда дрова заканчивались, они оставались. Когда они сюда приехали, тут уже были люди, которые приехали раньше, они встречали их. Конечно, здесь жизнь была вольная. Бабушка рассказывала, что и картошка часто не рождалась, лесная местность была. И леса раздавали по долям. Сколько выкорчевали, построили дом.

Когда предки приехали сюда, им не дали пай земли, и они жили по работникам, у частников. Дедушка был грамотный, он написал прошение в Москву, чтобы ему нарежали земли, и пришло распоряжение дать землю. Кто был приезжий, их называли русскими.

В активисты бедняк шел

Я родилась после коллективизации в 1938 году. Это я рассказала про родителей мамы. У папы семья не была семьей кулаков. В семье их было четверо. Они только построили себе дом, и тут коллективизация. А в колхоз они не захотели входить. Их раскулачили — все забрали, скот забрали, хлеб, хату, все забрали.

Бабушка была домохозяйка, дедушка раз в колхоз не пошел, работы ему не было, он устроился в Алейск работать. Ходил он туда пешком, 30 километров. Он сегодня пошел — не доел, завтра пошел — не доел, и он опух от голода и от голода умер.

В активисты бедняк шел. Вот они растащили все и приносили все в колхоз.

Люди терпеливые были, да что они могут против власти? Мы как оставались людьми, так оставались.

Тяжелое было время, платили мясом, платили яйцами, носили в план молоко. И это обязательно было все. Городские жители не платили, а колхозники платили.

Сельские эпохи

Сначала стройки большой не было, в пятидесятых дома начали строить, деревянные дома начальники строили. А в основном строили литые саманные хаты. Глина, солома, месили, лепили — так и жили. А потом в шестидесятых-восемидесятых годах стали строить деревянные, плитовые дома строить.

Я победительница соревнования, ударник пятилетки, две медали — «За освоение земель» и «За трудовое отличие». Перестройка как-то неожиданно началась, мы ее и не ожидали.

Село живет, не погибает. Но трудно жить, у нас плохая дорога. Автобусы три раза в неделю ходят. А как больница? Заболел человек — нет автобусов.

Долгова Валентина Григорьевна

Родилась в 1939 году в селе Вершинино Троицкого района Алтайского края. До 15 лет жила в селе Боровлянка. В настоящее время живет в городе Бийске

Записала в июне 2012 года
дочь Валентины Григорьевны —
Наталья Данилова, учитель
бийской школы № 5

Прокормиться и выжить

Нет такой семьи, какой бы не коснулась война. Никакого отдыха мои сверстники не знали, трудились наравне со взрослыми. Главным для моих ровесников было не учеба в школе, а прокормиться, выжить. Весной, чуть трава вылезет, мы, ребяташки, рвали кислицу, пучки, ели щавель, медунки, цветы мышиного гороха, саранки. Ой, сколько мы их переели! За ягодой еще ходили в лес. Собирали землянику, чернику, за клубникой в нашей семье как-то не ходили. Выдастся какой-нибудь ненастный день, ну, такой, что ни косить, ни сено сгребать нельзя, взрослые пойдут с крынками за ягодой. Нарвут полные крынки земляники и черники. Молоком зальем и все махом съедим. Что такое яблоки, в деревне и не знали. Редко только папка привозил из Бийска ранетки. Летом деревня жила впроголодь. Лебеду многие семьи в годы войны, да и в послевоенные, ели, добавляли вместо муки в хлеб. Раз, я помню, папка взял у кого-то лодку, посадил меня, сам рыбачил с лодки, а потом вышли мы с ним на другом берегу, встретили там учительницу с дочкой. Та сказала, что первый раз картошку будут есть, а то все лебеда.

Домовничать

Лошадь была одна на несколько семей. Работали на ней, потом передавали другой семье. Кормили тоже по очереди. Сначала одна семья кормит, потом другая, третья. Сеяли свою пшеницу, но мало, в основном рожь, просо, кукурузу, подсолнухи, лен. Работы было много. Подсолнухов только по двадцать соток сажали. Мама наша, твоя бабушка, сама косила летом траву для скотины. Когда наступало время уборки, женщины серпами жали рожь. Серп у нас был. Потом молотили зерно цепями — это такая палка, к которой при помощи резины приделана еще одна. Лен трепали, сушили на прясле, затем пряли и ткали из льна половички. Станок стоял ткацкий, по-

мню, большой такой, пол-избы занимал у нас в Вершинино. На нем и ткали. Льняные половички мама долго хранила, все берегла, стелила редко. Работы было много и летом, и зимой, когда женщины должны были расчищать железнодорожные пути от снега лопатами. Мужчин-то не было, кто воевал, да и с войны многие не вернулись. Нам с братом Гринькой, твоим лелькой, мама каждый день давала задание домовничать, как она говорила: грядки прополоть, картошки начистить, пол подмести.

Раз, помню (мне всего лет шесть тогда было), велела мне мама начистить ведро картошки. Ну, я и начистила. Ведра у нас такие большие были, деревянные. А когда мама пришла вечером с работы, ох и ругала меня! Оказывается, начистила я картошку в то ведро, из которого корове пойло давали. Заставила мама меня, махонькую, чистить второе ведро картошек. Да еще косы мои накрутила да оттаскала. Сколько лет прошло, а я все этот случай помню.

Красная рубаха

Одежки никакой не было. Война, разруха. Носили перешитую на несколько раз одежду, надставленные и расставленные платица, пальтишки. Я все сшитые мне в детстве платья помню, потому что каждая обновка действительно была событием. Мама нам сама шила. Раз из алого такого сатина (бабушка Марья дала кусок ткани) мама мне сшила платье. Брат Гринька, а мы с ним погодки были, разобиделся: «Сшейте мне тоже красную рубаху! Вальке сшили, а мне нет!» Сшила ему мама синюю сатиновую рубаху, воротничок так, как у косоворотки, а он опять в слезы: «Вон Вальке красное платье сшили! Я тоже хочу красную рубаху!» Так плакал.

Свернут тряпку — вот тебе и кукла

Вот пол мыть каждый день — это была моя обязанность. А пол-то некрашеный был, деревянный. Мыли его с дресвой да еще веником без прутьев шоркали, чтобы белый был.

Дресва — это камень такой дробленый, точнее, мелкие каменные крошки. Вот этими маленькими осколками камня и шоркали пол. Вся ребятня на озеро уйдет, вот и просишься: «Мам, пусти купаться на Громодку!» И только когда все дела переделаны, мама отпустит, строгая была. Бежишь за ребятами по лесу на Громодку, где землянику сорвешь, где костянику, где чернику. Отстанешь от ребят, только вдалеке слышишь их голоса. Спыхватишься и бежишь —

одна, бор со всех сторон стоит стеной, босиком, какая там обувь! Когда и иголка в ногу вопьется. Вытащишь — и дальше. Сейчас, думаю, миллион бы дали, никогда бы не побежала одна по лесу. А тогда ничего, бегала, лет шесть мне было. Прибежишь на озеро, искупнешься, а пока возвращаешься — далеко, больше километра, — опять жарко станет. Играть на улице — это если все дела по дому сделаны. Играли в чехарду, в двенадцать палочек, в лапту, еще в булавочку или из круга зайца вышибать. А то еще луку нарвем в огороде, сделаем из него кудри и кричим: «Бабка, бабка, кудри вей!» А потом все луковые кудри съедем. Игрушек не было. Свернут, бывало, какую-нибудь тряпку, нарисуют глаза, нос, рот — вот тебе и кукла. А зимой катались с горы. У нас соседка была, тетя Нюра Сохина, она мастерица была на выдумки. Санок-то не было. Тетя Нюра смешает коровий навоз с соломой и сделает подобие салазок с углублением, чтобы сидеть. Заморозит да обольет водой на улице. И еще веревочку вставит, приморозит, чтобы править. Вот и катишься на этих ледянках. А весна придет, они и растают. Так жалко! (Смеется). Штанов-то или чулок тоже не было. Надернем с Гринькой на голые ноги какие-нибудь полотняные штанишки и катаемся, пока они коркой не покроются. Накатаешься с горы, прибежишь — и на печку. Скинешь катанки, штаны все колом. Поставишь ноги на горячие кирпичи на печке и отогреваешься.

Зимние запасы

Чуть осень наступала, мама надевала заплечный мешок на лямках и шла в лес. Запасала на зиму клюквы, калины. Клюкву — в кладовку морозить. А калину раскладывали на крыше и сушили. Получалась она вкусная, сладкая, куда там до нее пареной! Там же, на крыше, сушили кукурузу, подсолнухи, переворачивали их шляпками вниз. А чуть дождь — сразу лезем на крышу, накрываем чем-нибудь. Придем с братом из школы, уроки наскоро сделаем, мама командует: «Лезьте на крышу!» Вот мы лезем и молотим на крыше семечки из подсолнухов. А с сушеной калиной мама пекла ватрушки, она их шанежками называла. Испечет с творогом и с калиной. Так мы с братом сначала с калиной все повытаскаем, до того вкусные казались! А клюквой набьешь полные карманы и, пока на улице играешь, всю ее и съешь, конфет-то не видели. А то еще мама напарит в чугушке сахарной свеклы, брюквы, морковки, а то и тыквы, паренки назывались. Съедем паренки, а что останется, мама скалкой на столе

раскатает, потом скатает шариками — и в духовку, печь-то русская была. Казалось, все вкусно. А конфет раз мама купила нам с братом и спрятала бумажный кулечек в карман своей жакетки — была у нее черная плюшевая такая жакетка. Ну, и выдавала нам каждый день: «Это вам бабушка старенькая дала». А конфеты-то были просто кругленькие. Ну, вот, мы потом в прятки с Гринькой в избе играли, да и нашли эту жакетку. Тут и тайне конец пришел!

Паруны выручали

Ну, а то и куры-наседки выручали, их в селе паруньями называли. Высидит такая парунья цыплят где-нибудь под стайкой, никто их и не видит. Смотришь — а она ведет за собой целый выводок уже подросших цыплят. Тогда могла быть у нас и куриная похлебка на обед. Зарубит мама молодого петушка, ощиплет его, опалит на ухвате прямо на огне, вымоет — и в чугунок. Покрошит еще картошечки — и в русскую печь. Цыпленок весь в чугунке разопреет. Ничего вкуснее не ела!

Зимой мама лепешки пекла из своей муки, драники, рябчики — это мы так ломтики картошки называли, которые пекли прямо на раскаленной плите печки. Пельмени — только зимой. Мясо рубили в корыте сечкой, какая там мясорубка! Стряпали пельмени из своей ржаной муки, которую возили молоть на мельницу. Корова, правда, была, но молока мы не видели. Молока мама мне в маленькую кружку всегда наливала, а брату Гриньке — в большую. Я плачу, а она мне: «Ты, посмотри, Валя, какой он худенький!» Все молоко сдавали на молоканку. Несем, бывало, вдвоем с Гринькой в четвертях. Нести далеко, мы маленькие, тяжело. Творогу, мы, ребятишки, почти и не видели, несмотря на то, что корова была, масло очень редко сбивали, хорошо, если за лето собьют два маленьких комочка. Сметану, правда, мама с крынок иногда снимала. Сдавали и кукурузу, за это иной раз жмых давали, подсолнечный или соевый. Много скотины держать не разрешали. Финансист ходил по дворам и строго переписывал каждую «лишнюю» овечку или поросенка. Что-то мясное ели в основном зимой.

В гостях у бабушки Марьи

Так мне нравилось гостить у бабушки Марьи! Жила она в Боровлянке с дедом Михаилом Пузановым. Своих ребятишек у нее не было, а у деда были взрослые дети, которые жили отдельно.

В палисаднике у бабушки всегда мальвы цвели. Прямо за огоро- дом начиналось озеро. Бабушка Марья мне говорит: «Смотри, Ва- лечка (она меня всегда Валечка звала)! Смотри, Валечка, в озеро не упади!» Я уйду, бывало, на озеро, сяду на мостки, ноги в воду опу- щу и болтаю ими. Так хорошо, тихо, спокойно! Дедушка Ми- хаил поставит мордушки и наловит пескарей. Бабушка Марья пе- ремоет их, сложит в сковороду, зальет яйцами, а то и просто пост- ным маслом — и в печь. Обеденье! А еще бабушка всегда брюк- ву, бобы и горох садила. Один день у нее горошница была на обед, а на другой день — бобовница. На зиму бабушка заготавливала клюкву, бруснику и обязательно грузди. «В бору сегодня была, — говорила она, — за груздями ходила». Клюкву Бабушка Марья мо- розила, бруснику ели моченую, а грузди солила в большой дере- вянной бочке. Тем и сыты были.

Кондрашова Галина Прокопьевна

Родилась в 1939 году в селе Фунтики Топчихинского района.
Работала учителем математики, директором, завучем школы

Записал в сентябре 2012 года
внук Галины Прокопьевны —
Никита Суминов, учащийся
Фунтиковской средней школы

22 июня

Когда началась война, мне было два года, но потом я выросла, уже шло время войны, мне было шесть-семь лет — в это время я уже кое-что помню. Кое-что я хорошо помню сама, кое-что рассказа- ли мне родственники, мама моя много рассказывала.

22 июня все село собралось у памятника павшим партизанам. Ты, наверно, его видел, этот памятник. Председатель сельского совета объявил о начале войны и зачитал имена тех, кто должен явиться на призывной пункт на второй день. В их числе был мой отец и отец дедушки Миши. У нас-то хоть было двое детей, а у них было чет- веро детей, а через два месяца родился пятый ребенок. Так что это было тяжелое, трудное время.

Галина Кондрашова с внуком Никитой Суминовым

Утром собрались все, на телегах отправилось почти все мужское население вместе с семьями в военкомат, в Топчиху. Народу было тьма! Играла гармошка, пели, плясали. Радовались чему-то... что все встретились тут. Никто не верил, что война, и что это такое, тоже не знали. Людям сказали, что война будет не больше трех месяцев.

Но вот на станцию подогнали вагоны, как их называли, «телячьи» вагоны. Всех мужчин начали грузить в эти вагоны. Остались на перроне жены, дети, старики. И вот тогда только все поняли, что это пришла страшная война. Тогда начались прощания, поднялся крик, стон, плач.

Отец мой ушел на фронт, и в сорок втором году он уже погиб. Ушли на фронт четверо моих родных дядей, двое из них погибли.

У кого-то остался недостроенный дом, у кого-то крыша прохудилась, а тогда крыши-то были соломенные, дома глиняные, дворы были плетеные, обмазанные коровяком, — и все это было еще и в таком состоянии, что надо было за всем присматривать.

Треугольнички, написанные фиолетовым карандашом

Письма с фронта приходили редко. Ждали их очень! Очень! Встречали почтальона, но каждый раз каждый волновался и думал о том, что несет этот почтальон: радостную весть или, может быть, это уже похоронка. И часто бывало так, что вместо радости приносили почтальоны тяжелую весть, о том, что муж, или сын, или брат погибли.

Вот если говорить о моем отце, я у мамы спрашивала, за время, пока он был на фронте, пришло всего два письма. Эти треугольнички, написанные фиолетовым карандашом. К сожалению, эти письма не сохранились. И писал он только о том, что «жалей детей», что «у нас очень тяжело на фронте, очень трудно, а ты ничего не жалей для того, чтобы спасти детей».

Чем печь истопить?

И дети, и женщины, и старики, и подростки — все принимали участие в работе так, как только можно было. Надо было думать о том, как накормить детей, чем топить печь, чтобы зимой не замерзнуть.

Рубить в колках дрова не разрешали, поэтому — чем топить? Делали кизяки, а делали их из навоза, топтали лошадьми навоз, станки брали, в которые укладывали этот навоз, и делали кизяки — такие кирпичики, потом их сушили и ими топили. Или солому прямо в дом заносили, топили соломой, со двора заносили объедья, что скотина не доела, — все это заносили в дом и топили. Иногда разрешали собирать хворост, но колки никогда не разрешали рубить, ни в коем случае! И от¹ женщины, которые работали до самого поздна, приходили домой, запрягали коров и ехали еще за хворостом в колки.

Постояли за себя

Но женщины и в трудные военные годы умели всегда постоять за себя. Я расскажу тебе, Никита, один случай, который произошел с бабушкой, с моей мамой и ее соседкой. Мама была маленькая, худенькая, а соседка сильная, здоровая, крепкая женщина — Маша. Поехали они за хворостом. Запрягли корову и поехали за хворостом.

¹ От — вот (усеченная форма).

Нагрузили хворост, а навстречу им мужчина. А этот мужчина каким-то образом сумел отмазаться от фронта. Поэтому они особо к нему относились: у них мужья на фронте, а он еще решил над ними поиздеваться. Начал грозить им судом, измывался над ними.

Ну, наверно, терпение у них лопнуло в конце концов, и наша маленькая бабушка Васена скомандовала: «Машка, бей его!» Удар, конечно, был хороший, если он упал на землю и потом еле-еле поднялся. Поднялся молча, ушел и больше не возвращался, а они с хворостом вернулись домой. Вот так!

Галя Кондрашова, 5 лет

План для каждой семьи

Для каждой семьи доводился специальный план. План на молоко, план на яйца, шерсть, масло, мясо — все это должны были сдать государству. Сдать должны были даже те, у кого не было хозяйства. Если у тебя нет мяса, вот купи и сдай его. Но ты должен, обязан сдать то количество, которое до тебя доведено! Ну, и люди старались держать, конечно, свое хозяйство: кур, коров, поросят, овец.

Дворы были плетеные, из плетня, в дырках, а зимой морозы были сильные, приходилось как-то спасать хозяйство. Заводили телят в дом, поросят и кур под печкой держали и даже иногда корову заводили, чтобы спасти от мороза. Но все это делалось для фронта, для Победы. Поэтому люди не роптали, не возмущались, знали, куда идет все это.

Пшеницу, которую выращивали в колхозе, тоже вывозили на элеватор, в Топчиху. Запрягали быков, а быки — народ упрямый! И вот рассказывали, быки остановятся, и все! И ни с места! И плакали, и уговаривали и кое-как заставляли везти. Привозили зерно

на элеватор, а там тоже сами должны были разгружать. По трапу несут женщины эти мешки, а мешки по 50 килограммов! Иногда падали, потом снова поднимались и несли.

Но все знали, для чего это нужно, и поэтому все делали молча и беспрекословно. А кроме того, что продукты перевозили, сдавали государству, наши мамы вязали теплые носки, выращивали табак, отправляли это все на фронт или в госпиталь, который какое-то время был в Топчихе.

Хлеб из лебеды

А себе, конечно, оставалось очень немного. Хлеб стряпали из лебеды. Семена лебеды выбирали, каким-то образом перемалывали, потом немного муки добавляли и стряпали черный хлеб. Этот хлеб я прекрасно помню. У нас в доме его не стряпали, хватало нам, наверное, того, что было, а вот у родственников я была, и меня угощали таким хлебом — коврижкой этой черной из лебеды. Картошка — это был основной продукт, которым питались люди. К весне иногда не хватало у людей, приходилось детям ходить по огородам, собирать картошку, которая остается там с осени. Она не сгнивает, а перемерзает там и становится такая, как мука, как крахмал. Собирали эту картошку, питались ею. Варили затируху, собирали ягоды, грибы, щавель, одуванчики. Так что пользовались в основном растительной пищей.

Наказывали, Боже упаси, чтобы взять какой-то продукт с поля или с тока! Ни пшеницу, ни свеклу — ни в коем случае! За это очень-очень строго наказывали! Поэтому вместе с картошкой, сухой, прошлогодней, ребятишки собирали с уже убранных полей колоски. Колоски потом переминали, выбирали пшеничку, провеивали, рушили — рушилка была ручная, и варили затируху, делали пышки.

Я не понимала русский мамин язык

Трудно было всем, но особенно трудно, наверное, было репрессированным немцам. Несколько семей с детьми были распределены по квартирам. И надо сказать, что в нашем селе отнеслись люди доброжелательно к ним. Доброжелательно, с пониманием, с сочувствием, никто их не обижал, не оскорблял. Вот семью из шести человек определили к нам на квартиру. Это была семья Руш. Мама пришла с работы, они сидят около дома, на улице, боятся заходить в квартиру. Нас в семье было трое: мама, брат и я. У нас был боль-

шой дом, но всего одна комната. Вот шесть человек их и трое нас — девять человек жили в одной комнате. Но мама всегда относилась к ним с сочувствием, очень жалела их, помогала всем, чем могла. Жили вместе как одна семья. Все, что было, делили поровну.

А потом они построили землянку, недалеко, через дорогу от нас. В эту землянку они переселились и долго жили, пока не построили себе настоящий дом. Весной мама, чтобы как-то помочь им с питанием, картошку чистила и оставляла специально толстую-толстую кожуру, отдавала им, чтобы эту кожуру посадить и вырастить картошку. И такой хороший урожай получился, что они были обеспечены картошкой на всю зиму!

Ну, а мы, младшие (у меня ровесники были среди этих немеццев), мы ловили рыбу. Благо, тогда рыбы было у нас в речке полно! И щуки, и лини, и окуни, и чебаки, и пескари — ну всякой рыбы было много! И мы с удовольствием или бреднем, или удочкой ловили ее вместе с этими немецкими ребятами. Ловили сусликов — это было наше излюбленное занятие. Потом этих сусликов обдирали, мясо варили, ели. Я тоже с удовольствием уплетала этих сусликов! Собирали мы грибы, ягоды, всякие травы. Чего мы только не ели?! Дикий лук, дикий чеснок, одуванчики, лопухи, щавель, грибы! Ну всякие-всякие травы! Я вот даже и сейчас с удовольствием съем молодой лопух, одуванчик или кандык. А шкурки сусликов тогда сдавали, и за них платили хоть немного денег.

Играли мы тоже все вместе, и немецкие ребята, и мы играли в одни и те же игры: и жмурки, и прятки, и лапта, и глухой телефон, красочки.

Общались мы дома больше на немецком языке, потому что мама все время на работе была, а я все время общалась с ними, а они говорили на немецком языке. И я не понимала даже иногда русский мамин язык.

Добрые отношения были всегда между нами. Да и сейчас эти отношения еще сохранились, по сей день.

Костюченко (Вергунова) Валентина Трофимовна

Родилась в 1939 году. Проживает в селе
Зятьково Панкрушихинского района

Записала в 2012 году
Наталья Люля, студентка
исторического факультета АлтГПА

Куйбышев поселок и волки

Куйбышев поселок был, маленький поселочек. И вот там и жили, и я там жила до 1958 года. Никак улицы не назывались. Там одна улица, считай, была — кого там? Разве это улица была? Там с одной стороны четыре [хаты], тут на отшибе еще был пятый дом, а там два. А потом когда те уехали и мы, осталась отцова сестра — один дом был, какая это улица?!

Детского сада там не было. Школа была у нас до четырех классов. Я сама училась там до четырех классов в той школе. Магазин был, и клуб был, и контора была — это все было. Ну, было весело, очень было хорошо.

Были колодцы, друг к другу ходили. У каждого не было, чтобы были колодцы, а делают, вот примерно, на полулицы: вот от моста и вот тут кончается — вот это был бы один колодец с этой стороны.

Обязательно фермы были. Ну, ферма, пригон, база одна была, был телятник, была родилка. Вперед кошары были большие там.

Когда я маленькая была, у бабушки мы жили. Я ж говорю, два дома на отшибе — даже вот вообще близко не было, чтоб дома были. К ферме было идти ближе, чем эти два дома. И вот лог и там могилки были, там вот эта речка была — купались мы, и потом там лог дальше шел, и там воды почти не было, до половины лета он высыхал, вот, и там жили волки. Тогда ж обычно, всегда волки были! Вот как я маленькая была, и волков было полно. И вот сидишь в хате, вот так сидим, глядишь вот в окно, пошел на ферму волк, только огни горят. А у нас вот корова была, у бабушки, и ну так вот изба у их — было две, но они жили в одной, другую топить нечем, они просто держали так и сенцы были, за сенцами был пригон. Там жила корова. Ну и вот волк залез на крышу и давай раскапывать вот эту вот крышу, до коровы добираться. Ну взяли дверь открыли, завели ее в эту хату вторую, где не жили. В эту хату завели, и давай в железу бить —

обычно всегда в железо бьешь, тогда волк уходит.

Никто не охотился на волков. Ну, может, кто и охотился... Ну как сказать, был дядя — мамкин брат. Он работал на ферме, у него бык был вольный здоровый такой! Ну, я не знаю, чего он там на нем делал? Может, подвозил навоз, может, корм отвозил, не знаю чё он там делал, я маленькая еще была. И вот выгнали овечек, а лес там близко до поселка там прям почти возле этой кошары, а волк с этого леса за овечкою! А он у него [дяди] на этом [на поясе] был топор. Он схватил этот топор и за волком. Гонялся за волком, он [волк] тащит овечку, а он его догнал и топором. Ну а этих волков было там полно! Выйдешь вечером, как только чуть стемнялось, щас выйдешь, глянешь на этот лог, сидят вот так вот рядом, рядами сидят волки, глаза же у них горят видно и распевают песни.

Я вот помню, тоже одна тетка сторожем была — овечек этих сторожила. Слышит, овечки сильно бесуются, шумят. Когда зашла, а волк гоняется там за овечками, ну она давай... стучала она или чё она там делала, а он значит в дырку — уже дырку прорыл на крышу — и прыгнул туда, выскочил. Она говорит: «Что делать, гляжу уже второй или уже этот или второй туда он прыгнул». Она с топором или с чем там: с литовкой или топор, чтобы можно было спастись. Ну и ничё: тоже выпрыгнул, задушил, говорит, овечку, но не утащил ее. Много тогда волков было, страшное дело. Я говорю, вышел, глянешь туда на овраг на этот: сколько их там. И сколько размотришь в окно: прошел волк на ферму, пошел. Ну, мы, конечно, никогда не выскакивали на улицу, боялись, а в окно глядели.

Молодежные забавы и игры в поселке Куйбышево

Молодежи много было. Вечерами каждый раз, особенно зимой... Летом, правда, некогда было: на работе все, кто на сенокосе, кто там где. А зимой полный клуб был каждый раз, и шли туда и старые, и малые, и с дитяи. А кино, если привезут раз там... ну в общем два раз в месяц не больше, там тогда вообще битком набито, и негде было вообще сидеть — полно было, битком набито. Кино особенно привезут хорошее! Да хоть какое... Да потому, что не было больше ничего, и все туда. В клуб, конечно, я со своими девушками ходила... Потом у меня еще по другую сторону жила [подруга], она тоже с тридцать шестого года, у ей уже ребенок был, а все равно, как только чуть, так туда. А у ней по эту сторону мать была продав-

цом, а тогда денег не было, а в кино охота. Мать сварит, вот каждый день по два яйца каждому варила. «Мам, ты мне не вари». — «Почему»? — «Ты мне дай мне так, сырые». — «На что тебе»? — «Ну, ты мне дай и не спрашивай, я не буду есть твои яйца вареные». Вот она мне сѣдня, завтра. «Завтра тоже не вари». И каждый день я ей напоминаю: «Не вари мне, давай сырые! Давай сырые». Вот я возьму эти два яйца, побегу к тетѣ Шуре, к продавцу, в магазин: «Тетѣ Шур, пусть у вас лежат яйца, а то мамка сварит их дома». Вот я наберу их там десять штук. А десять штук уже есть, она: «Уже десять»! — «Ага, я знаю, что десять — давай мне конфет». Вот она свешает эти вот голенькие были по рубль две¹, что ли они там были, или почему они там были? Это потом, наверно, по рубль две, а так еще дешевле были. И вот она мне свешает конфет, я наемся, своим сестрам унесу. А если кино привезут, я щас опять, есть если, то я возьму это яйцо, пойду в магазин опять тетѣ Шуре отдам, она мне пятак за это яйцо даст, я в кино иду — пять копеек кино. Вот и все, вот так вот². А так по праздникам, я уже сама девчонкой была, мы ставили как концерт сами самостоятельно, тоже соберутся люди. Тоже глянешь, полный зал, как говориться яйцу некуда упасть — столько было народу много. Было весело!

А летом молодежь... Собираемся — у нас так порядок был — улица, а вот тут домов несколько не было, вот с этой стороны. Была школа, вот эта контора была с магазином и маленько тут площадь у нас была, и все собирались на этой площади. Мы, когда летом взрослые все на работе — некогда, а мы, молодежь, собираемся. То играли в «разлуку», то играли, особенно если лето, так в мяча днем, ночью-то не видно! Днем в мяча играли. А щас в такое не играют. Собирается две партии: ну, сколько соберутся людей, мы даже молодежь человек до двадцати собирались. И вот меряются по палкам наши командиры: ну кто вожатый и ты туда, а я туда, разделяемся на две партии. У нас тот вожак, у того тот вожак, ну обычно [вожаками] мужчины были, ну ребята. И вот значит, одна группа вадит — там мяч этот ловит, а другая — эти, бьют. И вот, значит, этот главный последний бьет. А мы такие девчонки, ну заставь щас в две-

¹ В народе называли конфеты «Дункина радость» — четырехугольные подушечки, посыпанные сахаром.

² Рассказчица воспроизводит повседневную ситуацию отсутствия у колхозников денег. Работали за трудодни. По трудодням колхоз рассчитывался в конце года натурпродуктами — зерном, фуфайками и т.д. Дети именно продажей яиц через магазины зарабатывали деньги на кино или конфеты.

надцать-четырнадцать лет ударить, чтоб взвился этот мяч не видно куда. Ну, стукнешь его... А те стараются поймать его. Если они поймали его, если он не до земли [не упал на землю], значит, они безо всяких разговоров идут бить, а мы идем ловить. А если он упал на землю там (он подскакивает мяч), подскочет, поймают его и стараются кого-то ударить особенно тот, который побежит. Я должна бежать на тот край — [где] черта или поставят там чё-нибудь, палку какую или черту. Я вот должна туда добежать. Если я сумею добежать и меня не ударили, значит, хорошо. Следующий бьет и пока все... А потом уже последний бьет, ну там, мож, и не последний — парней-то много, как засветит этот мячик [вверх] его там и не видеть! И вот стараешься поймать этот гол. Вот поймаешь его и все: те туда, а мы туда [команды меняются местами]. И таким манером мы играли в мяча¹.

Даже если праздник, какой, воскресенье, собирались, даже женатые мужики собирались, играли. Ну тогда, конечно, уже, конечно, не брали в свою компанию [девочек], а играли. Ребят, конечно, всех брали, потому что: то ли девчонка, то ли парень — разница большая. Ну а девчата, из девчонок брали, как говорить, тех, кто может гол поймать, увертливый, чтобы не попался и чтоб не попали. Неинтересно ж каждому вадить, нужно ж, чтоб били. Всяко было. Мяч резиновый был. У кого резиновый, а у кого просто: вот корову чешут шерсть и катаю, катаю, и круглый мячик, хороший. А вот если мужик как влупит: аааа... больно!!! Интересно, очень интересно было....

Играли в «разлуку». Опять же так собираемся молодежь и по одну сторону девчата, по другую сторону ребята. Ну вот, например, она там, а я тут вот так вот становятся и все подряд [строим]. Один лишний получается. Лишний заходит, заходит и идет сквозь строй и кто ему понравится, он его вот так бьет и несется и догони попробуй! Задеешь, хоть куда, лишь бы по ноге, по руке, да где попало. Так и бежит скорей, а ты попробуй, догони! Ну бывало так: молодежь бегают, бегают пары, убежал и все нету! Дак, а этот же, которого он вдарил, а следующий остался же без ничего — у него-то пары нету. Он тогда выходит себе тоже также, тот остался один, тоже бежать начинает. А эти вот бегают, бегают, добегут опять становятся с этого края опять и вот таким манером пока всех...

¹ Описывает игру в лопту. Была распространена на Алтае повсеместно.

А поймал, что все значит, поймал они идут, стараются сюда, это уже не имело большого значения поймает он его или нет. Факт в том, чтобы как побежал, ну бегут и стараются, чтоб не поймал. Ну а вообще-то все равно поймают, а потом идут, становятся опять, а может, и беги, беги, беги сколько хочешь!! Интересно было, хорошо. Нет, щас вот молодежь в такие игры не играют.

Куркина Евгения Георгиевна

Родилась в 1940 году. Живет в селе Подстепное
Ребрихинского района

Записали в феврале 2012 года
Валентина Брыкова (АлтГПА)
и Степан Легенький (АлтГТУ),
бойцы отряда «Белые медведи»
(АлтГТУ), принимавшего
участие в межрегиональной
патриотической акции
«Снежный десант»

Женщины-механизаторы

Возможно, кто-то знает или слышал, что в шестидесятые годы женщины стали работать на комбайнах и тракторах. Это нововведение первым в Алтайском крае поддержал Шипуновский район. В тракторном звене звеньевой была Бахолдина Варвара Максимовна, ставшая Героем Социалистического Труда. Следующий район, который поддержал идею женщин-механизаторов, это Петропавловский. Затем, единственное в Ребрихинском районе, наше хозяйство. И в 1970 году при нашем колхозе были организованы курсы механизаторов, несколько женщин выразили свое желание получить профессию тракториста. Они прошли необходимое обучение на курсах и начали работать на тракторах. Женщинам выделили именные трактора-«белорусы», на которых они проработали в течение трех-четырех лет. Но впоследствии это звено распалось (по причине семейных обстоятельств). Однако были также образованы трехмесячные курсы женщин-комбайнеров, тридцать человек стали желающими получить эту профессию. Сама

я по образованию медицинский работник, среди моих коллег также оказались желающие (пять человек) пройти курсы комбайнеров. В 1973 году, закончив данные курсы, я пошла на работу, но одна из всех женщин. Три года я работала одна среди мужчин, в мужских звеньях. А в 1976 году инженер нашего хозяйства предложил создать женское механизированное уборочно-транспортное звено. Мы набрали еще четырех женщин-комбайнеров, образовали новое звено, которое я возглавила. Таким составом мы работали в течение шестнадцати лет на комбайнах. С основной работы во время уборочного цикла мы приходили по распоряжению райисполкома. В 1976 году наше звено было удостоено быть кандидатом на премию Героя Социалистического Труда. Семь лет подряд нам присваивалось звание лауреата Героя Социалистического Труда за высокие показатели в намолотах. Могу сказать, что это очень, конечно, нелегкий труд, но интересный и нужный. Уборка шла и в ночь, но мы не считались со временем. Работали до трех, когда не было росы — до четырех ночи. Отдыхали за всю ночь час, максимум два, и снова садились на машины, продолжали работу. Поля были огромные, около четырех километров в длину! Был помощник штурвального, который мог заменить в ночное время, давая возможность немного отдохнуть. Наше звено было единственным с женским составом, но мы решили работать «в единый котел», то есть независимо от того, кто, сколько намолотил, заработная плата делилась на всех одинаково. Я считаю, что сам факт женского звена должен войти в историю нашего села, Подстепного, ведь нигде в районе больше не было женщин, работающих на тракторах, комбайнах.

Тяжелее всего проходила уборка, когда были плохие урожаи, потому что намолоты были маленькие, портилась техника, из-за чего мы в течение четырех лет не попадали в лидеры краевого значения, зато потом семь лет подряд мы собирали хороший урожай и становились лидерами. Начинали мы работать на комбайнах СК-4, СКД-5 — это машины с открытой кабиной, а ведь иногда уборка урожая затягивалась до поздней осени. Даже после первых заморозков, когда уже выпал снег, мы тепло одевались и садились на машины.

Труд очень тяжелый, но мы работали с душой, для нас было в радость. Конечно, мужчины не верили, что женщины обучатся механизаторскому делу, но у нас было упорство, мы прошли через все трудности!

Больницу строили всем селом, а остались без всего

Основная моя профессия, как я уже сказала, медицинский работник. В нашей участковой больнице я проработала сорок лет. Наша больница, когда начала работать, представляла собой просто маленький домик с печным отоплением. В 1960 году началось строительство больницы, которая была рассчитана на сорок пять мест. Там была операционная, родильное отделение, необходимое оборудование. Сейчас, конечно, в больницах все необходимое есть, но тогда новое оборудование было для нас большой радостью! Но потом начали уезжать специалисты. Разорили операционный блок. Все переносится в район. Потом закрыли родильный дом. Ликвидировали туберкулезное отделение. Закрыли лаборатории.

Нам это тяжело. Мы всем селом строили эту больницу, а в итоге остались без всего.

Реймер Виталий Давыдович

Родился 6 февраля 1940 года в поселке Красный Текстильщик Саратовской области. В 1941 году семья была депортирована на Алтай. В настоящее время живет в селе Боровлянка Ребрихинского района

Записали в феврале 2012 года
Валентина Брыкова (АлтГПА)
и Инна Рыжкова (АлтГУ),
бойцы отряда «Белые медведи»,
принимавшего участие в меж-
региональной патриотиче-
ской акции «Снежный десант»

Депортация немцев

Мама мне рассказывала, на сборы давали там, в течение пяти дней, и взять на одного взрослого человека можно было по одному чемодану. Все. Оставили дома, имущество, скот, все оставили. А переезжать на голую почву, сюда, в Сибирь, всех. Везли в товарных вагонах, не как сейчас в пассажирских вагонах, места там и полки для лежания. Все сидели на полу, чтобы как можно больше людей

могло место занять, и ехали в течение месяца. Тогда почему-то много остановок было. Много людей, конечно, умерло, особенно ослабленные люди, старики. Холод несусветный был, дело к осени, вагоны не отапливались. Голодные, холодные, как скот, набили в эти товарные вагоны и везли. И вот мать рассказывает про меня удивительный случай. Вообще моей маме нужно было при жизни памятник поставить, потому что первый ее героический подвиг: отец-то был немец, а мама — русская, ее фамилия Ефимова была. Дак вот, она могла остаться там, на Волге, по месту жительства, а отцу надо было сюда ехать, и она его не бросила. Когда ехали, мне полтора года было и питались там чем попало, видимо, я поел чего-то такого, и сильно живот болел, и я сильно кричал, плакал и настолько надоел всем пассажирам, что они матери предложили выкинуть меня в окошко, потому что спать не давал. Мать говорит: «Если моего ребенка выкидывать, то выкидывайте и меня тогда!»

От голода спасли книги и вязание

Вот приехали мы в Барнаул, тогда только до Барнаула, до Ребрихи не было еще железной дороги тогда. И из Барнаула уже на подводах стали развозить по селам.

Мы приехали в село Паново. Там какой-то стоял раскулаченный дом, кулаков выслали куда-то, а дом абсолютно пустой был. Дом, правда, большой, я потом, как немного подрос, помню этот дом. Туда несколько семей поселили. Поселили, но холод был несусветный, дело к зиме, да и зиму пережить надо было, ни дров, ничего. Дали им буржуйку. Эту буржуйку поставили посередине, и мы ребята жались к этой печке. Жались настолько близко, что и одежда загоралась, и сами обжигали пальцы. Как только переехали, через два месяца папу забрали в трудовую армию, он на Урале лес валил до сорока восьмью года. А мама с тремя детьми осталась, ни знакомых, ни родни — вот как она.

Жена Виталия Давыдовича дополняет:

— Ей было проще в том плане, что она была русская, по-русски говорила, а вот со стороны мамы приехали: бабушка там, она вообще по-русски не говорила, и другие бабушки приехали сюда в Боровлянку, ни единого слова по-русски не знают, они как бы для людей фашисты. Уже картошку выкопали, а немцы по копаному собирали вот такие маленькие, да кожурки картофельные. В них камнями кидали, прогоняли с огорода.

Продолжает Виталий Давыдович:

— Да! Вот единственное, что маме помогло. Вот поражаюсь, как она могла нас в то время спасти троих, прокормить? Единственное, она рассказывала, что ей помогло то, что отец набрал чемодан книг, он был грамотный, в редакции работал даже на Волге, а мама набрала чемодан вязания. Она вязала хорошо всякие там платочки и на койки накидки. Она вот этим и спасалась. Продавала она не за деньги, конечно, а за продукты: книгу на ведро картошки, допустим, вязание — на капусту, на банку капусты. Вот таким образом.

На двоих одни галоши

В школу надо идти, а абсолютно не в чем, обуви-то нет. Представляете вот, осенью нам купили с братом (у меня брат старший, с 1938 года) галоши. И вот мы ходили в одних галошах двое, а школа где-то почти за километр. Вот он метров сто бежит в галошах, потом снимает, я одеваю. Он бежит босиком, у меня немного ноги согреются, потом меняемся. А потом постарше стали, в третьем классе отец мне свои ботинки отдал. Можете себе представить, как я в этих ботинках! И мы ждали, с нетерпением, пока снег растает. Около дома еще снег, но уже есть полянки, которые освободились от снега. Мы выскакивали из избы босиком, через снег перепрыгивали и туда, на полянку. На полянке на этой и играли.

Судьба сложилась

Судьба сложилась так, что я ни грамма не очерствел, не осерчал. Ну в принципе, я еще не понимал в детстве. Меня, допустим, ни разу в жизни никто фашистом не назвал. Семилетку я закончил с отличием, поступил в техникум, техникум закончил, один техникум закончил, потом в течение жизни культпросветучилище закончил, еще один техникум, тоже с отличием, могу диплом даже показать. До сих пор не сижу на месте, увлекаюсь художественной самодеятельностью, участвую там. Летом постоянно на рыбалку езжу, жена подтвердит, огородом, садом занимаюсь.

Отец, у него тоже жизненный путь потом складывался удачно. В 1948 году он пришел с трудармией, закончил ВЗУК, Всесоюзные учебные курсы бухгалтеров, закончил — и его сразу послали инструктором бухгалтера в район, в Ребриху, и мы переехали из Паново в Ребриху. Там он немного поработал инструктором бухгалтера и его в райком партии забрали. Инструктором райкома партии ра-

ботал. Немного там поработал, и его потом послали председателем колхоза в Боровлянку. Вот как мы очутились здесь, в Боровлянке.

В партию вступил, грамотный очень человек был. Потом председателем колхоза переизбрали, главным бухгалтером колхоза здесь работал.

Хаманить молодежь не собираюсь

Ну, я, допустим, считаю, плохой молодежи нет. Всякие были и в наше время, и в сегодняшнее время. Всякие есть. Я, допустим, хаманить¹ молодежь не собираюсь. Есть, конечно, опускаются до дна, кто-то в пьянку ударяется, но вас вот почему в пример не привести? Учитесь, общественной работой занимаетесь — прекрасно.

И сегодняшнее время в одну сторону хаманить не буду. Есть положительные моменты, а есть и в наше время что-то лучше было.

Медведев Михаил Кириллович

Родился в 1941 году. Живет в селе Маралиха Краснощековского района

Записали в феврале 2012 года
Виктория Гуляева (АлтГПА)
и Софья Казанцева (АлтГУ),
бойцы отряда «Эверест»
(АлтГТУ им. И.И. Ползунова),
принимавшего участие
в межрегиональной патриотической акции «Снежный десант»

Прадед поддержал восстание Пугачёва

У прадеда была другая фамилия. Его семью сослали за непокорность царю. За то, что они поддержали восстание Пугачёва. Надо было лошадей кормить, и ходили сено собирали для Пугачёва. Пришли к родителям — не дать, голову отрубят, дать — обвинят в том, что помогал Пугачёву. Так и оказались в Сибири, а здесь в это время металлургия развивалась, демидовское дело. И нужны были рабо-

¹ Хаманить — ругать

чие. Здесь они раскорчевывали тайгу. Фамилия была у них Саваткины, а когда сослали сюда, и назвали Медведевыми. Им еще входило в обязанность руду возить в Барнаул на сереброплавильный завод.

Дед участвовал в войне с Японией

Возраст пришел, и дедовых детей стали призывать в армию, попали в казаки, охраняли границу от Усть-Каменогорска до Бийска. Потом дед участвовал в войне с Японией. Люди храбрые были. Был награжден тремя крестами Святого Георгия, деда звали Андреян Александрович, у него было пять братьев. За эти кресты полагалось давать несколько десятин земли, и они налогами не облагались, и одну треть солдатского жалования пожизненно, нельзя было пороть. Казаки же горячие были, можно было другое наказание давать, нельзя было забирать никуда на войну, если он был один в семье.

Когда прошла революция, он промолчал про то, что у него есть земля. А тут и белые проходили, колчаковские. Они куда-то уходили в Монголию и Китай, и они вояк собирали, а дед двенадцать лет был на войне, они хотели его с собой взять, и вывезли его. Сказали: с нами или приберем тебя. Он не согласился, избили его и в овраг бросили, но он очухался и две недели полз до дома. После этого он болел долго, а в 1946 году умер. Когда началась коллективизация, дед скорее определил детей в колхоз, но про землю умолчал, где они сено заготавливали, пасека еще там была.

Собрались и пришли на Алтай в столыпинские годы

Матери деда жили за Москвой, и в столыпинские годы несколькими семьями собрались и пришли на Алтай. Они шесть месяцев ехали сюда. По дороге родилась сестра матери. Дед до революции, когда Финляндия наша была, был там — гарнизон шесть тысяч человек. И когда Финляндия решила выделиться, их окружили, хотя офицеры знали, потому что они как будто бы на совещание поехали. Попали все солдаты в плен к финнам, там жестоко с ними обращались. Если за дровами надо, то брали двоих, запрягали их в брички и на них ехали за дровами. Деда спасло то, что он был плотник хороший. Приехал туда один мужик, попросил двух плотников сарай построить. Там они и жили, в баню ходили, одежку дал. Одного он отправил назад, а дед и баню рубил, и сено косил. А после революции был обмен пленными, так их и освободили.

Уразова Любовь Григорьевна (1941-2008)

Родилась в селе Паново Ребрихинского района Алтайского края. По материнской линии дедушка Егор и бабушка Ефимья Костенниковы переселились из Воронежской губернии

Записала в 2007 году
Вера Уразова

Про маму

Была маленькая, я не о чем не боялась, ничего не знала, не понимала. Только боялась, чтоб мама не умерла. Вот и все. Богу молилась: «Оставь мене маму». Со слезами молилась. Ну и Господь, наверно, слышал мои детские слезы, моление мое. Оставил ее. Хоть болела она, но все равно со мной была. Ой, как тяжело она поболела

Люба с мамой Софьей Егоровной.

в 1953 году, так и здоровой не была. Но ешо все работала, работала, вся работала.

А больница была, где школа ихняя, подстепская, там небольшая была школа. И низенькая, поповский дом какой-то, больница была. Ну вот, а потом мы проведывать ходили с Левиной Лидкой. Теть Лиза и все меня не бросали. Все помогали. И вот мы ходили бором, посидим там, попроведаем. А маме каково. Она переживала. То ли дошли, то ли нет. По бору же шли. Ну вот фельшер сказал, что крапиву надо от-

тапливать и пить, и мыться крапивой. Как только крапива вылазить начала, тетя Варя, покойница, у нас жила, пойдет, накопает ее с корнем, намочет, нарубит, натопит и вот я водичку носила туда. Мама умывалась и пила. И дома потом часто в бане с крапивой прогребались. Ой, ой, как она болела ужасно. Она, крапивница, то ли на нервной почве была или перемерзала мама.

Зима, не в чем было ни ходить, ни чеёто там говорить. Не было, не в чем обуваться, так она шубенные рукава оторвала и в калошах — завяжет и... А тогда так ходили. Калоши большие продавали, с города, шахтерские назывались. Толстая резина. А кого совсем не было, ни калош никого. Ой, ой, не дай господь вспоминать даже. Она сорок пятый — сорок седьмой годы шибко тяжело пережила, вот ей и отразилось. Но Господь оставил мне её на соблюдение. И тут стала я по заморозкам на саночках за тальником ходить. Тальник наломаю, привезу, лишь бы до лета дожить, а летом шишки.

Эх, сколько я земляники перебрала. Каждой ягодки, ой! Господи, все мое детство было. И комары ели, и жар. Бабушка меня водила все, везде. Весь бор излазием и всю степь исходим. И всякой натащишь, и всего-всего. Мама засушит, а зиму поедаем. Шишками же топили, жару не было большого. На лист ягоды — и в печку. Они за-

сохнут, мама вынесет на улицу, обдует, в мешочки ссыпет. Там кулей было — ужас! Всякие разные. Вся ягода по отдельности. И бзнюку засушит лепешками, любила, а пироги хорошие с ней. А зимой ягоду размочит. У меня паек был, ложка сахара. Килограмм купит на месяц. И вот от пенсии моей до пенсии¹. Но я все равно не голодовала. Все ела. Пирожки напекёт. Ох, мама и помучилась. Все равно кормила меня хорошо. В те времена я прям была барыней. Никто так не ел, все голодовали. Пимы соломой заткнут и ходили. Господи, с отцами жили. Ну, неужели нельзя починить было, я, прям, не знаю. А у меня уже в школу всегда новые, а за лето мама подшьёт готовые к зиме — это кататься, управляться. Это я в подшитых. А в школу в новых, все время в новых ходила. Нет, я оборватая не ходила, как люди придут: лохмоты у фуфаек болтаются. Не знаю, как-то прямо так жили, холщовые, без штанов. А я в штаниках всегда. Фланели как-то добудет. Сошьет. Мама сама шить умела.

Батищева Тамара Евгеньевна

Живет в селе Стуково Павловского района.

Родилась в 1947 году в селе Коробейниково

Усть-Пристанского района.

Учитель русского языка и литературы

Записали в феврале 2012 года
Ирина Демидова и Юлия Дубова,
бойцы отряда «Гольфстрим»
АлтГУ, принимавшего
участие в межрегиональной
патриотической акции
«Снежный десант»

Мода на выборы

Я приехала в Стуково — это был 1988 год. Это было время, когда началась перестройка, тронулись пласты застоя. Был такой период, когда были модны выборы руководителя, начиная с низшего

¹ Отец Григорий Николаевич Манаф погиб под Москвой в 1941 году. Дети отцов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, получали пенсии до совершеннолетия.

ранга до высшего. Я проработала в Елунино несколько лет, завучем и директором. В Стуково был директор Беренг Петр Августович, он был немец и эмигрировал в Германию. Тогда это еще только началось. Это было из ряда вон выходящее событие. Тогда еще партия была, сильны были коммунистические руководители.

И школа осталась без директора. Заведующая районо подыскивала директора, и она пригласила меня на собеседование, и уговорила меня: железная дорога рядом, поезд ездил регулярно до Барнаула, ехать стоило 35 копеек. Бывало, после работы садились с сумками на поезд, покупали себе все что надо и вечером обратно.

Здесь глава администрации был, бывший учитель, и стал претендовать на пост директора школы. Но коллектив его не хотел. Мне пришлось готовить программу на выборы, в общем, выбрали меня.

Грянули девяностые

В конце восьмидесятых годов — начале девяностых — в эти страшные годы у меня был самый плодотворный период. Сейчас объясню почему. Было разрешено многое в плане творчества, мы могли экспериментировать с уроками. Вот, например, часто говорят про гиподинамию, что дети сидят все время в школе, а потом зарабатывают сколиоз. И мы решили ввести час динамики, три урока отвели. И вот пришел ко мне с предложением учитель физкультуры: давайте мы соединим классы попарно, и тогда у них будет четыре урока физкультуры. Он разработал программу, и мы стали осуществлять. Развивали общественно полезный труд, помогали нашему хозяйству, оно помогало нам. Устраивали конкурс на лучшую семью, там рассказывали руководители о том, какие показатели производственные, мы, в свою очередь, рассказывали о детях. Мы ходили к ученикам из хороших семей, они показывали свои увлечения, кто чем занимается.

Тут грянули девяностые, когда все за одни сутки поменялось, никто никому не стал нужен. Пошли невыплаты заработной платы по восемь месяцев. Заводили хозяйство, чтобы выжить. В магазинах нам давали в долг, под запись.

Школа рядом, сидела до восьми, до девяти часов, приходила домой только переночевать, никаких отпусков, потому что летом нужно думать, где краску брать, как рабочим платить.

Игнатова Надежда Дмитриевна

Родилась в 1951 году в селе Соусканиха
Красногорского района

Игнатов Владимир Григорьевич

Родился в 1949 году в селе Воеводское Целинного района

Захарова Ольга Григорьевна

Родилась в 1948 году в селе Светлоозерское Бийского района

Семенова Лидия Николаевна

Родилась в 1948 году в селе Светлоозерское Бийского района
В настоящее время все проживают в селе
Светлоозерское Бийского района

Записала в сентябре 2012 года
Сания Отт, директор КДЦ
«Светлоозерский СДК»

Наставник и кумир молодежи Михаил Яковлевич Гойдин

Н.Д.: Нам памятливы годы нашей комсомольской юности. И люди, которые помогали нам стать «человеком». И самым главным наставником у нас был Михаил Яковлевич Гойдин.

Л.Н.: Все правильно, вот и мне, и моим всем сверстникам, которые начинали работать в селе Светлоозерском в шестидесятые годы, очень и очень повезло. Какие же замечательные люди жили рядом с нами! Мне помнится бригадир полеводства Павел Васильевич Неверов. Трудовая слава этого человека его пережила. Его давно нет в живых, а премию имени Неверова до сих пор получают лучшие механизаторы села. Или вспомните, директор совхоза Иван Мануилович Плотников. Крайне занятый на работе, он находил время и хором сельским руководить, и сплясать на наших комсомольских свадьбах, и проводить в армию наших ребят.

О.Г.: Но настоящим другом, наставником и кумиром молодежи был Михаил Яковлевич Гойдин. Разные занимал должности: секретарь парткома, председатель профсоюзного комитета, было время, когда кресло руководителя он менял на плотницкий топор, но для нас он всегда остался человеком и наставником. И как оце-

нить его труд, его вклад в нас? Любовь Ивановна, супруга его, часто говорила: «Унесу тебе раскладушку в клуб, и живи там с молодежью».

В.Г.: Мы интересно жили, молодые были все, и у нас много было участников художественной самодеятельности. Мы, у нас было знаменитое «Яблочко», на котором мы прогремели не только в Бийском районе и в крае. Очень, очень нас тепло и хорошо встречали с пляской «Яблочка». У нас был хороший хор, были песни и танцы, и все это было у нас среди молодежи. И с нами все это время проводил Михаил Яковлевич Гойдин. Хороший был наставник, все время говорил: «Какие же вы, ребята, молодцы».

О.Г.: «Сынки», он так говорил.

Комсомольская Книга Почета...

Н.Д.: Сынков было много. Комсомольская организация насчитывала более ста человек. Все молодые, все со своим гонором, со своими запросами, а он, Михаил Яковлевич, к каждому находил подход: и к хулигану Мишке Кривоуцкому, и увидел и разглядел настоящего художника в Валерии Баринове. И по его предложению мы ежегодно сдавали Ленинский зачет. Сидела комиссия из уважаемых людей и мы, молодые, отчитывались, как мы трудимся, как мы учимся, как помогаем в жизни села. И самых лучших, почетных людей, комсомольцев заносили в комсомольскую Книгу Почета. И первым, первым в ней Пивоваров Анатолий Михайлович, лучший комбайнер, который намолотил в 1971 году более семи тысяч центнеров зерна. Тут еще: Семенов Михаил Алексеевич, лучший молодой шофер совхоза; Игнатов Владимир Григорьевич, член бригады коммунистического труда, молодой строитель.

О.Г.: Но самое я главное вспомнила, в этой книге ведь есть и Михаил Яковлевич — за большую работу по коммунистическому воспитанию молодежи. Вот книга чудесная.

...и бесплатная путевка в Германию

В.Г.: Нас, молодежь, награждали и путевками. Вот в данном случае Жутов Владимир, как молодой шофер, я, Игнатов Владимир были награждены бесплатными путевками в Германию. Еще у нас были Лида Свиридова, Нина Алексеева, которые были награждены бесплатными путевками в Чехословакию, Ольга Григорьевна Захарова ездила в Болгарию по бесплатной путевке. Зоя Николаевна Шубина ездила в Польшу. Даже у нас была Валентина Богомолова,

свинарка, лучший передовик, она ездила на Всемирный фестиваль молодежи в Германию по бесплатной путевке, вот как у нас поощрялась молодежь.

Гойдинский стиль работы

Л.Н.: Я один его совет запомнила на всю жизнь. Работала в библиотеке, захожу и говорю: «Михаил Яковлевич, нужны деньги на книги», — а он и говорит: «Нету». Ну я повернулась и пошла, а он и говорит: «Ой, стой, дочка, так мы с тобой не сработаемся. Я тебя в одни двери выгоняю, а ты во вторые стучись». И вот этот совет мне запомнился на всю жизнь.

О.Г.: А я тоже помню. Мне было всего 22 года, когда избрали меня совхозным комсоргом. И первое наставление давал мне он: «Дочка, стала комсоргом, забудь про короткие юбки, забудь про яркую помаду». Ну, конечно, после этого наставления мы не стали синими чулками, но рядились скромненько. И вот эти его советы, наставления, его гойдинский стиль работы мы сохранили на всю жизнь.

После Михаила Яковлевича кресло председателя рабочкома заняла Нина Бондаренко наша и многие-многие годы заботилась о трудовых коллективах. Анатолий Дьяков был бригадиром на свиноферме, а когда стал директором совхоза, придет на ферму, прежде всего зайдет в бытовку — посмотреть, как отдыхают люди. К этому его тоже Михаил Яковлевич приучил. Да, и до сих пор Валера Бааринов, до сих пор преподает в Бийской педагогической академии, учит добру, мудрости своих студентов. Вот Лидия Николаевна Семенова — председатель Совета ветеранов, бегаёт каждый день, заботится о наших пожилых людях. Это все — гойдинский стиль работы.

В чем богатство?

Н.Д.: А вот о его бескорыстии знают и помнят до сих пор все светлоозерцы. До глубокой старости прожил он в нашем селе. Не нажил роскошной машины, ни драгоценностей, и в последний путь провожали его не из особняка, которые, как грибы, вырастают для новых русских, а из простого многоквартирного жилого дома.

О.Г.: Да, богат он никогда не был, но его богатство, которое вряд ли кто может накопить даже за всю жизнь, заключалось в том, что его уважали все светлоозерцы. А самое главное, мы до сих пор вот помним о нем, как о человеке, как о наставнике нашем. Это его главное богатство.

Кульгускина Нина Павловна

Родилась в 1951 году. Живет в селе Фунтики
Топчихинского района

Записала в сентябре 2012 года
внучка Нины Павловны –
Ирина Кульгускина, учащаяся
Топчихинской средней школы

Деньги было не на что тратить

В 1969 году у нас образовалась семья. Жили мы вместе с моими родителями. Они нам помогали во всем, как и сейчас родители стараются помочь своим детям. В 1972 году нам предоставили квартиру в шестнадцатиквартирном доме. Наша семья жила так же, как и многие семьи того времени. Нам, воспитателям, платили зарплату 60–65 рублей, муж получал чуть больше. Получалось, что мы небольшую зарплату получали, но и эти деньги особливо тратить было некуда. Потому что в магазинах были, как говорят, «полки пустые». Не было нужных товаров повседневного спроса, также не было продуктов питания. Если привозили какие-то товары, то надо было еще с вечера занять очередь. Помню, даже дошло до того, что привозили товар, например несколько пар обуви или каких-либо вещей, и отдавали по организациям, а там потом тянули жребий.

Туфли по жребию

Однажды к нам в детский сад дали две пары обуви. И на другой день надо было тянуть жребий: кому они достанутся. И вот, вы понимаете, у меня даже был в эту ночь вещий сон. Мне приснилось, что туфли мне достались. Я, правда, в глаза не видела эти туфли. Когда я пришла утром в детский сад на работу, ну, конечно, здесь все смотрели эти туфли. Туфли эти были одинаковые, одна пара и другая. Совершенно одинаковые. Чехословацкого производства. Ну сейчас, я думаю, таких туфель трудно отыскать. В то время, я считаю, более качественной была обувь и вообще одежда.

Ну примерила и я. Они мне подошли. Может, это был ходовой размер, тридцать седьмой. Многим подошли в детском саду. Тихий час, мы решили тянуть жребий. Мы сидели в зале, одни из нас сделали бумажки и на одной бумажке написали слово «Туфли». Наша заведующая обратилась ко мне, говорит: «Нина Павловна, ты работаешь давно в детском саду и как бы ты первая пришла в детский сад, возьми, вытяни жребий». И вы знаете, я подхожу, беру бумажку, прямо не глядя, и вытаскиваю эту бумажку. И вижу, что что-то написано. Читаю: «Туфли». Сколько было нас человек, все замерли. А я, забыла сказать, когда померила туфли, говорю: «Да отдайте вы их мне! Я же во сне видела, что они мне достались». Одну пару обуви, правда, отдали заведующей. Когда я вытянула жребий, было, как говорят, слышно, как муха пролетела. И вы знаете, ни один

из них ничего не мог вымолвить. Вот, что я им говорила, и вдруг мне достались туфли! Такой был случай.

В магазинах березовый сок и килька в томате

Так же было и с продуктами. Приходилось отстоять в очереди по три-четыре часа, чтобы купить что-либо из продуктов питания. Выбора, конечно, не было, как сейчас, что привозили, то и покупали. В магазинах, как сейчас помню, стояли банки с березовым соком, солянка, килька в томате. Вот за этими продуктами не нужно было отстаивать очередь.

Свет горел до 12 часов ночи

Когда проводили электричество и радио в Фунтиках, я еще была ребенком. Я, конечно, помню, что ставили столбы, натягивали провода. Это осталось у меня хорошо в памяти. Но когда именно подключили свет, у меня почему-то не осталось это в памяти. Может, я еще это не воспринимала. Электричество, мне подсказало более старшее поколение, провели в конце пятидесятых, а в скором времени провели и радио. Первые годы свет горел только до двенадцати часов ночи, но и это было для всех большой радостью. Зимой рано темнело на улице, и поэтому, когда появилось электричество, люди могли что-либо сделать по хозяйству. Дети тоже могли читать книги, делать уроки, а раньше приходилось это выполнять при керосиновой лампе.

Бытовую технику отправляли в республики СССР

Когда мы получили квартиру, у нас была самая необходимая мебель. Бытовую технику было еще трудно достать. Первым мы смогли купить телевизор. А потом из Киргизии мои родственники выслали нам холодильник, стиральную машину. Стиральная машина так и называлась — «Киргизия». В России это было трудно приобрести, потому что был Советский Союз, больше товара отправляли в эти республики. Помню, что в начале восьмидесятого года была я в Киргизии. Продавцы смотрели на нас с вот такими глазами! Взяли у них конфеты, которые они вообще не считали за конфеты. Продавец даже спросила: «А вы откуда?» Мы говорим: «Из России». Потом мы приобрели газплиту. В детском саду были электроплита, пылесос, стиральная машина. Это были уже семидесятые годы.

Несмотря на дефицит товаров, продуктов, жизнь не казалась такой уж и мрачной. Все шло своим чередом: работа, семья, отдых.

Когда кто-то что-то приобретал, я думаю, радовался: «Да, мы купили холодильник». Или телевизор. Потому что это было для нас большой роскошью в то время.

Малахова Любовь Сергеевна

Родилась в 1955 году.

Живет в селе Локоть Локтевского района

Записала в июне 2012 года
Виктория Житкова, студентка
филологического факультета
АлтГУ. Расшифровала запись
Ксения Иванова, студентка
филологического
факультета АлтГУ

Как быть мэром и королевой

Выдвигалась я в мэры как пастушка. Я языкаястая!. Мне просто охота было деревню взбудоражить. Но проболела всю жизнь. То ин-формителем в колхозе работала, то воспитателем в детском саду. Много делала. А таланта-то, знаешь, сколько внутри?

Видишь, королева сколько лет уже это, правит. В двадцать пять лет вот получила пост королевы-то Великобритании. Ну, двадцать пять лет, представь! И, представь, это не то, что домом руководить, замуж выйти и семью иметь. Это ответственность, да какая! И каждую бумажку показывают. Это же и прочитать надо и знать, где подписать. Это же каку¹ голову надо!

Выдвигались и у нас женщины. Например, мэр наш — Галина Петровна. У бывшего мэра она замом была. И пастушка еще, то есть я. Ну все равно мы с бывшим мэром набрали голосов. Я говорю ему: «Ты на четыре года выбираешься, я на полгода» Тыща голов скота — представь, какая ответственность у меня, у пастуш-

¹ Каку – (диалект.) какую.

ки! Вот первого мая мы скот начинаем набирать, первого ноября мы его раздаем. В каждой лунке, в каждом кустике может каждый день по овечке остаться. Это сколько можно потерять! Я ведь беспокоюсь, чтобы своих не отдать да чужих не потерять. Хоть бы всех раздать их по полям.

Наутро, когда Галина Петровна-то уже выбралась¹, прихожу к ней, говорю ей: «Поздравляю! Запомни, ты, как мать семейства, теперь».

Молоко шло по трубам по стеклянным

Мать сначала птичницей была. Птичники были в селе. Это утятник был, там специально уток выхаживали на мясо, ну сдавали. План тоже ж был, его выполнять надо было. А потом сделали инкубатор, там яйца выпаривали: и утят, и гусят, и цыплят. Отовсюду сюда везли их. В селе овечки еще были, коровы были, куры. Долго они были. Это уже вот в девяностые годы все развалили.

Комплекс же был тут, молокопровод был. Молоко шло по трубам, по этим, по стеклянным. Все видно: вот бежит молоко. Потом уже, в последнее время-то, все уже нарушилось. Доярки не доят и через улицу надо нести в хранилище молока, где остужают. С ведрами, значит, и через холод идут туда. То вроде как бага-таки-то создали, а потом все развалили. А теперь че? Каждый на себя как может, так и работает. Отец всю жизнь чабаном тоже работал. Он рано умер. Сын мой говорит мне: «Родилась в чабанской семье и нас теперь припахала с этими баранами». Но все равно жить можно.

Хорошо иметь домик в деревне!

Раньше кто приедет в гости, говорит: «А у вас все свое, хорошо домик-то в деревне иметь!» Господи! Тут же работать надо... Руки до пола... Мужик, значит, молоко вытаскивает, баба коров заворачивает². Тут смотришь, она уже утят вытаскивает в коробку, на улицу на ночь, чтоб их крысы не съели. Назем³ выкинешь, пока зава-лишь, зальешь — уже съели. Смотришь, они опять назём выкидывать. И поперло, и поперло. И каждый день.

¹ Выбралась — в значении «избрали кем-то».

² Заворачивает — в значении «уводить в коровник».

³ Назем — навоз.

Я говорю, хорошо домик в деревне, а он вот какой! Когда из него лапша-то¹ будет? Только подумаешь, когда лапша эта будет, аж тошнит. Наелась уже.

Праздники: как раньше и как теперь

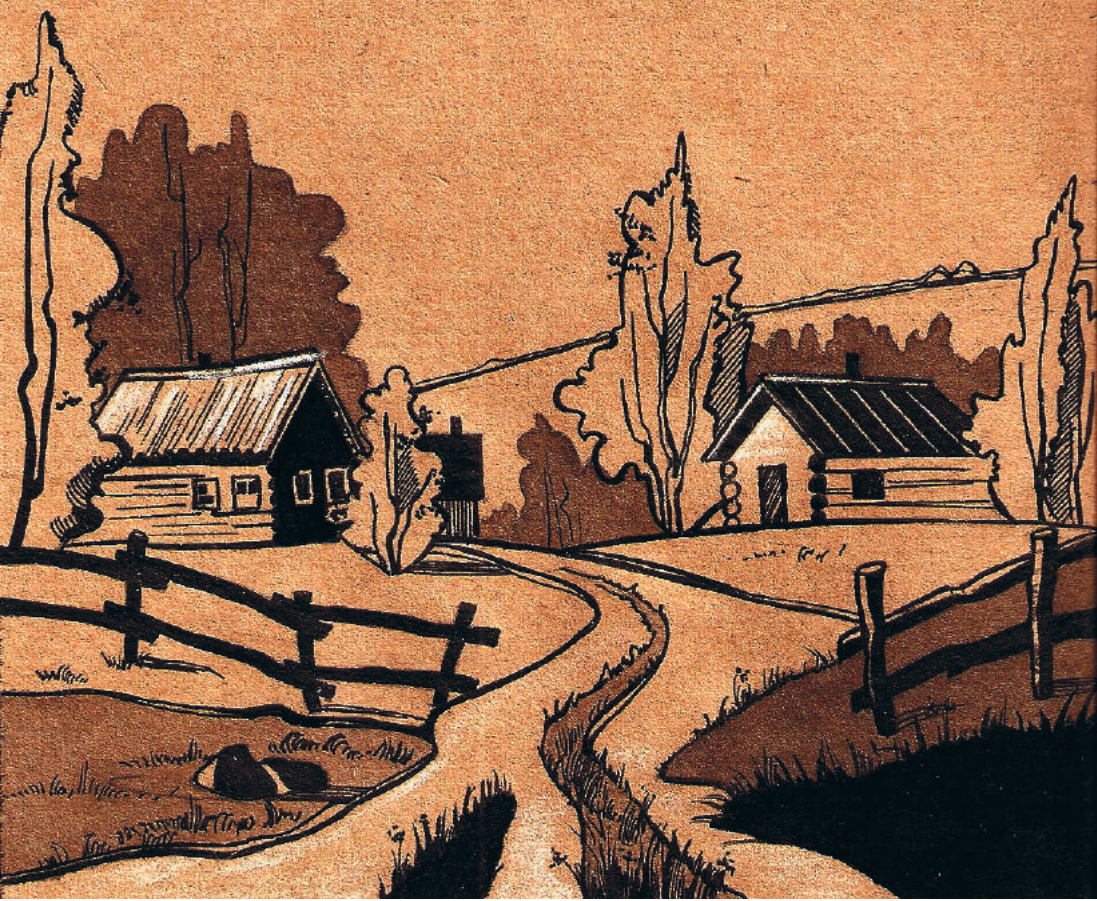
Вот сколько праздников было раньше-то! Шас-то уже все. Шас человек десять бабушек только поют, ходят в клуб там. Восьмое марта уже седьмого праздновать начинали. Торжественная часть была. Всех женщин награждают грамотами. Зал — полностью. Концерт потом. Артисты с Москвы приезжали, и цирк. Было это все до перестройки, до девяностых годов. А потом все как развалилось! Просто ответственности ни у кого нету. Ну год, наверное, не работает завклубша-то. Случай был один тут. Костюмов в клубе много красивых было. Украина их шила, вышивала. В них хор, человек пийсят, выступал. А потом где-то там крыша побежала, вот платья и сгнили все. Клуб этот вот так же развалился. А завклубшу-то все равно не наказали. Тут Сталина надо!

Тоска по деревне

После школы поступила в Барнауле в кооперативный [техникум] и че-то бросила. Тоже в деревню охота было. А потом, знаешь, резанула ножиком себе палец и это, и все. Никакой кулинарии! Сразу перехотела. В деревню всегда тянуло. По молодости в город уедешь, только ночь прошла — и уже пешком бы домой ушла в деревню. Скука в городе. Работала на ХБК. Если я с утра до четырех, значит, неделю ниче. Как с четырех мне на смену идти, дак я к одиннадцати бегу на вокзал. На «Лениногорск — Москва», идет поезд, и я стою на вокзале. Думаю, все равно же с нашего края кто-то приедет. Вот жизнь какая! И все, увидела кого — как дома побывала!

¹ Лапша из него будет — польза от него.

2 ЧАСТЬ

«Человек в истории» и «История в человеке». Возможности и перспективы устной истории

Актуальность данного сборника «жизненных историй» или рассказов жителей алтайской деревни определяется ситуацией, сложившейся в новейшей истории Алтайского края, как и в целом всей современной исторической науке. Она характеризуется, во-первых, отсутствием добротных академических исследований по истории XX века: история Алтайского края в последнем учебном пособии «История Алтая» (часть 1), изданном на Алтае в 1997 году, вообще завершается 1917 годом. Во-вторых, отсутствием технологий академических исследований недавнего прошлого, методики исследовательской работы школьников и методов краеведческой работы с информационной средой населенных пунктов. Ряд причин этого кроется в некоторой опасности историков браться за написание советской или недавней истории, в силу как субъективных, так и объективных причин. К последним относятся недостатки источниковой базы государственных архивохранилищ, преимущественно представленной делопроизводственной документацией, отражающей, в большей степени, жизнь государства, а не людей. Характер этих документов ограничивает возможности историков в реконструкции повседневной жизни отдельного человека и всего общества в целом. Историки долгое время упускали возможности обращения к памяти непосредственных носителей исторической информации, сфокусировавшись на письменных документах.

Вместе с тем, информация для реконструкции недавнего прошлого хранится не только в архивах, но и в окружающем историка мире: коллективной и индивидуальной памяти человека, в культурном ландшафте каждого населенного пункта, в семейных преданиях и семейных архивах. Именно с этими источниками истории не достаточно умеют работать, в том числе — методически и научно грамотно получать информацию с помощью опроса ее носителей.

Обращение к исторической памяти давно стало потребностью исторической науки. По этой причине сформировалось такое направление исторических исследований, как «устная история» («oral history»), а создаваемые исследователями воспоминания-интервью стали называться устными историческими источниками, полными письменным документам. Конкурс Администрации Алтайского края «Живая история», объявленный по инициативе Губернатора края Управлением Алтайского края по культуре и архивному делу (проект «Живая история. Алтайская деревня в рассказах ее жителей» <http://www.altairegion22.ru>), можно назвать масштабным проектом по устной истории и поставить в один ряд с самыми известными проектами по устной истории, которые проводились и проводятся в зарубежных странах. Например, в США американские предприниматели и корпорации учредили ряд программ с целью исследования и ознакомления с историей своих предприятий. По программам «Дженерал моторс», «Филд Энтерпрайз», архива Форда, «Интернейшнл Бизнес Машинс» и других были опрошены работники связи, рабочие автомобильной промышленности, водители грузовиков, сельскохозяйственные рабочие (белые, черные, мексиканцы, евреи, японцы, филиппинцы). В Великобритании создана устная рабочая история. В Италии развитие устной истории велось местными центрами по изучению движения Сопротивления и партизанского движения в годы Второй мировой войны и т.д. Но в России этот конкурс является первым массовым проектом и уже в силу этого имеет и общегосударственное, и мировое значение.

Вместе с тем назвать устную историю новым способом проникновения в прошлое нельзя. В историографии устной истории сформировались две противоположные тенденции, с одной стороны, стремление подчеркнуть новаторство устной истории, с другой стороны, — ее глубокие корни, т.е. представить дело так, что устная история существовала всегда. Действительно, история как наука

зародилась с опроса в Древней Греции и Риме; со времен Геродота, Полибия, Фукидида история записывалась летописцами со слов очевидцев во время путешествий. Геродот, описывая историю Греции, писал, «слушая седовласого старца»; Фукидид в первой главе «Пелопонесской войны» «слушал рассказы современников, очевидцев и участников сражений» и изложил их в своем труде.

Бурное развитие устной истории во второй половине прошлого столетия ознаменовалось в зарубежной научной практике публикацией большого числа устных документов с «человеческим содержанием». В России подобные попытки были предприняты в первое десятилетие второго тысячелетия. Но их крайне мало. А по истории и культуре крестьянства отсутствуют вообще. Поэтому публикация данных материалов интервью является важнейшим событием в научном мире России. В предлагаемом сборнике «Геродотов с пером» заменили «Геродоты с микрофонами» или «Геродоты с диктофонами». В их роли выступили школьники, студенты, преподаватели. А «седовласыми старцами» стали жители алтайской деревни, которые рассказали, «как это было» в XX веке. Источником собранных воспоминаний-интервью является память рассказчика. И устные воспоминания существуют до тех пор, пока жив человек — носитель памяти об исторических событиях. С уходом участников исторической жизни гражданское общество теряет значительную часть информации об историческом прошлом.

Но главным фактором, определяющим актуальность данного издания, является отсутствие как у академической профессиональной, так и любительской (популярной, краеведческой) исторической науки технологий изучения и написания массовой повседневной истории. Публикуемые устные исторические источники помогут историкам реализовать стремление к объективной и многомерной реконструкции исторического прошлого. Применяемый создателями публикуемых исторических «человеческих» документов опрос или интервьюирование предлагает способы рассмотрения событий, явлений, процессов, их места и роли в истории общества с разных позиций — и государства, и конкретного социума, и рядового человека. Как раз актуальными являются современные антропологические и гуманистические подходы — «Человеческое измерение истории», «Человек в истории», «История в человеке», «История снизу». Публикуемые «жизненные истории» («life story») или «человеческие документы» основаны на памяти непо-

средственных участников или свидетелей исторических процессов, событий, явлений и представляют собой исторический «взгляд изнутри». Они отражают с разных позиций и разного жизненного опыта историческую панораму недавнего прошлого в комплексе. Обновление истории происходит за счет публикаций устных интервью с ранее «немолчующими», «безгласными», «безголосыми» слоями общества, начинается процесс создания истории «безмолвствующего большинства». «История снизу вверх» как исследовательский подход позволяет исследователю услышать и увидеть то, что изучаемое общество не сумело, или о чем не позаботилось в силу разных причин о себе рассказать; фиксировать социально-культурную информацию тех членов общества индивидов или социумов, которые не смогли оставить свой «письменный след» в истории. Благодаря интервьюированию «немолчующего большинства», участники проекта «Живая история» смогли реализовать насущную потребность современной исторической науки — перейти от изучения «великих людей и событий» к истории простых людей и найти пути изучения и написания массовой обыденной повседневной истории.

Главными героями написанной с их помощью книги выступают сельские жители. Именно они являются участниками массовой повседневной истории Алтайского края. И акцентуация на исторической памяти крестьянства имеет на то несколько причин. Крестьянство в тысячелетней истории и культуре России играло огромную роль. Оно составляло до 90% населения и являлось носителем и хранителем традиционной культуры и национального сознания. XX век стал временем модернизации крестьянской цивилизации. Российский путь преобразований отмечался максимальной политизацией и идеологизацией экономической и общественной жизни страны. Поэтому наибольшее значение приобретает изучение массового и индивидуального исторического сознания деревенского населения.

Территория Алтайского края на протяжении последних трех столетий (включая XX) являлась развитым аграрным регионом, с преобладанием до сегодняшнего дня сельского населения, хорошо сохранившего память о крестьянском прошлом и устную традицию. Крестьянство Алтая и в своей социальной, и этнокультурной характеристике отличалось от других регионов России. Особенно ее европейской части. В социальном плане алтайское кре-

стьянство, даже будучи столетие приписанным к горным заводам с регламентацией прав и обязанностей, являлось более свободным в пользовании землей, лесом, рыбными угодьями; в выборе места под строительство дома и основание деревни. Оно имело более крепкие традиции мирской жизни и общинного самоуправления. В этнокультурном плане, в отличие от монокультурных губерний европейской России (культура воронежских крестьян; культура архангельских крестьян и т. д.), крестьянство Алтая отличалось культурной мозаичностью. Оно формировалось с разных территорий европейской России, Урала, Сибири. Каждая группа переселенцев приносила свои традиции обустройства жилой среды и убранства крестьянской избы, питания, свадебной и календарной обрядности, игр и забав и т. д. Часто в одной деревне существовало несколько говоров, разные религиозные общины, традиционные усадебные комплексы. Первоначально переселенцы жили «кучками», образуя свои края, улицы, концы деревни: Курский край, Сибирский край, Кержацкая улица, «Мордва», «Хохлы», «Рязань», сохраняя свои названия: «пензяки», «рязаны», «пермяки», «тамбов» и т. д. Обособленно жили группы старожилов-первопоселенцев Алтая: казаки, кержаки, чалдоны, сибиряки. Первыми освоив земли Алтая, они позиционировали себя хозяевами, настороженно встречая все последующие потоки мигрантов в 1860-х годах, в 1910–1920-х годах. В этот мозаичный культурный мир русского крестьянства вкраплялись этнические группы — украинцы, белорусы, мордва, немцы, татары и т. д.

Поэтому крестьянская история Алтая — это история разных историко-культурных групп, от взаимодействия которых зависели и все исторические процессы, события, явления XIX–XX столетий. Этнокультурная принадлежность ярко проявляется в устных рассказах крестьян. И не только в диалектных говорах, но и в жизненных историях старожилов алтайской деревни. Они рассказывают о прошлом с позиции «россейских», «смоляков», староверов-поморцев, мордвы, немцев и др. Народные этнокультурные традиции и традиционное мировоззрение помогли и пережить трагические страницы, и создать трудовую и культурную славу Алтая.

Любое сельское общество создает информационную историко-культурную среду, так как крестьянский двор и крестьянская семья являлись прямыми и косвенными участниками исторических событий и многочисленных реорганизаций деревни, начиная от усилий

монархической власти (семейные истории потомков столыпинских переселений на Алтай), кончая — советской (интерпретации коллективизации) и современной (оценки становления фермерского хозяйства). Историкам Алтая предоставляется уникальная возможность собрать и сохранить воспоминания очевидцев и участников исторических событий и использовать их для объективного анализа истории российской деревни в XX столетии. Даже если порой кажется, что в воспоминаниях содержатся не самые существенные, разрозненные и даже случайные факты, а более значительные события рассказчиками упущены. Но даже частные случаи, о которых рассказывают старожилы алтайской деревни, являются частью коллективной памяти. Они отражают своеобразие исторических условий, в которых жил рассказчик, и черты сознания той социальной или этнокультурной группы людей, к которой он относится; воссоздают историческое прошлое во всей многогранности, сложности и противоречивости.

Издание рассказов старожил алтайской деревни востребовано в связи с тем, что в региональной истории историки традиционно уделяют большое внимание, прежде всего, истории горнозаводского производства, истории предпринимательства и промышленности. В изданных учебниках по истории Алтайского края преимущественно раскрывается история городов. Даже понятие «историко-культурное наследие Алтайского края» акцентируется на памятниках светской и городской культуры. Необходимо наполнение понятия историко-культурного наследия новым содержанием. И включить в него не только материальные памятники крестьянской культуры — традиционную архитектуру и производственные объекты сельской усадьбы и поселения, деревенские сакральные места и т. д., но расширить понятие «нематериальное наследие крестьян» за счет «жизненных и семейных историй», «крестьянских рассказов и пресловий», которые также, как и фольклор, созданы устной народной традицией. Публикация рассказов алтайских крестьян, в определенной степени, компенсирует недостатки научного регионального историописания.

Собранные воспоминания возвращают читателя к привычным горизонтам человеческой жизни, дают возможность «непосредственного выхода» в историю, являются своеобразными «окнами в прошлое»; реализуется важное назначение устных исторических источников — слышать дыхание истории, соприкасаться с прошлым.

Интервьюирование жителей алтайской деревни расширяет границы исторического повествования, показав прошлое «безголосого большинства». В публикации крестьянских рассказов можно обойтись без интерпретации прошлого историками-профессионалами и соответственно избежать всех связанных с этим проблем элитарности исторического знания и неизбежного привнесения профессиональными историками современного контекста, а также искажений в образах прошлого. Это позволяет реализовать извечное стремление историков к объективному и адекватному отражению прошлого в научных трудах.

В этом смысле публикация воспоминаний-интервью является «чистой историей», т. к. отражает реальный жизненный опыт в тех исторических событиях, в которых участвовал человек, и одновременно представляет собой один из способов презентации исторического и культурного наследия. Каждый рассказ — это презентация полновесной истории с детализацией прошлой жизни человека в те или иные исторические времена и эпохи. Материалы интервью отражают и дореволюционную историю, и единоличную жизнь, и крестьянскую цивилизацию, и советскую эпоху, и колхозно-совхозный строй, и постперестроечное время. Рассказанные жизненные истории описывают «изнутри» те или иные исторические события, процессы, явления. Жизнь старожилов алтайской деревни проходила в годы войн, целинного освоения земель, репрессий, трудового подъема, социалистической модернизации и т. д. И они как участники и свидетели этих эпох и событий рассказывают, «как это было». Их «взгляды изнутри» показывают, как порой обедняют историю однозначные оценки писаной истории. Формализованное научное и учебное изложение истории лишает ее нюансов и колорита. А ангажированность, излишняя политизация, а порой и идеологизация, подрывают уважение к прошлому своей страны и своего народа. Одновременно, публикации жизненных историй, отражающих драматические исторические события, не позволяют скатиться к квасному патриотизму. История в устных рассказах оживляет прошлую жизнь, ломает схемы и стереотипы, которыми так полна написанная история.

Актуальность и практическая значимость проекта «Живая история» по интервьюированию участников исторических событий также состоит в формировании активной исследовательской позиции его участников, расширяет исследовательскую практику.

Реализация этого проекта является демонстрацией того, как историк, знаток или любитель истории может сам создавать и вводить новые источники в историческое исследование; показывает пути формирования из полученных материалов опроса исторических источников с привлечением большого коллектива людей — школьных учителей и учеников; студентов, аспирантов и преподавателей вузов; музейных и архивных работников, широкого круга краеведов.

Важным является также то, что устная история в виде воспоминаний-интервью делает доступной исследовательскую работу для всех образовательных учреждений Алтайского края. Для современной школы, колледжа, вуза важно развивать исследовательские навыки обучающихся независимо от того, где расположено образовательное учреждение, — в городе с библиотеками и архивами или в селах самых отдаленных районов, не имеющих необходимых условий для организации исследований. Использование технологий интервьюирования помогает учителю организовать научные изыскания школьников. Для этого необходимо уметь работать с информационным пространством населенного пункта и овладевать разными способами его изучения: от жилой и производственной среды населенного пункта, его образования, состава населения до участия его жителей в тех или иных исторических событиях или процессах (целина, пионерия, раскулачивание, депортации и т. д.).

Методы опроса и ранее использовались и учителями, и музейщиками, и школьниками, и краеведами. Как известно, и краеведы, и любители истории во многом свое глубоко патриотическое дело основывают на работе с местным материалом. Но это делалось произвольно, без научной проработки методов интервьюирования, без последующего создания из материалов опроса исторических источников. Поэтому собранные ими материалы зачастую рассматриваются как результат не профессионального, а любительского дела; не признаются академической наукой как достоверные и объективные исследования. Устная история подводит под эту практику научную базу и открывает новые перспективы для учебно-исследовательской работы в образовательных учреждениях.

Преимущество занятия устной историей в том, что учащийся, студент или начинающий исследователь не является простым реципиентом готового знания, получаемого от преподавателя. Он яв-

ляется полноправным соучастником исследовательского процесса. Вооружив технологиями устной истории, его необходимо включать в реализацию научных проектов и программ по интервьюированию. Он способен совместно с руководителем участвовать в процессах создания, документирования и архивирования устных исторических источников. При таком подходе преподавание устной истории больше похоже на стажировку молодых исследователей, когда преподаватель и студенты вместе идут к открытиям, являются исследователями той или иной исторической проблемы через интервьюирование ее очевидцев. При этом опыт и навыки преподавателя помогают молодому исследователю не сбиться с пути. В освоении практики опроса и создания устных исторических источников каждый участник уже с самого начала является исследователем. Особенностью овладения и занятия устной историей является то, что поле исследования окружает начинающего историка, где бы он ни жил. А включение его в исследование окружающей его информационной среды позволяет ему формировать собственные оценки исторического прошлого своих земляков, своей малой родины. Изучение локальной истории через историю старожилов превращает ее в реальность, делает доступной и понятной, укрепляет уверенность в собственных силах и возможностях участия в историческом развитии своей страны. Благодаря опоре на исторический опыт земляков записанная в ходе опроса история освобождается от мифологичности.

Следует отметить также большое воспитательное значение самого процесса интервьюирования представителей старшего поколения младшим для воспитательной работы. Социальное значение устной истории проявляется в ее нацеленности на формирование самостоятельности мышления и оценок. Стремление историков к независимости от идеологических и политических установок, сиюминутных политических выгод, государственных и партийных заказов в определенной степени реализуется через устную историю. Публикуемые материалы интервью показывают, как можно привлекать широкий спектр мнений и оценок от представителей администраций до рядовых участников исторических процессов в поисках исторической истины. Устная история воспитывает гражданственность и патриотизм через уважение к прошлому, отражающемуся в рассказах о жизни и труде старших поколений. Материалы интервью являются живыми свидетельствами участников

и очевидцев исторического прошлого Алтайского края. Рассказы жителей алтайской деревни показывают, что героизация прошлого происходила не только в военных подвигах, но и в повседневной жизни и повседневном труде. Можно утверждать, что нельзя воспитать уважение к своей Родине без уважения к жизни и труду старших поколений. Сбор и запись рассказов жителей алтайской деревни создает ситуацию исследовательского диалога между поколениями сынов, отцов, дедов. Через диалог младшего и старшего поколений как раз и формируется уважение поколения «детей», в роли которых выступают школьники и студенты, к поколению «отцов», «дедов», «прадедов», которые выступают в роли рассказчиков. У поколения детей формируется уважение к жизни и труду старших поколений, с жизненной мудростью и гражданским достоинством прошедших все эти эпохи и события.

В настоящем сборнике помещены материалы интервью из архива Центра устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения Алтайской государственной педагогической академии. Научно-практическая программа по устной истории «Города и села Алтайского края: историческое и культурное наследие» реализуется с 1990 года. В ходе ежегодных экспедиций преподавателей, сотрудников, студентов, аспирантов исторического факультета обследовано свыше 20 районов Алтайского края, более 600 населенных пунктов, опрошено свыше трех тысяч жителей алтайской деревни. При Центре заложен архив устных исторических источников, который силами молодых исследователей — студентов, магистрантов, аспирантов, работающих по программам устной истории, регулярно пополняется новыми материалами. На сегодняшний день архив содержит фото-, аудио- и видеоархив, устные исторические источники. Коллекция интервью сельских жителей — участников и очевидцев исторического прошлого Алтая, составляет на 1 сентября 2012 года 3349 интервью (около 1190 часов записи на аудиокассетах, более 1063 часов цифровой записи, 4736 фотоснимков на пленку, 52536 кадров цифрового фото, около 30 часов видеосъемки). Созданы каталоги крестьянской архитектуры, картотеки исчезнувших сел и другие информационные банки. Для научной организации работы в области устной истории подготовлено и издано учебное пособие, которое можно использовать не только в вузах, но и образовательных учреждениях разного уровня, а также в музеях, архивах, библиотеках. Одним из ре-

зультатов стала монография по истории алтайской деревни и крестьянства в XX веке с введением в научный оборот массы устных исторических источников¹.

В заключение можно утверждать, что издание данного сборника рассказов жителей алтайской деревни имеет огромное значение для развития региональных научных исторических исследований, вносит значительный вклад в развитие исследовательской работы образовательных учреждений разного уровня, региональных и муниципальных музеев и архивов, в становление гражданского общества Алтайского края. В год, объявленный Президентом Российской Федерации Годом истории, издание воспоминаний крестьян алтайской деревни является не только научным, но и социально значимым событием, так как имеет мемориальное значение, сохраняя для потомков колорит эпохи, живую историю, исторические свидетельства жизни российского общества.

Т.К. Щеглова

¹ Щеглова Т.К. Устная история: учеб. пособие. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – 364 с.; Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008. – 527 с.

Дмух (Рыбальченкова) Евдокия Ионовна

Родилась в 1907 году в селе Корболиха
Третьяковского района

Интервью в 1991 году
провела Татьяна Щеглова¹

Детские воспоминания

Церковь в Корболихе была из красного кирпича. Разобрали. Партизаны такие были, что колокола сняли. Иконы на себе развезли, повыбрасали. У Кондрата Погорелова дверь из иконы была — здоровая. Его потом сослали. Эту церковь построили еще при мне. А была деревянная — старая, там сделали клуб. В селе сперва была церковно-приходская школа. Учитель сначала детей в церковь ведет [потом на уроки].

В переворот [так называли на Алтае революционные события] у нас тут много банд проходило, когда белые с красными боролись. Когда переворот был — дежурили [крестьяне]. Запрягаешь телегу — едешь в сельсовет и дежуришь и кого надо — возили в Гилево и Змеиногорск. Банды ходили через нас в Корболиху. Везешь, а кого — бог его знает. Проходили здесь банда Анненкова, чехи какие-то черные. Три банды проходили. Пороли красных. Снимут штаны и порют до тех пор, что нельзя брюки одеть. Мужики в юбках ходили. У нас пять ребят пороли. Хоронились. Как только банда, всё бросали и уезжали в поле. А как пороли: так кто обмажеться [сходит под себя], так встань, приberi и снова ложись. Прятались по погребам. Потом наши² придут — выдают. Те уходили в Змеиногорск. Пороли только белые, красные — нет. Зверствовали. А красные — наши.

Попадья у нас в Корболихе была. Так выдавала красных белым. Так красные пришли, босиком ее водили по Змеиногорску. Потом груди отрубили. Померла. Она наших белым выдавала. У нее было семеро детей. А поп потом в Корболихе жил и помер, и похоронили возле церкви [он не выдавал].

¹ Щеглова Татьяна Кирилловна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории, заведующая Центром устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения АлтГПА. Все материалы второй части подготовлены сотрудниками исторического факультета АлтГПА.

² «Нашими» крестьяне называли красных партизан. Их отряды часто возникали как отряды самообороны из мужиков нескольких деревень.

Исчезнувшая Вакулиха¹

Приехали в Вакулиху в 1930 году, когда организовался колхоз «8 марта». Когда приехали, было дворов сорок. Оно образовалось в 1927 году. Уезжали на целину². Тогда [при единоличном хозяйствовании] не было на нас никакого налога. Первые жители приехали из села Корболиха. Организовал Вакулин Иван Матвеевич. Он еще был не старый. Его потом по линии НКВД забрали. А за что его забрали? Кто трудился, тот богаче был. Дома из Корболихи перевозили — рубленые. Все были рубленые. Моды еще не было мазать [срубное жилище старожилов не штукатурилось].

А уже в колхоз [Вакулиху] стали еще приезжать люди из Дмитриевки; из Большого Луга — Мешковы, Жабины, Матрёна Хрусталева³. Это уже когда колхоз сливали. Слили три колхоза: «Молотов» (Троицкое), «Красная площадь» (Большой Луг) и «Дмитров» (Дмитриевка). Дмитриевские все были российские (из Калуги) — калужские. Сперва их ходоки приезжали. Тут земли много.

Деревня была одной улицей [в Вакулихе]. Амбары были в ряд, дома на другой стороне. Вдоль Алея. Место выбрали, потому что там хорошо было: вода... была трава, скотина и свиньи вольно ходили. На левом берегу. Находилось в пяти километрах от Старо-алейки. Там все сейчас залито [Гилевское водохранилище]. Там ягоды было полно. Смородины навалом. Жили хорошо. Там как весна придет — вода идет. Нас здорово заливало. Мы жили ближе к Алею, так к крыльцу на лодке подплывали.

Перед войной построили дома из дёрна — вдовы приходили. Первухина пришла из Змеиногорска. Много из Змеиногорска приходило. Нравилось им тут. «Помочь» соберут. На лугу — целина крепкая была. Лопатками резали. На телегах возили. Клали друг на друга [пласты дёрна], связывали, чтоб не развалились.

¹ Вакулиха образовалась традиционно крестьянским путем разукрупнения старых больших деревень (в данном случае Корболихи). Она образовалась как выселок, т.е. в результате выселения нескольких семей на отдаленные пашни. И как многие выселки, образовавшиеся в 1920-е годы на Алтае, она исчезла в 1960-е годы, когда попала под строительство Гилевского водохранилища.

² Так рассказчица назвала переселение в 1920-е годы крестьян из переселенных деревень на свободные земли. Разукрупнение было обусловлено дальностью распределяемой по хозяйствам земли. Образованные на новых землях несколькими семьями из одной деревни поселения назывались выселки.

³ И Дмитриевка, и Большой Луг также были выселками из Корболихи. В 1920-е годы вследствие политики свободного землепользования каждое крупное село дало по пять-семь выселков-поселений.

Одни вдоль, другие поперек. Ничего не добавляли. Потом клали на дёрн матку. Потом сволочки (жерди). Потом чашу клали, потом сено, чтоб не сыпалось... Потом мазали глиной с соломой — вальковали. И стены кругом изнутри и извне [обмазывали глиной с соломой]. А крышу потом землей закидали. Тогда крыши и под соломой были. Кто побогаче — у того тесом. Тогда Лебедев Аким жил, домишко был; две избы, крестовые дома. У него тесом крыто. У него было человек семь. Кони были (семь-восемь), запряжные и молодежь, коровы. Всего домов четыре-пять крыто тесом, а то все соломой.

НЭПновские предприниматели

В Корболихе богатые были. Пчел много держали. Меду было много. Так мы [жили не богато] только в Спас ели. Пойдешь, горшок меду за один рубль купишь (фунт). Пампушки стряпали. Медом губы помажешь. Денег-то не было. Был у нас Голяшов — имел огромный дом из красного кирпича. Каменный. У него там был магазин. Привозил товары из Рубцовска. Был второй торговец — Антипкин. Продавал шило, мыло, керосин, купорос. Дом имел внизу кирпичный, из него торговал, и верх деревянный¹. На реке Корболихе Щербаков имел крупорушку; у Евдинекиных молоканка была. Стояла в деревне. Сепарировали молоко. Руками крутили. Сепаратор — ведра два. Крутишь. Две трубки. Верхняя — для сливок, нижняя — для обрат. Сливки куда-то сдавали. Хозяину платили деньгами, а чаще сдавали молоко, а куда он увозил — не знаю.

Трудные времена

Сколько домов кулацких перевозили [в Вакулиху]. Разбирали, возили и строили. У нас скотный двор из кулацких домов. У Лебедева всех сослали. Дом пошел сперва на контору, потом на школу. Недавно Лебедева дочка приезжала со списком, что у ее отца отобрали, чтобы его подписали. Говорят, что заплатить должны. А у них была молотилка, сенокосилка, лобогрейка, запряжные сани, хомуты. Кулачили свои активисты. Там был Х... — активист. С ним был еще Горноста́й по прозвищу, фамилию не помню. Они сами хозяйство имели, хоть и небольшое, а иметь — имели. Все отбира-

¹ Широко распространенная архитектура и в деревне, и в городе, соединявшая в двухэтажном здании две функции: нижний каменный этаж — производственное назначение (торговля, мастерская) и верхний деревянный этаж — жилое помещение.

ли — муку, тряпки. Только похороним [спрячем] — они опять едут с обыском. А по линии НКВД выдавал Бушыга (Z...). Все с обыском ходили.

У нас [в Вакулихе] раскулачили еще Вакулина. Больше никого. Там беднота жила. У него тоже крестовый дом был. А Вакулина сослали с бабкой и двумя сыновьями (братья вернулись). А у Вакулина тоже была молотилка. Заводится она мотором. Она стоит на месте. Большая. Подвозили скирды и молотили. В молотилке отделялись солома и зерно. Потом [после молотьбы] веяли в веялке (похожа на барабан). Ее за ручку крутили. Пшеница в веянку сыпалась, а мелкая — на пол. Лобогрейка косила хлеб вальками, а сенокосилка косила сено вразброс. Остальные [в деревне] вручную косили и веяли. И в колхозе приходилось вручную, особенно в войну.

Замуж я вышла где-то в году 1925. Муж был корболихинский, но приехал сюда с Украины с родителями. Ему было шесть месяцев. Сам с 1909 года. На Украине тоже плохо было. Они сюда приехали на своих бричках и лошадях и веялку привезли. Пешком шли. Они жили отдельно на лугу в хатенке¹. Пол земляной. Потом в деревню переехали. Как поженились, жили у его родителей, и жила с ними до самой их смерти.

Мы с мужем (Василием Васильевичем) сначала переехали в Вакулиху. Тогда гнали в колхоз. И в Корболихе были колхозы. В Вакулихе больше наших было. Мы имели овец, амбар свой, бричку. Стали под крепких подгонять. У нас в Вакулиху забрали лошадей с бричкой, амбар, и мы поехали в Вакулиху. Тогда нас двое в Вакулиху переехало: мы да Рыбальчиковы.

В колхозе у нас тоже молокобанка была. Норма была 500 литров². Их сдаешь государству. А все, что сверху нормы отдаешь [сдаешь], — за него масло выдавали. Я года два по два ящика масла получала. Его много было. Перетопишь и в погреб. Мучились с маслом. В Горняк по ведру таскали, продавали³. Шерсть сдавали. Если нет овец — все равно шерсть сдавать [налог]. Можно было мясом заменять — бычком.

¹ У русских жилище называлось «изба», у украинцев — «хата».

² Налог на приусадебное хозяйство колхозников.

³ За трудодни, как правило, денег не давали, а в сети государственной торговли нужно было покупать за деньги, которые колхозники получали от продажи производимой или полученной от колхоза сельскохозяйственной продукции.

О затоплении деревни

Жили в Вакулихе, где-то до 70-х годов [1970-х годов]. Если бы нас не выселили — мы бы там и жили. Там школа была до четырех классов. Потом не стало школы. Разорили школу и учителей не было. Работали — один из Корболихи, из Шемонаихи.

Когда стали делать плотину [Гилевское водохранилище], из Барнаула приехали мужчина и женщина на мотоцикле. Я спрашиваю: «Зачем могилки копать?» — «А чтоб не всплыли, и рыба будет есть, а люди — рыбу». В Вакулихе было трое могилок: на первом кашару сделали. На втором — курятник. Потом кладбище на бугре сделали. За мною приезжали — я указала, где свекровь захоронена (года два) и девочка. Кого поцелее — в гробах [перевозили]. Их отдельно хоронили. Могилы копали экскаваторами, а сами [родственники] уж закапывали. А кто плохо сохранился — в ящиках привезли и в общую могилу [без родственников]. Бульдозером закопали и палку воткнули.

В Вакулихе свои дома были. Присоветовали: хочешь продавай, хочешь — перевозки. Дома-то все были застрахованы — по две три тысячи. И выплачивали сумму страховки. И продавай только по страховке — не больше и не меньше. У нас был застрахован дом на 1 тысячу 200 рублей. Наш дом стоял у воды [Алей] — с одной стороны старица, с другой — как снег тает — вода бежит. Мы как на островке. Дом-то прел. Фундамента не было. Стоял на камнях по углам. Мы решили перевезти дом, амбар [в Староалейское]. Возили на колхозных лошадях. Была в колхозе одна машина — так забрали на войну. Я жила в то время со средним сыном. Сами разбирали и перевозили на колхозных бричках. Мы в Староалейке сначала получили колхозный дом, жили там, но там огорода не было. И мы за шесть тысяч купили. А потом перевезли старый [дом] и построили деревянную кухню.

Все постепенно ехали, ехали. Года два убирались [уезжали] по-маленьку. Пока тут квартиру дадут, в колхозе, ждали. Последняя Калюжная уезжала. Всё вывезли. Даже 7 тополей спилили — сюда привезли. У нас едешь в Змеиногорск, смотришь — стена торчит [из воды Гилевского водохранилища].

Нечаева Степанида Сергеевна

Родилась в 1909 году, мать — сибирская казачка,
отец — российский переселенец-кустарь. Проживала
в селе Верх-Алейское Третьяковского района

Интервью в 1991 году
провела Татьяна Щеглова

Образование переселенческих кустарных поселков на Алтае

Приехала в Никитинское в 1936 году. Моего первого мужа [из казаков] раскулачили и меня вместе с ним сослали в Нарымский край. Мой второй муж [кустарь] жил на Чесноках (село Чесноковское) и в Никитинской¹.

Чесноки — это росейские (из Перми), там была засуха, и они кто куда пошли, и пешком шли. Просили землю, там продавали, а тут покупали (так мне дед рассказывал). Он жил и в Чесноках, и в Никитинской. Как где найдут осину на «обичайки», так туда и едут. Всю жизнь на хлеб работали. Еще при Николае пришли. Росейские и основали и Чесноковку, и Никитинскую.

Никитинский [исчезнувший поселок] стоял на Алее, где сходится Булочный, Восточный и Чесноковский Алей. Никитинский стоял на Чесноковском Алее — маленький [ручеек] сейчас по галечком бежит, а раньше мост был, баня была на бережке, коней купали². А сейчас ничего нет. Дома стояли там, да там: за речкой, по ту сторону. А дома плохие были. Лес был, а ставили что попало [переселенцы не всегда имели возможность выбирать лес]. А Чесноки [исчезнувший поселок] еще дальше были. Там домов сто двадцать было. Между Никитинским и Чесноковским было четыре-пять [километров]. Там сейчас выпаса. В селах были школы — четырехлетние. Но наши дети до четырех [классов] учились в Верх-Алейке, потом в Ново-Алейке. Квартиру им [своим детям-школь-

¹ Переселенческие поселки, образованные российскими крестьянами-кустарями в непригодной для сельскохозяйственной деятельности местности, не занятой старожилами. При переселении российские кустари искали места с благоприятной для их промыслов природной средой и наличием крестьянских сельскохозяйственных поселений. Между земледельцами и кустарями формировался выгодный взаимообмен продукцией. Как правило, переселенческие кустарные поселки были более бедными. В период советской модернизации сначала на их базе создали промартели, а позже они были ликвидированы.

² В единоличной жизни за крестьянской общиной им миром закрепляли ручьи, ключи, малые реки, за которыми они обязаны были следить, в т.ч. чистить. Это благоприятно влияло на экологию.

никам] на зиму откупаем [у местных жителей]. Был в Чесноках магазин, а на Никитинском не было. Клуба не было. Некогда было по клубам ходить.

Промыслы в горной деревне

В Никитинском ничего не было. Кто что мог, тот и делал. Мой муж с отцом делал «обичайки» на сита из осины. Осенью наваляют осины, раскалывают на 4 части. Потом только зимой натопят печку, накладывают чурки, замазывают глиной, трубы не было — топились по-черному. Утром достанут [распаренные чурки], один дерет дерком (железный с ручкой), другой скобелем скоблит (скобель должен быть, как бритва, иначе не возьмет осину). Чурка разопреет и по слою дерется. Много почистит. Потом в коробке с водой моет и опять преет в печи, тогда она загнется. Я себе наткала из конского волоса сеточку и натягивали, а то медную сам делал. Эти «обичайки» он возил на конях в Семипалатинск или в Рубцовск для продажи (там много медного полотна было). Хлеб-то давали на «обичайки». Муж-то был кустарем, но и отец, и дед делали «обичайки». Сейчас-то «обичайки» делают из сосны, она тоже слоём дерется. Но как единолично жили — так хлеб сеяли. А вот мой дед — кустарь был, так и борозды не знал. А как колхозы стали образовывать — тоже кто куда, по колхозам разъехались. Там никто долго не жил. Там потом сосну садили, объезжали и не разрешали гонять скот.

Промартельное производство и «отказники», не вступившие в колхоз

В Петровском¹ [исчезло] был промколхоз, там масло пихтовое гнали, там была мастерская: столы, стулья, рамки, улья ладили. Муж к промколхозу был приписан. Заключали как договор. Он [муж] не был членом колхоза. Мужа звали Илья Федорович Нечаев. Другие в Никитинской кто лопаты стругал вручную, срубы рубили, тес пилили вручную, деготь с берез: выкапывали ямку [под березовые полена или кору], набирали березовую кору² и в приспособление через дырку деготь бежал. До войны там никто в колхозе не был, все [такие же кустари] подрабатывали. Это еще до фронта было, а уж после фрон-

¹ Петровское возникло на месте рудника, находилось в той же гористой лесной части Третьяковского района, что и Никитское, и Чесноковское.

² Поленья устанавливались стоя, поджигались; ямку закрывали от проникновения воздуха; береза томилаась, и из коры плавился деготь.

та болел. Маленько в верхалейском колхозе работал. Там жили Серогородцевы (занимался зимой охотой), Жабины (бедно жили, ничем не занимались), Турковы (лопаты тесали, сани ладили, дуги гнули). Охотились в основном на белку. Хлеб-то не сеяли, а кустарством занимались. Кто работал, кто не работал. Единолично жили. Сейчас к этому идет. До войны еще пасеку держали. Сам ладил улья (штук двадцать). В те года медосбор был хороший, и меду много. А «ворогазу» не было, как сейчас. В то время по восемь килограммов меду на день прибывало. Каждый день надо было качать. Утром подоишь, покосишь и идешь на пасеку. Потом медведь стал зарить [воровать], дед его караулил, а тот придет, навалит и ест. Покричит.

Как исчезали села

Разъезжаться начали еще до войны. Я как пришла [из нарымской ссылки], там мало осталось. Все [кустари] по колхозам разъехались. Никому ничего не стало надо — не покупали, и все [кустари] по колхозам. Избы продавали. Там дома-то были, у кого берестой покрыто, у кого тесом. Бедно жили. Плохо жил народ. Когда война началась, там мы жили, Турковы, женщины да брат мужа. Недалеко была пасека Рубцовская. После войны уже никого не было. Я в войну одна осталась. Но там дяланы были [велась лесозаготовка]. Лес готовили: Михайловка, Плоское, Шипуниха [Третьяковский район], Барановка [Змеиногорский]. А еще скот Каменка пасла на Восточном Алее, и свеклосовхоз [Садовый Третьяковского района]. Он и сейчас там пасет. Мы еще до войны дом свой поставили (он и сейчас там стоит) — две избы. Зимой туда охотники заходят, а сын — на покосе. Сын сейчас там землю взял (один луг). Но сеять там негде, там скотина кругом. Он хотел там пасеку держать, да коров, овечек, и гусей, и уток — там речка. Мы тоже все там держали. Сын-то хотел туда прямо выехать [на постоянное проживание], да выезжать-то сейчас дорого.

Когда я приехала было пятьдесят дворов, а тут как ликвидация пошла — дворов семь осталось. А потом все поразъехались и мы одни остались на своей пасеке... А мед у нас приезжали, закупали из Горняка, Барнаула. Флягу возьмут. Продавали по дешевке. Приезжали на своих машинах, с детьми. Палатки раскинут. А мы меду нарежем, яиц принесем, молока. Туристы приходили с Рубцовска и Староалейки человек по тридцать. Палатки растянут, день, два любуются. Магазины не было и жила я там с детьми. И все сами делали,

и когда дети поучились, поженились, разъехались, мы одни жили. И жила я там до 1991 года, пока муж не помер. У нас было шестеро детей (три сына и три дочери). Там все родились; ни одну в больницу не ездила... сама. Дед [муж] в марте 1991 года умер. Мы уже сюда [Верх-Алейское] переехали. Мы дом купили еще сыну. А потом сын построил себе дом, а мы в этот въехали. А тот там [в Никитском] остался.

Рассказывание

А Верх-Алейка была в 1900 году наверху¹. Они [крестьяне села Ново-Алейское] разрешения просили [на поселение рядом с казачьим поселением]. А тут на этом месте [внизу на реках Алее и Глубокой] лес был. Им разрешили, и они сюда перебрались. Наши-то как казаки были, а новоалейские-то под прикрытием². У меня отец портной был — все шил на казаков фуражки, шапки и папахи. У него были деревянные болванки и на фуражки, и на шапки; шубы и тулупы шил из овчин, брюки. У него была ножная машинка. Отец был из российских (Пермской губернии). Здесь женился, мать казачка была.

Раньше дома [в Верх-Алейке] квартально стояли³. На сопку выйдешь — смотришь по четыре домика стояли, садики около домиков. В улицах полянка. Свиноту не выпускали, а сейчас все подрывают и копают. Как колхозы пошли — кто уезжает, дом на слом, кто приезжал — как попало ставил. Мой первый муж казак был.

Кто получше жил, того раскулачили. Головку станицы поарестовали, да сослали, да в тюрьму посадили. А кто не работал, в их дома вошли. Отца с мужем арестовали и увезли в Рубцовск. Они там пропали. Они даже не сообщили где они, что с ними. Они были Кирьяновы. У них дом был: сени и две комнаты [пятистенный с сенями]. Кого увезли, от них ни одного дома не осталось. Все изъяли. У них тоже пасека была. Нас сразу раскулачили весной в мае семнадцать или восемнадцать семей. Везли на бричках и держали в ка-

¹ Раньше Верх-Алейское располагалось на горе, где сохранились и в наши дни следы Новоалейского форпоста.

² Староалейское и Верх-Алейское входили в Бийско-Кузнецкую линию Сибирского казачьего войска. А село Ново-Алейское связано с горнозаводским производством, затем с крестьянским трудом. В народной памяти сохранилось представление о том, что казачья линия создавалась для защиты горнозаводского и крестьянского населения от воинских набегов джунгар.

³ Рассказчица правильно отмечает, что в отличие от крестьянских поселений с разбросанной застройкой казачьи поселения на Алтае отличались улично-квартальной планировкой.

ком-то сарае. Набитый был. Долго держали. А потом на моторках (баржи таскали) повезли в Новосибирск. Там четыре баржи стояли. Нас туда стюрили. И повезли и поселили нас на острова, а рядом была Парабель.

Сгрузят, а потом и жили мы на реке Томи, Пристанский поселок. Мы прямо под палатками (под своими половиками) жили. А народу было! А палаток! Оправится негде было. А мерли-то! Каждый день несли. Потом сами стали бараки строить: метра два выкопаем, рубим сосняк, обкладываем, и потом крышу из бревен сверху и землей засыпали. Потом лес корчевали, лопатами скопаям и сеяли — весь май. Копали лопатой — все руки сбивали. Сослали-то в 1931, а вернулись в 1936 году. Брат выхлопотал, зря-то не приедешь!

Рыбникова Агафья Степановна

Родилась в 1909 году, из семьи старожилов.

На момент записи рассказов проживала

в селе Соколово Зонального района

Интервью в 2002 году провела
Наталья Грибанова¹

С хлебами управятся, тогда за лен возьмутся

Лен сеяли — это в первую очередь! Он вырастал, вырешь — снопы, а если не снопы, то в кучу так накладешь головками кверху. Головки высохнут, его обмолотишь, потом, где скошено сено, стелешь его. Это уже торопились, чтобы успел высохнуть, пока поскотину² не открыли. До Семенова дня³ нужно убрать, с этого дня поскотина открывается. Она была огорожена — ворота, а там стояли сторожа. А с Семенова дня они открываются. Поскотина откроется — скот пошел.

¹ Грибанова Наталья Святославовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, директор историко-краеведческого музея АлтГПА

² Поскотина — пастбище, выгон, непосредственно прилегающее к деревне и со всех сторон огороженное изгородью, чтобы скот не выходил на обрабатываемые поля.

³ Семенов день (Сёмин день, Симеон Столпник, Семен-летопроводец) — народное название дня памяти преподобного Симеона Столпника, отмечаемого 1/14 сентября.

Он [лен] должен отскакивать, а если он не отлежался, он не отскочит. Его соберешь, в снопы свяжешь. Большими снопами свяжут его. Домой привезут. Когда с хлебами управятся, тогда за лен возьмутся. В баню укладывали, льны сушили там. Нададут сколько надо, конечно, уже растрясаят их. Не туго — праховненько, чтобы он просох. Снопов пять, может, шесть поставят. Десять, поди, много. Баню топить будут, чтобы жарко-жарко было, чтоб он высох. Когда высохнет, набираешь горсть, он прям горячий, мяли его, мнешь, мнешь. Побольше баб соберется, для интереса, повеселее, чтоб было. А если она свою баню посадила, другую, соседкину посадила — три бани засадила, то много народу соберется. Потом другие будут делать, чтобы скорее мять-то.

А когда изомнешь его, его нужно было трепать, были сделаны трепалы¹. На колени что-нибудь постелешь потолще. Кострику² большую из него вытрясешь, чтобы кострики-то не было. Протрепишь, протрепишь — останется волокно.

Тогда чесать зачнут его на щетках. Железные были и щетинные из свиной щетины. Чесать первый раз — из железной щетины пореже. Пачесать почище — частая железная. Перво счешешь — называлось изгребье, на такое просто — половички. На второй раз прочешешь — это пачеси — это уже потоньше напрядешь. А из волокна — это уже все на шовное.

Щетинные щетки — это еще, когда чешут. Вот мы, девчонки, нам надо полотенца, надо было на скатерки, тогда только щетиной, чтобы нитку тоненькую-тоненькую надо. А так, когда пряли, не щетинили мы.

В школе-то не учили прясть

Прялки были точеные красивые сделаны. Всякими разными красочками покрашены. Ну, есть всякие, есть и такие не точеные. Всякие краски: зелененькие, желтенькие, красненькие краски. А серединка у прялки некрашена, кругом крашена, а серединка белая. Так видно надо было, как вот я помню, сколько у нас прялок было.

Мне было лет пять-шесть, мать у прялочки посадила, тяти-то не было дома. Он как на действительную [службу] ушел, потом война началась, он там так и остался. Маленькую прялочку сде-

¹ Трепалы — множественное число от слова «трепало».

² Кострика — остатки стеблей льна.

лал, мама дала задание: «Вот тебе куделечка, отпрянешь ее, тогда играть пойдешь». Кручу, кручу, кручу — плохо было. Помню, пойду в снег ее воткну. Маму обманывала. Она спрашивает: «Сколько напряла?» А все равно заставляла, училась.

В школе-то не учили прясть. Грамоте только учили. Хотела нас мама отдать, старшая сестра на четыре года старше меня была. Она собиралась отдать, ездила в город собирала пимики — беленькие пимики с красными на голяшках. Фартуки бело-розовые с крылушками, через голову надеть, а вот тут они застегались, с кармашечками, к школе нас готовила. Собрались клушки ее [подруги], штук до трех, как не до четырех. Давай ее учить: «Зачем девчонок-то учить, парнишке хоть в армию, а девчонке зачем грамота нужна?» Отсоветовали нашей матери, не отдала она нас. Так эти фартучки и пропали. Вот так и начала она нас прясть учить.

Как мясоед начнется, зачнут девчонки взамуж выходить

Когда мы стали взрослее, мама нам говорит: «Девчонки Филипповка¹ скоро. Девчонки, нутужьте, прядите». Вся пряжа Филипповками, а там, как мясоед начнется, зачнут девчонки взамуж выходить, пока еще не наша ровня, но охота свадьбу сбегать поглядеть: то туда убежишь, то туда убежишь. А когда взрослые стали, девками, то просватают — в девишницы уйдешь. Вся пряжа Филипповками! Но уж тогда ночь прядешь, стараешься. Там сколь тебе спать придется, стараешься ночью прядь. День-то у невесты пробудешь, а ночью прядешь, там может час — два уснешь.

Много делов у невесты раньше-то. Ну вот, допустим, сперва половики сшить надо, палатки сшить надо, мешки сшить надо. Жили-то крестьянами ищю, хлеба-то сеяли. Первым долгом, придет время, спросят мешки, палатки. У невесты должно быть, как у молодухи: половики сшить, мешков десять надо сшить, палатку хоть одну да надо сшить. Там, настольники, вот хлеб стряпали — накидывать на хлеб, али вытаскивать хлеб — набросить на стол настольник — это назывались не скатерки, а настольники. Их надо сшить. Да, много. А потом такое — доброе. Там, полотенца надо наладить, там надо... наволочки делали раньше. Делала невеста, рубахи там,

¹ Филипповка — Филипповский (рождественский) пост начинается 28 ноября (день памяти святого апостола Филиппа) и служит для подготовки верующих к встрече Рождества.

ну там, чё сможет. Деверьям, золовкам, свекру, свекровке — невеста готовила подарки. Много шитья, много. Там и взрослые с машинкой сидят — шьют. А мы вручную чё там: где полотенца налаживаешь: мережишь¹... День-то пробалайкаишься, а ночь-то прядешь. Если там вечерки не будет. А то еще там вечерку сделают. Если жених прибудет к невесте, то уже вечерка будет. А жениха если нет — нету никакой вечерки.

Да уж раньше двенадцати [часов] не придешь. Это само рано в час ночи придешь. Другой раз мама так наругат, думаешь: «Ну в следующий раз не пойду, не пойду совсем никуда». Терпения не хватит! Ужинать еще только собираются, а ты уже подумаешь, во что мне собраться, во что одеться и как уйти украдкой... Было всё...

Которая [девушка] подольше, наверное, в невестах побудет — хорошо! Завидуешь! Вот и стараешься, чтоб подольше муж-то не выйти. Чтoб приготовить...

Жениться трудно было жениху

Свадьба-то раньше... жениться трудно было жениху. Невесте-то нет, а жениху трудно. Потому что высватает да с жениха подъемные вырядят. Это называлось рукобитье. Невестин родитель будет запрос делать большой, а женихов родитель будет биться — сбавлять, ему страшно много. И называлось рукобитье. Они бьются, бьются — собятся там на сколь. А раньше деньги-то дорогие были. Рукобитье — это с жениха подъемные вырядят и на невесту наберут, а потом женихова родня пойдет к нему на свадьбу, и невестина родня, там, может, семей до двадцати наберется. Утром к жениху, вечером к жениху, все надо подать — угостить, от жениха по домам отправятся. Большой расход жениху — шибко тяжело было жениться. Невесте-то не так. Невестина родня к свадьбе готовится и все. А жениху подъемные, да к ему, утром к ему соберутся и вечером к ему, это надо опохмелить.

Утром это соберутся, у жениха опохмеляются, тада по домам пойдут: перва женихову, тада по невестиной родне пойдут. А собираться будут утро и вечер у жениха. За сколь они смогут обойти народу. Какая у них там компания наберется с обеих сторон, про это я сказать не могу. Может, неделю, может, две прогулять.

¹ Мережить — вышивать в технике мережки.

Девушники

Это кода невесту высватают. Когда невесту высватают, вот тута тада, подъемные, кода рукобитье сделают, тогда невесту будут собирать, приглашать девок — девушницы. Рукобитье сделают — у жениха подъемные-то вырядют, тут и на машинке будут шить, ситцу, товаров наберут... А девушки будут шить всю своедельщину. Сколько там: неделю или две. До двух недель это обязательно просидит невеста. Если родни много, кода это они все к свадьбе приготовятся... Как обвенчают, тут и свадьба: гулянки пойдут.

На подъемные деньги себе купит, чё на невестино купит, то и на жениха купит. Подвенечное парно делали. Какая у ей будет платье, такая и у жениха рубаха будет. Про кустюм не скажу. А кустюм поди уж у жениха будет. А вот рубашку я знаю, что сошьют. Обязательно, в кустюме будет. За его же много надо будет. Подъемные все уйдут на кустюм. Невесте даются подъемные-та.

Когда под венец — платье подвенечное, цветы у ее. Если цветов нету, чё-нибудь так наберут. Тада все как вроди бы подбирали под голубой цвет, поднебесный цвет. Розовый... У кого как придется. Такие модистки были, не кто попало уже, а уж какая-нибудь такая, какая может шить. Были в селе такие рукодельницы. Подрядют, она сошьет. Сошьет, ей заплотют. Подвенечное платье — его ж как получше старались, помоднее. А потом уже свадьбу гулять — какие платья есть, такие и надевать будут там: парочки, кофту с юбкой, чё придется, сама придумает, чё ей надеть.

Наше дело — подругу проводили

Наше дело — подругу проводили и всё, мы ее больше и не видим — не буваем на свадьбе-то. Наше дело только под венец проводить и все. С веником ездили. Вот будто завтра невесту в бане мыть. В бане вымоют и под венец. Как под венец ее, какой день назначили, будто завтра ее под венец, а сёдня мы поедем к жениху за мылом, за мылом невесту в бане мыть. Снарядишь веник, березовые веники, раньше парились имя. Березовый веник свеженький закубаришь его платком, обошьешь платком, а на его потом нашьешь ленточки всякие красивые, тряпочки, снарядишь этот веник и вот такие были сани сделаны... В кошевку мало войдет, а нас, может, человек до четырех девиц, да до пяти, да гармонист, да кучер. Такие делали сани под вид кошевок с пятами. Вот налепимся и едем эти веником намахават, кто-то один, и машет им, этим веником. Поверье такое

было. К жениху приедешь, а там встречаются, за стол, по стопочке подадут. Кто выпьет, а кто и не выпьет из девчонок, но за стол посадят. Я вот помню, мы Машку Бекельмешеву замуж отдавали. Раньше стол у всех так был, божничка, лавки кругом стола. А я чё-то опоздала. Все уже сяди за стол, а я с краю сяду, а его брат-гармонист шел и прямо от двери заиграл, а я не вытерпела — я выскочила, пошла плясать, песни петь. И кого попало-то не запоешь, а под дело, под невесту. Ну а я чё смогла: «Дорогой жених наш, Ваня! Как живешь ты, дорогой? Нам невесту мыть нам в бане. Дай нам мыло, духовой». Сразу на ум пала. Ну и заплясала. Он приходит, подает мне мыло. А я говорю: «Э, Оля, мыло ты возьми!» А мыло кто возьмет, тот невесту мыть будет в бане.

Приехали, побыли здесь, приехали невесту в бане мыть. А когда с веником ехать, невесте косу заплетешь. Косу заплеташь и считаешь, сколько у ей родни: там отец, мать, сестры, братья, там по близности тетки, все сосмекнёшь, сосчитаешь и косу заплеташь, сколь девкам, всем по коснику в косу кладешь. Плетешь и косники вкладашь и вкладашь ей в косу-то. А когда с веником-то обратно-то вернемся, тогда начинаем невесте косу расплывать. А невеста кака сама может, а кака не может, она пригласиват. Вот допустим:

Хоть, родная моя мамушка,
Подойди ты ко мне близко-близехонько,
И подыми-то ты свои рученьки
Над моей головешкой,
И расплети ты мне рубчату косу — девью красу.

Вот так всех переберешь. Кака сама, как не может, девка за ее отвечат. А кака может, сама себе причитат. Причитает какого, тот придет — косничек возьмет из косы. Так народом ей косу-то и расплетут. Тогда ее в баню-то поведут, когда ей косу расплетут. А в бане чё? Чё бы она сама не мылась? А поверье. А к бане-то подойдет, а там, вперед кто-нибудь зайдет, а она еще причитат будет: «Откройте, отворите мне жаркую банюшку. Смыть мне сполоскать девью красу». Еще тут напричитается. А котора сама не может, так эта девишница отвечат. Я в Комаровой за одну отвечала. Она в девишницы меня позвала, я не пошла, потому что я поеду в Комарову, там тятиня сестра жила, я еду туда, чтоб мне там поболее напрясть. Дома-то крутисся туда-сюда, а там-то в гостях, дак я пряду да пря-

ду. А она пришла меня звать. А я говорю: «Нет, я приехала только, мне попрясть, я в девишницах пробуду, а домой-то явись — меня мама-то как встренит? Она меня с пряжей ждет, а я явлюсь с куделей обратно». Я в девишницы не пошла. А когда ее в баню-то вести, она за мной пришла. Я, говорит, не смогу, ничё. Надо причитывать, а я не смогу. Вот я отвечала там. Рядом сидели: она наклонимши и я с ей рядом буду сидеть вот так [на коленях наклонив голову]. Она платочек в руки и так сидеть будет, а ей будут подходить расплетать косу. И я с ей также рядом сидела.

Так положено, что девки должны вымыть. Она сидит, намылишь, моешь, обкатываешь. Кто водой плескает, кто там шутки, смехом все. Там уж не плакали. А когда из бани придут, тут уж все в порядке... Тут уж чай готовый, сядут все за стол попьют чай и по домам. Девки по домам. Тут уж ни жениха, никого.

Утром собираются тогда, невесту собирают под венец: как по-красивше ее собрать, как получше. Потом будет брат или там ближний какой сродственник, если брата нет, из мальчишек кто-нибудь косу продавать будет — сидеть за столом. Когда приедет, когда жених приедут забирать невесту под венец. Девки за столом сидят, сидит косу продает, дружка назывался — руководитель свадьбой — дружка, он зайдет зашутит, заговорит... А какой косу-то продает, ему тоже снарядют, такую плеточку сделают, тоже на нее цветочков напrivяжут, потом бисеров на нее навешают, на плеточку-то, а он грозит их — косу продает: «Покупайте косу!» Ну тут шутки всяко поговорят, сколько он там за косу возьмет? Просит дороже, они с ним рядются. Все же оплотют когда ему за косу, тогда из-за стола девки вылазют, занимают стол жених, женихова родня, с ним поезжана два — три обязательно; поезжана — холостые люди, как товарищи, возможно, а если есть родня, братья, то из родни. Тогда они там сядут за стол, женихова сваха и там поезжаны, дружка и полудружья — все за стол сядут. Стол раскроют. Стол собратый — он закрытый. Теперь, когда сядут все за стол, девушки, в первую очередь, дружку, второе полудружья, тогда поезжанов, невестину сваху как начнут обыгрывать:

Как у дружки деньги есть,
Мы не знаем, как подлезть.
Подкатимся мы ребром,
Отдай деньги серебром.

Он сколько там на тарелку на стол положит. Полудружья так же.
Теперь невестину сваху:

Как у нас в огороде
Ничё не родится.
Зародилась одна... мята
Да и та примята.
Как на нашей свахе
Голубое платье,
Люли-люли, голубое платье.

Так сваху обыграют. Сваха курник готовила. Такой состряпает [круглый пирог] с мясом, с салом. Какая сознательная сваха, она сверху положит девкам бисера купит или ленты купит, для... как добавочно. Сваху обыграют, зачнут обыгрывать поезжанов. Допустим:

Осинничек листоватый, осинничек листоватый,
А кто же у нас не женатый.
У нас Вася холост ходит, у нас Вася холост ходит.

Там второго или третьего — всех обыграют поезжанов, тогда стол откроется. Тут уже невеста в стороне. Только когда невесту под венец поведут, тогда тут еще девки попоют какие-нибудь свадебные песни. Распрощаемся с невестой и больше мы ее не видим, когда они свадьбу гуляют. Перва пели вот такую:

Сходит солнце за горами,
Сидит невеста за столом.
Мать невесту утешает:
— Не плачь, не плачь, дите мое.
Мне и так, родная, трудно,
Моему сердцу тяжело,
Выбывает у нас из дому
Наше родное дите.
Какая судьба тебя там стережет,
Какое будет тебе житье?
А я останусь здесь в печали
И смотреть буду в окно.
А дождать-то будет трудно,
Как отпустят ль нет еще.

Раньше-то без спросу не уйдешь, из семьи-то из жениховой.
Еще как отпустят, еще нет. А потом, ну, допустим:

У нас Манюшка обманщица была,
Обманула всех подруженек,
Говорила: взамуж не пойду
И даже не сподумаю.
А зачем же ты за ним таким погналася?
За детиной, горькою пьяницей.
Он в кабак пойдет — шатается,
А из кабака придет — куражится...

Кабаки — это она, старинная, старинная песня, еще кабаки были. А мы их не помним, даже мать моя не помнит эти кабаки, а когда-то они давно были. И когда-то эта песня сложена, еще кабаки были. А мы-то их не знаем. А песня так она продолжалась:

А из кабака придет — куражится,
Заставляет разувать, раздевать,
Часты пуговицы расстегивать,
Шелковой пояс развязывать.

А потом:

Принесло, приалело три корабличка,
Ой, да три корабличка близко к бережку.
Уж как первый-то корабличек
Под перину под пуховую,
А второй-то корабличек
Под сундоки под дубовые.
А как третий-то корабличек
Под Надю, под Ивановну.

Как невесту звать. Этот уж под ее подкатит. Так и дальше пойдет.

А ведь это споемся, стоваришься, чтоб как петь-то: кто начинает, кто подхватывает, кто на подголосках, чтоб все гладко да хорошо приходилось.

Молодых благословляли, когда вот невесту под венец отец и мать. Если нету отца в живности — вот для чего крестных ставят-то, когда крестят. Если матери в живности нету, то крестная заменит мать, благословит. Если отца нету — крестный. А если живы родители, берут икону, наклонются и иконой крестят, и наговаривают там чё смогут.

Это уж не слушала. Уж мы отойдем, когда благословляют. Невесту, как за стол, садить благословят, а жениха тоже, как садиться ехать под венец, благословят свои родители. Сваха женихова придет и невестина сваха тут будет.

Замужние женщины в традиционных головных уборах

Больше невеста одну косу не заплетет

Косу расплетут, когда в баню вести. Под венец она сидеть будет — коса расплетенная, волосы распущены. Когда от венца приедут, тогда свахи: невестина сваха и женихова сваха — заплетут ей две косы. Когда за столом посидят маленько, видят, кто там маленько поел, выпил, тогда подымают кашемировую шаль, еслив есть, закрывают молодых. Тогда свахи невесте две косы заплетают и как женщинам сложут и завяжут назад концы, и все, больше она косу одну не заплетет, так она и будет две косы в неделю раз расплетать от бани до бани. Платок... Женщина платок с головы не снимала, а чтоб волос не терялся, в питание не попал куда-нибудь. Женщина уже тут волосами не трясется. Платок только. Волосы заплетены — круг головы, если хватит, а если не хватает — косники-то, косниками... Кругом головы вот так вот ими.

Приказчикова Вера Трофимовна

Родилась в 1910 году. На момент записи рассказов проживала в селе Кучук Шелаболихинского района

Интервью в 2005 году
провела Галина Кидяева,¹
аспирант каф. отечественной
истории АлтГПА (БГПУ)

Детство, семья, традиции сельского общества

Прожила век крестьянский... Родилась я в Ключках. Помню, мне мать говорила, что меня привезли еще грудную... в Сибирку сначала, а потом сюда, и здесь мы так и жили.

Марья Филипповна была мать моя, а отец Трофим Захарович... Сандалов. Они из Рассеи приехали. Он в батраках был. Потом кузницу сделал, конишек ковал, пахал, сеял... Мать не умела писать, а отец грамотный был — читал... Нас у матери восемь человек было. Старшей самой была Мария Трофимовна... замужем она была за попом, он потом председателем колхоза стал. Потом Иван Трофимович был, Александр, Пимен, Федосья, я — Вера, Катерина была, Авдотья. Дуся самой молоденькой была, на учительницу училась.

Домишко маленький был. Его потом старшему сыну отдали... Две коровы были, пашня своя была, да детишек много было. Работы хватало. С утра до темной ночи за плугом ходили. В мешках пшеничку везли, ее в сумку насыпешь и разбрасываешь... вручную. Я боронила, мне девятый год был. Борону к лошади пристегнешь, и целый день кружишь на ней. Земля мягкая становилась. Сеять в мае начинали. Как только снег растает, все на пашню... К зиме корм запасали, дрова, тогда угля не было. Как зерно поспеет, серпом убирали. Серп такой горбатенький с ручкой. Горсть забираешь и режешь, забираешь и режешь. На снопок наклал, завязал — снопок появился. А те, кто литовки делал, такие широкие, так идет, много захватывает, ряд кладет. Мы подросли, и все на пашне были. Пшеницу сеяли, семечки, горох, коноплю сеяли, лен сеяли. По неделям на пашню уезжали, избушки ставили.

Была сельская сходка. Мужиков много, женщины мало ходили. Кто украдет чего, привезут и там лупили его, кто хошь, тот и лупил. Помню, у нас Ваня-дурачок был, вот его брата лупили, он потом за-

¹ Кидяева Галина Владимировна — преподаватель кафедры отечественной истории, сотрудник Центра устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения АлтГПА.

болел и помер. Тогда своим судом все было, чтобы другой не думал украсть. Лупили кулаками. Дадут, так с ног падали. Решали на сходе, как жить получше. На сходе земля была делена. Давали всем землю, земли полно было.

Ходила в церковь. Я любила, пела даже... молитвы всякие. Бывало, перед большим праздником к псаломщику ходили и по Евангелие спевались. Как усердно молились. Церковь была деревянная. Шесть колоколов висело. Колокола зазвонят — красота была, слушать даже охота было. На Пасху ребяташки — охотники были в колокола позвонить. На праздник всю неделю звонили. Священник — отец Иван... фамилия была Никольский. У них семь человек детей было. А его дочь учительницей была — Александра Иванова... Был церковный староста, свечи продавал... Псаломщик был Глушков. Он куда-то маханул, когда услышал, что перемены будут.

О восстаниях, переворотах и пулях...

Наш отец ни одну обедню не пропускал... Любил в церковь ходить, каждое воскресенье все молился, молился. А потом, как восстание сделалось, священников-то забрали... всех посадили. Люди начали волноваться... подписались, чтобы священников освободить... Написали одобрение сорок человек. Мой отец шибко молиться любил, вот его и послали священника выручить... В Мосихе

Жатва серпами на Алтае

сделали какой-то штаб, людей убивали. Он повез одобрение туда и ему там голову отрубили. Мама одна с нами осталась.

Помню как восстание было, стреляли, а мы ходили пули собирали... Тогда царь с царицей были... и на Барнаул шел расейский фронт... делать советскую власть... Тысячи человек шли. Шел из Батурово, по Кучуку, по Сибирке, потом на Обь, в Шелаболиху. Все глядели и боялись. А мы на печку залезли. Кони шли, подводы, солдаты все в черных полущубках, черные шапки, на шапках красные ленты у каждого... Красный бант — значит советская власть. Тогда самовары были. Мать кипятил, а он: «Нет ли горячего чайку?», она: «Ой, есть, скорей горяченького», он глотнет два раза: «А то отстану, не догоню своих». У каждого оружие было... за плечом висит. Тогда Барнаул забрали.

Потом партизаны красные стреляли. Из церкви стреляли, а мы: «Вон-вон пуля». Хороших молодых людей набрали в партизаны. Мне девять лет было, когда переворот был, тогда еще я в школу пошла... После переворота ничего не было.

Школьные годы

Я помню, в школу пошла, мне мама краски налила. Пряли тогда, лен красили, мне мама этой краски... в бутылочку... налила. Потом гусиное перо отстрогали... и ручка была, писала. Его макнешь, а она по тетради размазалась... Я в школу пошла мне девять лет было, а были и по пятнадцать и по шестнадцать лет. Училась до трех классов. Тогда ребятшек много было... Одну книжку на троих читали. Одна почитает, второй дает, та прочитает, третьей... Давали листочки писать на неделю... Когда урок кончится, мы становились на молитвы — «Отче...» петь. И когда урок начнется — все встанем, все поем... В школе во всю стену картина была повешена «Всемирный потоп».

Потом одного купца выгнали и в его доме школу сделали. Привезли нам учительницу с ребенком. Юбка на ней из мешка, сшита в складку, по моде. Ребенок на руках. Ей в школе отгородили комнату, она спала там с ним, мы все ее кормили. Кто хлеба несет, кто лук несет, кто огурец, кто мяса кусочек. Учительнице тоже надо дать, она ведь голодная. Бедная-прибедная была.

Начались колхозы...

В войну на быках пахали... Какие трактора, коней-то угнали. У меня дома свекровушка с тремя детьми, а я на пашне. Встаем, запрягаем быка. Одна идет сзади хлещет, а он шагает, не торопится

даже. И сколько засеивали хлеба! Три тысячи гектар в нашем колхозе было земли, и все пахали. Потом сгребали женщинами в ящики и сдаем в Шелаболиху. Утром встаем, нагребали и опять поехали. А ребятшек на покосе пауки заедали. Только сидят и по ножонкам хлопают... У меня сын — он в школу ходил. Я дров привезу на быке, а они сырые. Он из школы придет, запрягает собачку и едет за сухими дровами. Накладет саночки полные, нарубит тоненьких, привезет сухих дров на разжигу. А зимой всю зиму молотили хлеб. Налоги платили. Мясо — 40 килограмм подай... есть скотина, нет скотины — отдай; 100 яиц подай, молоко — 300 литров подай. Одна тут пела у нас, боевая была: «Повели меня на суд. Я иду, трясуся. Присудили сто яиц, а я не несуся». Налоги платили все. А нас было: я была, трое детей, да свекровушка, теленочка вырастим и за налог отдадим. Тяжело было. Работали с темна до темна.

Ачкасова (Трошкина) Анна Ивановна

Родилась в 1911 году, переселенка из мордовской семьи. На момент записи рассказов проживала в селе Пешёрка Залесовского района

Интервью в 1998 году
провели Татьяна Щеглова,
Ирина Куприянова,¹
Анастасия Мошкина²

О Ленине

Отец в армию пошел уже отседова. Приехали — мать с Ульяновска, отец с Саратова. Материн отец работал у Ульянова Ильи. (Ленин Владимир.) Отец мальчиком у них конюшил, кучером был, много рассказывал. Мать с ихними ребятishками играли: с девочками Аннушкой, Марией. Потом сделалась там неустойка власти, им дали литер сюда приехать: Барнаульский округ, Залесовский район, село Пешшорку.

¹ Куприянова Ирина Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, сотрудник кафедры музееологии и охраны объектов культурного наследия АлтГАКИ.

² Мошкина Анастасия — выпускница исторического факультета АлтГПА.

Не надо было расейшину сюда

Приняли их тут не очень хорошо: сперва жили здесь старoverы, не надо было расейшину сюда. А потом стали съезжаться все больше и больше, и расейские уже преодолели их, и стали которые постройку делать. А наши попозже приехали. А то вперед приезжали, — даже дома ломали, избушки, не давали строить. А наши приехали, — уже покупали. Дед купил маленькую однокомнатную избушечку, и отцов отец так же. Наделу не было. Не давали пашни пахать. Поработаешь, он тебе даст десятину или две. И отработывали оне. Когда я родилась, нам уже надел давали.

О Первой мировой войне и советских «соринках»

У матери было четырнадцать человек в семье. А детей одиннадцать. С нами жили бабушка, дедушка. Родные отцовы жили. Потом эти у нас померли дед с бабушкой, приехала прабабушка, мамина мать с дочкой, приехала с дочерью. Опять семья прибавилась. Они...тоже с России. Давно приехали, почти враз с отцом. Был у них сын Ваня, было ему... шестнадцатый, наверно, взял и поженился. Поженился, а его взяли в ополчение [Первая мировая война, 1914–1918 годы]. Тогда ополченцы были, в ополчение взяли. Отец у нас раненый пришел... Все в одном доме. Тетка Анисия замуж ушла, бабушка тоже сколько-то пожила с нами, потом ушла на заимку, туда вот в Плотниково. Деревни нету теперь, она развалилась вся. Она вот, как только начался колхоз, стали соединять деревни. И вот тогда они все: Плотниково, Кочегарка, Бобровка. Все соринки стали объединять в одно место. Там Малопокровка была, это наша деревня была, Бобровка — теперь тоже нету ее.

О своих и чужих; о чалдонах и мордве

Здесь еще жили... не нашей веры. Мы [мордва] православной. У тех, правда, посуда была и фарфоровая, и эти стеклянные были всяки, даже сервизы были. Вот как когда придем, у них полки. На полках всё, у тех было богато... Деревня напололам была. Это Мордовский край. А где Чалдонский край. У них молебна здесь была. И поп был, и звонари были. Стоял [звон]. Да, как только суббота, вечером, слышишь — уже звонят. Старухи говорят: ой, завтра же праздник, давайте сегодня, ну и сразу пряли, ткали. А мордву они шибко не принимали, но и не отказывали. Только вместе молиться не велели. Пускали в свою церковь мирских, но не велели вме-

Мордовские переселенцы. Село Павловск

сте молиться: примерно, они все перемолились, тогда ты помолись. Крест не вместе чтобы. Они крестятся, мы молчим. Они перестали — ты покрестись. А у нас [официальное православие] был в Залесовой приход такой, церковь там. Туда ходили [за четырнадцать километров]. На Пасху туда, на Покров туда. Это большие праздники, вот только так жили.

А дома были и казенные, и не казенные, а челдоновские¹. Они же небольшие были дома-то, точно как большие, а окна маленькие и всегда у них ставни. Вот они [чалдоны] их и летом, и зимой, как только ночь, щас на ставни закрывают с этой стороны [с улицы]... Утром встают, опять открывают эти ставни, опять свет. Но окна небольшие были, меньше, чем вот у меня окна...². Вот эти и есть челдоны.

¹ Чалдоны, челдоны — этнокультурная группа крестьян-старожилов Алтайского края. А.И. Ачкасова рассказывает о взаимоотношениях старожилов — чалдонов и расейщины — переселенцев из мордвы.

² Рассказчица отмечает особенность сибирской крестьянской архитектуры — маленькие окна в богатых срубных домах. Их размеры позволяли сохранять тепло в сибирских условиях.

«Там совсем другое...»: старообрядцы Каменки и росейская мордва Пещерки

У Каменки старообрядцы, Каменка — там старообрядцы жили. Там совсем другое. Там внутри зайдешь, так обязательно вот тряпочкой за скобку отворяй, а если ты отворила голой рукой, они уже тогда моют скобку¹. Вот были сильно такие. А челдоны маленько, послабже. Маленько ну, они здесь, видишь, обрусели. А у них же это всё деревянное, лагуны, большие лагуны. Пойдут березовку ставить², поедут на лошадях поставят. Это самая большая кадочка, сверху закрытая и снизу. Там дно, а здесь вот такая дыра, а в нее направляют березовый сок, течет туда. Вот это тот лагун называется. Это место вот, я еще помню, хоть девчонкой еще была. А если только мордвин, увидали, что мордвин пил... из этого лагуна, лагун в березовке бросает. Всяко жили. Всяко и кержак. Они с одной чашки, ложки не ели. Ага. Работников кормили. Посуда отдельна была, оне же чашные были, а мы мирские. Мирская посуда у них была отдельно и мылась отдельно. Приветливые были, и нет, всякие. И у расейшыны то же: есть очень приветливые, последний кусок делим, другие скупенькие есть. Так же и они, чалдоны, этакие были.

Кержаков чалдонами звали. А родители на работу нанимались...

Кержаки были гораздо богаче расейских, потому что они саможители здешние, а расейские — приезжие. Кержаки здесь давношние. Других старожилов я не помню. Дак вот пойдешь к ним работать, они отдельно чашечку тебе и ложечку отдельно. Они уже с тобой чашки не едят и своей не дадут. Вот эти кержаками назывались, всяко их называли. И родители на работу нанимались. У меня дедушка был расейский. Он приехал в лаптях. Ну чё? Работать куда? Вот чалдоны придут и говорят: «Чё, хозяин на работу пойдешь?» — «Пойду. Вот щас на сенокос пойду, а сена дашь на коровку?» Ведь

¹ Староверы, чтобы мирские не брались за ручку, привязывали к скобе тряпку или конопляную веревку. В интервью обычно встречается два варианта — веревка предназначалась для входящих посторонних людей, как в рассказе А.И. Ачкасовой, или, наоборот, сами староверы брались за веревку, т.к. посторонние привычно брались за скобу открываемой двери.

² Заготовка березового сока, который хранили в погребах все лето. Березовый сок и свекольный квас были самыми распространенными летними напитками.

не приписанные мы, земли не давали¹. И лес не давали². Правда, как-то и воровали, все эта мордва. А что вот пашни, они вот только продавали. А продавали как — примерно десятину дали — гектар щас называется. Дали, ну, там, где пожелаете. Вот за эту десятину столько-то подёнщин³ дали, работай [у старожилов]. Ну, и наши работали вот, мать работала, и отец работал, и дедушка. Вот десятину они, значит, сады. Они сами посеют пшеницы. Только сам жми, убирай и молоти, ну, сколько подёнщин, все лето и работает на них [старожилов]. Эти там только, ну, пополят, уберут маленько вот. Это вот это и есть десятина.

А потом покосы. Тоже вот отец, не, отец был у нас еще в армии, а сюда деду дали покос. А поляк [поле] раньше пахавши, а потом остался не паханный, трава поросла хорошая. Ему отвел чалдонин: «Вот тебе, Яков, вот тут вот покос. Десятину коси, тебе на корову хватит». Он пошел домой, пришел и говорит: «Ой, старуха, какое сено-то хорошее дали, прям десятину надо косить». А мама-то, сноха была — «Давай, молодушка, пойдешь косить». Вот дед у нас, они раньше до самой земельки косили. Вот он косил-косил, тридцать копен накосил с гектару. С гектару, это с десятины, все равно, что гектар, это десятина, все одинаково. Вот он говорит: «Ой, спасибо, а сколько отрабатывать-то нам?» Все лето отрабатывали, то на прополку ходят, то на картошку, то молотили. Молотили ведь серпами.

А зимой, так у них вот хлеб опять. В разведку ездили, если ты мощной. А женщины уже прядут. Примерно наделают они осенью [высушат лен], глубокой осенью, до декабря, всё лен мнут, и снуют, и чешут. И прядь сдают, пряди-то по сколько там, по 20 копеек, 30 копеек. Вот лен мяли, по 60–70 копеек зарабатывала уже девчонкой. Ну как, одеваться-то надо, все своя работа. Всю зиму прядешь, сколько там поголовков напрядешь, а потом по столь уж в марте на-

¹ Землей владела община старожилов. Переселенцы-россейские подселялись к старожилам и, как не приписанные к этому сельскому обществу, могли получить землю только с согласия старожилов. Последние делали это не всегда охотно и часто потому, что боялись нерадивых хозяев. Поэтому переселенцы нанимались к старожилам. Те расплачивались не деньгами, а зерном, скотом и т.д. Радивые переселенцы через какое-то время могли подработками построиться, завести хозяйство и получить землю. Но возможности были разные у разных сельских обществ. В густонаселенных волостях или волостях, где было мало плодородной земли, переселенцам приходилось всю жизнь жить подработками.

² Лес, в отличие от пахотной земли, не находился в распоряжении крестьянского общества.

³ Поденщин — дней отработки (подённо).

чинаешь ткать. А уж я как весна настает — на прополку, давай пойдем на прополку, тут уже работа открывается, да еще чулочки надо, все надо, все.

Мать работала [у чалдонов] на бойне. Придут: «Иди, хозяйка, работать!» Если хорошо работаешь, тебя на весь сезон берут. Если плохо — отказывают: «Нам надо, чтобы работали хорошо». На бойне же мясо, внутренности, и всё выбирают. Мать у нас по целым сезонам работала. Хорошо работала. Рассчитывали и деньгами, и, если убивают скота много, дают внутренность: кишки, жир. Тогда рады были етому: не было здесь скота у расейшыны. Другой раз мясо давали. Ничего, жить можно было. А потом, когда надел дали отцу нашему, мы тоже сеять-пахать стали. Они себе пашут, мы — себе.

Испытания мордве от чалдоников

А к мордве относились-то, по первой поре не сильно грубо... Я вот, конечно, шибко не помню, но рассказывают, сильно грубо относились они, а потом мягче было так. Приехали [мордва] которые сюда еще вперед наших [приехали], они вот такие хижинку какую-нибудь поставят, сруб у нету. Приходит чалдоник, печка есть, трубы поставил, затопил, значит, и его не ломают. За одну ночь надо сделать, ага. Это обязательно. А рубили, лес-то ведь чё? Рядом был. Нарубят вот, поставят, а печку-то поставить не успеют, — они разломают домик этот. Если уж успел поставить, дым пустил, значит, этот дом у него стоит¹.

Дом на колесах

У нас был дом старинный, купленный, не строили наши, а купленный. Всяко, всяко, даже по двенадцать окон дома были. Те, у кого большие дома строили. А мордва, эти приехали, — четыре-пять окошек ладно. Тогда не пилили, он драницами крытый, сосновый, драницами драли и крыли. Драницы это, так же как и тес, только лес колют, кололи его. А тес пилили. А у нас дом крыт драницами, а сенки были тесом. Знаю, что челдон его — дом — построил, да не понравилось место. Щас потделает коляски, и по деревне везут этот дом,

¹ В исторической памяти крестьян повсеместно на Алтае сохраняется присловье об испытании, которое устраивали старожилы переселенцам: если за день переселенцы не поставили стены, не покрыли крышу, не сбили печь и не затопили ее, то переселенцам не разрешали остаться в деревне. И во всех присловьях доказательством служил дым из печи. Так проверяли радиость прибывших и трудолюбие.

поставить, где им надо. Дома два в моей памяти перевозили. Прямо целиком закрытых, окна, все есть, печей не было только. Не разбирали, а на колясках. А коней, наверно, штук сорок или пятьдесят, подцеplяют и вот идут, мужики пужают коней и вот идут по деревне, вот через мост пещёрский даже перевозили. Дом этот везут, охают, кричат на коней, идут. А у них же на колясках дом-то, колеса деревянные, так дом везли¹. Вот так вот жили.

Кержаки были такие богатенькие... А которые жили тоже, как православненькие

Староверы здесь долго велись. Жили так же, в своих домах, с хозяйством, земли у них были, и выпаса для скота. Были такие богатенькие: коней косяками было, овец, коров. Свои засеки были, и за тайгой где-то пасли коней, выгоняли нешпытаннЫми косяками.

Жили и скотом, и хлебом. Скот забивали — бойня была, мясо сдавали, возили в Томск. Скотина никогда не закрывалась, скотина была, во всю деревню, вся деревня была загорожена, скотина у нас на воле ходила. У них [чалдонов] тоже. Они, если много косяков было, угоняли в тайгу. Потом осенью пригоняют, режут овец, коров, быков. Коней не резали. Коней много было. Может быть, продавали куда. Больше быков много резали.

Сами они тоже работали много. Мирские тоже: кто-то рабочий, кто-то с ленью. Того они шибко не принимали на работу. Оне тоже, которые сильно работали. Оне никогда не считали, старЫй ты, малЫй. Старуха, которая маленько мощная, дома хлеб стряпает: тогда не было пекарнев. Пеку, варю, с ребятишками возжусь, коров доить. Коров помногу было. У них все рабочие были. А которые жили тоже, как православненькие [бедно].

А я была отчаянна, так дралась с чалдоньё шибко...

У них шибко больших семей не было, а у расейшыны очень много было. У нас у матери было одиннадцать ребятишек, два старика — отцовы отец-мать. Они почему-то меньше детей рождали: по два, по три — больше не было.

За мирских дочерей не отдавали. Они сами собой, наши православные — сами собой. Ежлив только идет богатая девушка за бед-

¹ Так же перевозили собранными дома, но не на бревнах, а на тракторных санях в период ликвидации сел из одной деревни в другую.

няка, — они сильно переживали. Скорбили. Не надо, чтоб за бедного шла она, или наоборот. Если их парень православную девушку берет, — отделийся лучше, уезжай. Было, что сойдутся, женятся, а ее родители говорят: «Переходите в нашу веру». Настаивали. Которые переходили. Были даже ушшербы в счет этого, что переходить из веры в веру: нехорошо.

Играла маленькая с девчонками чалдонов. Оне наше никогда не ели, не садились. Дома наестся, а к нам ходит только в игрушки поиграть. Большие девки играют сами собой, своей улицей: песни поют, и еще что. Кой-которые ребятишки дрались, которые — ничо. Ходили друг к дружку. Они к нам ходили, не боялись, а туда к им — как-то боязно. Даже вот по ягоду ходили девчонками, — там тебя встречают, набьют — чалдоньё. Дерутся, отбирают ягоду. А я была отчаянна, так дралась с ими шибко. Я не поддавалась никогда, или умела убегать, когда вижу, что они стоят ждут, когда мы пойдем с ягодами. А без ягоды — дралась.

Воспитывали их так же, как и нас. Если подерутся — унимают. Детей не ущемляли. Заставляли молиться. У православных тоже кое-которые заставляли перед обедом, перед завтраком: умоются, оденутся, помолятся. Или поели, после обеда молитву пропели, потом — гуляйте. И оне так же. Их немножко построже держали с молебном.

При Ленине все перемешалось

Когда свобода стала, при Ленине, — тут все перемешались. Я стала комсомолка, и мы их [чалдонов] уже не боялись. В том краю, где мост, магазин, — там сельсовет, клуб, мы ходили на собрания.

Кержацкие дети не все вступали в комсомол. В то время их уже мало было, они все разъезжались. Оне даже в 1921–1927-х годах уезжали, кто куда. Тут было восстание, они в восстание много уехали. Побросали даже дома, скота угоняли; кто его знат, куда. Скота не захватили наши, расейским не досталось, кто ведал этем самым отрядом, уже скота не видели. Уже угнали. А вот домашность у них вся оставалась здесь. И вещи, даже магазины которые. Доброе увезли: магазины были сильные здесь, большие; лавочки назывались. В этех лавочках все было хорошо. Которые увезли, которые в потайники клали. Потом, через месяц-два, являются ночью на лошадях, откроют потайник, увезут. А что останется, — бедняки какие-нибудь, русь собирает. Смотрят: ага! Богатый уехал опять, оставил то и то.

У их магазины собственные были. Егор Мосеич здесь был, Платон Мосеич. Лавки большие были. Плотниковы. Плотников выселок кержацкий был. Расейские лавочками не торговали, только богатые.

О родителях и родительском доме: чушная чашка и расписные стены

Родителей и стариков почитали, но были всякие.

У матери большой дом был, прихожка, и, как горница звали. Одна была чашка, вот такая большая! У нас печка была такая большая, русская. Была чушная чашка, суп варили, похлёбку там или что-нибудь другое. Большой чугунок, ну, и садятся все и ребятишки с нами. С одной чашки ели. Только если постный день, масло ложку положит в эту похлёбку, ну и все из чугуна едят. Кислого молока нальет ковшик, воды. И вот ели, и жили. Чашки были, ложки деревянные. В одно время и чайнушки фарфоровые, правда, были. Только фарфоровые, чай попить или чё-нибудь — гости будут. А вот где-то, уж я не помню, где могли приобрести старики, но они долго у нас хранились. Потому что не так вот жили, что седня трах бах, они несколько годов хранились.

Дома с [из] бревен. С улицы не мазали, а с [изнутри] дому строга-ли. Даже строганы [соструганные бревна] и красили, потолки красили. Красили вот... хорошо делали, карнизы ставили. Вот раскрасят, вот эти щели все закрашивали. Обделка очень чиста была. У мордвы шибко не было. А у чалдонов уж, чалдонов шибко чисто было. Там выстругано, выбелено все и вот они красят его цветами всякими. Сейчас ковры, а тогда стены красили¹. А у нас, мы купле-ный дом, деревянный, дак даже и сучки выставлялись, вот такие. Вот полы не крашены. Песком ведь трем, это мыть станем. Пол-то надо, чтоб он желтенький был, ну и начнем шоркать и берестой, и песку насыпем и пошел. А у чалдонов полы не крашены были, постелят сначала палатку на пол, потом половики, а потом дорожки такие ка-тили вот, красиво делали. Ну а в горницу, горница называлась, они туда редко ходили, в горницу эту. Все это перины были, подушки. Смотришь, тут четыре-пять подушек, там четыре-пять подушек и красиво было, котора. А мордва как попала.

¹ В старожильческой традиции русского населения Алтайского края стены не штукатурились и не белились, а расписывались красками, как правило, в виде растительного орнамента. Расписывались потолки, простенки, опечки.

А весной на бане рассадники делают

Так вот была баня, примерно срубют баню сейчас, тесу не было. Тоже ж лесу [чаща, кустарник] постелют и землей покроют. А весной на бане рассадник делают, рассада растет... Капусту садили, кто чё. Баня на отлете. Сейчас всё близко строят, у меня смотри где, близко совсем. А то ведь у меня изба здесь, а баня будь там метров на 200, как 300 подальше от дома. Было так, не разрешали близко строить. А двор [для скота] тоже отдельно, тоже отдельно. А сейчас вот видишь все близко, пригон близко, баня близко, курятня близко, дровенник близко. Ну, тогда дровенников, вот таких, мало было, все за оградой. Дрова привезем, за оградой складем. А пригоны, все далеко. Возле дома не было. Баня отдельно, пригон отдельно. А здесь ведь вот гора. Пригоны были. Богатые люди жили здесь. Горы большие навозу-то. Стала власть переменятся, стали поближе все строить. Даже за избой баня была.

Свадьба росейщины. У кержаков так же было

Приезжают, сватают. Сказали: «К Покрову». Договорились. Она девишник справлят. Девушки собираются, песенки поют. Вышивают полотенцы. Было по восемнадцать-двадцать полотенцев, скатертей по двенадцать на стол, еще что-нибудь. Рубашки на свекора и свекровку, юбку и кофту. Из своего все шьет, из товару или холста. Полотенца раньше вешали вместо штор. С петухами, или розы большие вышивали. На зеркало, на иконы, везде¹. Много полотенцев делали. Ткали вожжи, пояса, на свекора — рубашку, пояс. На свата тоже пояся. Сама умела ткать пояся на кроснах. Два дня — вожжи готовы. Пять-шесть метров. На лошадях ездили. У кержаков так же было.

Невесту в баню водили подружки. С веником. Причеты невесты. Что парят тебя, наговариваешь: что «Милые мои подруженьки, вы тоже будете взамужем, вы тоже на такую жизнь поступите!», всяку всячину наговоришь. Веник украшали потом, как из бани придут. Украсят лентами, несут к жениху. Возили, когда в бане вымоются, не етот веник, а другой. Нарядят блестками, лентами, бисерами, сядутся на лошадь, и поехали. Наряжали дом, горницу. Подушки, полотенца отвозят, скатерти, срядют. Потом свадьба.

¹ Полотенца широко и повсеместно использовались крестьянами в семейных обрядах, быту, убранстве дома. Они выполняли утилитарную, сакральную, декоративную, обрядовую функции.

За невестой ездили дружки, подружки. За столом с девками. Жених захватывает [невесту]. Много тут делов: сядут девки за стол, косу продают. На косу деньги кладут. За косу побольше дают. И бу-
мажные, и серебряные. На это свахи есть и дружки. Брат или кто. Девки продают красоту: деньги надо. Они всё больше денег просят, не пускают его. Он то под стол залезет, то как-нибудь к ней рядом сядет. Сел — тогда всё. Больше девкам делать нечѐ. Они встают, за-
бирают деньги и уходят.

Косу расплетали, когда уже свадьба: посадили за стол, девушки расплетают, делают две косы, вокруг головы. От венца сразу за стол невесту, и закручивают две свахи: от жениха и от невесты. Завязывают «по-молодучьи». Не нравится ей — сбросит платок, опять вто-
рой раз повязали — опять сбросила. Ведут жениха, он ее поцелует, подвяжут, — хорошо. Наденут ей платок. Тогда зеркало дадут по-
смотреть, она — «не нравится».

Угощали шибко хорошо. Стряпня, сладости. Водку, пиво: «вино» называлось. Кержаки так же пили, как наше начальство: всегда бу-
тылочка на столе стояла. Пиво тоже хорошее было. Подарки — ко-
гда посидят, блиновать начинают назавтра. Утром пришли, посиде-
ли, — давай сор сорить. Блины. Которы проверяли, честная ли не-
веста, которы — нет.

Народный календарь. Святки

Славильную песню поют «Рождество твоѐ, Христе Боже наш». Мясо, пироги подавали. Под Новый год тоже ходишь, славишь: «Новый год, ново счастье!» Пшеницу посеешь, жита побольше ро-
ждалось бы. В избе сеешь, приговариваешь. Это ходишь шулика-
нишь. Нарядисся, на морду чулок наденешь, чтоб не узнали. В каж-
дый дом почти. Скажешь: «Стопку вина, стакан пива! Хозяйка-хо-
зяйка, можно прославить?» — «Можно». Она подает: принесет че-
тушечку, нальет. Пойдешь дальше в каждый дом, каждая принима-
ет. У кого пирог есть, скажешь: «У быка рога, у попа есть два пиро-
га, один пирог мне!» Так и ходишь.

Пимы бросали [ворожили]: куда упадет, там и жених. Пря-
м с ноги бросали. В хомуты скакали: положат, с лавки соскочишь; если
ногой попала, взамуж выйдешь. За ворожбу не наказывали. В баню
ходили, овец щупали. Парни мешали. Сама не ворожила, не вери-
ла. С собой клюку берешь. На росстани, где две дороги, ложишься,
слушаешь: то ли звон колокольный, помереть значит.

Скрипки были, у попа была. У ребят — гармонь, балалайка. Гитара — редко. На заслонках¹ сама играла, с пляской. И на гармошке играла: плясовые, подгорную; бабы пляшут. Делали одновременно гармошку с заслонкой.

Православное Крещение

Ердань [иордань] делали круглую. На Крещение воду брали: ночью ходили, затемно. Вода святая уже идет. Надо почитать, помолиться. Иконку берешь. В церковь навозили большие деревянные ванны воды, ставили на козлы и ждали, когда будет двенадцать часов, и начинали петь. В пять часов уже вся земля и вся вода — святая. Двенадцать дней после Крещения не надо стираться. Грязну воду не лейте! Это закон, так положено. Не мыть ничего, ни скотину, ни детей, ни самим мыться, и баню не топишь. В само Крещение, один день. В пролубе купаются, когда шуликанишь бегаешь². Раньше женщины не бежали шуликанишь, мужики одни. Они спирту напьются, натрут-ся, и на Ердань. Там вырубают большую пролубь, а дно ледяное. Туда проткнут, — вода выйдет, тогда служит поп. Тут подвозят этих шуликанов, они скачут прямо в эту воду. Поп их благословляет. Потом в туп, и домой. Позже сама участвовала, сряжалась медведем, емелей.

Разгульная Масленица. Катания и забавы

Праздновали с воскресенья до воскресенья. Одно воскресенье баню не топи, не работай, а середь недели делай, что хочешь: работай, пряди. Катались с гора на санках, на лотках. Лотки большие, человек на десять. С гармонью. Снежный город складывали из снега. Складывали комки. Замерзнет, еще кладут. Подымут высоко два столба, поперечку деревянную сверху положат. Когда Масленка проходит, лопать надо этот город. Поставят логун пива или четверть вина, и если ты поехал на лошаде (только мужики), и если не сломал, поймают его, в снегу намоют. А если изломал, уронил эту перекаладку, — забирает этот логун пива или четверть вина и идет гулять. До того никто не трогал город, сделают, и стоит до времени. Это сейчас ничего нельзя сделать. Поставят, стоит, ждут, когда Масленки последний день.

¹ Печная заслонка — металлическая пластина с ручкой, предназначенная для закрытия устья русской печи. Использовалась в качестве импровизированного ударного самозвучащего музыкального инструмента.

² Участие в святочных ряжениях считалось у православных крестьян грехом, который необходимо было смыть в святой воде, окунаясь на Крещение в иордань.

Гордюшкин Павел Петрович

Родился в 1911 году. На момент записи рассказов проживал в селе Кытманово Кытмановского района

Интервью в 2001 году
провела Татьяна Щеглова

Как жили «миром». Мирская жизнь и мирские порядки

А мололи — у нас мельница была на Чумыше... Хозяин... Фамилию вот забыл. Мельник жил, у него дом был — дом стоял на этой стороне, а мельница на той [от реки]. Да. Мельник у нас был постоянный. Зажиточный мужик. Детей у него не было. Ниже моста была [мельница]. Сруб был. Да. Там жернова были установлены такие [каменные], а прудили плацами [пластами земли]. Пахали, там такие плацы нарезались и возили на лошадях. Все возили. Всей деревней. Деревня была разбита на два «взвода». Вот сегодня одни работают, а завтра обязаны вторые работать. За это у него [мельника], ну, как сказать, был... батрак, наверное; он записывал вот, мол, привез там два воза или три воза [пластов земли]. Он спрашивает: «Под помол или деньгами?»¹. Ну, там как отец сказал — «под помол». Записывает и отдает тебе под помол. А если нет, деньги сразу отдает. Вот так. За неделю плотина готова. Здесь все мельницы водяные были по Чумышу и по речкам.

У нас вот до этого моста [современный мост через Чумыш в Кытманово] был деревянный мост. Вы думаете, как мы его делали? Два дня и мост готов. Строили сами крестьяне. Ну как вода садится... когда в апреле. А замерзает-то в ноябре. Руководил... Был дед. Усов — фамилия. Вот он стоял и собирал деньги. И он, значит, его разбирали когда, он командовал. В общем, хозяин. А деревня была, как я уже сказал, на два «взвода» разбита. Как наша улица. Ну, вот там, где командовал этот дед, было записано, где работать. Спускают «капер». Это такая площадка деревянная, чтобы не тонула, а там два столба стояли высокие, метров семь, может, больше. Столбы на конце этой площадки. И посередине такая жердь пришита, три пальца шириной. Там такое колесо сделано, ну на нем закреплённый трос. На полу 18 килограммов — такая железная чур-

¹ Плотины для мельницы сооружали и ремонтировали всем миром, а мельник расплачивался с крестьянами за работу с каждым крестьянином либо деньгами, либо бесплатным помолом их муки.

ка. Только четырехгранная она, у ней ушко, как вот у гири, сделана. А у этого троса такой крюк сделан, который за это ушко берет, и загбенный [загнутый] так, чтобы подымать. Подымают, спустили на воду, подплывают, чтобы где вбить эту сваю [деревянную], этот столб [сваю¹] между этих столбов ставят. И вот начинают бить. Этот трос эту гирю поднимает... три-четыре раза ударят и все... бьют этой чуркой. Трос его поднимает канатом. Потом пускают, и поют песню там. А и матерные, и добрые, и всякие. Вот они там три-пять пар забили, а тут столб, там столб — пара. А сзади идут, значит, насадку делают. Ну как бревна поперек. А тут уже настил делают и перила делают. Вот сделали его [мост] и до мостов, пока лед не станет держать. Потом все это разбирают [настил моста и поперечные бревна и сваи], и на берег возют, складывают. Вот этот дед караулит их. И так каждый год... столбы вынимали все. И каждый год его же снова вбивали и настилали. Постоянно моста так и не было. Мученье было. А этот дед у нас на мосту так и помер. Все время охранял его. Вот так разберут все, ну он... и тогда были друзья-то...ну вот кто, так сказать, маленько повыше — он им там купит винца и погуляет. А остальным ничего нету.

А вот кто во главе села стоял — староста. Выбирали, наверное. Я вот про это уже не помню. Нашего отца брат был у нас свой писарь. Гордюшкин Максим Варфоломеевич. У нас была волость в Кытманово². И он был волостной писарь. Волость стояла, где сейчас райисполком. Здание большое было. Рубленое. Здание было хорошее. Там писарь, волостной староста, урядник... Мужики же собирались... Вот улица у нас там широкая была. Вот там на улице... Я вот помню один мужик уваровал овчины какие-то, украл лен у кого-то, да кожу. Его поймали. И его, значит, подпоясали. Опояски носили тогда. Его, значит, опоясали, и все там связали кучей и повезли в волость. И он так шел... за собой тащил [к опояске привязали овчину, на которую положили сворованные вещи]. Дадут его туда [тычки]

¹ Как правило, в деревенской традиции было строить деревянные мосты на сваях. И помост, а особенно сваи, старались делать из ливенницы, которая в воде дубела.

² Крестьянское самоуправление включало мирскую общину, в которой распорядительная власть принадлежала сходу — общему собранию мужчин, а исполнительная — старосте. Сельские общины объединялись в крестьянскую волость, где распорядительным органом было волостное собрание, состоявшее из мужчин, выбранных сельским сходом в волость. Исполнительная власть принадлежала волостному правлению во главе со старостой. Обычно в волостных центрах строилось здание под волостное правление, перед ним была площадь, на которой проходило волостное собрание.

Наделение крестьян земель. Алтайский округ 1911 год

и говорят ему: «Шуми: я — вор, украл!» На улице, а люди все видят, знают. Говорят ему: «Шуми!» Это я пацаном был, помню. Привели его туда [на широкую часть улицы перед волостным правлением], староста выходит, писарь, урядник, спрашивает мужиков: «Чё мы ему дадим? Какое наказание?» Ну, смельчаков-то много всяких. «Как попишем [накажем]?» А вот так [налупим]. Ну и там поговорили, поговорили — как украл, чего украл, чем украл. Вопросов было много. Ну, значит, так и решили. Пописать [кулаком]. Вот они его и пописали. Тут же. Кулаком.

Мальчишечья жизнь в крестьянском мире

У каждого [из сыновей в семье] своя обязанность была¹. В амбаре насеешь муку и несешь. Метра четыре-пять амбар. Из леса. Из березы никогда у нас не строили. И из осины тоже. Пихта все. На лошадях возили ее... сплавляли тогда по Чумышу. И вот амбар строили. Из круглого [леса]. Пол делали так, как в избе. Все дела-ли хорошо. Амбар устанавливали на чурках... обжигали некоторые чурки... обуглятся и больше не гниет... обжигали вкруговую. Тоже не все. Иногда камень возили. Большие. Какой под силу. С горы

¹ В семье были одни мальчишки.

Осинцево. Где мост, за мостом. Там жил Осинцев, вот и называлось это так. Камни ложили под углы [сруба], если длинная [стена], то еще посередине. Невысоко стоял амбар. Дверь, а потом ступенька. Ну, если большой амбар, длинный, то четыре сусека. Заходишь и по обе стороны. На той стороне два и на этой. В одних пшеница, в других мука, а между ними перегородка. Ну а там... ведь рожь сеяли, овес, просо. И где вот я муку сеял — это в коридорчике... Рожь. Хлеб пекли. Хороший хлеб был ржаной. Просо. Блины пекли, кашу варили. Раньше у кого чё было. Кто овес сеял, кто рожь, кто просо. Но в хозяйстве все нужно было. Скотину-то хлебом кормить не будешь. Ячмень сеяли, но не все. Вот мы не сеяли. Гречиху сеяли, кашу варили все время. Каждый день, может быть, и не варили, но была своя.

У нас было два амбара. А между амбарами еще «завозень» вот назывался. В амбаре сусек делали, а сусек здесь вот как койка, мука там насыпана, а вот здесь его называли ... нет не решето, а уступ. Вот так вот плага здесь, а муку оттуда достаешь плицей¹... Сделал ящичек такой широкий, сделал колесики. На дне сито. Здесь в конце ручка сделана [плага в виде маленькой тележки с дном из решета], насыпаешь муку [плицей в плагу]. Здесь вот сиденье, там такая была сделана, удобно сидеть и начинаешь взад-вперед катать [плагу-тележку]. И вот катаешь. Иной раз смотришь: сверху отруби одни остались, там отруби отдельно, насыпаешь опять [непросеянную муку плицей], эту разгребаешь там, если много, и опять качаешь. Вот пудовку² эту насеешь, насыпешь плицы, подденешь, и, ну не всегда, а бывало, притащишь матери, мать квашню ставит каждый день. У меня это обязанность была — просеять муку. И у матери обязанность — печь хлеб. Вечером сеял. Утром она печет уж. Вот двенадцать человек уж нас было. Да почти каждый день пекла. Это адская была жизнь. Матери нашей очень трудно было жить. А отруби потом свиньям. Свиньи же были, свиней кормили. Намешаешь им.

Да. Я вот еще жил у кузнеца. У Мачулина Василия Андреевича. А кузница была в селе. Две. На Тягуне была своя кузница. А у нас своя была, так называлась на Сибирской улице. Там раньше сибиряки жили. Но раньше были, мне кажется, какие-то дурацкие имена. Нашу улицу звали Самодуровка. Я вот даже не знаю за что,

¹ Плица — деревянный совок.

² Пудовка — деревянная кадка (бондарная посуда), вмещающая жидкость весом в один пуд (16,38 килограмма).

про что так называли. У нас вот Набережная, а тогда Самодуровка. А Сибирская — ее сперва Краковская звали. А почему Краковская, не знаю. А потом Тарабенская улица. Вот там они все жили. А тут вот... ну приезжие. Эта кузница-то была вот здесь вот недалеко. Получается у сибиряков своя была, а у нас своя. Мачулин тоже был откуда-то приезжий. Кузница тоже срубленная была. Не так большой сруб. У их [Мачулиных] девчонки были [а в семье Гордюшкиных, наоборот, одни мальчишки], но потом был парень у них. У него и посевная площадь небольшая была¹, но девок много было, а ребятшек не было. А я боронил. Хозяину пора сеять пшеницу, все ж машина сейчас делает. А тогда мешок на себя оденешь, там пудовку высыпешь [в этот мешок] и идешь под ногу. Раз шагнул — бросил, туда шагнул — туда бросил. Сезон [работал] — на посевной. Неделю там, две, может быть. И на уборку. И сосед вот возле нас жил. Три брата у них. Девки есть, а ребятшек нет у них. У них [тоже] жил. Там я как дома. Ем, пью и всё. Только обут, одет в свое. И всё. Хозяин с отцом сами договаривались за работу. Когда посевная — на пашне [во время работы у соседа]. А я в доме-то вроде как лишний — у нас-то ребятшек много... Да мне и не докладывали [на каких условиях отдавали в дом]. Говорили: «Иди вот сюда», и всё².

На лугах коней пасли. Я начал работать совсем молодой. С лошадьми. На неделю на пашню ведем, а в субботу валили домой, а приедешь темно. И вот едешь. Договариваешься в воскресенье, что в субботу встретят. Приедешь, нет никого, и кличешь...там: Васька! Мишка! Но лошадей не найдешь. Ночью где ты их найдешь? Никого не боялись. Ведь степь кругом, а почему спишь хорошо? Да потому что день наработаешься. Спали у зарада — сено мечут для зимы, вот в него [зарывались и спали]. А утром надо встать рано, домой ехать, лошадей на работу выгнать. Да. Поедешь, напوییшь, перепутаешь. Да. Одни ходили, одни ночевали там. Когда друзья приедут, тоже сеять в поле.

¹ При единоличном хозяйстве и мирских порядках землю выдавали по едокам, исчисляемым по количеству мужчин. На девочек и женщин земля не полагалась.

² В советской литературе много писали о батрачестве детей и эксплуатации детского труда. Однако это явление было более сложным. При единоличном хозяйстве все производилось семьей. Трудовые традиции делились на мужскую и женскую работу и дома, и в поле, и на скотном дворе. Разбалансировка в достаточном наличии как мальчиков, так и девочек создавала определенные трудности в выполнении тех или иных работ. Это вело к своеобразному обмену детьми: мальчиков брали в помощь хозяину для выполнения мужской работы, девочек — в помощь хозяйке, часто нянечкой.

Молотьба

Сеяли по-разному. И там, и тут сеяли. Но одну культуру с другой вместе не сеяли. Потому что это же как-то связано с уборками. По-разному все это делать. Пшеницу сеяли в основном, рожь мало сеяли. Ну сеяли все равно. Овес обязательно сеяли. Молотили-то молотягой. А были у нас такие люди, держали [молотягу]. Он [владелец молотяги] приезжал сюда. А нас спарилось три двора и он года два или три ездил к нам. Машину привезет на своих лошадях и молотил здесь. На одной лошади не привезешь, потому что по-разному — там ведь круг такой, барабан. Лошади вращали. Она [лошадь] по кругу ходила. День и ночь работали, молотили. Рассчитывались по-разному... там... зерном. А вот по сколько, я не помню. Овином. Так назывался. Двадцать пять кучек по десять снопов... Ему овин платили. Да. А то вместо [платы натуральным продуктом] отработки делают. Он нанял тебя, а ты ему... это... отработаешь. Но мало в основном расплачивались зерном... молотил пшеницу, рожь и овес, просо там. Пшеницу измолотили — убрали все. Потом овес. Он [хозяин молотяги] у нас жил, пока молотит. У кого работал, тот и кормил... на пашне там готовили... у кого сколько. У кого много, у кого мало. Да иногда в неделю не управлялся. Ведь потому что пашни-то у нас разные. Вот у нас перемолотил, надо машину взять, перенести соседу, установить там. А время идет. Но он ездил. Он не обижался на нас.

Медведев Игнат Алексеевич

Родился в 1912 году в селе Усть-Калманка
Усть-Калманского района. Старожил из кержачков

Медведева Тамара Абрамовна

Родилась в 1927 году в селе Усть-Калманка
Усть-Калманского района. Переселенка. На момент
записи рассказов проживали в Усть-Калманке

Интервью в 1995 году
провела Татьяна Щеглова

О расселении старожилов и основании села Усть-Калманка

И. А.: Я здесь родился. Мой прадед зачинал село это — Калманку¹. С России они шли. Земли эти заселять. Тогда назывались ходоками. Из Барнаула шли по реке, облюбуют место, где можно ставить [село]: «Кто останеся?» — «Я». — «Оставайся здесь». Так и дальше, и дальше, дальше, и все туда — пока Чарыш не кончился². Все заселяли так. Мой прадед вот здесь облюбовал и поселился. Как его звали, не помню... Дед у меня девяносто девять лет прожил. Давыд Палыч был. Прадеды село основали. Это уже деды рассказывали мне... Когда мой прадед организовал эту Калманку, нарезал [свою землю], щас вот Новый Чарыш [село Чарышское, Усть-Калманский район], от Ново Чарышу под Коробейниково [Усть-Пристанский район] нарезал туды землю под Михайловку, от Михайловки вдарил под Ново-Калманку. Так! Огни обошел и с Ново-Калманки на Ельцовку повернул. От Ельцовки отрезал вот эту Пролетарку. Сюды. Так, за Чарыш. Вот так и нарезал. Столбы поставил — это земля его. Все. Кто будет заселяться, он будет тем земли давать. Так? Он самый первый сюда пришел. Мой-то дед кержач был, заселял-то.

¹ Село Усть-Калманка является районным центром Усть-Калманского района Алтайского края. По сведениям Ю. С. Булыгина, оно основано в 1732 году. Расположено при впадении реки Калманки в реку Чарыш. Входило в группу старообрядческих сел, связанных мирскими и родственными связями (Воробьево Шипуновского района, Красноярка Усть-Пристанского района, Усть-Калманка Усть-Калманского района). Являлось одним из центров хлебопашества центральной части Алтайского края. По переписи 2010 года в нем проживало более 6 тысяч человек.

² Заселение Алтая на самом раннем этапе велось вдоль рек: Оби, Чумыша, Алей, Чарыша и других водных артерий, так называемое приречное расселение старожилов.

Крестьянский двор. Деревня Тайна. Начало XX века.

1920-е годы: о единоличной [доколхозной] жизни и заимках

О земле. Когда жили единолично, делали так: на девок земли нету, а сын родился — вот тебе земля, второй родился сын — вот тебе земля, третий — третьему дадут. А если все девочки, то нет тебе земли, сам отец получает и все. Когда росейские приезжали и им нарезали. Земли много было. Она вся в запасе была в их [старожилов]. Вот щас, в 29-м году [1929 году] Чарышский совхоз построился, от моста щас и туды до Пономарей [Усть-Калманский район] и до самой... там была Васильевка, Ясная Поляна, туда [в сторону Алейска]. Вот это вся земля пустовала. Вот этот совхоз заселил здесь, все и забрал, всю землю, в 29-м году [1929 году]¹. А то все пустовала... Мой прадед, который заселял, он когда это все захватил...

¹ В 1920–1930-е годы в рамках социалистической модернизации крестьянской экономики создавались либо путем кооперирования деревенских обществ колхозы, как социалистические хозяйства, которые в ходе колхозного землеустройства забирали и объединяли крестьянскую землю в колхозный фонд, либо совхозы, путем государственного финансирования. Последние часто создавались на новом месте с торжественного вбивания колышка на месте жилого и производственного фонда будущего совхоза. Многие из этих поселений и сейчас являются населенными пунктами с развитой инфраструктурой. В том числе село Чарышское Усть-Калманского района.

Вот, щас Ельцовка падает, Землянуха, Ново-Калманка падает — три речки сошлись. Дак вот, он тут захватил, и прямо вот так отступил, там же камыш, где машину строить надо. Вот тут сделал себе мельницу, эта мельница у его работала на три жернова. Не успевали выгребать [муку]. Дак вот, у его три сына было: дед мой — Давыд; Трофим, Павел. Тогда, когда делились... Отец как делит своих сыновей — што тебе дал. Дом поставил, скотины сколько дал, больше не спрашивай. Так вот, тем сыновьям отдал мельницу, а моему деду не дал. Всем по жернову, а деду не дал. Отец помер, он и хоронить не пошел его. За это дело. Што я могу сказать? Кого-то полюбил — тому дал, а кого не долюбовал — тому не дал. А дом деду построил. А дед потом свою мельницу построил.

У отца заимка¹ была. Сперва была «на ветер» Ельцовского моста². А передел земли, не знаю скоко делали, досталась [земля] сюда «под ветер», в тупик туда. Где там три речки падают: Землянуха, Елесовка [Ельцовка] и Ново-Калманка. Так вот тут в тупику у нас «пашня» была. На заимке жили только летом, во время работы, хлеб сеяли, хлеб убирали, сено косили. А зимой со всею скотиной переезжали домой в Калманку. Дак нас там было на заимке человек пятнадцать, избушек, хозяев было. Вот так вот. Понятно? Ну где тебе землю нарежут. Вот по пятнадцать-двадцать человек собирается, землю нарежут, вот тебе и заимка, живи там. Каждый себе хату, какую может, сделал: деревянную — деревянную, земляную — земляную, кто ее сделает, там и живет лето. У нас уже отец со своим братом разделился. У его семья, у того брата большая была, дети большие были. А я самый старший был у отца. А у отца все были маленькие — шесть человек нас было, а я самый старший был. Сестренка — с семнадцатого году, братишка — с двадцатого, сестренка — с двадцать пятого, сестренка — с, наверное, двадцать седьмого и одна — грудная.

¹ Заимка — выездная форма крестьянского производства. Деревни разрастались и землю уже в общинах получали не вблизи, а на расстоянии. Сначала заимки были сезонными. Обычно на заимках были пашни, сенокосы, пастбища. Со временем переселялись молодые семьи. В таком случае образовывались поселения.

² У старожилов были свои традиционные ориентиры постановки дома, застройки села, расположения усадьбы, пашни, сенокосов: «на ветер», «под ветер»; «на солнце», «под солнце». В крестьянском доме от освещения и направления ветра зависели сохранение тепла (при печном отоплении), от дневного солнечного света — длительность домашних работ (при освещении с помощью лучины или «жировика»); на усадьбе, в поле, огороде — урожайность, созревание, приплоды и т.п.

Отчий дом

А в Калманке дом был деревянный, срубленный. Отец отцов делал этот дом. Их вот три брата было. Вот щас отцова брата домишко остался, такой хороший был, щас уже в землю ушел. Наша изба еще из круглого лесу сделанная. Сосновый [дом]. Лес, вот за Усть-Пристанью, за Обью, раньше там бор был. Там заготавливали, летом его заготовят, там его ошкурят, в табор скатают, он летом высохнет, а зимой его возют на стройку. А лес выбирали какой-то?! К[а]ндовый назывался¹. Вот он еще назывался для стройки самый полезный. Понятно? Тада по старинке [изба] называлась — «связь». Он [дом] был здоровый, а жилья в нем — мало. А почему? Вот так он в длину, первая комната шесть на шесть была. Потом, вот, допустим щас веранда, идешь верандой, сразу поворачиваешь направо, ой, налево были два метра теплые сени, и в подветренную комнату заходишь — тоже шесть на шесть. Вот это-то веранда, там в конце кладовка была — продукты, так она уже, 3 с половиной метра была. Вот считай: ширина его была шесть на шесть та, и шесть на шесть та — двенадцать, и два, эта посередине. Четырнадцать метров [длиной]. Высокий... Я, короче говоря, [спал] на русской печке... Русская печка была, я на ногах стоял тада [высоко до потолка, дом высокий]. Полати были — спать, спали на полатах — я сидя сидел. Высокая изба была. Восемнадцать рядов было высоты². Клеть³ была под той, под одной половиной, под подветренной. Дом был крыт тесом.

¹ При использовании леса в строительстве жилых и хозяйственных построек старожилов Алтая работали свои критерии в определении годности и ценности леса; делился ими на «мендачину» и «материчный» лес. Мендачиной они называют молодой, не созревший, не набравший крепости и поэтому поддающийся прелости лес. Материчным, в их представлении, являлся лес, у которого была сырой только кора, а сердцевина — полусухая, поэтому она была крепкой и не поддавалась прелости. Вызревшую лесину, готовую к строительству, еще называли «кондовой».

² И.А. Медведев описывает широко распространенный у старожилов Алтая тип дома «связью» — три камеры (комнаты, связанные друг с другом). Этот тип считают одним из древних в славянской культуре. Образовался он путем соединения сенями двух стоящих рядом изб. «Изба» — самое древнее однокамерное жилище восточных славян с духовой печью. Произошло от слова «истьба», «кстопа». «Избы» и «избы связью» преобладали в деревенской и городской культуре Алтая в XVIII–XIX веках. Традиционные пятистенники и крестовые дома «по-круглому» (четыре ската на крыше) этнографы связывают на Алтае с переселенцами второй половины XIX века и улучшением материального положения крестьянства.

³ Клеть — нижнее высокое помещение под землей, иногда с продолжением сруба в землю и наземными окнами. Использовалось как производственное помещение, как омшаник. При разрастании семьи могло быть переоборудовано в жилое. Традиция старожиловской архитектуры Алтая.

О кержаках и росейских

(К разговору присоединяется жена И. А. Медведева Тамара Абрамовна Медведева — из росейских).

И. А.: Мой-то дед кержак был, заселял-то. Как объясняли мне, дето [где-то] там, в России, была река Кержа. Вот эти люди там жили, их прозвали кержаками. Вот тебе и все, я так слышал. Понятно? Религия у них другая была, богу молились по-разному. У этих церковь была, а у нас собор был¹. Церковь российская была вот где сейчас райком (здание райкома КПСС), прямо посередь ограды, красивая церковь была, кирпичная. А наш собор был кержацкий, вот щас по Сибирской идешь: Ломовцев, мож, знаешь? Дак вот, «под ветер» Ломовцева наш собор стоял кержацкий. Но у нас собор был деревянный, кержаков-то немного было, вот. Вот тебе и бог, и молился. Режимчик был такой, что жаниться на росейке кержаку нельзя, кержачке за российского выйти нельзя, вот так вот. А вот уже в тридцатом году все перемешалось, все. Перековеркали все на свете. Какие щас кержаки? Попережанились все, молодые. Старые поперемерли, кержаки, настоящие.

Тада так было, это я как от стариков все слышал. Вот Пономари, вот Пролетарка, Огни... Они друг от друга-то знали, там тоже были кержаки. Щас в Калманке невесту не нашли — сына жанить допустим. Неподходящая, не подходит, так?² Поехали, допустим, в Огни, в эту, Ново-Калманку. Приезжают туды, начинают свататься к родителям. Эти родители, как поехали свататься, выберут таких людей-то самостоятельных, рабочих и так дальше, не пьяниц. А ежели которые выпивают? А туды приедешь к им, к невесте, так они всех продержут, все поколение — какой он есть, и какие у него родители и все. Вот тебе и был приплод. А щас что? Тот берет пьяницу, тот туда-сюда. Тада же круглые сутки работали, не пьянствова-

¹ И. А. Медведев воспроизводит традиционную для Алтая картину, когда в старожильском селе, основанном староверами, после подселения переселенцев второй половины XIX века (в Усть-Калманке это были переселенцы из Курска, их называли в простонародье «куряне», а район их застройки Курским) формировалось два прихода: старообрядческий (древнеправославный) со своим собором или молевым домом и мирской (никонианский) с церковью. В целом на Алтае существовало достаточно много смешанных старожильско-переселенческих сел с двумя религиозными общинами. До наших дней в таких селах сохранилось и два погоста — старообрядческий и общий. Вместе с тем староверы для сохранения чистоты своей веры стремились обособиться и не допустить переселенцев в свои поселения.

² Игнат Алексеевич рассказывает о традиции создания семьи в кержацком обществе, когда невесту подбирали родители, которые смотрели на семью, на ее имущество, на ее умение работать и обеспечить жизнь.

ли. Зимой только свадьбы играли, вот тогда и гуляли, все.

Кержаки и российские дружно жили. Но все одно жениться нельзя было. Допустим, старшие-то дружно жили, а скандал-то из-за чего был? Вот молодежь, ребята холостые. Вот, допустим, на Гуде вон девки, а отсюда вон с центра пошел девку проводить. Вот тут центр, где почта, где собирались, пошел проводить, а те краинские ревнуют, и щас отлупят. Эти, наши соберутся, что наших отлупили, и ихних ребят поймают и тоже отбузуют. Вот такая вражда была¹.

Т. А.: Мы вон с им пожанились, меня не хотели они. Родителей у его уже не было. Все там, в Нарыме, поумерли. А разные там тетки. Вот они-то все за глазами и говорили: «Ну-к, он пошто взял россиянку, пошто взял жу? Да он Ланочку бы взял». Какая-то чеканутая, была, ну, она кержачка. Так вот: «Пошто шты Ланочку-то не взял?» Подобрали, ему, она ведь кержачка. Ланочка, ее звали, имя. У их имена-то, не выговоришь. То Пимон, то Селивёрст, там черт-те не знает, если, перебрать, всяко. И бабы также названы, то Макридинья, то Секлитинья, а Агафья на Агафье. «Ну-к ты, Агашь, иди скажи Агашке, пусть притащают Аганьку». Все Аганьки. У их имена не выговоришь.

Кержаки и российские. О вере и суевериях, о быте и традициях

Т. А.: Они молились не так, как российские. Российские в церкву ходили, вон у меня российская [вера] была. А у их какой-то собор был, они там своему Богу молились. Вот и все.

И. А.: Сломали собор. Прямо сразу. Сделали в нем клуб, где-то в 33–34-м году [1933–1934 году]. Сломали, не знаю, куда его девали. И церковь сломали [где молились российские]. Дуракам закон не писан. Хотели кирпичем из нее попользоваться, она же кирпичная была. А раньше-то, знаешь, цемент?! Знаешь, какой был? Ее стали ломать по одному-то кирпичику никак не разберешь, и куваддами били-били. Вот такими вон комами отбили и все пропало. Щас бы молодежь бы красовалась, такая красивая была. Красивая была, «на ветер» была дверями. Я как же ходил в нее. Она отличалась. Они по-своему молятся, наши [кержаки] — по-своему. У кер-

¹ Усть-Калманка имела Кержацкий центр и переселенческие окраины, например, Курский край. Отсюда — «краинские ребята» — с окраины.

жаков разные иконы. Кержацкий поп был. А когда он молитву творил, он колпак одевал.

Т. А.: Ну и разговор у их сибирский. Ну они там разговаривают: «Ну а пошто ты пришла? Ну дак эка, ты што?» Вот Красноярка [Усть-Пристанский], там пошти все село — кержаки. Вот туды, за Пономарями, Воробьево [Шипуновский], это все кержацкое село, до одного. Вот приехайте, они разговаривают иначе. «Ну ты приходи, чаю попьем, ну ты пошто, эка? Ох, та баска. Он жанился, а она баска». Красивая значит. И по разговору сразу видать. И одеждой отличались. Вот женщины-кержачки, они юбки, кофты не носили, а российские юбки, кофты носили. А они носили платья, подпоясанные поясами ткаными, на конце махорчики. Вот подвяжут их, и так ходили. Вот у меня мама платья никогда не носила, у ей только юбка и кофта была. В молодости може сарафаны какие были раньше, кашемировые или какие были. А вот на этих кержачках, что я захватила, всегда на их платья. Платья и вот эти пояса. Пояс тканый и махорчики на конце. Да длинные, вот, так вот висят, они завяжут, и ешо висят и там махорчатые концы. Да, а ешо сибирячки носили платки вот так... и за уши вот так.

У росейских такой же дом [как у кержаков], да и у росейских полки были, только назывались полки они. У их полка — это грядка¹. Один жанился на росейской, а она не найдет там противень, или какой-то там... Ну, всё по-своему! А свекровка: «А ну-к, на грядке». Она [сноха] в огород [пошла], все обошла, приходит: «Маменька, я не найду ничё». — «Ну дак я тебе сказала на грядке». — «Ну, а где грядка?» Подвела ее [к полке]: «Ну-к вот грядка». Это полочка. Ну раньше печь русская, и вот судня, на какой стряпалися, и вверху ешо туда чё-нибудь ложили — полка. Вот это у их грядка [на ней и стоял противень]. У их все по-своему. Буфетов таких не было. Шкафчик, там чё-нибудь ляжит, полки да лавки. А так все у росейских и кержаков одинаково. Полати были, а как же. Голбцы. Ежели в то время рябитишек было в семье сколько, ежели каж-

¹ Т.А. Медведева говорит о традиционном убранстве избы, в которой неподвижные полки делались не только по периметру параллельно встроенные нижним лавкам. Но одна из полок шла не по периметру стен, а посредине избы от печного стояка, на котором крепились палати, до противоположной стены. Она условно делила избу на две части — «куть» с печью и запечкой, где хранилась утварь и готовилась пища, и чистую половину избы с обеденным столом и «красным углом». Эта полка называлась у разных историко-культурных групп по-разному: «поличка», «грядка», «воронец» и т.д. На нее ставили громоздкую утварь — селянку (сеянку), квашню, противень и т.п.

дому коечку в избе ставить, это какую избу надо. Нижний — широкий был голбец¹, туды за картошкой лазили, а верхний [голбец] — это у печки лавка, шо лежала доска, чтоб удобней спать. Везде ж спали. Шо если жениться — на койке спать? А эти тут все избы на-стелют, на полу спали.

И. А.: Это потники были, потники накатанные, шубами укрывались.

Т. А.: Потники стлали на полу, а одевались дерюшками. Дерюжка — как половичка. Ткались они из чегой-то, из конопля что ли. Дак вот сошьют две полоски, как одеяло, вот и укрывались.

И. А.: Это российские дерюжками, а сибярики — шубами, тулупами. Тулупы-то овчинные были.

Т. А.: Вот щас дождевик брезентовый, от дождя, а кержаки тада, из шерсти сделают — это пониток называется, от дождя. Так спасется от дождя в такой дерюжке. Ну ткался пониток из шерсти. А у хохлов — зипун. А у российских какие-то тканые — зипуны назывались, шерсть вот катают, катают, вот и зипун. Он из другого материала, видишь тканый какой. Они кержаки все какие-то. У меня мама не любила их. Они какие-то: всё, что на уме, то на языке — ляпнет. Как-то не долюбовали. Она, все бывало, мама скажет: «У кержаков все как-то нежевано летит, необдуманно, а сказано. Пряма как-то ляпнут». А потом они какие-то ленивые кержаки были, как мы понимали. Они вот бабы, они ничё не умели делать, кержачки. Они только пили чай, привораживали мужиков²:

¹ Нижний голбец являлся частью встроенной мебели, выглядел в виде прямоугольного ящика из толстых широких досок, пристроенного вдоль длинной стороны печи от входной двери. Использовался как лавка (как правило, для пришедших прошенных и непрошенных гостей), как место для сна. Из него делалась западня в виде крышки или задвигающейся под печь доски для входа в клеть. Параллельно ему устраивался верхний голбец, опирающийся на стойку (от которого делалась и полка-грядка) в виде широкой плахи, которая являлась продолжением спального места на русской печи. Эта встроенная мебель являлась характерной для старожилов Алтая и являлась частью рационального обустройства избы для многофункционального использования в условиях многолюдности и многопоколенности крестьянской семьи. На Алтае их называли голбчик, голбец, голувец.

² В крестьянском мифологическом сознании, как особенности традиционной культуры, большое место занимали представления о чистой и нечистой силе, о «друзьях» и «врагах» человека, «защищенной зоне» и «незащищенной зоне». Для защиты служили условно проводимые границы, по которым создавался целый комплекс оберегов и материализованных (нателный крест, подкова на двери или калитке, щепотка соли под порогом, рыбацкая сеть на заборе и т.д.), так и нематериализованных (молитвы, приговоры, заговоры, нашептывания и т.д.), а также способность людей использовать нечистые и чистые силы для вреда или спасения людей. Как правило, в каждой деревне были свои колдуны и знахари, «бабушки» и «дедушки», обладавшие определенными способностями.

«Надо приладить, ну-к он лучше». Вот твоя нянька-то [обращается к И. А.] была жива¹. Кто была, я уж и забыла... Агафья. А это мой муж, мы с им жили. Мы первые годы жили, придем, она: «Ну как живете?» — «Ну живем, как». У нас там огород был [рядом с теткой], да как опять в гости придем, она опять: «Ну как живете?» Я говорю: «Да ничё живем, как больше?» — «Ну-к ты, его прилаживай». А я вот не спросила у ей, как это прилаживать. Я говорю: «Нянька, ну а зачем прилаживать-то?» — «Ну, а на и лучше»... Ну, умели, портить они умели. Да испортят человека. Вот он будет болеть, а чем, не знает. Корову испортят, молоко не будет давать, жиры отымут, молочко плохое будет. Устроят, чтоб ругань какая-нибудь вечная была, подсыпят чё-нибудь и все....

О взаимоотношениях старших и младших во времена революций

И. А.: Да, кержаки, они ... Вот у меня брат двоюродный был, в семнадцатом году, когда Ленин завоевывал власть-то себе, его взяли в армию, ему было семнадцать лет. Ну он попал к румынам в плен, еще в какую-то страну попал. Так вот и скитался. Де-то [где-то] с плена пришел в 22–23-м году [1922–1923 году], остался живым, не убит. Ну и шо? Он насобачился всей этой процедуры, где это он был-то. Да, вот тебе, один раз в субботу эти все кержаки собираются в собор, в маленную, на вечерню молиться. Один кержак идет, туды в собор-то, а этот мой брат, с россейскими ребятами, один [из кержаков], идет в гармонь играет, второй песни подпевает, а третий — подсвистывает, да ешо вперед забежит да пляшет. И вот этот кержак идет и смотрит на эту процедуру-то. Ну и шо? Молиться начали собираться [в соборе], а этот кержак: «Обождите молиться, надо разобраться, тут у нас некрести есть». Ну, тут все: «В щем дело?» — «Дак вот, я щас шел, Герасима Давыдыча сын-то, пришел с плена-то, идет песни поет под гармошку. Надо с отцом разобраться, решить: то ли ему позволять молиться, то ли нет». Ну, остановились, начинают разбираться. Решили: отца исключить из собора, штоб он не ходил молиться, пока не исправит своего сына. Ну, отец пришел домой, рассердился, ну и вздумал его побить. Тогда мода была, што и жанатых били отцы. Ну, а этот не долго думавши берет

¹ У И.А. Медведева все прямые родственники погибли во время раскулачивания, в Усть-Калманке оставались только тетки. Но в кержацких семьях родственные связи были тесными. И тетки опекали своего племянника.

отца в охапку, приподнял, поднес, на стол посадил: «Вот так, отец, сиди. Надо тебе молиться — молись, хоть лоб разбей, но я вам молиться не буду». — «Как же так?» — «Да вот так и так, иди им и своим кержакам объясни, што я им так сказал». А тогда еще мода была, все там собираются, тада волость¹ была, а щас, сельский совет². Вот тогда у отца какого-нибудь сын сопротивляется, дак отец идет в волость, пожалиться там, вот все соберутся несколько, человек и его вызовут, этого сына, там его начинают плетями бить. А этот им сказал, один какой-то: «Так его надо в волость вызвать и там с им справиться». А он им так ответил: «Я вас, гадов, в этой волости, сделаю кинжал, я вас, гадов, попереbreжу, хватит вам по старинке жить. Щас у вас советская власть уже». И все. Он некрись, с им ниче не делаешь. Запрещали. Строго было.

О семейных устоях и справедливости

Мне так приходилось. Ну я маленький был, ну, може, там лет шесть, девять, десять шло, у меня отец справедливый был. Иду один раз по улице, идет один кержак, старик. А нужно с им поздороваться, шапку сыми и поклонись ему: «Здорово живешь». Ясно? Я сделал так, он мне не ответил. На второй раз он встречается, также я сделал. Он мне ни слова не сказал. «Ну, гад, — думаю, — щас третий раз попадетсЯ, я с им не буду здороваться». Третий раз помогает, но не каждый день, ведь. Ну я как шел, так и иду, не буду здороваться. Так я ишо домой не пришел, куда-то зашел, а он уже сидит у нас в дому, отцу жалится: «Ох, у тебя сынок-то какой растет, он даже со стариками не хочет здороваться». Отец: «Ну-ка, садись-ка, рассказывай, в чем дело». Сперва он разузнает все. А я ему тада

¹ Орган крестьянского самоуправления — волостное правление. Действовало на уровне крестьянской волости (административно-территориальное деление до 1930-х годов, соответствовало современному районному делению: волостное село, как районный центр, но с самоуправлением — волостной сход), объединявшей несколько сел. Волости подчинялись сельские общества. Сход или сборня — орган самоуправления на уровне села с входящими в ее приход деревнями (как современное деление на села с сельской администрацией и входящей в ее состав селами). Село отличалось от деревни тем, что имело церковь, вокруг которой формировалась приходская община. В нее входили деревни, где не было церкви. В каждой деревне, относящейся к данной церкви, раз в году проводился один из важнейших православных праздников с выездом священника. В таком случае часто она получала соответствующее название — Троицкое, Вознесенское, Ильинка, Петровка, Спасское и т.д.

² Опрос проводился в 1995 году, когда еще старожилы помнили советское административно-территориальное деление — сельский совет как выборный орган управления, в состав которого входили фермы или отделения, созданные на базе деревень.

и отвечаю: «Я вот тогда-то шел, с им поздоровался, он не здоровается, второй раз шел, поздоровался, он не здоровается, а третий раз я не стал с им здороваться». Отец тогда на него: «Ты слышь, чё говорит?» Он: «Слышу». — «Дак што он этому плетню или ограде здороваться? А ты идешь. Еще жаловаться пришел. Уходи отсюда». Вот так вот.

Вот курить, не курили, нельзя было. Кержаки не курили. Росейские курили. Пить тогда не пили. Когда свадьбу играют, невесту отдают или женят кого-нибудь, вот это уже неделю на жениховой стороне гуляют, неделю на невестинной. Ну это как свадьба, а это как на невестины переезды называется. В общем, я дак удивляюсь! Сахару не было! Он был, сахар, но денег-то не было, шоб его покупать, да это пиво делать, или самогон делать. И как это? Из чего делали?! Вот такую бочку деревянную наведут этого самогона. Вот тебе нагонют этого самогона и... Это уже редко-редко, четверть возьмут, четверти тогда были, водки с магазина, тогда называлась она «Николаевка». Николай ставил — «Николаевка». Так это разве как щас? Та была чистая, Боже мой!

О детских шалостях

Утром молятся, вечером молятся. Вечером, наверное, в субботу молятся, а в воскресенье как-бы и утром, и вечером. Вот на Пасху молиться идут всю ночь — на всеношную идут на Пасху. А я такой вредный был, не вредный — а не хочу молиться. Мать меня посылает на всеношную, ну, думаю, ну как, шоб не ходить, вот щас лечь — да проспать. Ладно. Вот из церкви [из россейской] ребята к нам идут, там в коридоре пасхи несут святить. А наши [кержаки] — туды идут, в церкву, семья-же, канпания. Дак вот эти пасхи-то освятит поп, и там вынесет, в прихожую-то и там накладывают их. А молодежи полно, там пасху украли — съедят. Там украли. Отмолилися, а там пасхи у некоторых нет... Ну, вот и я придумал. Думаю, щас я ей скажу, я говорю: «Вот так вот, ты меня гонишь молиться на всеношную. Вот щас пойду там пасху украду, скажут, што такой-то такой-то Алексея сын украл пасху. Вот тебе и позор будет». А она сразу: «Иди ложись спать, мне за тебя покойно будет».

Трех сестер там похоронил

Отец Алексей Давыдович был. Не помню, с какого года был. Его в 37-м году [1937 году] забрали, так. И с концом, по линии НКВД.

Я отсидел 11 лет тоже по линии НКВД, вот¹. Все здоровье угробил там. Отца в 37-м году... меня в ноябре взяли, а отца — в декабре взяли, так. Мы жили в Томске. Нас отсюда (из Усть-Калманки) выселили как кулаков. Так в 30-м году [1930 году] ссылали кулаков, в Нарым. Мы оттуда [из Нарыма] сбежали, так. В Томске нас милиция поймала, мы с парохода слезили, и мы в Томске жили, вот. Работали в Томске. Меня посадили в 37-м году, и отца также. Отец так без вести и скончался там. Нас 36 миллионов погибло, которые взятые². Щас вот эти вот фронтовики гордятся — их 24 миллиона погибло, фронтовиков, а нас — 37, так?

До раскулачивания у нас дом был. А вот это как по Сибирской идешь, там как кончается уже Сибирская улица³, там под железом дом старенький-старенький стоит, видала? Это моего отцова брата дом, а у нас следующий сюды стоял. Нашего дома не осталось. Вот Чарышский совхоз⁴ в 29-м году [1929 году] заселялся, и тут вот ломали эти дома кулацкие [перевозили из Усть-Калманки и из них строили дома в совхозе]. И кирпичи обжигали в этом Чарышском совхозе.

Когда раскулачивали, первую партию сослали зимой 30-го года. Эти в хорошее место попали, как рассказывают, Кузнецк, на Чалым. Там уже живут люди, там их определили. А вот весна пришла, в мае

¹ Семья Медведевых пострадала от репрессивной политики советского государства дважды: в 1930 году их семью раскулачили. А в 1937 году, в годы «большого террора» самого Игната Алексеевича и его отца Алексея Давыдовича репрессировали.

² Интервью взято в 1995 году, в период горячего обсуждения проблемы репрессий в СМИ и спекулирования на этой теме политических противников. Приведенные пострадавшим от репрессий И.Д. Медведевым преувеличенные данные являются примером влияния на массовое сознание средств массовой информации, слабым проникновением и использованием научных знаний в обыденной жизни.

³ Традиционно деревня формировалась разновременными потоками историко-культурных переселенцев из центральных губерний России, Урала и Сибири, компактно селившихся «краями», «районами», «улицами». В Усть-Калманке современная центральная улица являлась самой старой зоной старожильской застройки села вдоль реки Калманки и в народе называлась «Сибирская» или «Кержацкая».

⁴ Чарышский совхоз — село Чарышское — Новый Чарыш, расположено на противоположном от Усть-Калманки берегу реки Чарыш. Его основание связано с программой создания государством в 1920–1930-е годы советских хозяйств (совхозов), являвшихся составной частью программы по созданию государственного социалистического сектора. В отличие от колхозов (коллективных хозяйств с колхозно-кооперативной собственностью) совхозы имели государственное финансирование, что способствовало лучшему обеспечению хозяйств техникой, кадрами, гарантировало оплату труда; рабочие совхозов находились в более благоприятных финансово-материальных условиях, чем колхозники. В сельской среде совпали два процесса — раскулачивание и совхозное строительство. Старожилы повсеместно рассказывают о том, как использовался строительный материал домов раскулаченных крестьян. Многие совхозные жилые и производственные помещения начинались с леса кулацких домов.

нас в Нарым. Там в тайгу, ничё нету. И ни огороды не раскорчевать, ничего нету, вот тебе и живи. До Алейска на подводах увезли. Всю семью. В Алейском в поезд посадили, до Томска в поезде мы. Из Томска — на баржу. Баржу большую подогнали, поезд подошел и всех на баржу посадили, пароход забуксовал и повез. Это увезли нас, где Колпашево [современная Томская область], а от Колпашева, это Обь. Там они соединяются Обь и Кеть, и все это. И мыплыли вверх по течению Кети, нас завезли туда, там уже пароход дальше не пошел, да, в самый тупик. Высадили там, бор, лес, тудысюды, и вот там вот этот стаканчик граненый муки на сутки давали, на человека. Вот проживешь на ем? Вообще ничё не было. Бор, лес и все. Вот эти палаточки, как знаешь, раньше жили, на сенокос поехал, палатку, как цыган, растянул, самотканую палаточку¹. Вот мать взяла ее туды, и мы под ей жили все лето.

А я самый старший был у отца. А у отца все были маленькие — шесть человек нас было, а я самый старший был. Сестренка — с семнадцатого года [1917 года], братишка — с двадцатого, сестренка — с двадцать пятого, сестренка — с... наверное, двадцать седьмого, и одна — грудная. И вот мы в Нарыме троих похоронили, с голоду померли. А нас трое, вот это с семнадцатого года, с двадцатого года братишка и я — выжили, оттуда сбежали и вот в Томске и остановились. Там и жили. Сестренка померла, с семнадцатого года тоже, братишка щас там один остался, с двадцатого года. Так вот я трех сестер там похоронил, трое нас, осталось. И вот мы украли лодку у остяков², и вот под воду [по течению] до Колпашева спустились, а тут на пароход сяди, к Томску приехали... где-то в сентябре сбежали оттуда. Интересно как они [семьи раскулаченных] там остались, как зимовали, не знаю.

Нас пачками брали

Жили двенадцать километров от Томска, там завод, рабочий поселочек, вот мы там и жили. Я работал там семь лет. Вот с 30-го [1930 года], как мы сбежали-то. В 37-м году [1937 году], когда ста-

¹ Самотканая палаточка — тканное на краснах (стане) льняное или конопляное полотно. Его ширина зависела от длины берда — от 34 до 40 см (у русского населения).

² Остяки — название местного коренного населения, используемое в досоветский период применительно к хантам. Введение современной национальной терминологии (русские, украинцы, белорусы, узбеки, ханты, манси, удмурты и т.д.), графы «национальность» в паспорте связано с национальной политикой советского правительства.

ли по линии НКВД арестовывать, вот меня арестовали. Посадили. Нас пачками брали. Им нужен был набор. Москва приказала, Берия¹. Допустим, для Томска стоко-то миллионов арестовать, от Томска — по районам, а район — по селам.

Вот и подбирали, и садили, безо всякого, без ничего. В тюрьму... в МГБ (министерство государственной безопасности). Там тебе приписывают. Следователь не знает чё тебе приписать. Так вот, приписал мне: подорвал электростанцию, подорвал железнодорожный мост, вот ты враг народа, понятно? Нас не судили. Не-а, выгоняют на этап всех, зачитывают постановление города Новосибирска. Тройка постановила: 10 лет и пять по рогам и все, можешь идти. Владивосток у нас большой. Север у нас большой. Всех туда справляли. Кто куда угадал. Я во Владивосток² не угадал. Я угадал на Ленинский распред [распределительная тюрьма]. Людей привозят туда отовсюду, отсюда этап набирают, эшелон, чтоб отправить и на восток отправляют. Понятно? А я угадал на станцию Тайгу — наш этап. Вот станция Тайга [современная Томская область]. Там до войны я работал, на лесозаготовках, на станции. И с лесозаготовок нас отправили в Новосибирск, военный завод делать.

Привезли в Новосибирск, мы три дня побыли там и война началась. Вот всю войну в Новосибирске был. Вот все. Двенадцатичасовой рабочий день мы работали. Понятно? Жили в бараке. Где ж нас всех поместить, ежели лагерь там такой — тысяч пять, даже шире. В бараке человек двести можно поместить, ну много барачников было. Зона специальная. Огорожена, вышки, конвой стоит, тут вот вахта, уже не выйдешь никуда. Держали, как овец, или коров. На работу тебя выгоняют, как скотину на пастбище, вечером пригонют, переночевал и опять туда же. Вот так вот. В бараках были сделаны топчаны. Так сверху два человека спит и снизу, а тут проходик, это назывались топчаны. Постель: матрас, соломой набитый, соломой подушка набита, одеяло, простынь и все.

Одежду давали. До войны давали хорошо. Зимнюю получишь, весной — летнюю получишь. А как вот война началась, у нас моро-

¹ Пример хронологического смещения сознания «большой террор» связан с народным комиссаром внутренних дел Н.И. Ершовым, в 1938 году его сменил Л.П. Берия) и влияния СМИ (акцентуация и массированное тиражирование преступлений Берии).

² В массовом сознании малограмотных крестьян сформировался образ «Дальнего Востока», «Владивостока», «Севера», как высылки репрессированных, в который входили и печально известная Колыма, и Магадан, и другие места системы ГУЛАГ.

зы до сорока пяти были, до пятидесяти. Идем на работу — воробьишко летит, на лету мерзнет, вот так вот. А нам дали, вот эта «кирза», как она называлась: колесо машинное, дак вот эту резину сверху обдерут, а там с нитками эта остается [корд] ... Вот из этого нам ботиночек понашили, и вот такие вот, из байки настежили, чулочки, нам дали. Вот это одевай и иди, в такой морозища. Война началась, начали кормить: где-то там капуста посеянная, оттуда капусту рубят, вилки куда-то везут, а листья остаются, подгоняют пару быков, накладывают, привязут к нашей кухне, в окно выставили, скидывают, вот это нам и варили. И люди сдыхали, как не знаю кто. Все дохли.

Ну где-то часов в семь подъем, в восемь — развод, так. Ну, а оттуда пришлют уже темно, вот. В общем хороший режимчик. Выгонют вот тебя, построят, где дежурка туды вот, построят по пятерочкам — конвой принимает. Скомандовал, шаг вправо, шаг влево, кто вот откашнется [откачнется], стреляют без предупреждения. Все нашли. Двадцать метров конвой идет с винтовкой и тричетыре овчарки идут за нами. Ясно! Со всего Советского Союза были. Всех узнал: и хохлов, и белорусов, и вятских, и черт-те знает какой нации со мной не было. Все перемешанные, все туда собранные, вот. Все там наши.

Об освобождении

Да, а срок я отсидел лишний, мне десять дали. Меня освобождали¹. Наши ребята вперед меня освобождались, и их прямо в Новосибирске забирают и комендатура там, туды ведут и там их устраивают на заводы. Народу-то на заводах мало работает, их на заводы устраивают. И живи, как хочешь! Сам одевайся, как хочешь, сам кормись. А после войны знаешь как трудно, и пожрать надо, и одеться надо и все, а чё? Ну, а эти ребята, которые в комендатуре, каждый день должны в комендатуре отмечаться, чтоб ты не сбежал. Так вот, они ходили к нам. Их в лагерь к нам запускали, вот и рассказывали, как живут. Ну, а я психанул и говорю: «Хочите, освобождайте меня, а в комендатуру я не пойду». Они говорят: «Ну и сиди здесь». А я: «Ну, и сидеть буду». — «Вот тебе тюремный паек четыреста грамм, вот тебе какой-то там третий котел, вот тебе паек, можешь не работать. Ты уже отработал свой срок». Понятно?

¹ Часть заключенных после освобождения не знали куда деться: родных потеряли, дома отняты, прав не предоставили, ставили на учет в комендатурах, жить «на воле» не научились. И они оставались жить в лагерях, где все за них уже было решено.

Так что? Приходится работать, чтоб пайку побольше заработать, пожрать, чтоб не сдохнуть. Вот одиннадцатый-то [год] и отсидел. А там, как хочешь, назови, добровольно или недобровольно сидел. А также и конвой со мной был, все также, такой же режим. Одиннадцать лет отсидел вот, и вернулся. В 48-м году [1948 году]. В Усть-Калманку. Уже никого не осталось. Я тут родился, ну какие-то были дальние родственники, вот я приехал. Я бы сюда никогда не приехал, ежели бы летом освобождался, вот в это время [июль]. А то, зима, мороз, негде, куды-то поехал, а то негде. И нам предложили: вот как кто освобождается не имеешь права он в любом городе жить. Я просил Барнаул, просил Бийск, просил Томск, шоб мне дали документ. «Жить — нельзя». А вот сто километров езжай, на сто первом от города можешь жить. У родственников пожил. Потом работать стал, себе квартиру нажил. Так и пережил.

Рохлина Анна Васильевна

Родилась в 1912 году в селе Смоленском
Смоленского района. На момент записи
рассказов проживала здесь же

Интервью в 1993 году
провела Татьяна Щеглова

Заваруха-то была

Мы-то в войну [события Гражданской войны 1917–1919 годов] в погребу прятались, а пули-то об дом: тыр-тыр-тыр. Тятя высунулся, а пули мимо просвистели. К нам какие-то в шубах залетели — нерусские. А тятя коня запрягает: «Ты куда собрался?» Он испугался: «Не знаю». — «Нас повезешь». А мать занесла большой котел с выжирками [выжаренное сало и свиное жирное мясо] — разогрела. Накормила. Они забрали валенки, побросали свои рваные вещи. Тятины вещи одели. Коней тятиных забрали. Своих-то [коней] побили. Потом назад поехали — своих забрали, а наших не вернули. А раз — отца встретили в поле. Так раздели и разули. Он голенький приехал — только соломой ноги прикрыл.

Заваруха-то была. По нашей улице кирпичный дом стоит — Ломакина. А рядом Сафронов — двухэтажный, деревянный. У них лавочки были — богатые были. Тогда у многих лавочки были. Мы с девочками мимо шли — там всякие детали от лампы валяются, всякие побрякушки... Так мы набрали для игрушек. Потом их всех посо слали [уже при советской власти].

Пожар 1928 года

Весной начался пожар [в селе Смоленском] 1928 года. Почти с утра. Пожар начался: мужик у себя на сеновале курил и... И пока до речки [р. Песчаная] не дошел — не остановился. Ветер был сильный. Головешку перекинет через три дома и вся улица горела. Три улицы [село Смоленское Смоленского района] выгорело. У нас еще дом не загорелся, а окна уже потрескались от жары — выпали. А потом дом загорелся. А отец был на пашне — кони спаслись. Я приехала [к отцу], сказала — так он не знал, что делать — то отвяжет, то привяжет коней. Коровы спаслись — ушли к реке. Так отец двух или трех коров выменял на амбар и привез, и сейчас стоит. Начали как-то провода привинчивать — так не смогли — лиственница [амбар из лиственницы]. Отец так в этом доме (амбаре) и помер [дом сгорел], а саманку-то позже прилепили. Внутри печь глинобитная.

Дома я была с мамой. Успела вынести ленты для школы. Да мама еще что-то вынесла. Все сгорело. У нас три свиньи были — глаза уже полопались — а сами ходят: одна сдохла, остальных зарезали... не смогли съесть.

Церковь была деревянная, навезли кирпича — хотели тут же кирпичную ставить... Я в ней [позже, после строительства] венчалась. Улица называлась Ильинская — у нас там, где обрыв у реки, стоял длинный деревянный крест, как колонча. И у нас как праздник Ильин день — люди со всех концов съезжались¹. Около креста служили молебен. Вся улица собиралась. Деревянную церковь — не ломали — в ней сейчас промкомбинат. А рядом стояла колокольня и сторожка. Над церковью купола не было — крыта, как дом, а внутри иконы. Пожар-то не задел церковь — начался наискосок. Бог спас. У нас тоже во дворе даже погреб выгорел, а во дворе куст стоял — так на скворечнике даже веревочки не перегорели. Скворцы-то тоже птицы светлые.

¹ По-видимому, это был престольный праздник села Смоленского.

Конная сенокосилка

Крестьянская жизнь

Мои родители были смоленские [из старожилов]. Василий Иванович жил единолично. Сеяли хлеб. Хлеба было много, все амбары засыпали. Дом был... крестовый, обшитый кругом тесом. Без фундамента. Под домом была только яма, я помню тятя там хлеб прятал¹, как убирали. Сеял много, сами все убирали, косилку нанимали.

Много замолотили [в 1925 году] — все конфисковали. Даже на поле необмолоченный [хлеб] забрали и конфисковали. Коммуну образовали и все забрали. «Кто за гриву, кто за хвост — растащили весь колхоз». А коммуна не состоялась. Так тятя забрал назад коней и опять сеяли. Потом ему сказали в колхоз зайти. Он умный был. Сеял хорошо. Жили хорошо. А в колхозе его инспектором назначили — водили по полям: он говорил, где сеять и как сеять.

Когда единолично жили, хозяйство было. Дома во дворе был пригон для скота: с ветряной стороны забор, сверху нарубят чащи и соломы — не крыли². А для свиней — был маленький свинарник — крытый. Внутри перегораживали — для поросят. Для овец была землянуха: в земле копали, а сверху чаща, палки; и сверху земля. И бани тоже

¹ В период продразверстки в годы военного коммунизма.

² У старожилов были не стайки, а пригоны.

землей засыпали — ящик поставишь — и рассаду [для овощей] садили. А своих-то свиней не продавали. Кололи да съедали. Мама жарила поросят — двенадцатидневных, их называли «ручинец» — на руку положишь. Мама их выпотрошит, в кипятке ошпарит — шкурка-то с щетиной слезет — он становится скользкой. Потом за ножки свяжет и на чердак [зимой]. А потом разрежет одного напополам — на сковородку и в печь поставит. Смажет. Так вкусный — шкурка хрустит. А куда их всех оставлять! Кормить надо. Больших свиней было три.

У нас у тяти раньше дойных коров было двенадцать. Подоит, сольют [молоко] во фляги и возили на маслозавод. Давали за это масло. Сеяли сами лен — сами дергали с корнями. Пучочками связывали. Ставили. Сушили. Потом мы молотили вальками на досках и на палатку ссыпали семя. Семя возили на маслобойню Неверова — по нашей стороне в лощине. Тетя туда везет и оттуда ведра два масла везет. Там конь вал крутит и получается жом и масло. Льняное масло хуже постного. Конопляное лучше льняного. Но самое лучшее — подсолнечное. Гречиху — намелешь и блины вкусные пекли: делали кислые, на дрожжах. Пшеничные-то блины желтые, но жесткие, а гречичные черная, но мягкие. Вкусные!

Тятя к зиме наколит быков, овец, свиней и подвесит туши в погребушку. Висят. Все съедали. И в погребушке был погреб выкопан¹. Капусту поставишь. Овощи. А картошку хранили в погребе под домом. Раньше картошки мало сажали и мало ели². Мясо-то хватало и крупы. А свиней хлебом кормили. Была большая деревянная бочка — мать муки насыпет — замочит и выносит [свиньям].

Большую часть огорода засеивали табаком. Садили, пасынковали, цветки обламывали. Листья оставляли, а осенью перед морозами убирали. Потом шнуровали длинной иглой — широконая и тоненькая. И большие шнуры развешиваешь на забор. Высушишь. Его побрызгаешь водой, полежит, обмякнет, и его складывали в «попуш» (один на другой и черенки завязывали). А отец увозил в Бийск и сдавал. Стебли тоже вырубали и тоже увозили. Помню, тятя целые сани увозил. Раньше в Смоленском много садили, а в Катунском всю жизнь садили и сейчас сажают. Мы и сейчас посадили — курить-то нечего — а раньше тятя не курил — сдавал.

¹ В традиции старожилов был крытый срубом земляной погреб. В земляном погребе хранили овощи, в наземном погребе зимой висело мясо; летом — веники, травы, табак; сушили рыбу и т.д.

² В основе крестьянского питания была крупа и мясо. Картошка стала «вторым хлебом» в колхозный период, когда у крестьян не стало пашен и своего хозяйства.

Тырышкин Степан Иванович

Родился в 1913 году в село Ново-Тырышкино Смоленского района. На момент записи рассказов проживал здесь же

Интервью в 1993 году
провела Татьяна Щеглова

Крестьянская семья

Я родился здесь, в 1913 году. Родители тоже здешние. Ульяна Васильевна, отец Иван Федорович. Прадеды мои больше 200 лет переселились из России. По им и село назвали.

До 28-го года [1928 года] жили единолично. Умели работать на себя. Жили вместе, не отделялись. Обязанности были распределены [и у мужчин, и у женщин]. У одной [снохи, жены сына] — хлеб пеки одну неделю; одна пеки другу другую. Коров доили, свекровка командовала. Через неделю менялись.

Наша земля до самой Сычевки была. Межа была — землестроители нарезали, как и всем. Земля у нас [семья отца] в трех местах была около 30 гектаров. Землей отец владел давно, пока совхоз отобрал землю. Сажали пшеницу, овес, просо. Просо рушили: в ограде рушалка стояла. Просо и для себя, и для птиц. Просо много не сеяли. Гречуху сеяли для себя и продавали — возили. Для себя гречуху обжаривали. Здесь завод был, масло там били и там обжаривали. Расплачивались деньгами. Ячмень сеяли: поросят кормили, его рушили и ячменную кашу ели. Сеяли сначала одно поле, потом другое, третье. У нас была молотилка, сортировка, сеялка. Отец машины покупал, тогда это дешево было. В Бийск он ездил покупать машины.

Где сено косить — место отводили, указывали волость, потом сельсовет.

Поскотина

Пастбища раньше назывались поскотина. Огораживали деревню. Вокруг деревни была загорожена [поскотина]¹. Проверяли, как загородил [каждому домохозяину в деревне выделялся отрезок поскотины, за которым он должен был следить]. На сборную позвуют и вложат [розги]. Бородачи ездили. Староста, его заместители, секретари, кулачки, крепче которые были. Они решали все. Нака-

¹ Поскотина из жердей опоясывала деревню и поля и защищала их от свободного выгула скота, который традиционно у старожилов не пасли, а выпускали за поскотину. Пастушечье содержание крупного рогатого скота привезли на Алтай переселенцы.

зывали прямо в избе. Поскотину городили из жердей горизонтально — пять-шесть жердин; ворот было мало — четверо ворот. Если выезжаешь в деревню — закрывай ворота. С 28-го года [1928 года] (коллективизация) поскотина была уничтожена. Пасли овец отдельно — пастух был. Сенокосы были везде.

Крестьянский срубный дом

Дома [в Ново-Тырышкино] были деревянные. Большинство домов было крестовые¹. Связи мало². Лес-то получше был; сосняк выбирали получше. Километров шесть от Тырышкино тайга была страшная: сосна, березник. Тогда нанимали [для заготовки теса] брали-то специалистов. Делаются козлы, чтобы человек на середину [вставал], закатывают бревно толстое. Один забирается наверх, а другой внизу пилит [бревно распиливали вручную пилой на тес. Пила шла снизу — тянул нижний мужчина, вверх тянул стоящий на козлах]. Плахи-то раньше были! Строили свои плотники. У нас отец много домов поставил (столяр-плотник был) и сейчас дома стоят. Лес рубили большинство сами. Мужики-то большие [взрослые] и семьи вместе жили. Сначала ставили дом большаку [так звали старшего сына или брата], а потом младше и младше. Лес заготавливают в марте — апреле. Больше в апреле перед Постом. Весной шкуру снимут [снимут кору], лето пролежал и почти полусухой год пролежал, и сруб делают без мха, еще год сохнет, а потом уж строят³. Мох сушат, заготавливали в Камышинке и здесь, перебирают. С вечера помочили маленько⁴, а с утра строят. Мох с паклей, один-то высыпается. В доме обычно двенадцать венцов было. 25 сантиметров толщина бревна. На сруб пихта хороша, а из лиственницы хуже — холодная она. До окошек делали лиственницу, а потом пихта или сосна. Раньше фундамента кирпичного не было. Листвяк хороший был. Выбирали хорошие [чурки] и кладут на землю, и пошел, и пошел. Поперек положат. Чурбаки лиственные⁵: по углам штуки три, в середине на одной стороне пять-шесть.

Бывало бревно 30 сантиметров. И колят его пополам и пластинками кладут, плоской стороной вниз поперек сруба клались. Кровля

¹ Крестовые — самые богатые срубные дома в досоветский период. Получили название за счет двух перпендикулярных крестообразных внутренних срубных стен, которые делили основной сруб помещения на три комнаты.

² Связь — трехкамерное жилище: две избы, связанные между собой сенями.

³ В традиции сруб готовили 3 года.

⁴ Лесной мох был сухой, его постоянно сбрызгивали.

⁵ Чурбаки лиственные — стулья, на которые устанавливался сруб.

была тесовая. Люди подряжались и пилили, сами тес готовили. Самая наилучшая кровля пихта. Подолгу стоит, а в земле пихта пропадает. Дом срубить надо пятнадцать кубов и на все остальное (кровля и другая отделка) еще пятнадцать кубов.

Подвалов у нас не принято было в них жить [сравнивает свой старожильский дом с другим традиционным домом старожилов на подклети]. Погреб копали: картошку сыпать и т. д. Кухня отгорожена под ней и сделают полтора метра глубиной, картошку сыпать.

Перед тем как печку готовить, каждый делает свинку. Свинка полукруглая, тесом. Двойная свинка¹. Глина-то рассыпается, поэтому двойная. Глину делали, чтобы влажная была. В ящик кладут, побрызгает; ночь, а то день, два постоит; она мягкая делается. Глина у нас здесь была. Иногда ее сразу накопают влажной. Сначала насыпят [над свинкой делался короб], утрамбуют и опять насыпят. Делался вострочок такой, острый нос делали и ручка, как у молотка. Сначала вострым, потом тупым [били глину]. Верх проравнивали вручную. Труба кирпичная была, ее обмазывали тоже и наверх выходит кирпичная. Печь прогорает [и высыхает]. Печи стояли по полсотни лет. Кирпич был где-то двадцать пять на десять.

Огороды были вокруг дома в полгектара. Дома шли вдоль улицы, был небольшой полисадничек. Раньше одна улица с двух сторон дома. Рядами расположены были. Раньше она [деревня Ново-Тырышкино] километров на пять растянулась. Магазин был. Один продавец на все село. Магазин государственный с 1917 года, а до этого частный был — поторговаться можно было. Но потом он [владельцем был купец Рыдаев] почуял, что будет... Все продал, в Барнаул уехал. Рыдаев умный был, догадался, он самый богатый был.

Ленин

В то время выписывали газеты. В 1924 году мне одиннадцать лет было. Собрали учеников [после известия о смерти Ленина], прошли по улице, отпевали — поп, старухи были. Похоронили Ленина. К Ленину шибко хорошо относились, что свободу дал. Ведь до коллективизации с 17-го года [1917 года, революция] народ хорошо начал жить, машины и т. д. До 1917 года у нас ничего не было.

¹ Двойная свинка — для формирования устья в русской печи делали свинку: связывались тесовые плахи и полукругом ставились на каменный или чугунный под печи. Сверху набивали глину. А когда тело печи было готово, в устье накладывали дрова и поджигали. Вместе с дровами свинка сгорала, глина затвердевала и получалось устье печи — духовой шкаф, в котором готовили пищу.

Крюком косили, вязали. Победнее посеять складывались вместе [кооперация]. А в 1920 году [после военного коммунизма, в период НЭПа] народ по-другому жить стал. Ленин свободу, землю дал, и дело по-другому пошло. Раньше земли меньше было. В 20-е годы [1920-е годы] норма небольшая была: на мужика дадут. Подольше бы он пожил, поглядели бы что будет. Хуже не было.

Новая жизнь: коллективизация и колхозы

Выглядело село до 28-го года [1928 года] шибко хорошо. Началась коллективизация, дома сожгли. Самых работяг кулаками называли, и дома хорошие разрушили.

Семья двенадцать человек, шестеро братьев было. Нам грозила ссылка [раскулачивание]. Два моих брата служили в армии, тогда армейцев не имели права трогать. Сначала начали колхозы силком. Не идешь — на завтра пригоняют лошадь и ссылают. Колхозов было одиннадцать. Все пали. Коров, лошадей распустили. Потом опять собрались. Начали разводить. Наши машины [добровольно-принудительно были сданы отцом] в колхозе три года пахали, а потом в ... увезли и так она там оставалась. Отец мой в 1940 году помер. Он, говорил: берите, берите. Молотить-то некому стало. В колхоз он не входил¹. Я в колхозе поработал три года, потом армия и больше не работал. В 38-м году [1938 году] пришел, в 40-м году [1940 году] на финскую. В 1941-м ушел, в 42-м году [1942 году] пришел домой.

Колхоз назывался «Красный моряк». Одиннадцать председателей, одиннадцать заместителей и одна старуха вяжет. Они над ней командовали. Возле магазина чайную организовали для них (председателей). Придешь — они там. Вино в бочках возили. Счет дают, что телег набрали, расплачивались за вино. Бочки из-под керосина были. На каждый колхоз по бочке.

Я один год работал в колхозе, осенью пришел, а мне говорят: «Ты хлеба переел». Председателем был О... В «Баррикаде» председатель с завода [из известных «двадцатипятидесятников»: для укрепления «несознательной» крестьянской деревни в нее были посланы рабочие-пролетарии]; бабы коноплю мяли, он говорит: «Хорошо на семена пойдут» [т. е. не знал крестьянского хозяйства]. Просо привезли, он тоже: «На семена пойдут».

¹ В коллективизацию была категория «отказников». Чтобы их не раскулачили, они все отдавали добровольно в колхоз. После этого их не трогали. Сами подрабатывали промыслами, ремеслом и т.д. Гуляевых спасло то, что два сына служили в Красной армии.

В сельсовете одиннадцать исполнителей заставляли запрягать коней (раскулаченных), а потом резали. Вещей мало было. Не сопротивлялись. Все напряженно было; убить их, чертей, надо, но боялись. Ведь самых работяг забирали. Их [раскулаченных] жалели. Скота они побольше держали, так и работать на скот надо было. Кое-кто вворачивались [из ссылки]. Некоторых потом опять забрали. Сарычева шла с ссылки с грудным пацаном (Витька). Здесь отец был. Так поймали и забрали опять в ссылку.

Раскулачили у нас с полсотни. Сегодня пять, завтра три-четыре. Актив были, наши же собаки, сами решали, кого раскулачить. Приезжают, тебя грузают с детьми. Вещи получше забирают, проживают и все.

Н... Х... У... шибко заядлые были. Сами-то нищие были. Z... — глава был, вещи отбирал. Они все сами решали. Кого? Куда? Дома потом в Южное отделение увезли. Семьи [раскулаченных] сначала на Бийск, в Нарым. Прятались девчонки, их искали. У меня многие прятались. Одна спряталась, потом за председателя вышла замуж.

Прокопенко Александра Григорьевна

Родилась в 1918 году. На момент записи рассказов проживала в селе Столбово Каменского района

Интервью в 2003 году
провел Борис Пушкарев,¹
аспирант каф. отечественной
истории АлтГПА (БГПУ)

Сюда приезжали ходоки

Мать приехала с Киева [Ермоленко Аграфена Макаровна, 1875 года рождения], брат ее приехал, сестры — дядька Данил, тетка Елизавета. То ли в 1909, то ли в 1907 году. А отец с Грязей, тоже приехали семьей, а у него умерла жена, и вот они сошлись и стали жить. Грязи находятся где-то на Украине (Григорий Андреевич

¹ Пушкарев Борис Борисович — преподаватель кафедры отечественной истории, сотрудник Центра устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения АлтГПА.

Федянин, прозвище Гриша горелый). (Потом выяснилось, что он из Пензы.) Там земли было мало, сюда приезжали ходоки, они собирались семьями, присматривали землю, потом собирались семьями и ехали в вагонах, в которых скотину возили. А раз ходоки были, они приезжали сразу на место. У наших отец сначала поставил землянку и с мамой стал в ней жить, как сошлись.

Старожилы были мужики здоровые...

Рубили, знаешь, какие дома крепкие! А почему их так называли, потому что они приехали сюда старожилы. На речке девять мельниц было, у Маховского была и у других. Такие знаешь, они, старожилы, у них скота много, в пригоны они зимой его не загоняют. Ставили они жерди, соломой сверху обкладывали, забивали и загоняли туда скот. Не чистили они там у скота. И щас есть места — копнешь, а там солома. Головы они помногу держали, больше чем остальные. Богатые они были. У них и лошадей много было, и коров. Негреевы вот не сильно богато жили, но у них был двухэтажный дом, внизу лавка скобяная. Мы вот средне жили, у нас было три лошади, четыре коровы, подтелок. Пастухов не было. У нас везде была загорожена поскотина.

А еще вот что я запомнила. Когда у меня старшая сестра вышла замуж и купили лобогрейку. У нас были три лошади своих, а я все ездила в двойках, папаша садился на облучек править лошадьми, а Анисим с лобогрейки сбрасывал вилами снопы. И вот был старый жадный старожил, на него все обижались. Нанялись к нему пшеницу косить. Вот значит, в обед пришел, овес лошадям привез, накормил их. И привез, значит, он нам есть. А они раньше, чалдоны, мясо значит любили — в марте-месяце его вялили, оно такое, как кожа, делалось. Сварили из него суп, поели. Анисим говорит: «Нет. Я так не могу». Ему ж надо целый день работать. Он тогда распрягает Игренька — он был у нас хороший мерин. Сел верхом, приехал в Столбово, набрал хлеба, у нас сало было, сало привез, а лошадей уже хозяин кормит. Наших три, его четвертая, потому, что четыре их надо на лобогрейку. И мы стали дальше работать. И вот уж совсем солнце садится. Он приезжает и говорит: «Ну дак, что же, Григорий Андреевич, я вам все же не заплачу деньги, если не докосите». А там осталось ну, мож, десятины две, мож, три. А вы знаете, под послед как тяжело косить? Анисим с ним устал спорит: как так, как я могу косить, если уже темно. «Я тебе так накошу, что снопы

Уполномоченные крестьяне на меже. Село Хайрюзюка
Бийского уезда. Фото Г.И. Иванова

потом все плохие будут». А он: «Дак, а что, паря, давай, шевелитесь, не стойте». А Анисим заматерился, как щас помню, распряг лошадей и я как сидела, так и поехала домой, а отец погнал лобогрейку.

Эти самые старожилы и были чалдоны

Их так просто звали чалдоны. Мы вот приехали с Украины, кто с Белоруссии, а это были местные жители, чалдонами их звали. Расшифровывается это как люди, пришедшие с Чалого Дона, казаки какие-то сюда пришли.

В пригонах они не чистили, пока корова на коленях не могла пройти. Раньше как делали. Ставили сарай — жерди и под ним углубление было, и загоняли скот, пока навоз до крыши не скопится, а потом на новом месте пригон ставили. Да чалдоны так делали, давно только. Чалдоны не сильно сначала пахали огороды. Мама говорила, когда они только приехали, они вспашут огород, а потом на лошади по нему ходили, а в эти ямочки кидали картошку, не знали, как сажать. А потом, как приехали люди с Украины, стали их учить. Свиной

они как кололи: сядут сверху, схватятся за уши и ездят на ней пока она не упадет или на лошади верхом сидят и носятся за ними, пока та не упадет, а потом докалывали. Научили их кормить их. У них пшеницы и муки много было, а кормили как — высыпят пшеницу на пол, свиньи что съели, а остальное затоптали. А папа их учил: «Сделайте корытце специальное. Съездите на мельницу, размелите пшеницу, разведите ее водой и этой болтушкой кормите. И не будете так носиться за свиньями, чтобы заколоть». Ты знаешь, как они, худые свиньи, быстро носятся — не догонишь. А когда заколят, они обрабатывали мясо, палили, обрабатывали они его хорошо, в особенности они к лету вялили. А те, кто приехал, не вялили. А наши сало брали, посолят его посильнее, да и мясо солили.

А еще Анисим со своей жил, Марией, а она чалдонка, так они стружни жарили. Она их настряпает и на Пасху, и на Троицу. И вот она их на стол ставит — вот она чалдонка значит. Федька был, за магазином жил — Волюнкин, пришли они значит к ним и давай эти стружни есть, они же вкусные. А она давай: «С ума сошли, с ума сошли. Хохляндия, хохляндия, все стружни поели. Я бы этими стружнями еще бы целый год жила, а то снова придется стряпать». У нас видишь, приходят, им то сало поставят, то картошки наварят чугуна, высыпят, то еще чего поставят, капусты, огурцов пойдут принесут, а она значит вот стружни поставила, они, мужики (хохлы), все смеялись над этими стружнями.

Чалдоны отличались тем, что они пол скоблили, а белить они не белили. Это только самые лентяи не делали, а если он такой хоть мало-малышки, средний чалдон, пол был и косяки даже выскоблены, у них мода была скоблить. Под ножик, чтоб все желто было. Чуть-чуть намочат, и пошел ножом скоблить, только стружки с двух сторон летят.

Чалдоны, хохляндия и вятские

Мы хохлы, хохляндия были, наша улица. Они говорили: «Ты посмотри, как хохляндия разоралась, как орут». А мы любили песни петь. А мы на них никак не говорили. Какой там черт чалдон — лишь бы подружиться да под ручки походить.

Когда с Украины приехали, у них (у хохлов) все было расшито, а чалдоны ведь они ничего такого не расшивали. У нас грудь на рубашках была расшита, рукава, кофты были расшитые. Украинцы вяляли много, я вот тоже очень много вяжу.

Украинцы цветы садили, а чалдоны нет, да они и щас не садыт — ничего у них нет, ни помидоры не растут, ничего, а у меня все растет. У нас палисадники у дома были, ой у меня сад какой был, все лазили за моими яблоками.

Вятские не так давно приехали, они, наверное, где-то в войну. Здесь щас улица есть вятская. Анекдоты про них рассказывали: семь мужиков стоит на возу и один подает, и те кричат — не заваливай. Все над ними смеялись. «Корову на баню тащили, чтобы накормить».

Шибко большие сначала были [различия], а потом, когда то поколение вымерло, как вышли вот эти старики. И все равно, я вот работала на ферме, все равно различие было.

Татарников Петр Иванович

Родился в 1918 году в селе Фоминском
Зонального района. На момент записи рассказов
проживал в селе Соколово Бийского района

Интервью в 2002 году
провела Наталья Грибанова

Раскулачивание и ссылка

Отец крестьянином был: сеял хлеб, убирал. Он родом 1866 года. Дом был крестовый, два амбара, завозня была, поднавес был, скотский двор. Скота держали: семь лошадей было и пять коров. Одна семья. Молотилку держал, жатка была у него самосброска¹ — на лошадях жали. В общем, жил хозяйством.

А потом нас раскулачили. Тогда, видишь, когда колхозы организовались, не только его — отца моего, многих, которые лучше жили, их всех раскулачили, сослали.

Тогда же эта — разверстка была: он рассчитался, что положено было, ему преподнесли еще, дополнительно — он свез еще, ему еще раз дополнительно приносят, а у него зерна нет. Он сказал,

¹ Самосброска — вид жатки, применялась для уборки зерновых культур. Жатка-самосброска срезала стебли, набирала их в порции для снопов и сбрасывала на землю. Оставалось только связать снопы. Работала в конной упряжке или в прицепе у трактора.

что «у меня зерна больше нет, нечем рассчитываться». Ну его и посадили. А потом нас выгнали из дому без него, он в тюрьме сидел в Бийске. Мы два года еще были здесь по квартирам скитались. Хозяйство все распродали. Торги делали: кто сумел взять, дом взяли в Бийск — за реку увезли, скота я не знаю, кто его купил, один жеребчик молодой остался, его в колхоз забрали, потому что его никто не взял — молодой.

Нас в тридцать первом году сослали, без отца — он в тюрьме остался, в Бийске. Значит, сослали старшего брата Федора с женой, у него уже дети были — два пацана. Два брата еще моложе его Александра с десятого года, Николая с тринадцатого года и я туда же попал с матерью. А она, когда в Бийске ссылать начали нас, она попыталась — мать-то, чтобы его с нами отпустили. Но ничего она не могла добиться, он так и остался здесь. Нас сослали туда, за Колпашево, Нарымский край, поселок Палочка¹. От Колпашево там не знаю километров 300 или 100, далеко.

Две баржи нас как везли туда. И вот на два участка разбили: наш был первый участок, а вторая баржа — второй участок, ну там не далеко — километра полтора друг от друга. Там начали корчевать, я тоже ходил, пацаном уже был. И там, в поселке Палочка, я маленько стал писать, а остальные все неграмотные были ребята — мои братовья. Я писал с большими ошибками, ну разбирали мои слова, писал сюда брату. Старший Семен жил отдельно — его не тронули, он в колхоз записался. Мать мне диктовала, а я писал письма оттуда. Я не большой был — мне одиннадцать — двенадцать лет было, и грамоты-то мало было. Я написал брату: «Узнай про отца и сообщи нам». А отец писал ему письма-то, он адрес-то знал. Отец-то тоже не грамотный был, а он познакомился в тюрьме с одним грамотным мужиком и вот они как вместе сидели и тот ему писал письма, знал адрес, всё это... Когда мы написали письмо Семену: «Сообщи, где находится отец, может знаешь что?» Да, отец написал Семену: «Сообщи, где моя семья?» Он сообщил, что семью сослали. А его как будто погнали к нам туда. И где-то между Томском и Колпашевой, вроде какой-то Чаинский район был, их задержали на строительстве, на каком-то. И вот когда он получил это письмо, что сослали, ему, говорит, стало хуже и хуже, и он слег совсем и кончился: кормили плохо. А этот-то товарищ, который писал ему, друг, знал

¹ Поселок Палочка — поселок Палочка Томской области.

адрес и написал Семену: такой-то, такой-то в такое время умер, и послал. Вот только это известие и было от него, больше ничего.

Мы там жили года, наверное, года три — я уже забыл. Мать там умерла у нас, похоронили ее. Мы остались двое с братом Александром.

Там заставляли строить. Когда привезли, там ничё не было, просто на голую кочку ссадили нас. Вода сильная была — идешь, и вода жметя. А колышки забили, сделали повыше, чтобы не на воде спать, спали на них — палатки натянули. Потом заставляли нас избушки делать. Уже к зиме делать. Срубили небольшую и в ней жили, печку делали. Вот корчевали там, разрабатывали землю для посева. Потом пригнали туда, вернее привезли на барже лошадей, коров несколько, там немного, молоко стали маленьким детям давать. На лошадях стали распахивать. Посеяли рожь первый год, она уже поспела.

Побег

Мы остались двое с братом, но я сильно болел в это лето цингой: уже не ходил — лежал. А ему то ли кто подсказал, или он сам знал — давай меня тормошить: «Тебе надо ходить». Я в слезы: «Кого же я нахожу, я не могу подняться». — «Надо, поднимайся». Взял меня за это дело (за шкирку), стащил с койки: «Давай, ползай, ползай». Я плачу — не могу, ну больно все, руки вот такие, ноги тоже отекли все. Он: «Надо ходить, тебе ходить надо — ты подохнешь». Вытащил меня на улицу, на свежий воздух, потаскал меня там, а сам ушел на работу. Придет обратно — такая же история. Потом я начал маленько шевелиться сам, стал подниматься, с палкой стал ходить, мне стало легче, легче, легче. Там никого не было, там акушерка какая-то была. Тогда этих таблеток-то не было, а порошки какие-то давали. А я и не обращался. И потом стало мне легче, я поправляться стал. Осенью он и говорит мне: «Как ты чувствуешь себя?». Я говорю: «Да ничё». — «Пойдем домой». Я, мол, как домой, куда, где домой? Искать дом. Ну, дали там — давали на месяц муки, не знаю, по 400 грамм что ли, ржаной муки. Он лепешек напек и пошли с ним.

До Колпашевой шли мы тайгой, там тайга и у нас лепешек только и хватило до Колпашевой. Пришли в Колпашево, зашли с краю, избушка не большая такая, женщина живет. Стали с ней говорить, объяснили ей все, она говорит, я бы с удовольствием, но здесь очень строго, говорит, вас поймают и мне будет плохо. Она нам и посо-

ветовала, вот, говорит, на берегу баржа стоит, вербованных везут в Новокузнецк и ожидают с вашего поселка баржу, может, как повернетесь как — уедете, говорит она. Мы пошли на берег. Приходим, баржа стоит, народу, подошла вторая баржа — причалилась.

Мы зашли туда баржу с ним, стали выгонять с барж. Он в трюм, вниз туда меня спустил, там мешки, узлы всякие были наложены, ящики, он нашел место в одном и закопал меня, и сам там закопался, спрятались. Всех согнали, проверили на обеих баржах, начали по списку запускать. И мы провернулись — остались на барже. Когда запустили уже много на баржу, и мы вылезли, я вышел на баржу. Многих там задержали, вернули обратно. Проверили всех и поплыли.

Вот тут-то мы хватили голодухи. Семь суток неевши были. Даже в одном месте у нас было, что полотенце небольшое, ножницы такие вот маленькие, еще какая-то тряпка была, однако. В одном месте причалился — еды в деревне купить. Он: «Сиди, я сбегаю, может, достану хлеба». Взял эти ножницы, полотенце и тряпку и побежал. Верно, достал кусок хлеба, покушали с ним и до Томска семь суток мы плыли. В Томск приплыли, на второй Томск мы приплыли, а оттуда на первый Томск надо — нас пешком гнали.

Когда на первый-то пришли, там ограда была проволокой колючей загорожена, высокий забор — в лагере для заключенных нас держали, туда всех загнали, ну и часовые стоят. Оттуда стали по списку этих вербованных в баню водить, мыть. А мы в списках нас нет. Он говорит: «Ты сиди, никуда не ходи», брат. Сам пошел, ходил, ходил и в одном месте нашел две тесины оторванных — раздвигаются. А на той стороне лебеда большая была.

Вылезли в эту дыру с ним и пошли. Вышли, а куда идти, не знаем. Ну, дорога вроде торная такая, там пасет молодой парень коров несколько штук. Подошли к нему спросили, он говорит: «Я не знаю, вот дорога, говорит, хорошая». И мы этой дорогой с ним отправились... тракт, засыпанный гравием, широкий. Шли — шли, а он хуже — хуже, и хуже, дорога-то исчезает. Мы вышли на елань, там большая елань капустой засажена.

Уже осень. Зашли, там сторож сидит, стали с ним разговаривать, он засмеялся, вы, говорит, не туда пошли, вы, говорит, в противоположную сторону пошли, эта дорога кончалась уже, больше ее нет. А мы километров, наверное, пятьдесят ушли от Томска. Мы голодные, семь суток не жрали, у него капусту ели, день отдыхали,

как я щас помню. Капуста хорошая, сварят, растолкут, она, как сметана, до чего вкусная! Отдохнули с ним там, на второй день встали и он нам объяснил. Вот, говорит, дойдете до линии и линией идите до переезда, там тракт, по-видимому этот. Он тоже точно не знал.

Он тоже такой же, как и мы: сбежал, его поймали и заставили охранять. Ну, мы вышли, как он сказал, по этой линии прошли — тракт, похож на дорогу. И шли по деревням, ни одного, от Томска, ни одного города не хватило. Щас вот я вспоминаю, зря я эти бумажки бросал. Значит, я немного писал, карандашик у меня был — так огрызок. Молодых спросишь — они не знают дорогу, это брат уже, я-то не понимал ничё. Он тогда догадался — стариков пожилых спросит, они объяснят вот такая-то село должна, така-то, такая — как идти. Я тада записываю, по каким идти. Деревни три — четыре — пять запишу, тут уже от села до села любой пацан скажет. Как выходят — опять старика где-нибудь ловим, опять объясняет. А они, старики, они тада же даже ездили на лошадях, знали прекрасно это все. И вот они нас направили, что мы ни одного города не хватило — по селам прошли.

И мы вышли в Шубенку, там какой-то тракт, по-видимому, а с Шубенки в Чемровку, а с Чемровки уже в Савинову, а в Савиновой¹ у нас сестра живет. А тут еще строго было. Я-то открыто стал у сестры жить, а он-то поскрывался немного, но сколько можно скрываться — пошел в Фоминск² к брату. Поговорил, там брат говорит: «Ну что? Надо являться». Он пошел в сельсовет, его арестовали и снова назад. Он до Томска доехал, там где-то конюшью его заставили в милиции, он там поработал немного и утром накормил, напоил лошадей и смотался оттуда, опять ушел. Пришел, тут уже стало маленько посвободней.

И начали мы... в колхоз сразу мы не обратились, а на зиму он устроился пилить дрова за Комаровой там, для спиртзавода, он тада дровами топился, не углем, а дровами — метровые дрова. Вот мы с ним зиму пилили там дрова. После этого он тада обратился в колхоз — приняли нас. Он подал заявление, его приняли, и нас с собой он взял.

¹ По современному административному делению все села входят в состав Зонального района Алтайского края.

² Фоминск — село Фоминское Бийского района Алтайского края.

Александрова Мария Ивановна

Родилась в 1919 году в селе Енисейском, из семьи старожилов. На момент записи рассказов проживала в селе Малоенисейском Бийского района

Интервью в 2003 году
провела Наталья Грибанова

Церковь горит...

За рекой была церковь [в селе Енисейском]. Стояла, где сейчас стоит памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны. Церковь хорошая была. Она была деревянная, хорошо покрашенная, три купола было, и колокольня была над церковью даже. По всей Пасхе звонили колокола.

Сгорела она, наверное, в 27-м году [1927 году]. От печки она сгорела. Там трапезная была. Трапезная — это где, наверное, просфоры¹ пекли, стряпали. И, между прочим, я увидела, что церковь горит. Как увидела? А потому, что наши окна прямо были через переулочок и на церковь. Мамина была стряпчая неделя². А я с детства не любила спать. Просыпалась рано. Вот когда мамина стряпчая неделя — это мне нравилось, потому что у мамы стояло тесто. Надо за ним проследить всю ночь, наутро замесить его. Надо и печку готовить, как говорится, топить. Мама поднимается. Я голову подняла. Это, наверное, воскресенье было даже. Потому что все еще в доме были. Как говорится, были на постелях. А только вставала стряпчая. А я поднялась [с пола], на коленочки встала и в окошко смотрю. А отец на кровати тут, лежит выше меня. А я и говорю: «О, а на церкви огонек». А отец говорит: «Какой тебе там огонек, а ну лезь под одеяло». Но я разве подчинюсь, я опять: «Ой, опять огонек». Слышу мама там из кухни: «Отец, — говорит, — пугани ее, чтобы она огоньки не собирала». А я опять: «Нет, огонек над церковью». Тогда и отец поднялся с кровати и в окно. А там уже кровля горела. А огонек из-под железа — то выскочит, то снова спря-

¹ Просфорá, просвира́ (др.-греч. *προσφορά* — «приношение»; мн. ч.: *про́сфоры*) — богослужебный литургический хлеб, употребляемый в православии для таинства Евхаристии и для поминовения во время проскомидии живых и мертвых.

² В большой крестьянской семье обязанности между взрослыми замужними женщинами — женами братьев (снохами), распределялись понедельно: одну неделю женщина готовила на всю семью, во вторую кормила скот, птицу и доила коров, в третью шила, стирала, прядла, ткала только на свою семью (мужа, детей). В большинстве районов Алтайского края недели называли соответственно: «стряпчая», «скотская», «гульная».

чется. Отец сразу на брата: «Ты, — говорит, — это, Егорка, наверное, церковь горит. Смотри, какое пламя высунулось». Они оделись, конечно, с соседями туда прибежали. Другие соседи уже увидели.

Колокола только, те которые легкие, успели обрубить. Были же колокола прямо над церковью. Была колоколья. Большой колокол, конечно, растопился, раскололся и упал. А маленький подобрали потом. А пожарных, наверное, не было. А может быть, и были, да на лошадях бочка. Много привезешь? А это было дело в марте или апреле. Вот так вот. По ранней весне. Совсем дотла [сгорела]. Пока из Бийска пожарные, да на лошадях приехали. Но из церкви все оборудование, все иконы на площадь вытащили. Да, между прочим, сторожка у них уцелела. Так сторожка, однако, и сейчас до сих пор стоит... Жил вот этот вот сторож. И когда у него стали спрашивать — «Я как будто щепочками только протопил. А там-то, наверное, за дымоходом не проследил». Старик, конечно. На этом же месте быстро сделали молебный дом, небольшой построили. Да деревянный, обыкновенный дом.

Раньше была церковно-приходская даже школа. Божий закон даже преподавали. Это я по рассказам помню. А вот учительница, которую я помню, Марина Арсентьева, кажется. Девичью фамилию не помню. Она долгое время оставалась жить... Она еще учила в старой церковно-приходской школе. А после вот, наверное, после Колчака, школа была отделена от церкви.

Праздники были только религиозные, а кто праздновал, тот лебеду собирал

Пока единоличная жизнь была, праздники были только религиозные. Весной, я помню, Пасха была поздняя. Мужчины: тятя, дядя и дед — были уже в поле, пахали. Пахали на лошадях. Пару лошадей запрягали в однолемешный плуг и пахали. А следом второй — запрягали лошадь в борону — две, три бороны цепляли и следом боронили. А дед брал лукошко или что у него было, и вручную сеял. У людей у некоторых были уже сеялки, а у нас не было. Теперь в субботу они приехали, в бане помылись. Женщины к Пасхе всё уже готовили: и паски¹, и, наверное, яйца покрашены. Утром встали, ждали окончания всеношней, кто ходил, кто не ходил [в церковь] — не завтракали. Обедня начиналась, колокола отзвонили, от обедни пошли

¹ Паской в некоторых селах Алтайского края называют пасхальный хлеб (кулич).

Праздник в деревне Шебалина. Бийский округ. Фото Г.И. Иванова 1905 год

люди, кто ходил. В этот день, значит, все садились уже завтракали. Позавтракали, помолились. Лошадей запрягли. Всё, что нужно им для работы, для еды сложили. И они работать пошли.

А кто праздновал, тот потом лебеду собирал. Я говорю, вот у нас, я хорошо помню это... Отсеялись, а тут, наверное, Троица. Ну Троица, она в воскресенье, три дня праздновали там, где был церковный приход, считался престольным¹ праздник, там три дня праздновали. А в общем, один день. А после Троицы опять все в поле.

Качели были, в основном, на Пасху. Устраивались столбы исполинские — вот такой столб, наподобие телеграфного столба вкапывается там. Значит, делается на столбе какое-то приспособление [обычно в виде крестообразно положенных жердей], которое может вращаться. Там четыре крюка. [На каждом конце], допустим, укрепляют веревки. А внизу петля вот такая, вот, сделанная — верхом садишься в эту петлю и бегаешь по кругу, а потом стараешься так, чтобы все четыре веревки поднялись, и ты кружишься, сколько хочешь.

¹ Престольный (храмовый) праздник — праздник в память святого или события, которому посвящен сельский храм данного населенного пункта или его приделы.

Каждый религиозный праздник была служба. Кто хотел, кто мог, кому необходимо было за чем-то, тот шел к обедне на службу молиться, а кто не ходил. Детей брали обязательно. Была праздничная одежда у каждого. Праздничная у всех была хлопчатобумажная или шерстяная одежда. У кого какие достатки были...

Работы было — не покладая рук!

Меня мама посадила прясть лет в девять. Она дала не тот лен, который она приготовила для такой пряжи, чтобы потом шить рубахи на себя и на детей; полотенца, чтоб выткать.

Вообще лен отмяли, после мялки его трепали. Вот отрепья шли на матрац. После того как его отрепали, его подчесали, специальные щетки были сделаны из гвоздей. Там, останется в гвоздях [пачеси], это отдельно тоже сортируют. Так чесали. Вот если трепалом¹ трепали — это отрепья. Когда чесали — пачеси². Ну а потом ещё такие вот гребешки и щеточки — они набиты щетиной³. Вот когда через эту щетку ещё пропустят [лен], вот тогда и прядется. Ну, а это потом все прялось — все эти отходы. Пачесы шли тоже — и пряли, и ткали, и брюки шили мужчинам рабочие в поле и дома работать. На мешки ткали. Всё, всё. Вот представьте себе, все было сделано вручную, и в своей семье. Ну, некоторые люди прямо с гребешка⁴ пряли. Вот у нас мама и тетя, у них не было гребешков. Они чесали вот этими щетками и потом делали куделечки и пряли. <...> у мамы была самопрялка деревянная.

[Стебли конопли] женщины сушили в банях, мяли на мялках, потом трепали и отдавали старикам, а старики из него пряли. Ну как назвать? В общем, из этой пряжи делали веревки. Веврки, канаты. Все это в хозяйстве требовалось. Сено привезли, бастрык⁵ надо привязать веревкой. Для себя все делали. Осталось — тогда только продавали. Я помню с зерном ездили продавать.

Как быстро пряли? Быстро ничего не было. Когда, допустим, мои мама и тетя утром, пока они отстряпаются, пока она всех завтраком

¹ Трепало — ручное деревянное орудие для трепания волокна (льна, конопли) в форме меча.

² Пачеси — вычески льна или конопли, получившиеся после чесания на железной щетке.

³ Щетки из свиной щетины использовали большей частью крестьяне-старожилы для получения очень качественного льняного волокна, которое называли «лен» или «кужель».

⁴ Гребешок — большой деревянный гребень имел длинную ножку, которую вставляли в специальное отверстие в донце для сидения. На больших гребнях маленькой гребенкой чесали лен или коноплю. Большой гребень использовали для закрепления кудели (мычки) при прядении (распространено у переселенцев).

⁵ Бастрык — шест, используемый для стягивания (притягивания) сена или снопов на возу.

накормит, посуду приберет, в доме подберет, и там еще ребенок — перевернуть, перепеленать, грудью покормить. В общем, урывками...пряли. Ну, в общем, полчаса, час. Но если хорошо вьюшку напрядла в какой-то час, то это ладно. А то некогда. То ребенок заплачет. А если скотская неделя, во дворе пока всех свиней накормишь, телят накормишь, потом коров подоишь. Пока всех напоишь, накормишь. Работы было — не покладая рук. И отдыхали женщины только в двенадцатом часу [ночи], а в шесть она уже на ногах была. А до шести она не раз вставала, посмотреть тесто. А летом, если она одну неделю дома, стряпает и коров доит, и коров провожает в стада пастухов, и свиней кормит. Ну овцы отдавались в стада, лошади на пашне были.

Там ведь пашни были, земельный надел. Там и пшеница посеяна, и просо посеяно, и овес тоже посеян, гречиха. Кто из России приехали, рожь даже сеяли. У нас ни ячмень не сеяли, ни рожь. Вот пшеница, овес, гречиха, просо, конопля и лен, подсолнечник, картошка.

Зерно [семя конопли] шло на добычу растительного масла. Какое было вкусное! Кислые блины маслом помажешь, солью немного посолишь, да с горячим молоком, чтобы вкусно было! Я бы сейчас с удовольствием поела. Вот о подсолнечном [масле] я узнала только тогда, когда колхозы стали. Дома были небольшие огородчики. Здесь, значит, овощи: огурцы, помидоры, и дыни, и арбузы выращивали, и редьку. Хрен сам по себе рос. Редиску я, например, не знала. Знала редьку, брюкву, тыкву. Не знаю как у всех, а сладкое, сахар только по великим праздникам. А остальное сладкое получали из свеклы, из морковки.

Пастухова Матрёна Федотовна

Родилась в 1919 году. На момент записи рассказов проживала в селе Красный Партизан Чарышского района

Интервью в 2004 году
провела Наталья Грибанова

Дед хозяин был

Дед у меня был Завьялов Егор Иванович — это мамин отец. Он жил в Березовке, был старостой в Березовке и был богатым человеком. У него было большое хозяйство. У него, наверно, штук пят-

надцать лошадей было, двадцать пять коров было, пятьдесят овец было, большие посеы зерна: ячмень, овес, ну всякие... Маку сеял 0,5 гектара. Они его сушили, потом молотили, провеивали и на маслозаводе выдавливали масло из него. Причем я пробовала — прекрасное масло. А вот этот жмых [оставался после отжима] — туда меда или сахара и, пожалуйста! Да, пироги стряпали.

Дед имел заимки, раньше заимки были. Его заимка была расположена — вон как ехать в Майорку, не доезжая Майорки, в верхней части, есть сопочка круглая сопочка, она так и называется — Егорова сопочка. Вот там была его заимка. А там скот — молодняк выращивали.

У него большая была семья, у него пять сыновей было. Дочери, сейчас сосчитаю, четыре дочери у него было. Одни в доме [жили], одни — на заимке. Не такой уж большой дом был у них.

Дед был очень строг. Даже такой был случай — старший сын решил заступиться за свою жену и перед тем, как сказать [деду], что ты ее не трогай, он залез на палати [подальше от деда]. Боялся. Дед хозяин был, деда все боялись. Да. Еще один сын был очень красивый, высокий, любил девочку, хотел на ней жениться. А он [отец] ему «на плечи посадил» одну — привез домой и сказал: «Вот тебе жена», и больше никаких!

Указания он давал, а работали все. В хозяйстве-то техники не было, плуга, кони — паши, сей, жни. Жали серпом. Снопы вязали, снопы складывали в кучу, по десять снопов в одной куче. Вот высохнут эти кучи, и складывали их в скирду, как стог сена. Только стог круглый, а эта такая [продолговатая]. Потом молотили, а как молотили? Делали такой на земле ток, потом эти снопы вот так вот клали на ток, в серединке. Потом брали лошадей, ездовых много четыре-пять, привязывали друг к другу за хвост кругом. Садился мальчонка, и он кругом ездил по этим снопам. А их стряхивают в это время. С тока везли прямо в амбар. Амбары были, там сусеки были для пшеницы, для овса, для ячменя. Кто просо сеял — для просо. Все отдельно. А молоть, по-моему, в Березовке была мельница простая. Дед не повезет, сын возил. Дед старый стал, дома возле печки.

Как настоящий председатель

Ну вот я так из рассказа помню, порядок чтобы был, он [дед как староста деревни] следил. Налоги еще платили. Налоги, чтобы были заплачены вовремя. Кто безобразничал, того приводили

на сборню. Некоторые вопросы они [крестьяне] сообща решали. Там чиновники были, не сам он собирал, он только контролировал. Ну, если вот так, как настоящий председатель, если сравнить.

Вот я вам такой случай расскажу. В деревне жила родственница деда. В общем, она была жена первого брата, хулиганка страшная, в то время хулиганка уже была. В чем это заключалось: она сядет на коня и по Березовке бежит. ПопадетсЯ ей какой старик, она ему в морду и летит. Мучились, мучились и в суд ее. Посадили в тюрьму ее. А тюрьма не как сейчас была. Она там что-нибудь натворит и ее из тюрьмы выгнали. Обратно в село. И решили, что с ней делать: ее приговорили на девять лет к молению. Из Березовки ходить каждый день воскресенья в Чарышскую церковь¹. И должна она целый день, целое воскресенье молиться. Прожила она 120 лет — 125. В 120 — косила. Вот такая тетка была. Как звали — не знаю, а величали — Агаповна.

Судили за воровство. Вот был такой парнишка Никитка. Прирожденный вор. Если он сегодня не украдет ничего, он шапку свою положит и крадетсЯ, как кот к мыши, подкрадетсЯ, схватит эту шапку и бежать. Ну, судили его, то пороли его. А вот в тюрьму его не садили.

Так-то сильно с дурным поведением тогда не было. А может, потому, что работали все. Держали свое хозяйство. А держать свое хозяйство не так-то просто, работать много надо.

Бурматова Мария Никифоровна

Родилась в 1926 году. На момент записи рассказов проживала в селе Конево Панкрушихинского района

Интервью в 2012 году
провела Татьяна Щеглова

Сибирские обутки и российские лапти

А отец у нас када пришел с фронта, коров пас, домашних... А до фронта он у совхозе тоже работал, да как корова или конь сдохнуть, он обдереть шкурку, да придет, да нам обутки пошьёт.

¹ Чарышская церковь — находилась в 30 километрах от села.

Сам шил, а кода сошьёт, солнышко греет — обутки-то ссохнутся, мы их не можем одеть... В бригаде — идем до колодок — коней поили. Мы возьмем, в колоду их [обутки] побрасаем, пойдем босиком на покос. Придем — они раскиснуть, спадают с ног... Он прям с сырова нам сошьёт, смастерит. Шерсть, где обрежет ножницами, где как! А тут у нас жила почталёнка, у нас почту носила, а мы с ней в бригаде были. Она и говорит: «А куды мы, Марья, эти обутки будем [раскисшиеся носить], давай возле колоды их побрасаем». Он ей сошьет и мне, у ней тоже отца не было, а мать тоже у бригаде работала. Он нам пошьёт. Я говорю: «Нюра! Знаешь чё — нам дед обутки пошил». Зайдет, говорит: «Никифор Игнатьевич, щас же солнышко, они сморщутся и на ноги нам не полезуть...»

Лапти плели с лыка, вот наберут лыка с этого как его... Отец пойдёт коров пасти и нам лапти поплететь... сам, сплетет нам лапти всем. Мы все ходили в лаптях, они не ссыхаются ничё... лучше. Обутки так и лежать у нас возле колоды, вот как. Да какие-нибудь найдем тряпочки подстелим, да и ходим... Все было... Мы до того ходили босиком голые, а когда дождик пройдет, аж цыпки на ногах. Ой! Царапаем ноги, а отец покойный скажет: «Да идите вы в баню горячей водой помойте». А потом ничё не помогают, а он потом говорить: «Девчонки, вы знаете чё делаете, вы поссыте...» Да этим обмоим, а они как защипють... и плачем, и кричим, и все кричим, кричим... Маслом не мазали цыпки-то. Иде его возмешь, масло-то? Коровенок бедных и то не держали, война, вот как.

Собачину все шили, зипун ткали

А зимой... так, а эти обутки сошьють, с этими вот шулками сделают, а туды шерсть натолкаешь. Это собачины¹! Собачину все шили, они теплые... Они шили из собак. Выделяют: каво-то опару делают, намажут [шкуру], суток двоя простоить, а потом очухрают [соскоблят] их литовками. Они сделаются мякенькие. Вот заместо чулков и шили, царапали [литовками] их это... На зиму када хватало [обуток], кода и нет. И вот рукавицы, даже мохнашки шили с собачины. Мохнашки... Собак держали, потошто собаку убьють и сошьют себе эти рукавички, мохнашки. Ага, для этого держали [собак]. Собаки большие у каждого были. Вот как жили люди... Мохнашки [варежки] — шерсть у них вовнутрь.

¹ Собачины — обутки с голенищами под колено из собачьей шкуры.

Ага, мужики ездили по сеном в степь, сено ж возили на коняжках, а то на быках... Зипуны, наткуть, пошьют длинные зипуны. Зипун ткали, коноплю сеяли. «А но, девчонки!» — мама-покойница, царство ей небесное, заставит нас вечером коноплю мять в ногах. Одна соседка жила, да они побогаче жили, а тут люди бедняцкие жили. Да и говорить [соседка]: «У меня седня муж... — шубу надел, такой мороз!» А эта сидит, говорить: «А мой седня застынет у зипуне, такой мороз!» А он приехал, — пот ручьем! Обутки теплые, у зипуне, а тот [в шубе] лежить на возу, застынет, как колик у шубе-то. А эти [в зипуне] чимжують [бегут] за возом — пот ручьем льется с их. Во как жили!

Баньки по-черному

У свекрови бани не было... у соседей была банька по-черному. Дак мы там топили. По субботам. Так по-черному-то баня лучше. Вот в ней, воздух другой... зайдешь, угару никогда не было, потому что ее протопят, углей нету. А дровишки-то возили на санках, пойдешь вон за гору, там вон какая у нас была поле, роща... Пойдешь, напилешь дров да на саночках зимой тянешь... А в потолке [бани] была сделана дырка, и через эту дырку дым уходит... баня вытопилась. Эту дырку закрывают тряпками или чем там закрывали? Печка такая каменная. Камень-то вот этот вот, а тута печка такая, что чугуны с водой ставишь. Эта вода нагрелась в бане, кадушка стоит в углу... выливаешь у кадушку [из чугуна], другой воды наливаешь, скипела, другую наливаешь. Мыло сроду мы не знали... щелок делали... Кадушечки небольшие делали, на кадушечку привяжешь тряпку редкую, сюды золы насыпешь. Вода скипела — на эту золу льешь, она процыживает... Щелок делали. Щелок, вот щас вода нагреется. У этот чугуны, большой же чугуны был, в этот чугуны золу, туды. Ну дровяная, древесная, деревянная, только самое главное с березы. Потом размешаешь ее, да как намоешь голову, как мылом! Мыла-то не было! Ага, вот от золы в воде моешься, аж пена така вот, такая же мыльная. А зола, так она же вниз оседает. Ага, ещо отстоится... Ага, ага, а стиралися белой глиной. В бор ездили, копали, белили белой глиной, и рубахи стирали. Да глиной, а потом ее [рубаху] полощишь, полощишь, а она [рубаха] все белой да белой — да докуда ж ты будишь [стирать] — белая. Она ж белая глина. Простирывалась, ага, а рубах-то таких [фабричных] не было, а все полотняные, тканые.

А избушка-то у свекрови... Лоза... да глиной мазана

Избушка-то у свекрови... никакие не бревна, а вот лоза-то. Лоза в околках, мужики наробять, возють, с лозы заплетают, а потом глину месють и мажут [плетеные стены], и сенки такие делали, к избе прилепливали ... Красная глина, вот щас капають-то ее, вот накопаешь, привезешь на тележке, сделаешь, ногами мешали... Все было [снаружи обмазано]... внутри глиной мазали. Глина бывает белого и красного цвета... Да, ага, ну белая это в бору, вот избы белили [у родителей] ... В бор ездили... Там она у нас до сих пор есть... Также вот белится, как и известка. А красная глина тут у нас везде, вон за огородом. У нас кругом красная глина, а белая только в бору. Ее добывали лопатами. Место есть там одно. У нас тама согра. Дак там низина, там только туды ездили за белой глиной. Вот везде песок [в бору], а там... копаешь, потом слой выкопаешь, иде копаешь, копаешь, нету... глины нету, опять копаешь, копаешь, опять, снова, а потом када уже дойдёть до нее, обчистишь ее вверх, а там она белая. Да тогда вот такие вот слои. Лопатой. А потом домой приедешь, ее в ванну там или куда. Каки там ванны? Корыты долбанные. В корыто водичкой побрызгаешь, а потом комочков накатаешь и приберёшь... И держали... потом, када белиться или печку подбелить, — принесла комочек, намочила, она раскисла — белили. Ну, вот, например, если там чё-то дым какой или замазалась там чё. У нас у соседа был конь, дак поедем накопаем белой глины, дак уже приготавливаешь, шоб года на два хватило. Комочков этих наделаешь и берегёшь... А у свякровки было все вымазано [в срубном доме] ... У ей все пазы — красной глиной. А пол, так его почти каждый день: наведешь красной глины, щас щеткой выбелишь, пол к обеду высох. У свекрови тогда красной белили, а не белой глиной. Не на чем было привезти с бору [белую глину]! На себе не потащишь! А надо на чем-то ехать, а на тележке далеко ехать — аж к Бурле.

Желтый, как яичко

А [в доме родителей-старожилов] пол ножами шкаблили, не крашенный, ничё. Да хто иде найти краски? Сроду ни у кого краски не было! Две тряпки намочишь водой у ведрах или черепушки, как-нить были, и это... насухо шкаблили ножом. Прямо ножи в кузне наделают мужики, да наточють, да только шум стоять [как скоб-

лят]. Широкие делали [ножи] кузнецы... Плотно, плотно были сбитые [половые плахи]... Шоркаешь, вот их вышеркаешь, веником сметешь [мелкие стружки-опилки], опять мочишь, опять скоблишь. Вот, на коленках [работали на коленях], и скоблишь их [доски], ага. Одну [одной рукой] за ручку дёржишь, а другую за нож — шобы поскаблить. Вот поперек и все время ножами. Много соскабливалось, много, прям, как опилки, до того их... Так они плахи-то были... ну тогда руками пилиные, толстые какие¹. И у людей, какие побогаче, и даже были и стенки скоблились ножами. Бревна не белили а их скоблили. Скоблили, все скоблили...

До обеда царапаем... А ножи-то, воо какие здоровые! Дак выскоблим, уже не зайдёшь грязными ногами, уже берегли! На неделю шобы пол [чистым оставался], ага. Все время занимались уборкой. Дак, ее выскоблиш, да зайдёшь — она [изба, пол, стены] прям блистит. А щас выкрасишь — она шаршавая. По субботам, все бросают и уборкой занимаются все, и постель сушать, и все на свете. Каждую субботу!

Крестьянская землянка

В землянках жили. У отца детей-то было двенадцать. Вот скоко! Ну, сперва-то не двенадцать у нас было, мы када в землянке жили, нас, наверно, четверо было. Вот тут у нас [в Конеево] до самого до околка пощи [почти] землянки были накопанные, жили. Ну вот знаешь, землянка — выкапують ее, накроують. А пол-то смажут красной глиной, чтобы это красивее было. Да какой-буть сделают топчан, спать. Не шипка глубоко [землянку копали], одно окошечко сделают. Если большая землянка, так два окошечка. А знаешь, пласты резали на этим [на целине] лопатой, и... даже хаты-то крыли пластами... Помню прям с земли пласты... сросшие корни... Железянки [типа печки-буржуйки] были, миленька моя, железянки делали: трубу выведуть... Сами ковали старики в кузне... сделают три кружка, три ножки. И туды щепочки кладешь, поставишь пойку, коров поили... Да и варили. А топились, тут овечки у нас совхозные были, дак резали эти [кизяки] такие вот... с гомна [назем]. Вот эти сушили, и накладывают каждый себе, а потом домой перевозють на тележках. И топились.

Почему землянки? А вот не было, миленька моя, ни лесу... Нехде было взять. Все, все дорогое. На чем возить его, ничеж не было.

¹ В крестьянском строительстве половые плахи заготавливали вручную.

На коровах на своих пахали и боронили у бригаде. Свою корову, если у кого есть, поймашь, ведешь... Ёрмы [ярмо] были, на шею наденёшь, а с боку две бабы идут с палками, шоб она шла прямо. Потом уже обучешь ее, она сама тогда знает [как надо ходить]. Косили сено, и зимой, также себе вот складываются мужики [т.е. подбирали компанию], у каждого коняшка там или чё. Вот косють, возють. Зимой возили... там стожок поставють, два, в околках [летом]. А зимой уже это едут, возють.

Постельные принадлежности — потники да дерюшки

А как на полу спали? Вот потники тут [за огородом] росли: она трава такая, она дерется. Дерешь, дерешь, она не отрывается, ничё, и получается как... как одеяло, как ковер [т.е. снимается единым полотном]. И, знаешь, настелишь на полу и имя укрывалися. Вот в этой вот низинке она росла. И знаете, как только она подрастет, народу там! Каждый себе дерёт. И, вот, она перепутана вся... Возьмешь лопату, какой тебе надо потник, вот такой обрубишь его, как матерьял. А потом домой возим на тележках. У каждого на пряшне [прясле] сохнить, а как высохнуть — [накрывались]. Дома строили — место [вместо] моха его ложили... Зимой и летом, и она [трава] теплая была. Как, вылезешь с под её — весь в соломе да мякине [смеется]. Спали, ну, рубахи-то шили, портяные-то, рубкав-то не было, безрукавки, ага.

Подушки... Вот эти пухнатые-то [вызревшие головки камыша]... ребятишки распустють... Вот камыш растет, шишки, шишки. Коричневые бобинки торчат, вот пойдешь их, ломаешь, в мешок нарвешь, придешь, нашелушишь... подушку сделаешь. Пухом вот этим [набивали подушки]. Да прям вот так вот возьмешь их, а они, как вата. Скоко переспишь! Месяц, два. Вываливаешь и идешь опять с мешком. Ага, скатывается. А потом опять идешь за свежим [камышом]. Опять мешок нарвешь [смеется]. Вот как сушили, сушили их; высушишь на солнушку, так они сделаются пухнатые, как перины. Во, даже перины делали!

Это потом уже мне свекровка сделала дерюшку, выткала толстую... И сделала мне подстилочку — дерюшку. Это вот дерюшка толстая такая. Вот выткиш... из конопля, шерсти там. А потом мычки делали, вот щас намнешь в ногах эту вот коноплё, лен... и эти вот

мычки делали — гребень, такая гребенка¹... и делали мычки [прочесывали]: с той стороны [гребня] кострика остается [с этой стороны — мягкая кудель]. Шас мать скажет, покойница: «Девки, ну-ка, на, веретёшки». А веретёшки такие вот наделает нам отец... на руках привяжет нам по кудели... куделю-то прядут, чтобы ткать. Они шас толстые прядут. Крутим на дерюшки. Вязали на этих, на крючках. Вот сосчешь [сучить нить] у две нитки. Крючок сделают железный. Вот, сидишь, вяжешь. Мама начнёт нам... потом мы уже крючками вяжем. Сделаешь половинку себе. Ага, вот под бок делаешь себе, а то не повернись — две сделаешь себе. Смастеришь дерюшки... Тада мы уже не стали ходить, уже рвать [эту траву]. Уже стали конопля помногу сеяли. Вот огород гектар был: картошку посеють а остальное полосяку конопля, да лен сеяли. Солома, матрасовки нашьют портяные с конопля, она [матрасовка] же толсто на прядена, она не протыкалась [соломой]. Ее же выткуть, а туды соломой натолкають. Каждну субботу эту соломой вываливаешь, а новой набиваешь, свежая солому. Пряма целую [не измельченную], ночи две-три переспал — она уже мягкая. Уже первый раз ложишься, так она, как перина. А вот у нас соседи, мы жили. Дак у их было четверо [детей] тоже. Все так в печке спали у большой: протопють эти-ми, казяками, выгрябуть и спят все.

Детские страшилки

Нас четверо было. Я старшая была. Мама: «Идите, ребятишки!» Заставить нас там все [в] огороде убирать, там горох или чё. А потом натыкались мы в горох ходить: горох поспел, морковь. Пойдем кучкой, чтобы мама не видала... Мама говорить: «Да что такое? Гороху было полно, а шас уже нету». А отец: «Да, вон [на детей] весь горох-то выдрали и морковку рвут». Ну что? Взял шубу, вернул шерстью кверху, лег у горох и лежить. И лежить, и шевелиться. Мы пошли все, а мать стиралась, рассказывала: «Как летять отудова, как оруть, все друг за дружкой: «Вы чё?» — «Ой, там, Баба Яга!» А мать ещё до этого сказала: по огороду стала ходить Баба Яга. Уже подготовили. Ну и он шевялиться тама, все мы бегим, страшно орем: «Че вы орете?» — «Ой, к нам уже в огород Баба Яга пришла!» Потом он там молча разделси, и деть с работы, шубу там спрятал,

¹ Гребенка — деревянный гребень для прочесывания конопли или льна. Предварительно стебли мяли мялкой, чтобы разломить кострику — внешнюю оболочку стебля.

говорит: «Я вечером ее притащу домой». А мы: «Папка, там Бабка Яга уже к нам в огород перелезла, уже все огороды, наверно, обошла». А отец скажет: «А теперь в каждом огороде Баба Яга». — «Ребятишки, ну-ка идите хоть по морковке сорвите там или гороху!» Хоть палкой бей, мы не пойдемь — там Баба Яга... А то как чуть так в огород... И ой! Вот щас садишьси, идешь, умоешьси, и заходишь к столу, щас перекрестишьси и садишься за стол, со стола вылазиешь, опять перекрестился. А мама скажет: «Вот, ребятишки, вы креститесь и вас никто, и даже Баба Яга не возьмет, потому шо вы Богу веруете, вот, а кто не вериет, у того Баба Яга заводится...» Мы стали Богу молиться, за стол садиться... Мы и щас Богу молимси.

На подножном корму

В войну ели лебяду, да вот «носки» драли ходили. Мама скажет: «Девчонки, надо седня итить за «носками»!» Камыш, «носки», таки длинные белые. Толстый такой камыш, его с корнем вырываешь, а там вот такие отростки, белые ... «носки» называли.. Вот мы их наберем мешок, принесем... Дак мамка засушить, он становится хрупким, как мука, в ступке натолкеть, насеит на решетцо, штуки две-три картошки туды очистить, сварить, каралек нам настряпать. Или лепешек катаить. [«Носки»] мягкие, сладкие. Дак и надерем, дак и так наедемси.

А пойдешь по грибы, дак не выбираешь, а всех с червями соберешь, чтоб больше было. Ходили пяшком, и за Бурлу ходили пешком. У нас соседка [подружка], у их была избенка своя, ну и отец тоже на фронте был. А пойдём по грибы, а баба Акси́нья нас насоби́рает, девчонок, в бор. А у ей корзина была такая здоровая, и нам повязки сделает через плечо. А мы с ведрами, сядем отдыхать, кислятки нарвем, слизуну нарвем... Это борщ варить кислятка. Она растет листьями такая, красный корешок. Сырую режут ея. Мы сядем на дорогу: «Баба Акси́нья, ну у тебя ж в корзинке, погляди какие черви-то вылазиють». — «А, девки, то не черви, что моемо, а то будут черви, которые будуть нас исть». Вот зимой у их избенка, все соби́ралися... Ну куды пойдешь? А у их три девчонки, мы к им все бегали. Побежим к им: в колечко [играть], вот булавку возьмешь, колечко. — «Сосед соседку любит?» — «Любить». Играем, играем, а баба Акси́нья наварить картошки, такой меленькой, на стол вывалит: «Девки, ну-ка слазейте за грибами!» Мы полезем. «Да возьмите поварешку, червей-то соберите, в кадушке, а груздей наклади-

те». Мы червей выбросим, накладем чашку деревянную, да так наедемся [наедемся] у их, картошки с груздями. Да на другой раз пойдем в бор, она и говорит: «Рвите все грибы, все! А то опять ко мне придете жрать!»

За Бурлу пойдем, нарвем. А через Бурлу, там у нас была мельница, а там столбики, мы по этим столбикам пролезем по воде, туды за Бурлу. Там больше грибов-то. А баба Аксинья свою эту плятуху [плетеная корзина], лезет по столбам и плятуху эту тянеть. Так мы и слизуну нарвем. Слизун как лук. Вот нарвем, соли с собой возьмем, сядем на дороге, сядем отдыхать, в соль мачим, наядиимся и пошли. А потом кака-то была кашка, росла мелкая-мелкая. Как вот меньша конапля. Возле бора ее много. Пойдём, намолотим ведрушечку, возьмем палочку намолотим, мама нам наварить на воде, она аж хрупотить на зубах, хруп-хруп-хруп-хруп. Наедемся и пошли.

Плятья где-то понабрали новые... как генералы

Вот как. Ну, а как в бригаде — украдем у бригадира пшанички, а у нас рушилка¹ была. Ага, ручная, деревянная. Ага, это во колках, в кустах [спрятали]. Это, в час ночи пойдем, накрутим. И оставляли эту рушилку в кустах, чтоб никто не нашел тут... Ну наварим... каши, а иде уваришь, иде не уваришь. А там уже звонюць звонок, шо уже надо на работу итить... Он [бригадир] откуда-то пшаницу семянную у двух мяшках [привез], да в амбар. А амбар был накрытый этим... снопами, вон камышом. Ага, это Клашка Шайдукина, она-то со мной одногодка, она уже померла, да и говорить: «Знаешь чё, полезем седня ночью в эту дырку, сделаем туда [дырку]». А они двойные мешки. «Давай, — говорить, — по мешку украдем». Украли, а кудыж нам его [мешок] спрятать. Через месяц с бригады только пустють [домой]. Пошли, тут полоса была, на конях пахали ребята. Мы под пласты спрятали эти мешки — по мяшку [пустому] вытащили через камыш. Ну, ладно, потом пошли домой, ну как же мяшки та надо взять. А я говорю: «Клашка, знаешь чё? Я не понясу домой мяшок, меня мама убьеть. Ты чё, тюрьму зарабатывать собралась?» А она говорит: «Понесем мы моей матке». Занесли матке ее, она нам вырезала у мешке дырку [выемки для рук и головы] и обшила черненькими тряпочками. Приехали у бригаду, а девчонки говорят: «Ну, еттиту-мать! Плятья где-то понабрали, новые!» Думаем,

¹ Рушилка — ручная мельница.

да какие тут платья! Мы в амбар лазели за мешками, а они не догадalisя. Она их нам сшила: да, тут кочковатка была лыва, она пой- деть, да рублём, рубель¹ такой вот сделанный, ага, деревянный. Дак она нам их [мешки] колотить, колотить, да на солнушке высушить, да опять мочить — они белые... А мы приехали у бригаду, как гене- ралы, в новых платьях. Ой, ой, охота в клуб сбежать! А дождик прой- деть, дак, мы вот так вот в грязи ноги вымажем, да пойдём в клуб [в новых платьях босиком]. А ребята говорят: «Сёдня этих девок, наверно, надо проводить». Каки тебе тут проводить, тут ноги от- сохнуть. Дак мы по за озером пока бязим домой, грязь-то вся смы- лася. Мы домой прибязим, голыми ногами [смеется].

А када я стала побольше, а у бригаде это ну на прицепе же уже работали, а заработаешь премя [премию]: дадут аж ржаной муки, аж пять килограмм, премя, привязешь домой. Маме и мне дали пять килограмм премя [премии] муки, а то дадут это чё-нибудь, ещё шерсти дадут, тут овечки были, дак шерсти на чулки. Дак мама ко- нопляную ниточку да шерстяную напрядёт, да свяжет мне такие чулки... завяжешь веревочкой и... без штанов же ходили...

Помощь фронту

Придут, заставють, чтобы руковички связали за ночь, или нос- ки на фронт. На фронт всё! Самотканые такие, ага. Вот кросны, ткуть. Прядёшь... тада на этим вон на печечке сделаешь, чтоб это дым-то шел в трубу: щепочек накладешь и сидишь, прядёшь возле этой печки. А потом натыкались делать: щас, вырежешь железянку такую вот, в железянке дырочка, сделаешь трубочку. Ну ламине- вую или какую найдешь, в картошку воткнешь, или в железянку эту, в картошку сырую. В эту железянку сделаешь фитилек какой-нибудь, с чего-нибудь... Керосину нальешь туды и горить...и работали ноча- ми нормально, и работали вечерами. И придеть представиельни- ца, чтоб к утру носки или руковицы. И мы... ага, всю ночь сидишь... и собирали и рубахи какие, там и какие курточки... на фронт. Днем работать надо...

Шкуру со свиней сдавали. О! не дай бог, если узнають, что сви- нью опалил. Да с сельсовета, у нас был секретарь и председатель

¹ Рубель — пластина из дерева твердых пород с ручкой на одном конце. На одной стороне пла- стины нарезались поперечные скругленные рубцы. Рубель использовали для глажения белья после стирки: отжатое вручную белье наматывали на валик или скалку и раскатывали рубе- лём так, что даже плохо постиранное бельё становилось белоснежным.

сельсовета. Если свинью кто дёржить — снять шкуру и сдавали. Да, а тама они сами выделывали. О! Если узнають, что с шкуры снял сало. Да ты что? Тут ничё тада не увидишь, приедуть, дак, начальство, заберуть. Все, уже каждый день на счету. У кого если пять курочек, шоб вот столько яичек сдали. Все на фронт, все на фронт. Все всё собирали... Во! Узнавали. Придуть и курей пересчитают... Всё было на счету. Сапоги же шили... вот сапоги-то были, форсированные-то считали. Офицерские сапоги шили из свиной шкуры, вот. Вот чё было. И собирали все на свете, все на фронт!

Насыпет по плисе мешочки, мы идем сеим

Када началась война, мне как раз исполнилось двенадцать лет. Меня у бригаду увзяли. Я тада все года все военные сорок первого и по сорок пятый год в бригаде работала...

Я сперва поварила маленько, потом меня поставили... на прицеп; на тракторе работала, на прицепе, а то на коровах да на быках боронили, да сеяли, урочную сеяли. Тут у нас дедушка немец жил, царство небесное! Переселенец... дед с бабкой... Да нас насобирали девчонок. И они тут у нас [бригаде], дед работал с нами, нас учил, как там, чей делать. Какая учеба? Босиком, голые были, а он и говорить: «Бригадир!» (Не на чем же было сеять), он и говорить: «Давай мне девчонок, я буду их учить сеять». Повешают нам сумочки, плису туды пшанички нам насыпють, а брычка идети ззади. Брычка-то с пшеницей. А он говорить: «Вы, какую я уж и забыла, какую ногу вперед, то ли левую, то ли правую. Вот, и рассыпайте между пальцами». Рассыпим, опять насыпят нам плису пшеницы... сеяли... Ну, правую, первым долгом правую поставил ногу и сразу рассыпай, шоб пшаничка-то между пальцами рассыпалась, вот ррассеимь ведро, опять брычка идет, опять насыпають нам в ведерко. А каво? Мы ещё были, дети... сеяли. Ну и вот, нам насыпет по плисе мешочки, мы идем сеим. Вот как работали... А девчонок много шло в ряд. Они все уж поумирали бедные, а я все ещё живу, вот как.

Управляющий едет на коне, а мы на быках. Да какой-то забухлы сварись

Бригада — там ... у нас стояли два дома, столовая. Двенадцать километров [от Конева]. Там у нас поле, там и трактора и сеялки, и плуга. И там все на свете. И нас туда возили, баб, вот щас, на брычке. Тадаж не было машин! Управляющий едет на коне, а мы на бы-

ках. Брычка запряженная, на быках. Едем у бригаду утром рано, чуть свет. Вот, а я, вот, первый раз, я поехала. Я варила все время. Ну, каво! Двенадцать лет! Ну, приехал управляющий и попросил у мамы: «Да ты отпусти девчонку, она нам будет только картошку чистить да посуду мыть!» А потом када поступила варить-то, а там не посуда, не на чем было... У бригаду [носила] ... кормили людей, на полосу. У руках ведры тащышь: чай, суп какой-нибудь наваришь — то и тащышь... Печи наделаны, в этих печах были котлы, большие такие вот. Вот, я варила. Дровами качегаришь, дровами. А дрова у нас — оковки. Вон какие густые вокруг бригады. Вот скоко хочешь! Ага, которые работают в бригаде, скажешь: «Ой, мужики, дрова кончаться!» Пойдут, принесут сухих, нарубют нам, наготовят нам. Вот раз сварись, а второй раз уже нечего варить. Дак пойдешь, на-собираешь или щавлю, да грибов каких-нибудь, да, какуй-то забухлы сварись... Идем в бригаду на обед по околкам, ногами нашибаем, где груздь, где какой-то щавель, где чё. Придешь, наваришь в котялке, наися [наешься], да опять на работу. А щас тракторами, а мы руками, грабли! Грабли, вилы и конь с этой, с волокушей. Вот, на волокуше пацан верхом берет. Вот как!

На каждой картошке была фамилия

Там [в колхозе] дадут мясо, там или чё, скоко там или какой крупы, а картошку уже возили из дому... Каждый картошку привезет, пять картошин, шесть картошин, каждый из дому. Нам принесут, чтобы на каждой картошке был фамилия вот, например, «З» [Зубов]. Надо вырезать на картошке, «Б» [Бурматова] ... А картошка, она картошка. Закипела, разварилась... А зачем так делали? А шобы этот [Зубов] дал пять картошин, шоб пять картошин и отдала [ему]! Они свои з дому возили, картошечку свою — давали нам. У нас был, котел такой небольшой. Вот, хто сколь — пять картошин привезет, шесть. Хто чё, кто сколько... ага! И каждый букву надо поставить, а она возьмет и развариться: «Вы [девчонки-повара] сожрали нашу картошку?» Дед Зубок [Зубов], он все время возил, мы ему «З» ставили, а он и говорить: «Ну чё вы кричите, мужики? Ну картошка и картошка — разварилась, и все!» Ну, иде ее... выливайте хоть этой жижи, поразварилась картошка. Кум-то Зубок говорить: «Ну, это ж не мяса кусок, што сварилась — да вытащил. Это ж картошка! Она разварилась, и все!» Да иде работают [мужики] — вот на руках и носили [еду]. А бригадир на коняшке ездил. Дак он сидеть,

мы ему наставим этих туясков. Он где везет, а потом водовоз это возил воду по полосам тоже. Дак тоже тому поставим, а то на руках ведры тащышь. Туяски так делали деревянные, вот такие вот с крышкой, туясочек. Там, вот щас, это ездить у нас на брычке ут-ром, собирает туяски по дворам [в деревне]. Вот, например, ко мне подъехали, я высылаю туясочек [своему члену семьи, работающему в бригаде] — то молочка, то картошки наварю, в туясок накладу. Ага, своим высылали всю время у бригаду. Всю время, каждый день возил [из деревни], а вечером уже опростають туясочки, он собирает — пустые везет по домам, опять...

Бригадная баня

Они [бригадиры], вот нас, молодеж, по месяцу в баню не отпускали [домой]. Большая баня была у нас [на бригаде]. Дак вот, каждый день баню топили. Щас тракторист приедет, щас трактористы же домой не ездили. И бабы, которых тока детные, так их везут, на брычке домой, а утром туды [в бригаду] опять. А нас-то никто не повезет, а если надо у баню — через месяц пешком, иди. Мылись... она была большая. Щас мужики вымоются, ребята перемоются. А мы ж пойдем, какую платью полотняную выстираешь да повесишь на сучок. Не досохло, а пойдешь на работу... топили баню мы, повара, сами. В баню мужики наготовить и воды... Это, брычку запрягут, на брычке такой бак стоять. привезут нам водички с колодца. Мы натоскаем [в баню], подтопим. А спать — в домах, в амбарах; кто в домах, кто в амбарах, кто иде. Тепло, дак мужики или ребята под кустом иденьть [где-нибудь] бросють одежду под кустом. Тепло, жарко, встали утром...

Бондарь Яков Гузев

Это у нас Яков Борисович делал их [туески], маслобойки большие делал, кадушки и их [туески]. Такие вот эти... ну досточки. Он их выстругает, там гладкие! И все делал туясочки, ручачки сдelaет, крышачку сдelaет. Ага, маленький из досочек туясочек так и звали. Яков Борисович, он тут у нас старичок жил... Гузев он. Туяски делал, а крышечку делал тоже с досточек, а ручечку — проволочку сдelaет. Еще он катки [кадки] делал, а катки тоже с досок, или долбленные... бочки сдelaет под капусту, а бабы заказывают: «Ты нам сдelaй бочечку там или пять литров или три литра... или скоко тама, щобы такая кадушечка...»

Гребнева Евдокия Федоровна

Родилась в 1926 году. На момент записи рассказов проживала в селе Макарово Шелаболихинского района

Интервью в 2005 году
провела Юлия Воеводина¹

О похоронках

Все старались поддержать фронт, все — от малого до старого — трудились. Ни рук, ни сил не жалели, поддерживали фронт. Вот у нас Анатолий Мещенко... Отец [его] работал, вот за племенными лошадьми [ухаживал], там жеребец был такой вороной с белыми пятнами. И вот, как в бригаду скачет этот Толя, и женщины стоят [видя Толю, начинают голосить]: «Ой, это мне похоронку везут! Ой, это мне похоронку везут». Как привезут похоронку кому, и все плачут. Криком кричат суток двое, а потом, молодежь, начинаем развлекать: «Ну чё, сколько можно плакать, все равно теперь не вернете! Ну, давайте!..» Да!.. [вместе с получившими похоронки] всем селом плакали... Всем селом плакали и старались чем-то помочь. И словами, и у кого что... Ну господи, собирались всем колхозом, убеждали [взять себя в руки].

Я вот одну зиму работала почтальоном. Как только похоронку несу, вот весь свой «Прогресс» [колхоз] обойду, почту раздам и вот придумываю, как мне прийти и сказать, какое найти слово, какой подход к этим женщинам.

Вот захожу, начинаю заговаривать, вот: «Может, вы что-то во сне видели или как?» — «Что?» — «Да вроде ничё, да вот такой...» — «Ну нам чё-то принесла, такое вот, наверное, плохое известие?» Ну, приходится говорить. Женщине принесла [похоронку], а у нее было пятеро их [детей]. Там крик как поднимут! Стараешься уговорить, убедить. Вот господи! И письма писала. Родители безграмотные, принесешь от сына или от мужа [письмо], прочитаешь. И вот: «Дуся, ты, пожалуйста, напиши ответ: мы же не сможем!» И сама писала. Ну а чё? Всё о друг друге знали, и всё пишешь. Пришлет. Вот опять бегу. То тот, то другой: «Ой! Мишка написал письмо, давай прочитай! Да давай напиши мне ответ: мы не сможем...» Много, конечно, безграмотных. Кто в то время был грамотным-то сильно?

¹ Воеводина Юлия — выпускница исторического факультета АлтГПА.

А все равно многие шли на фронт

А все равно многие шли на фронт. И женщины... А мы ездили, нам сказали: «Вы молоды еще». А мне вот охота еще в военной форме походить. Мать поехала на рынок в Барнаул, купила защитного цвета материал простой. Сшили мне гимнастерку и юбку под ремень. Я и замуж в этом костюме вышла. Охота было! Тогда начали писать заявление на фронт, думаю: «Ну, требовались же там молодые люди!»

Хоть у нас образования не было никакого, ни медицинского, никакого, но все [равно] требовались люди. Вот в нашем селе, как я помню, вот мы трое взяли [и написали], а нас не взяли двух. [Все хотели] помочь Родине!... Тогда же газет и телевизоров не было, [а] многие ведь все равно уходили добровольно. Из нашего колхоза вот Иван Васильевич добровольно ушел... Мне кажется, что они [его родители] ни одного письма не получили, похоронку получили.

Ну а чё? У нас вот тут с Рубцовки приезжали, работали. Парень подошел, уже в армию его брали, мы провожали его всем колхозом, черный такой мальчишка. И потом он присылает мне письмо: «Вижу тебя во сне». У меня было платье, мама купила за масло: уполномоченная у нас была откуда-то, то ли москвичка, то ли что... и красное в горошек платище, белый воротничок. И фигурка, конечно, у меня была хорошая, и волосы — вот такие вот две косы, в три пальца.

Присылает письмо: «Вижу тебя во сне. Встал и другу рассказываю. Сначала улыбнулись, а потом чуть не плакали: вспомнили твое лицо, твою фигуру, твои косы» [смеётся]. Я написала, и... ответа не было. Тоже, наверное, [письмо] до фронта не довели, разбомбили.

Выдали меня за дрова

По природе у нас мать вышла замуж. Они не дружили, ничего. Она потом всю жизнь говорила: «Вот, значит, поехали родители по дворам, посмотреть жениха.

Приехали, посмотрели и говорят: «Ох, Анна, сколько у них дров, сколько у них дров!» А она, когда вышла за отца-то и когда его забрали [на фронт], она все говорила: «Выдали меня за дрова, и самой приходится дрова возить». Ну, сами ездили за дровами. Вот я ездила в Шелаболиху: зерно сдали, оттуда с этими же ребятами в ночь едем в Дубровку за дровами. Тогда сами ездили. Вот поедем, а снега были

страшные, быков привяжем по саням. Напилили эти чурки, ребята на свои сани таскают, а я на свои поставлю вот так. Потом раз — иду, иду, утонула с этим бревном, упала. Вот смех прямо, ребята!

А едем, сани же скрипят ночью... А мы смотрим во все концы: щас объездчик нас заложит, оштрафует... Чем платить будем опять!? Подъезжаем, глядь — стоит на страже. Куда будем эти бревнышки таскать? Ой, натаскаем, соломой накроем, которые поменьше, в голбец спустим.

Жизнь на полевом стане

Бывало, молодежь, считай, круглый год жили в полевых станах [на бригаде]. И жили люди такие, у которых старики дома были, а молодые там же жили с мужьями. Стояла... вот примерно, стоит избенка, там молодые сделают из плах нары, стелим каждый свою постель.

Напротив столовая была, а вот проход между столовой и общежитием покрыли [соединили коридором]. Там мужья со своими женами койки ставили, ну, городили там, койки такие деревянные делали там из столбиков и под этим навесом находились... А в туалет по-моему вокруг бригады ходили. Мыться — умывальничек на улице. Колодец был, баня была. Два деда беспризорных жили в бригаде. Они утром и вечером там, эту [баню] топили.

В обед придут женщины отдыхать, они там кричат: «Женщины, идите, помойтесь, мы уже истопили баню!» Девчонки — мы, спустимся в лог, с себя снимем — не было смены [сменного белья] больше — постираемся, на траву расстелем. Сами идем мыться, а мальчишки возьмут, нас в бане подопрут. А окошечки, раньше по-черному топили баню, там окошечки куда дым выходил¹. Они возьмут, наберут дизельный насос водой холодной и в это окошечко. Мы по этой бане [бегаем]! Не знаешь, в какой угол бежать: «Мальчишки, уйдите, мы уже намылись, нам надо собираться!» Потом они убегут, мы выходим, начинаем одеваться. Да вот эти деды топили каждый день баню.

¹ Баня по-черному топилась без дымохода.

Епифанцев Виктор Прохорович

Родился в 1936 году. На момент записи рассказов проживал в селе Красный Партизан Чарышского района

Интервью в 2005 году
провели Андрей Гаврилов¹,
Артем Шмелёв²

Охота на лису

Охотиться начал с малых лет. В первую очередь капканами, оружие не разрешали. Первый зверь — это лисица, ну потом старше стал... Тогда с четырнадцати лет давали оружие. Вот оружие получил. Пошли — белка, соболь, мелкого зверя добывали. Любимое занятие — лисица, самая интересная охота — это лиса. Хитрая она, лиса, и надо добывать ее не одному, а двоим, троим охотиться за ней — нагоном. Да, садится один-двое в засаду, третий или второй загоняет. Загоном очень хорошо было на лису охотиться. Я всегда сидел на готовности, когда лиса на подходе, выстрелить... Лису стрелять надо с дустволки 12 калибра. У меня по первости одно оружие было, а потом два оружия было — на белку 28 или 32 [калибр] и на лисицу 12 калибр. А на лису обязательно 12 калибр. И дробью ее стреляешь, дробью, картечью.

Охотничье снаряжение. Собака — помощник охотника

Если ружье свое имеешь, всегда должен знать, что оно хорошее; надежное оружие держишь. Но бывает, что в лес прейдешь, в первую очередь стрельнёшь. Стрельнёшь, конечно, как оно? Ну а надежность, знаешь, если оно у тебя свое, как его не знаешь. Надежное оружие, держишь надежное всегда оружие.

В первую очередь в лес готовишь сухарей, побольше. Они долго содержатся, хранятся. Хлеб-то взял, неделя и всё, неделя — он испортится, хлеб, а берешь сухарей с мешок, хороший мешок сухарей. Сушит бабка дома и сухарики. Лапшу берешь, макароны всякие. Готовишь. Обязательно. А в лесу добываешь, что? Рябчик, глухарь есть. Там уже на охоте который раз бываешь, добудешь рябчика, глухаря... Также с собакой. Собака садит [дичь], взлетает с полу, садится

¹ Гаврилов Андрей — выпускник исторического факультета АлтГПА.

² Шмелёв Артем — выпускник исторического факультета АлтГПА.

на дерево. Собака лает. Глухарь не улетит никогда. Собака начинает всё! Подходишь [к глухарю], метров 40–30, подойдёшь и добываешь его, убиваешь. А потом приносишь на избушку, там уже разделываешь и начинаешь варить. Там таган, в тагане готовишь.

С собой всегда одно ружье. Рюкзак в первую очередь. Топор обязательно в тайге. Оружие и нож. И обязательно три-четыре капкана. На избушке-то их много, а с собой берешь. Бывает, заго-нишь соболя в россыпь, в утесы, а добыть собака не может. Дымом выгонять — выгнать не можешь. Ставишь капканы на ночь, остав-ляешь капканы.

А дымом выгоняешь — носишь с собой в рюкзаке обязательно ваты, пучок ваты. Ну, бывает, в лесу на лиственнице и пихтаче, на кедре мох такой специальный нарастает, старый. Вот его добы-ваешь, ваты, разжигаешь. Начинает гореть, потом дым пошел. Дым едкий такой! И затакиваешь промеж утесов, куда он залез. И вот он боится, дыма он сильно боится, начинает он... А собака уже ка-раулит. Который раз выбегает, ловит собака. А нет, значит, загна-ла на дерево.

Собаки две было и три, молодая собака с собой — обучаешь, и старая собака. Если одна залаяла, они обязательно сбегутся. На-шла одна, и вторая и третья собаки сбегают, начинают лаять. обя-занности там уже не различают. Если одна нашла, то вторая, и тре-тья прибежит, залает или укусит, собираются все равно.

Например, белку или соболя загонит собака, он тихо там сидит, а ты стреляешь. А бывает, что уходит, начинает уходить в чистом ме-сте, где на ходу стреляешь, упреждение берешь. Выстрел. Стреля-ешь. Вот на лису охотишься, на лису особенно, большое упрежде-ние берёшь. Она быстро идет, расстояние 40–60 метров, расстоя-ние метра полтора берешь вперед, а потом делаешь выстрел.

Ореха много — белки много, корму мало, охота плоха

Вот обычно было, когда орех [кедровый] вырастает, годами орех вырастает в тайге¹, вот белки много, соболя много — тогда. А в ко-торые года корму мало — охота плоха, зверя мало. Вот, бывает, да. Временами. Который год бывает — белки не бывает; мало белки бывает; совсем не бывает.

¹ Урожай кедрового ореха обычно бывает один раз в четыре года.

А на бурундука, начали, а потом перебили [выбили охотники]. Как собаку вырастил молодую, начинаешь ее с собой брать. У нас недалёко — вот на гору пошел. Берешь небольшую, как удилище, палочку. Делаешь петелечку на конце — с лошади, может, волосы, делаешь петелечку [из конского волоса], и пошел. Собака за тобой, начинает гонять и загоняет на кустик бурундучка. Лает, облает. Ты уже подходишь с палочкой, у тебя петелечка. А он [бурундучок] любопытный. Ага, подошел, начинает на тебя шею вытаскивать [вытягивать]. Раз петелечку, вздернул его — есть. Вот таким способом. Который раз и стреляешь. Те года, когда работал председателем общества, любители, у нас обязательно сдавали по девятнадцать-двадцать бурундучков. Сдать — план такой. А то лицензию там не дают на соболя и на всё, если ты не сдашь. Вот такое дело. Тогда добывали бурундуков. А сейчас нет. Сейчас не добывают.

Крота, раньше добывали. Крот у нас черный, бурый, суслик на равнине — короткохвостый суслик, а у нас длиннохвостый суслик, это все у нас пушнина шла. Сейчас ее не добывают. Крота [добывают] с капканом. В нору ставишь. Кочки, ну вы знаете, как кочки они выкапывают, видали? [Норы крота хорошо видны на поверхности, т.к. сверху насыпаны землей в виде кучки.] Здесь делаешь отверстие. Метра полтора делаешь, отверстие, и ставишь капкан. А отверстие не забиваешь, чтобы было открыто. Воздух попадает, он бежит, [для того, чтобы] забить отверстие, чтобы не было воздуху. Он бежит и в капкан, отверстие [хочет] забить — и в капкан. Таким способом.

Суслика легче. Крот-то везде ходит, а суслик делает одну норку. Суслик заготавливает на зиму [зерно], часто выходит — заходит. Тоже ставишь капкан. И бывает, что добывали. Ну, мы ребятишками еще были, после школы водой выливаешь. Хорошо! Он делает прямую норку, воды налил, ведро — полтора, два ведра, и он сам вылезит. Вода дошла до него, он вылезит. Вот таким способом ловили.

О много лет, много добывали всякого. Волков много. Лисиц много, здорово. И ружьем, и капканами, и ловушками. Ловушки еще по старинке делали, плашками. Старики, как учили нас, плашечки делаешь, капканов не было — плашечки. Выстраживаешь. Сейчас еще применяют, штатные охотники. За сезон соболей по двадцать, который раз восемнадцать за осень добываешь — сдавать. Лицензии дают на соболя. Раньше лицензия на соболя была, норка. Соболь, норка. Вот на них лицензии давали. По лицензии только, без ли-

цензии не поймашь. А лиса, пожалуйста, сколько сможешь — столь добудешь. По восемнадцать, по тридцать штук сдавали. Какой год, какой урожай. Как хороший — год много. Мыша мало — лисы мало. Лиса любит мышь. А эти года два-три заболевание было, лиса падала. Брали, исследовали, какую-то болезнь определяли. Подыхала.

А заяц развёлся! У нас зайцев не было, мало совсем было зайцев. Раньше обрабатывали поля химикатами, и вот заяц вымер. И белая куропатка тоже повымерла. У нас не было даже русака зайца, сейчас у нас и русак заяц. В Солонешное завезли [соседний горный район]. Завозили. Это соседний район. Ну далёко тут. В Солонешное завозили, он распределился и сейчас у нас есть.

Теперь... бобра не было. Сейчас у нас очень много стало бобра. Бобер развелся. Занял речки, лес валит, осинник, черемуху — всё подряд. Делает запруды. Очень много стало бобра. На бобра ходят, его ловят по норе, осенью. Дают лицензию. Норы находят. Они по норам живут, в воде норы. Ставят в воду капкан. Делашь штырь, железный такой — упор, чтобы не вырвал. И очень крупные, я видел очень крупные, килограмм 50–60 даже бывают, здоровые бобры. Крупные.

О соболе, норке и разделе охотничьей дичи

А норку и соболя... У нас, как получилось, пропустил, не рассказывал. У нас местный соболь был. Дешевый, короче говоря. Он серый был. Потом привезли баргузинского соболя, на Белой речке. Это там, вверху, на Белой речке, в 49-м году [1949 году] это было. Запустили его, и он... Опустили, привезли в клетках... Ну, сколько штук не знаю! Ну только знаю, что, по рассказам стариков, в 49-м году [1949 году]. Я еще пацаном был. Привезли его и запустили, выпустили. И он вырос у нас. Стал вот баргузинский соболь, дорогой, черный. Вот. И норку также завозили. Норка она же не наша, завезённая и тоже распространилась. Норки очень много. А это завезено было. А соболя, я знаю, привозили, этого баргузинского соболя в 49-м году [1949 году]. Это еще дед Киселёв был охотоведом, нам рассказывал: привозили, на Белой речке выпускали, заповедник там был, лет пятнадцать-двадцать назад заповедник был. Сейчас у нас на Ине заповедник, может, слышали? На речке Иня — тут заповедник есть.

Шкурки разделявали, как положено. Как называется, норка, белка, соболь — он разделяется: задние ноги разрезаются око-

ло хвоста и снимается [шкурка], называется чулком [шкурка целиком]. Снимаешь чулком. Ну большинство зверя, и белку снимаешь с чулочка. Норку снимаешь с чулочка. Волка тоже снимаешь чулком. Тоже. Насадку делаешь — волка тоже чулком также. Задние ноги разрезаются около хвоста, и снимается чулком к голове. От зада и к голове всё снимается, а потом одёется на пяло. Сдерживает пяло, сдерживает [форму]. Чулком называется.

Обезжиривать начинаешь, в первую очередь, прям там же. Снимаешь ножом, обрабатываешь ножом, а после этого уже когда, начинаешь... домой пришел, если дома или там на избушке — опилки, обязательно, опилочками снимаешь жир. Пленку всю убираешь опилочками, счищаешь, вот и всё! Оно обезжиривается. А в первую очередь, когда снял, снимаешь ножом, обезжириваешь ножом.

Случай на охоте. Медведь

Дед вот мой охотничал на соболя, на медведя. Тогда заготавливали только соболя да медведя. Также собирались группами, охотничали. Обычно по родне. Как-то родственники собираются, идут в лес. Не знаешь человека — не возьмешь.

Сейчас стало медведя много, правда, стали лицензию давать. Сейчас район открыли, промысловый стал [охотничий промысел в Чарышском районе]. Потом стали ездить из-за границы. У нас тут база есть. Слыхали? Базу построили, здесь, за Чарышом. Вот, ездят с Америки, с Германии. Приезжают с лицензиями, стреляют. Лето, зиму стреляют, рань не было такого. Если весной... кто стреляет, никогда не стреляли, сейчас, например, косуля, сохатый, они сейчас с маленькими [приплод]. А они приезжают, у них лицензия есть, стреляют. Деньги там, доллары возят. А так-то зверь есть. Все равно, зверь есть. Соболев есть, и белка есть, и медведь есть, и волк есть. Всё есть.

Который раз охотишься, и медведь ходит. Обычно после седьмого ноября медведь начинает ложиться. Снега начинают большие падать, тогда медведь ложится под снег. Обязательно. Снег начинает большой падать, и под снег медведь ложится. Вот такой случай был у меня с братом, с родным братом. Ставили мы капканы. Утром встали, чаю сготовили, и собак берем, и пошли проверять капканы. Но километра полтора прошли — одного соболя добыли. Он попался в капкан. Добыли, сняли, дальше по ключу пошли. Снег большой был, а мы пошли, с избушки не взяли лыжи. Лыжи всегда с собой берешь, когда глубокий снег. Начинается когда глубокий снег,

на лыжах ходишь, а здесь мы не взяли, пошли. И потом значит километра полтора-два ушли мы: такая прогалина и две пихты и белка набегала. Он [брат] кверху зашел на гору примерно, а я внизу так стою. Он кричит: «Брат, она должна здесь быть!» А кудрявые деревья — не видать! Как-то раз проголызина — сразу видишь. [А тут] не видать. А делаешь бич, такой небольшой бичик делаешь, привязываешь от лошади хлыст, с солка, чтобы не стрелять. Шелкаешь [бичем]. Как выстрелы кузовки. Шелк! Она [белка] начинает там шевелиться. Боится — начинает шевелиться. И увидишь.

И вот он шелкнул — снизу шорох. Я оборачиваюсь. Метрах в семи медведь. На нас вышел. Нашим следом. А потом мы-то увидели — он шел за сохатыми. Как шел за сохатыми, так след... И мы перемешали. Он свернул мимо сохатых и на нас. В метрах семи. А у меня дробью ружье заряжено, больше ничем не заряжено. А он кричит, брат. А собачка у нас молода была, старая и молода, что-то с ногой получилось, а это молода. Взяла и к нему. Я когда развернулся — метрах в семи медведь. Снимаю 32 [калибр] выстрел. Он вниз, я-то думал, что вгоречах, я-то думал, что я перезарядил да пулю вставил. А мы? В общем, я его напугал. Если бы он кинулся, он нас поизорвал. С осени, они еще не лягли. С осени еще. Вот такой случай был.

Охотничьи приемы и приметы

[Чтобы ориентироваться в лесу], как говорится, навык надо. С детства. Ходят сейчас по компасу, приезжают к нам сюда ребята, по компасу ходят, а у нас не было тогда компасов. Не было. И сейчас не разбираюсь в этом по компасу, это навык надо. Если я ушел на север, примерно от избушки в тайге, я должен сюда и вернуться. Ну зимой-то можно вернуться следом, потому что по следу придешь. А вот осенняя, в осеннее время снегу-то нету, уже не придешь. Видишь примерно, у нас, видите ли, горная местность. Примерно эта гора, эта гора! Ты же уже определяешь, куда я ушел, в какую сторону, в какой распадок. Поохотничал — вижу сюда, сюда надо по горе, эта гора право, лево, я спускаюсь и уже определяюсь. Спускаюсь, прихожу к избушке, ну который раз повыше, пониже, все равно придешь. На место. Да и по деревьям определяешь, с какой стороны мох, с какой стороны нет мха — все равно определяешь.

Погода всякая бывает. Если снег пойдет, да еще с дождем, — это уже не охота. Зверь не ходит. А когда снежок упадет, куржачка

[куржак, иней] утром пала — вот самая охота. Свежий следок пошел, собака пошла, и ты по следу, и охота самая.

Такие вот приметы. В первую очередь: вышел с избушки на охоту, собака не пошла, вот тебе и началась ругань. Собака бывает так, что раз — и не пошла. Это много случаев таких бывает. Не пошла — ее на веревочку. С собой, в лес увел, опустил, она обратно уйдет. Вот день проходил, там и не добыл. Сам, может, одну, две зверушки добыл и всё. Вот такое бывает, у собаки тоже, всяко бывает.

Ну вот, бывает, увидал зверька, ну, например, соболя, и кинулся за ним в промежутке леса. Местами же бывает чистое место. Кинулся, подбежал — колода, там же лес кругом, колода воткнулся — пал, или с ружьем что-то сделал, или лыжину повредил, вот тебе и пошло. Всяко бывает.

Рыбалка в горных реках. Таймень. Хариус. Нельма

Ловил я давно еще тайменя крупного на 22 килограмма удилицем, на спиннинг, на «мыша». Значит, шьешь «мыша», со шкуры медведя, «мыша». Обработываешь, обшиваешь, делаешь на губку, чтобы маленько намокала, на губку, шкурку надеешь, и вот она намокает и забрасываешь. Делаешь два якоря, четырнадцатый номер якоря крупные и закидываешь, бросаешь. Кинул, и тихонечко катушкой крутишь, и вот он поднимается, ловится. Так он сыграет, ударит, слышно. Это не маленькая рыба, а здоровая. Сразу слышно. Леска 0,6; 0,5–0,6 — крупная.

Ловится также на живца. Днем это уже. Он берется на червя, на живца — пескаря возьмешь или еще какую рыбку небольшую. Маленькую одеешь [на крючок] и... Ну сейчас стали возить нам специальные приманочки такие, сделаны в бакулочку с рыбой, сейчас возят к нам с Новосибирска, с Барнаула. Приезжают ребята, мы берем у них. Это у нас обычно нельма, бывает нельма, ну ее мало осталось.

На хариуса? Стойте, я принесу удилице покажу. С катушкой. Вот я что делаю, сейчас покажу. Может, слышали, это мормышки. Вот видите — груз: мормышечки две. Это нижняя, это верхняя. Это еще одну делаешь или цвет меняешь. Только, это вот желтенькие насадки, а здесь, вот эта желтая, а это темная насадка. Тут нитка и волосики наматываешь, с волосами с петушка, петушок. Берешь перо [из хвоста петуха], с одной стороны обрываешь, а потом и ниточкой его накручиваешь. И вот, видите, там вот волоски, видите во-

Рыбацкий трофей. Село Чарышское

лоски. Во! И эта также. Это видишь, ниточка тоже желтенькая, эта темная, а это желтенькая. Вот и закидываешь! Вот это дело и забрасываешь! Она плывет. Глубину делаешь! Какая глубина! Глубже делаешь — где глубоко. Она так вот плывет. Он если ткнул поплавочек раз, ну обычно, ну, его раз и поехал.

Поплавочек сам делал из пластмассы. Мягкая. Вот это рыбалка. Вот так рыбачили. Хариус стоит, в быстром месте. У нас быстро место, горная река. Осенью вода стаёт холодная, он скатывается в улово — тихое место. А сейчас он стоит в быстром месте. В самом быстром месте за-

бродишь. Вот так и начинаешь ногами [мутить воду, расшевеливать речки дно], или на лошади. Я сейчас стар стал, лошадь держу, на лошади заезжаю. Она, лошадь, ногами шевелит, несет мусор, песок, всё [всё поднимается со дна, движется. И хариус, как хищная рыба, на движущиеся предметы. Подплывает ближе и начинает охотиться]. И кидаешь [мормышки], глубину так [полметра] или бывает глубже. Он подходит охотничать, понесло всякую, и он охотничает. И вот ему подсовываешь [мормышки]. И вот он поймается.

Чебака также... на насадку... Обычно делаешь кузнечика, карака-тица есть такая же в воде, под камушками каракатица, ну, и на червя. Тоже также добывается на червя.

А зимняя рыбалка — бурим. Как эти лунки делаешь. Как и на равнине [сравнивает горные и равнинные реки], делаешь лунку и в лунку опускаешь и также, подманиваешь. Мормышки делаешь или насадку специальную делаешь — козявочки такие есть. Живую насадочку делаешь и опускаешь туда. Также, как на равнине, рыбачат.

[У отца] были удилища — палки, с дерева сделанные, с пихтача. Теперь жилки не было, вот лески не было. Они крутили. С лошади хвоста, выдергивают восемь-девять волосинок и в леску скручивали. И, например, полметра, с полметра — узел, с полметра — узел. И леска и вот таким способом делали.

Ловили также [деды]. Только те года не было мормышки. Ловили на кобылки, скакунки. Скакунок — кузнечик. Вот его одеёшь и насадку делаешь и вот.

Нельму тоже также на блесну. На белую блесну. Нельма или на белую блесну берет или насадку делаешь — маленькую рыбку одеёшь. Маленького хариуска такого ловишь или пескарька маленького. Одеёшь. Якорь, поводочек, а тут вертлячок делаешь и его пропускаешь через заднее отверстие. Пропустишь к головке, к голове пескарика. Пескарика — на живца. Привязываешь его здесь возле зада. Понимаешь? И начинаешь кидать, она идет, как живая рыба. И вот она, нельма, раз, догоняет, раз, и попала. Вот на это крючок, поймал, вот так и ловят. И тайменя тоже также ловят.

Нельма стоит на глубине, [но] она там на дне не стоит, она сантиметров 15–20 стоит, это, от верху воды. Она питается мелкой рыбой. А таймень питается всякой рыбой: и широколобкой, и хариуса поймают. Всяко, всякую рыбу, в общем ест. И мышей ест. А на «мыша» рыбачат только ночью. Я ловил этого тайменя ночью, ночью поймал. Ловил на 15, 10 килограммов. Всяко. А это самая большая рыба.

Рыбацкая история

Старики ловили [рыбу] у нас на 50–60 килограммов раньше. Вот такой случай был. Значит, один у нас лесником дед работал. Все хотел... Ему сказали: в этом улове большой таймень живет. Он, значит, ходил, ходил сюда. На его охотился, охотился. Не мог поймать. Потом осень пришла, и кричат: ехали на лошадях, перебродят, таймень лежит на берегу, вынесло тайменя. Кричат: «Степаных, иди твоего тайменя вынесло». А он говорит: «Сколь прожил, не видал такого, чтобы рыбы сдыхала, выносило». Он пошел. Приходит туда. Приходит, правда: таймень лежит, крупный таймень. Тогда не называлась килограммами, а пудами говорили — пуд там, два пуда. Старики называли так. Ну, здоровый таймень! Вытащил. А в чем же дело? Раньше не было, чтобы рвали там [взрывали и глушили рыбу]. Бросали это, этот бросит, взрывом, глушили, не было такого. Он выта-

щил [тайменя]. Взял ножик. Ну-ка, я его разрежу, погляжу. Он начал резать и понял! Вот в чем дело! А массовый осенью переход белки стал — корма нету. Белка с этого месту пошла в тайгу, там корм. Она начала переплывать по улову этому. Он [таймень] шесть штук сглотил, седьмая у него во рту. Он уже некуда было, он уже, когда глотнул и горло заткнул, и этим сам себя погубил. И вот он его домой притащил. Но он уже плохой был [протух]. Он уже, как говорится, плохой. Ну еще видать-то было! И вот таким способом он так сам себя погубил. Он семь штук белок сглотил вживую. Ну, таймень, рассказывают, был здоровый. Крупный, ну, столь белок съисть. Понимаешь? Вот такой случай был. Это нам рассказывал лесник.

Черепанова Галина Александровна

Родилась в 1936 году. На момент записи рассказов проживала в селе Малый Башчелак Чарышского района

Интервью в 2004 году
провела Наталья Грибанова

Говорят, есть орех!

Я природу любила страшно! За шишками ходила даже в ночевой пешком, да на себе мешок, не то что щас — поедут на машинах, на конях, а мы пешочком. Как сентябрь, октябрь — всё, готовы шишки. Собираемся, такой возраст нам лет по 25–28. Ну, мы мешки в зубы и пошли в кедрач. Придем в кедрач, натаскаем дров на ночь, пошли шишки собирать. Если на полу есть, мы на полу собираем, ветерок пройдет, они валятся. По куче насобираем к ночи.

Приходим, уже темнеется, начинаем костер разводить. Костер разведем, ужин сготовим и начинаем катать. Катали орехи, вырубят нам дома валики, ну как сказать, — березовое полено широкое и рубчики вырубят на нем, а еще сверху еще такой же каточек. Сидим ночь без всякого сна, пока эти шишки не искачаем. Сколько у нас мочи будет, столько нам надо накатать. Больше полмешка чистых накачаем и тащим.

[А если шишки не падали], тогда на кедре лазили. Берешь, на шею привязываешь, ой не на шею, а вот так. Берешь баёк — та-

кую большую палку, чтоб потяжелее была, чтоб ударить. Там всякого кустарника! Пока идешь, баёк вырежешь, нож берешь с собой, вырежешь, привяжешь веревочку и на кедр. Я с кедров даже падала. Залезла на самую верхушку, она такая рясная была, сучья обрывались и я, как гальян, — ух, но не упала совсем, на толстых сучьях застряла, ну, конечно, ободралась сильно и опять полезла дальше, слезла с кедров вся в кровищи. Мы вот все время, девки, договоримся, как шишки пошли еще зеленые они на кедре, мы полезем, насобираем, набьем все равно, где палкой бьем, где как, полмешка все равно домой принесем. Мы те года для себя [шишки] собирали. Ну, есть, которые у нас охотники были, то есть у них кони под собой были, они поедут, а что я на себе натаascaю на продажу, я только себе маленько. А охотники те натаascaют и продавали. Они в Чарыш ездили, там продавали.

Осенью щелкали, да вот придут гости насыплешь тарелку, пожалуйста, щелкай. А сейчас я давно уже не щелкала орехи, угостила бы вот вас. Орех годами был. Нынче говорят, есть орех.

Раньше сильно праздновали...

Вознесение было перед Троицей. Вот сестра у меня была старшая, они ходили в лес. Венки березовые завивали и надломят их сразу, надломят и они висят, а когда Троица начинается, в воскресенье Троица, они одевают эти веночки и пойдут на речку, вот где тихо омут такой. Они это бросают и загадывают, а уж что загадывали, я не знаю, замуж выйду или как ли, чтоб веночек сверху плавал. Вот кажется так. Уйдут и целый день на реке сидят, венки бросают. Сначала венки бросают, потом цветов нарвут, вот эти огоньки, стародубки, венков наделают, на руки наденут и идут, вечером идут с этими цветами домой.

Вот сегодня Иван Купала. Он называется грозным праздником. В эти праздники, когда проходит, когда не проходит [без грозы]. Вот гроза была, дожди летом. Вот Ильин день — тоже грозный. Петров день будет двенадцатого числа, но этот еще не так грозный, а вот Ильин день сильно грозный. Он редко проходит без дождя и без грозы.

Нельзя в их [в «грозные» праздники] ничего делать: ни мыть, по ягоды и то не разрешали ходить, гроза подымится, не разрешали. Ну а так, на покосах в колхозах, совхозах уйдешь [работашь]. Это сейчас стали праздники: Троица там, Пасха или Рождество — как-то стали отмечать не только старые люди и молодежь

все, стали и писать, и по телевизору объявлять, и выходные давать, а те-то года мы работали и работали, уйдешь на покос, на покосе работаешь. Праздник большой сам себе думаешь, что праздник сегодня-то большой, но нам покоя не давали, день и ночь работали.

Вот Покров у нас бывает большой праздник. Покров, как в народе говорили раньше: «Не жди сдвижения, секи репу». Ну, вот морковку, свеклу убирай: «Не жди, говорит, Покрова, секи капусту». Покров там уже вовсе все застынет, земля застынет, вот мы уже к Покрову, чтоб все было на огороде прибрато. А ведь он был 14 октября Покров-то, без этого все люди знают, что надо все прибирать, все уже прибрано у всех. Ну, большой праздник, раньше сильно, говорят, его праздновали, Покров, а сейчас никого не празднуют.

Новый год они тоже праздновали, вот по-старому Новый год 14 января. Тоже праздновали, но как-то не так, Рождество больше. «Рождество» пели, ходят по своим по знакомым, по своим родственникам. А сейчас взяли моду на Рождество шуликатся, раньше этого не было. Вот с пятнадцатого, с четырнадцатого на пятнадцатое начинали шуликатся и в Крещение шуликались — что попало наденем, морды намажем сажей, маски какие-нибудь и ходим. Сумки какие-нибудь наденем. У кого бутылка есть — бутылку возьмем, что-нибудь придумывали, кто его знает, расскажет, какой присказ ли да что попало всякие присказульки бывают, расскажешь — тебе в сумку что попало накидают: пирожки, там пельмени, и в другой дом. А сейчас шуликатся-то как, ой! У одной весь забор свалили, это разве шуликанье. Весь забор взяли, раскидали, а она так больная женщина и не может ничего, все надо нанимать, ну к чему это делать? У нас раньше такого не было.

Ну вот на Новый год [гадали] пойдем под окошки, пойдем спрашивать: «Скажите, пожалуйста, как у меня жениха зовут?» Или [гадали]: «Какая свекровка будет, ворчливая?» Ну у кого коса длинная, так прорубь, зимой прорубь рубят-то воду берут, вот ложишься на спину и косу в прорубь спускаешь и сидишь шибко или нет там камни вода-то разговаривает, если не сильно, значит, свекровка не ворчливая будет, а если сильно бурчит вода — так сильно ворчливая будет свекровка. Ну что мы от старых людей тоже, что нам скажут, мы то и делаем. На росстань бегали — туда, где колокольчики зазвонят, что, кажется, колокольчики где-то зазвонят. Бежим, вот где развилки дороги тут падаешь, ну падаешь на спину и слушаешь, откуда, где это колокольчик звенит, в ту сторону и замуж выйдешь.

Леонидова (Кинтоп) Альма Вильгельмовна

Родилась в 1937 году в селе Новиковка Куйбышевского района Ростовской области. На момент записи рассказов проживала в селе Пospelиха Пospelихинского района

Интервью в 2009 году
провела Елена Сластинина¹

Ростовские немцы о выселении

Мы с села Новиковка с Ростовской области. Куйбышевский район. Я с тридцать седьмого, приехала (сюда) осенью сорок первого².

Вообще нас выслали именно в село Маралиха Краснощековско-го района... Семь семей — в один домик, там стоял колхозный такой домик. Мать забрали в трудармию. То ли в сорок первом осенью... или в сорок втором осенью. Из трудармии она вернулась в сорок шестом, в ноябре. Она была там, за Уралом, как теперь там не Свердловск, а как-то еще... [Екатеринбург]... Они хоронили по ночам солдат... и немецких, и наших, наверное, всех подряд, по ночам... А мы тут остались с бабушкой нетрудоспособной. Двое нас маленьких. Сестра меня моложе на два года, тридцать девятого. Бабушка, мамина мать, — знаю, что Каролина. Маму звали Зара... Была Кинтоп, а девичья — Гросс. И бабушка — Гросс. Мы же с ней войну прожили. Сажали, помогали. А еще с нас налоги брали.

У нас же имущество осталось. Мы небогато жили, но у нас и скот был, и коровы, и лошади, и дом. Дом деревянный, ну крыша какая — я теперь уже не помню. По-моему, он у нас двухэтажный был... Помню дом, а вот сюда в эту сторону сарай, а вот так вот туда земля. Вот мне сейчас еще в глазах только одно стоит, как мы уже собрали... Ну чё мы? Два мешка вещей и пожрать на дорогу и все. А остальное все осталось — скот, все... Погрузили нас на машину, везли на вокзал. Даже когда мы уж садились на машину... плакали все: кто же

¹ Сластинина Елена Юрьевна — сотрудник Лаборатории исторического краеведения АлтГПА.

² После депортации, осуществленной в отношении немцев АССР НП (после Указа от 28 августа 1941 года), по мере отодвигания линии фронта на восток, один за другим появлялись постановления, призванные переместить с прежнего места жительства все новые и новые группы российских немцев. Респондентка имеет ввиду немцев из группы, общим количеством 38288 человек, которая вследствие Указа от 18 сентября 1941 года была в срок с 15 по 20 сентября выселена в Казахскую ССР, Алтайский край и Новосибирскую область. Эта группа российских немцев несет черты культурного своеобразия, отличающего их от выходцев из Поволжья.

их [скотину] накормит, куда же их теперь денут!? Особенно у нас собачка была, вот она бежит за машиной, воет, я кричу: «Дайте мне собачку!», а офицер с ремнем раз, и выстрелил, и убил ее. Вот это я хорошо запомнила. Ну куда ее везти, если правда-то: и так народу [много], да [еще] собаку везти. Ну а мы маленькие, чё мы понимали тогда, жалко было все равно собаку. Там погрузили в поезд... Я только еще помню, что мы уже поехали ... с Ростовской области почему-то на Москву, а потом уже сюда... Нас так повезли, и самолеты стали бомбить поезд. И то ли два, то ли три задних вагона отцепились и загорелись, а мы вот уехали. А если бы он пролетел над всем поездом, то... никого бы не осталось там.

Об имени, о немецком языке, о школе

Тут меня Аллой зовут. Это не все знают, что я Альма. Это... только по документам, паспорт и вот на работе... а люди даже и не знают. А я свое имя страшно не любила: я стеснялась. Стеснялась, что я немка. Знаете, обзывали¹. Ну я Альмой не писалась в школе. Я — Алла, меня Алей звали, Аллой звали; старшую сестру — она Зельма — ее Зоей звали; Нина Адалина — ее Ниной и звали; мамку так же звали; тетя Мотя... как по-русски похоже Матрёна, но она все равно не Мотя, а Матильда; Зара она Зара — не сменяется; тетя Миля (она Эмилия); тетя Галя — она тоже не меняется. А вот наши вот менялись. Щас вот у моих сродных сестер и братьев имена... они все: Фрида, Лида, Федя, Вера, Зоя, Иван. Вот сродный брат был только один Эрнст. Отец мой — Вильгельм Вильгельмович. Ну его звали Васей-то уже, ну жена его звала Васей. Это я ж Васильевна, Вильгельмовна. Алла Васильевна... а по документам — Альма Вильгельмовна. Меня хирург в больнице зовет по паспорту, а я говорю: «Николай Иванович, да бросьте меня так звать! Что я, немка что ли? Я давно русская уже». — «А как тебя звать?» — «Ну, скажите просто «Алла», скажите «Алла Васильевна» — как вам угодно будет. Ну только так меня не зовите».

¹ Местное население в большинстве случаев поначалу встречало депортированных настороженно, подчас — враждебно. Причиной тому служила, главным образом, недостаточная информированность об обстоятельствах депортации, а также негативные стереотипы, сложившиеся в сознании людей по отношению к немцам в годы войны. Настороженность исчезала впоследствии, как правило, после более тесного знакомства с депортантами. В рассказе информатора как раз подразумеваются отношения, сложившиеся с местным населением в начальный период после переселения.

Поволжские и ростовские немцы на Алтае

Я, правда, не хотела, чтобы меня звали по-немецки, почему-то не хотела. И по-немецки не разговаривала... вот не хотела и все. А почему, не знаю. По-немецки дома я стеснялась даже говорить. Понимать, я и сейчас понимаю, а вот говорить вообще не умею. Ну я тогда-то умела, но я понимала и все. А читать по-немецки я тоже не могла. Тут учили немецкий. И щас я по-немецки не разговариваю. И не читаю, вон — у меня книжки все по-русски. Когда сюда приехали, здесь еще другие немцы жили. Говорят, с Поволжья немцы, завезла Катерина II. Но у их язык, как в Германии говорят. Я тот язык не понимаю. У нас другой, проще язык. У нас другой язык [чем] с Поволжья. Мы русские немцы, нас так и называли — русские немцы. В Ростовской области, Куйбышевский район. Ну язык я, знаете как... Я уже вот когда в школе училась, нам немецкий преподавали, — вот этот язык схожий с ними. В школе я учила немецкий. Он на наш не похож. И «поволжский» не похож. Но у них ближе к такому... Поволжские немцы ростовских понимают не все. И у нас там [Маралиха, Краснощековский район], по-моему, их и не было, с Поволжья немцев, не завезли их нам тогда в Маралиху. Ну и в Пospelихе я даже не знаю — щас все на русском говорят, я иногда даже и не узнаю, то ли она немка, то ли русская. Видите, нас обзывали всяко. Поезд стоит, а народу на вокзале много и кричат: «Ой, немцев везут, фашистов везут, у их один глаз на лбу!»... Они нас представляли вообще инопланетянами какими-то. Но это было давно, а потом, когда мы там пожили, мы это... и русские стали с нами дружить, и щас у нас... у меня все друзья русские. Знал ли отец русский... не могу сказать. Мамка разговаривала (по-русски), но дома с бабушкой они говорили по-немецки.

Немцы и русские в тяжелое послевоенное время

Я в первый класс пошла, уже мать когда пришла в сорок шестом с трудармии. Мама приехала... с войны, а мы уже в школу — голодные, раздетые, разутые, — [она] скорей работать, огород да все давай заводить, вот только что нам по корове давали... Никого, ни одежек ничё, нам в школу одеть было нечего. Вот она нам шила, соткала на платишко, и куфаечку шила, и кирзовые сапоги. И вот я в первый класс пошла. Это в сорок шестом она пришла, и я осенью пошла в школу. В пятьдесят четвертом я окончила семь классов. Хотела я так учиться на учителя! Меня так наш учитель просил, чтобы

я обязательно пошла учиться на учителя: я математику хорошо понимала... Разбежалась! Семь классов кончила, ну как я уже пошла считай с девяти лет на работу... Ну в семнадцать лет и меня — дорякой. Я не хотела ни в какую, плакала все. Они — мать в контору. А чё уговаривали, они — у нас сено со двора увезли, дрова увезли, все увезли. И в контору привезут ее на лошади и высчитывали с нее, что они ее возят. Ну а кто меня заставит? Заставить меня не могли, мне семнадцать лет было. И еще ружье висит под маткой... в конторе... Он еще угрожал: «Видишь, вон ружье висит». Ну, это ружье ему потом снилось, наверное. Я ему его каждый день вспоминала. Все я забыла, а ружье не могла забыть. Жрать нечего, огородов нету, не сажено. Вот, спасибо людям, все-таки есть добрые люди: не бросил нас никто, помогали нам. Да, хорошо люди отнеслись некоторые, а некоторые... все-таки фашистами так и звали. Я в школу пошла, я там драться научилась хуже мальчика. Как только чуть чё: «Математику дай списать». Как только скажешь, что не дам, — фашист там, матерком там. И я одного пацана здорово избивала за то, что он меня фашистом, ну и все. Мне учитель подсказал. «Ты чё, — говорит, — [терпишь] такая здоровая девка, а он говорит».

Я училась все-таки неплохо, особенно математика... Как это пацаны привяжутся... приду в школу: «Ты, — говорят, — нам тетрадь положи, а сама уходи, мы сплшем, а если не положишь, тогда узнаешь!» Ну все-таки я боялась: их много пацанов в классе. А потом учитель... а я взяла, ошибку сделала специально в тетради по математике, чего у меня не было... он догадался, вызывает меня в учительскую, показывает тетрадь: «Это что-то у тебя тут? Чё-то кто-то достает?» Я говорю: «А вы откуда знаете?» — «Ну, у тебя никогда такого не было». Я говорю: «Ну вот вы и догадались правильно, достают ведь, замучили: тетрадь дай и все». А он говорит: «И ты не знаешь, чё с ними делать?» Я говорю: «Ничё себе: их пачка, а я одна. Они обзываются, меня фашисткой... там всяко».

Уже я стала больше русская... Я только знаю в душе, что я чистокровная немка. А веду я себя, как настоящая русский сибиряк...

Друзья были у меня все русские. Вот со школы все и пошло, потом на работу. Все русские... вот пока в школе я не показала себя, что я хоть и немка, хоть девчонка, но я не струсилась, — бани одному дала. Он дня три со мной после этого не разговаривал. Потом первым моим другом стал, и так пока он не уехал. Отучился, школу кончил и куда-то уехал или в армию его забрали. А так... и сосе-

ди у нас русские, и дружила с русскими, я никогда ни с кем не ругалась. Я даже на мамку обижалась: когда приду с работы, там она по-немецки, а если со мной подружка, так она со мной по-немецки, она же стоит, она же может обидиться, скажет: «Во, чё-то говорят про меня». А я говорю: «Мам!» Много не говорила, только: «Мам!» Она сразу глянула, все, давай по-русски говорить. Все равно, все же мы люди, да? Подумаешь там, какой национальности. Господь создал так нас. Мы должны все... быть вместе.

Сухова Геральда Сергеевна

Родилась в 1937 году, из российских переселенцев.

На момент записи рассказов проживала в селе

Киприно Шелаболихинского района

Интервью в 2005 году

провела Наталья Грибанова

О родном селе Киприно

Все село располагалось внизу, здесь вот наверху располагалась единственная наша улица, сейчас она называется Набережная, раньше ее называли Губаревка, это как бы прозвище, а официального названия у нее не было никакого. Когда я уже повзрослела спрашивала, почему Губаревка, откуда название это взялось. Оказывается, дедушка наш первый поселился, жил за речкой, там вот озеро, там все время затапливало, он хлопотал, у него детей было много — у них десять детей было, ну они часть здесь родились, и они с мужиками хлопотали, куда-то писали, в волость что ли, чтобы им нарезали другой участок, чтобы они построили себе избушку, потому что здесь затапливает невозможно, огороды вымокают. И вот это место они себе как бы облюбовали, а здесь на этом месте были загородки, ну как сказать, отгорожены для каждого богатого хозяина, они держали здесь сено, держали скота, лошадей, в основном, и не пускали сюда ни в какую. Здесь еще голытьба не жила.

Потом вот этот волостной приезжает, я даже фамилию знала, у меня где-то записано, и говорит что, Пшеничный Ефим Ильич пишет, что ему жить тяжело там, что там все время затапливает, про-

сит другой участок дать перед местным начальством, тогда же Киприно районным центром было, так вы меня проводите туда, я хочу посмотреть, как он действительно живет. А туда, говорят, не поедешь. Он тогда говорит, а как же они там тогда живут? А вот так и живут. И он принял решение, что вот здесь нарезать десять усадеб, это было в тринадцатом году, вот нарезали десять усадеб и дедушка первый построил себе здесь избушечку, она вот тут где-то, примерно, была вот эта избушечка. И потом все остальные здесь поселились. А почему она Губаревка? У нас дедушка походил на цыгана, у него была вот такая шевелюра лохматая с проседью, я-то помню его с проседью, черные волосы с проседью, усы вот такие, и у него прозвище было Губарь, оказывается. Вот как он поселился — стало называться Губаревка. Теперь это уже все в прошлом.

Вот единственная вот эта улица была. Чистая речка была. Мы когда жили здесь, делали запруду, водичка была чистая-чистая, вот в этой Даурчихе. Мы возьмем, нарежем дёрн, проложим вот так через речку прутьями, все утопчем, у нас набирается вода, и мы купались. У нас вот тут колодец был, и в больнице был колодец, больше колодцев нигде не было. Воду брали из дедушкиного и больничного колодца, ну из больничного не разрешали, потом больницу построили, ее построили в тридцать каком-то году. Школа была внизу, две было школы: внизу деревянная большая школа и маленькая школа. Потом там сделали дом культуры.

Воспоминания о родителях

В 1937 году я родилась и до 1942 года у нас была библиотека. Я помню старший брат взял [книгу] Зощенко и у него один учитель отобрал и не вернул (он [писатель] тогда запрещенный был). Мама говорила: «Витя, ты спроси эту книгу». И он так и не вернул. А я помню ее, она в темно-синем матерчатом переплете, золотыми буквами на ней написано «М. Зощенко». Был у нас патефон, был у нас набор пластинок, и Шаляпин там пел, бла-ха-ха, и ирландская застольная, и шотландская застольная («Налей полней бокалы, кто врет, что мы пропьяны»), это вот я с детства запомнила, сейчас пластинок нет, да и вообще этой песни нет.

Папа хорошо играл на гитаре, и пел хорошо: «Все васильки, васильки, сколько мерцает их в поле». А пел он ее, меня на колени возьмет, вот так посадит рядом, и играет на гитаре. Там слова: «Милый, смотри василек — твой поплывет, мой утонет». А он пел: «Гера,

смотри василек! Он поплывет, не утонет». Хорошо рисовал, стенгазета, помню, школьная, и почему-то он людей рисовал, такие карикатуры и еще на штанах заплатки, и стишки, вот так. Вот это папа, то есть уровень культуры у моих родителей такой высокий, в то время. Богатства у нас никакого не было. Мама, правда, вещи хорошо вязала, кружево, у меня несколько вещиц сохранилось, до сей поры.

Уроки дедушки

Дедушка сам все умел делать. И нас всему научил, я уже в десять лет косила, до сей поры кошу, беру как-будто играю этой косой. Дедушка почему-то ценил труд и считал, что я это делаю хорошо. Вот когда сено косили, все вручную тогда, он меня всегда ставил на стог: «Ты, Гера, будешь стог завершать, мальчишки так не умеют, парнишки так не умеют». Вот я все время стояла на стогу, с тех пор это помню, и считаю, что это мое достоинство.

Дедушка рано-рано нас разбудит — часа в четыре, пойдем косить, пока роса, потом солнышко поднимется, а трава, которую мы косили, немножечко подсохнет, потом он говорит ребятишкам: «Отдыхайте», и мы на прокос ложимся. Она, увядшая трава, но запах, аромат такой, поспим немножко, он там шалаш сделает, сварит что-то. А варили сухарницу, котелочек повесит над костричком, водички туда жиру туда — сало или масло, что есть, и сухари, оно вскипит и получается каша из сухарей. Ложками деревянными едим и квасом припиваем.

Еще я помню, когда дедушка работал на пашне, приезжает поздно вечером и кричит: «Ребятишки, вам что-то зайчик послал». Представляете, что в то время нам мог зайчик послать! Достает в тряпочку завернутый горсток пшеничной каши, там кормили пшеничной кашей, то есть пшеницу уваривали и она разварится вот таким комком: «Вам зайчик каши прислал». И мы садимся, он в чашку наложит, и радуемся, что вот это зайчик нам послал. Дедушка сыграл в моей жизни огромную роль! То, что я сейчас умею, меня научил дедушка, и жизнь понимать правильно!

Семейный порядок

Жестким был распорядок дня. Никто покусочно ничего не таскал, у нас был завтрак, обед, паузин и ужин. На завтрак, дедушка рано завтракал и уходил, мы его не видели, он работал. Нас бабушка будила: «Ребятишки, вставайте есть». На стол ставила все в од-

ной чашке, деревянные ложки у нас были. И все ели из одной чашки, когда маленькие были. Как взрослые стали, появились алюминиевые чашки. Стали суп или окрошку наливать каждому, или на двоих.

А когда дедушка дома, когда садится вся семья, бабушка подаст еду. Поставила на стол эту чашку. Пока дедушка не взял ложку и первым не почерпнул из этой чашки, никто ни прикоснется к еде. Как дедушка начал есть, так все переглянулись и тоже начали есть спокойно. За столом никогда разговоров не было. Если только мы начинали под столом, что-то, дёргать ногами, дедушка брал ложку, так внимательно на нас всех смотрит.

Бабушка неграмотная совершенно было, но деньги хорошо считала, да она счет хорошо знала, букв не знала. Дедушка был грамотный, он читал газеты, и считал хорошо, он все время газеты читал вслух, последние известия, громко так читал. Бабушка сердилась на него, подходила и говорила: «Тьфю, пес, что ты тут понимаешь, смотри ты ее держишь поди вверх ногами». А он ей: «Маша, отойди». Ей всегда надо было его из равновесия вывести, потом юбкой махнет и к Марье. Марья Чуманова, Марья Волчкова, Марья наша, все подряд Марьи, к какой она Марье ушла — неизвестно!

Вот когда праздник, дедушка, значит, сидит дома, бабушка нарядится во все эти юбки, все эти красивые платки оденет и подалась в фартуке. У нее же фартуки были, обязательно все в фартучках! У нее была жилеточка, вот так вот здесь на пуговичках, вот так вот держит все. Талия у нее была аккуратная, кофточки она сама шила, у нее Зингеровская ручная машинка была. Дедушка вот так сидит: к какой же она Марье ушла? А она — всегда пиво ставили, в этом деревянном бочечке, нальют по кружечке и сидят разговаривают и попивают понемножку. А дедушка, значит, у какой Марьи, и идет по улице, а где поют, ага вот у какой Марьи, является туда. Нашел ведь бабушку, и вот куда ни уйди — все равно найдет!

Мужская работа

Дедушка сам делал овчину, сам делал кожу, сам делал все, что касается сбруи и упряжи [для лошади]. Коня не было, потому что не разрешали тогда коня, быка тоже не было — не разрешали. Мы запрягали корову. Вот надо за дровами ехать, корову запряжем, меня посадят в телегу или в сани, мальчишек не сажают, потому что бабушка сказала: «Вам не стыдно, корова вас и сани везет». И дровишки, и сено возили на этой корове, и молочко она нам еще давала.

Крестьянские полукрытые сани

Дедушка сам делал все: сам точил пилы, точил косы, отбивал»»¹, в общем, все, что можно дома сделать, он делал. Старенький был, вот утром проснемся, в последних классах учились, дедушка сидит, в ограде на земле тук-тук, косы отбивает всем женщинам, мужчин же не было, на нашей улице вообще не было мужчин, один дедушка умелец, а там два-три инвалида каких-то. Мы выйдем, а вокруг него яйца, яйца! Женщины так рассчитывались, обложили дедушку яйцами.

Сани делал сам: и розвальни, и кошевки. Кошевка для выезда, чтобы сидеть удобно было, а розвальни — были простые сани с отводами, куда грузили сено. А кошевка — это те же сани, только само сиденье сделано аккуратно из плетня, иногда из кружков разного цвета, одни коричневые другие белые, одни шкурные, другие не шкурные. Сани без отводов — просто сани. Отводы — это когда сани узенькие, сделанные с головками, а делают еще к ним вот такие как крылья, чтоб много сена входило. Бричка для перевозки грузов, на телеге просто ездили — на рыбалку, в гости, по делам.

¹ Отбивать косу — точить косу-литовку, «вытягивая» металл лезвия ударами молотка и затем придавая остроту точильным камнем.

Женские занятия

А бабушка пекла с картошкой пироги нам, вот такие здоровые, по-старинному она печет: вот большая сковорода, она у меня до сей пор сохранилась, я на ней все жарю. Ну вот такая сковорода чугунная, она на эту сковороду делала два, вот таких больших пирога и неаккуратно, я подойду и говорю: «Бабушка, ну почему у тебя пироги все с заплатками». А у нее, где порвется, она там заплатку и делала. Вот она их молочком или сметанкой помажет, каждому по пирогу сделает, какая еда была тогда.

Бабушка очень хорошо варила тыквенную кашу. Она варила с калиной и пшеном. За калиной мы ездили, дедушка запрягал корову, ставил десятиведерную кадку. Ее заливали водой потом и она хранилась. Потом воду сливали, она была замороженная ягода. Ею пользовались, когда человек угорит — уши закладывали по одной мерзлой ягоде. Голова болит, бабушка: «Гера, положи калину в уши». Ежевика была, ежевики набирали, но она скоропортящаяся, сахара не было, а пареную калину всегда ели. Клубнику собирали. Малина тут дикая совсем недалеко, малину брали.

Бабушка коноплю выращивала, она мяла здесь, пряла и ездила в Селезнево¹ ткала холсты, потому что мальчишки ходили в холщевых штанишках все лето, и дедушка ходил. А у бабушки была сверху ситцевая рубашка, а вот отсюда — от талии — холщевая. Она потом еще надевала широкую юбку ситцевую. Были у нее шерстяные юбки, самотканые, тонкая нарядная шерсть и поперек вот так полоски. А носила она широкие юбки, по две, по три наденет: тонкую, холщевую или фланелевую, или ситцевую, а сверху шерстяные.

Здесь не ткали, а там у нас родственники были. В Селезнево у нас половина родственников по бабушкиной линии, здесь по дедушкиной — Пшеницины в Киприно, а в Селезнево по бабушкиной — Лебедевы. Поэтому старшая сестра ее — Лебедева, у нее был вот этот станок ткацкий, и бабушка ездила туда ткала. А шерсть чесали в Сакмарино², там была чесальная машина. Я тоже там была, видела там эту машину с валиком со многими иголками.

Каждый хозяин себе сеял часть огорода под коноплю, лен не сеяли, потому что семян не было, а коноплю сеяли. Конопля сама делится на два вида: мужская и женская. Из конопли, которая дает зер-

¹ Селезнево — село Селезнево Шелаболихинского района Алтайского края.

² Сакмарино — с 15 августа 1985 года относится к Кипринскому сельскому совету Шелаболихинского района.

но конопляное, делали веревки, а то конопля, которая опыляет, вот из нее и ткали холст этот, она тонкая, такая эта толстая палка, а та тонкая, и цветет, и пыль с нее, пыльца, наркоманы, поди, эту пыль и собирают, но мы ее-то не собирали. Вот из нее, она называлась посконь, вот из нее ткали холсты.

Ее выдергивали, когда она отцветает, потом снопами замачивали в воде, вот в речку носили, клали вот так, у каждого свой участок был. Да, вот Даурчиха, от слова Даурья, замачивали, она там какое-то время мокла, переворачивали, потом расстилали ее тонким-тонким слоем прямо на полянке, сушили, потом мяли ее. Вот мялка была, как вам рассказать-то, вот как опасную бритву, вы представляете себе, так вот эта только деревянная сделанная, и вот эта вместо бритвы, вот так поперек закладывали, и мяли, мяли. А потом еще эта мялка, а потом обрабатывали ее трепалом. Это вот такая вот длинная, плоская штука, типа меча, с ручкой деревянной, и вот так брали и вытрепывали всю эту кострику. Вот такая вот штука долбленная и деревянный такой пестик, вот закладывали вот эту уже вытрепанную, закладывали и еще толкли, как бы ее измельчали, вот волокна, чтобы у нее были тоньше. Толкли, толкли, а потом опять трепали, в общем вытрепывали — она [становилась] мягкая, как шелк.

И вот бабушка потом пряла на самопряхе. Разматывала эти нитки, сейчас вспомню как это называется, моток ниток, вот наматывали на руку и разматывали по пальцам, вот это называлось пасма, десять пасм или пять пасм. То есть, вот эта на локте одно, а потом вот так вот между пальчиками наматывали, и вот эти вот связывались, потом как-то расправляли. Я видела, но так подробно не знаю, потому что потом его как-то распускали и сновали там вот на эту, по пасмам.

Потом, когда холст вот этот вот она соткет, потом его снова мочут, вылапывают вальком на речке, потом на снегу отбеливают, прямо по снегу расстилают вот эти вот полотна, несколько раз, опять мочут, опять вылапывают, он становится мягче этот холст и белый, солнцем отбеливали. Вот, а потом уже шили. Полотенца делали, шили одежду.

У нас здесь льна не было, здесь вот конопля была. А отрепья также обрабатывали, также мяли, но только дедушка делал веревки, вот вожжи там делал, да всякие эти, что из веревки делают, все это была конопля.

Мы ели тогда все подряд

Вот в этой же деревянной ступе бабушка толкла семена конопли, и если, где была возможность достать сахарку, она чуть-чуть добавляла сахарку и нам угощенице делала, толченая конопля с сахаром. О, как вкусно это было! Я помню, мы ели тогда все: ели пучки, ели какую-то кислицу, ели все, что попадало такое съедобное. Медунку ели, лук-слизун. Пучка, на у ударение — это растение, вот оно такими вот лапами, такими седыми немножко, мягкое такое седое растение, а потом выпускает зонтик. Так вот эта дудка, когда она еще не выпустила этот зонтик, ее срывают вот так очищают и хрум-хрум-хрум, и вкусно. Потом какие-то огурчики полевые, такие маленькие кустики росли, они, и длинненькое на них что-то росло, и потом еще пока не задубели, мы срывали и ели. Заячью капусту ели — кисленькая такая, типа хризантемы растет, вот толстенная, как типа кактусовых что ли, такие жирненькие у нее лепестки эти, и ее вырвешь, а она при земле самой растет, вырвешь, почистишь немножечко и она разделяется на мелкие эти рубочки, и ешь, она кисловато, ну кисловатый какой-то вкус, но вкусный.

Я даже не знаю, почему мы все это ели? Не потому, что мы совсем голодные были. Но голодные мы были: мне всю жизнь есть хотелось, это точно, пока я сама зарабатывать не стала, я все время была полуголодная какая-то. А ели, это все ели, это вкусно, это съедобное, поэтому ели. И главное, что эти все травы — они же целебные, поэтому, может, и здоровье маленько сохранилось, потому что ели все подряд.

Убранство дома

Икон у нее было много. Вот так уголок был, и все это в иконах, и вот так висело это полотенчико, там верба стояла, когда вот на Вербное воскресенье вербы заготавливали, она там стояла до следующего года. Ну и по поверью, что этой вербой, она святая становится, весной, когда выгоняют скота, то берут веничек вербы и прогоняют старые вербы, которые простояли год, и гоняют скотину в табун.

У нас была русская печка, самое главное, и к ней был приделан верхний, его называли — голубчик — это полка к печки приделанная. И нижний голубчик, это на полу у самой печки делается, как ящик, такой невысокий, примерно вот такой высоты. В одной половине у бабушки был инвентарь, а в другой дверка отодвигалась и ла-

зили в подполье. Но когда надо поспать, то ровненько все задвинуто, клали матрац или потник — это войлок самодельный. Подушку клали, чем-то укрывались и спали. И на верхней полке спали, на верхнем голбчике.

От печки к окну кухня как бы отделялась полкой — грядкой, со стороны кухни ничем не загораживалась, а с этой стороны вешалась занавеска. Занавеска коротенькая. На грядку ставили муку, сито клали, что не постоянно использовали. Еще делалась лавка на кухне от печки до окна, под нее ставили ведерки, горшки, тоже занавеска была. Она задергивалась. Лавку делали к столу. Стол был небольшой.

И еще у нас были полатья тоже от печки над входом, где-то на расстоянии сантиментов шестьдесят от потолка подвисяной, как бы настил, вот это полатья, ребяташки все спали там. От входа сразу налево печь, и вот можно было с печки на эти полатья. Пол одной комнаты занимали все эти полатья. Мы там и читали, и учили уроки, а керосина не было, электричества не было, зрение все испортили. А мы ее еще, бабушку, обманывали, что уроки учим — охота же почить. Она говорит: «Вы там опять какую-нибудь ерунду читаете?» А младший брат, Владик, возьмет в «Русский язык» заложит другую книжку, и говорит: «Бабушка, вот смотри, я же говорил тебе, что это «Русский язык». А она ни одной буквы не знала. Она: «Ладно, ладно, «Русский язык», так читай». А внутри том Тома Сойера.

Полы были не крашенные раньше. Мыли один раз в неделю, но очень тщательно. Вот есть такая трава — вош. Растет она на песочных гривах. Осенью после первого мороза хвощ собирали — он такой длинный, и вязали вязки вот такие — просто узлом вязали. И вот этим хвощем терли все. Протирали дощечки песочком, на речке брали песок и песочком пришаркивали, и промывали чистой водой. Он был, как наждачка, и пол был чистым, потому что дерево было смолистое, не было пятен гниlostных. Мыли один раз в неделю, обязательно мыли в субботу перед баней. Топили баню, мылись, пока баня топится, все промывали, стирали все, половички чистые настилали. Всегда половички простиранные были. Всегда. Какой-то ритуал. Особенно к празднику все прочищается, все проглаживается, свежие полотенца. На улице хворост лежал, соломка — пол вытирали и разувались у крыльца. Все ставили и заходили только в дом босиком.

Плетеная баня

Баня у нас была своя, вот тут вот, под речкой, частично выкопанная в земле, яма такая выкопанная в земле, в косогорчике, была оплетена плетнем и обмазана глиной, коровяком. Она покрывалась хворостом, палками. Не было, дерева все заливалось глиной, глиняным раствором засыпалась землей и делалась дверка туда. Печка была по-черному. Она делалась из кирпича, если был. Баня была низкая, головой задевали. Это все из-за экономии — люди бедно жили. Ну полук был, где мылись, и прилавочек — лавочка, кто на эту лавочку садился. Предбанник тоже выкопан, и заложен. Шли в баню, мылись, одевали холщевое белье и приходили, пили чай с молоком. Чая пили много. Пили чай зеленый — травой заваривали: душица, зверобой, чабрец, смородиновый лист, малиновый лист дикий — все это заваривали с молоком.

У дедушки был такой банный ритуал: он парился, очень сильно парился, выходил зимой на улицу, у него стояло ведро с ледяной водой, он обкатывался этой ледяной водой, потом снова шел париться. Здесь дом был, а через дорогу, там, под речку, баня была. Бабушка всегда собирала с собой льняное конопляное белье: кальсоны и рубашку. Дедушка с бани ходил в нижнем белье домой. Первый ходил только дедушка. Потом шли взрослые, брали ребяташек, большееньких отправляли с маленькими, но дедушка всегда ходил первым.

3 ЧАСТЬ

Языковое сознание жителей Алтайского края и история региона

Человек живет не только в природной среде, но и в среде, созданной культурой его предков и им самим. Культура, будучи совокупностью накопленных в течение длительного периода времени достижений отдельного этноса или группы этносов в материальной и духовной жизни, создается коллективным разумом народа, его наиболее талантливыми представителями.

История прошлого России переписывалась много раз, и такое искажение вело к потере прошлого в различной степени, но прошлое всегда возвращается к человеку, в виде исторической памяти в том числе. Панорама исследования истории чрезвычайно широка: история — это, во-первых, совокупность конкретных исторических фактов; во-вторых, степень осведомленности конкретного человека об этих фактах и его ориентации в исторических событиях. Соотношение истории и личности — имеет своей целью показать, что за разнообразными «ликаmi культуры и истории» существует реальный человек: человек как общественный деятель, человек как исторический деятель, человек как имеющий власть или приближенный к власти, обычный человек с его способностями, потребностями, целями. Общественная, историческая, социальная жизнь людей тесно связана с особенностями конкретного человека, и эта жизнь в свою очередь отражается на всей истории того или иного региона.

Именно воспоминания старожилов являются той сокровищницей, которая сохраняет региональную историю, язык и культуру в современных условиях. Необходимость фиксации подобного материала совершенно очевидна: бурно развивается жизнь, и с уxo-

дом из нее старшего поколения, естественно, забываются исторические факты, памятные места и слова, их обозначающие. Нельзя не считаться с тем, что многие события, сохранившиеся в народной памяти, не зафиксированы ни в каких исторических документах. Воспоминание, с нашей точки зрения, — это речевое произведение, отражающее особенности восприятия и осмысления жизни (истории, экономики, политики) жителями, что дает возможность посмотреть на реальные события, определяемые географическими, культурными, социальными условиями жизни, сквозь проекцию восприятия отдельными людьми, имевшими в свое время самое прямое отношение к формированию этих событий. Изучение воспоминаний будущими поколениями позволяет понять, как воспринимали и осмысливали мир жители сибирского села, какие географические, культурные, социальные условия жизни их окружали.

Русская духовная культура, по нашему мнению, жива своей провинцией, которая до настоящего времени не утратила чувства национального патриотизма, национальной гордости за богатое культурное наследие. Исследование духовной культуры региона позволяет описать образ жизни людей, духовное наследие и язык региона; дать обобщающую картину истории, современного состояния и тенденций развития русской культуры на Алтае.

В лингвокультурном пространстве Алтайского края прослеживается несколько исторических пластов, поэтому в исследовании его стоит учитывать такие факторы, как язык, культура и история, их взаимодействие. В современной российской лингвистической науке внимание к диалектам как элементам русской культуры огромно. Во всех регионах ведется сбор диалектного материала, издаются региональные диалектные словари. В 1998 году закончено издание такого словаря и на Алтае — «Словарь русских народных говоров Алтая» издан преподавателями Алтайского государственного университета. В этот словарь вошла вся диалектная лексика, собранная в ходе диалектологических практик и экспедиций студентами-филологами начиная с 1973 года.

Собранный нами за 40 лет на Алтае лингвистический материал дает возможность заглянуть вглубь времен, постичь самобытность и дух русского народа, национальный взгляд на мир. Алтайский край имеет своеобразную историю: в древности он был ареной массовых миграций кочевых народов, в составе русского государства — местом заселения переселенцами из Европейской Рос-

сии. История Алтая XVIII века тесно связана с открытием и разработкой здесь различных месторождений, что наложило отпечаток на всю историю региона. Интересен и своеобразен национальный состав населения Алтайского края. Позднее заселение Алтая привело к тому, что на его территории многие поселения возникли совсем недавно и имеют смешанный состав населения. Во многих населенных пунктах до настоящего времени разноречный и разноречный состав населения. Здесь проживает, кроме русских, много украинцев, немцев и т. д. Все это делает языковую обстановку на Алтае заслуживающей научного внимания.

Крестьянские трудовые традиции не ограничивались сферой производства, они накладывали отпечаток на весь образ жизни крестьянства. Складывались четко выраженные традиции, например, в дифференциации рабочей и праздничной одежды и сезонном подборе ее, в составе и сроках приема пищи, в отношении к родственникам, в почитании старших, вере в Бога и пр.

Все перечисленные традиции сохранились в языковом сознании старожилов Алтая до настоящего времени. Переселение на Алтай, по воспоминаниям, проходило тяжело и сложно, но спокойно и уважительно. Нужно помнить, что переселенцы вместе с собой, со своими семьями привозили на Алтай свои национальные, территориальные, семейные привычки и традиции. Память о прежнем месте жительства сохраняется и передается из поколения в поколение: противопоставление «расейских» и «сибиряков» — норма для региона. *«Я — местная, родилась здесь и состарилась здесь. А наши родители были: тятя из Черниговской губернии, там в Расее голод, их сюда много приезжало. А мама Курская, с Курска. Здесь они познакомились и поженились. Здесь зимы холодные были, но земли много, земли хорошие».*

«Мир человека — это его прошлое, а его прошлое есть его мир» — это вечная истина. Отсюда интерес человека к своему прошлому, к своей родословной, к истории того места, где он родился и рос, где прошла большая часть его жизни. Поселившись за Уралом в конце XVII — начале XVIII века, уже первые старожилы сформировали свою культуру и свою систему жизненных ценностей. В течение продолжительного времени они сохраняли и продолжают сохранять многое из того, что было заложено их предками. Вспомним, например, что бабушку называли *мама стара* («Мама стара мне сказку рассказывала»), а дедушку — *батя* («Батя-то тока на по-

рог, а мы, как мыши забьёмся»). Следует отметить высокую познавательную ценность подобных материалов: они дают возможность узнать много нового о жизни народа в прошлом (а без знания прошлого, как известно, невозможно в полной мере понять и оценить настоящее), почувствовать «дыхание» жизни в начале — середине и конце XX века. Знание и представление о мире в народной среде, часто отличающееся от обычного, стандартного, передаваемого литературным языком, закреплено традицией и переходит от поколения к поколению: отношение к жизни и смерти, обществу, семье, труду, будням и праздникам, природе и т.д. Это и семейные отношения, сохраняющиеся в памяти и указывающие в прошлом на патриархальный уклад жизни. В сельских районах по-прежнему живы воспоминания об укладе жизни, при котором главой рода являлся отец. Вспоминает В. Д. Надеева, потомок старинного старообрядческого рода: *«В роду очень почитали старшего прародителя Медведева Николая Филипповича, называли его «батя», только дочери — «тятей».* Сохранилось предание о строгости нравов семьи: *«Мы маленькие были, бывало, тятя еще только подъезжает на лошади, а уж мама к окну метнется: «Иди, девка, встречай тятю, распрягай лошадей, корму задай!» И в доме наступала полная тишина. Мы не то что шуметь, а и на глаза боялись попадать, чтоб не прогневать, уж шибко тятя крутой нрав имел... Даже когда дети и внуки выросли, стали взрослыми, у самих появились дети, отношение к прапрадеду не изменилось, его мнение всегда выслушивалось и почет оказывался особый... Наши прародители считали себя неграмотными, говорить по-книжному не умели, но прожили жизнь достойно, умели и хозяйство вести, и дом содержать, и семья была не на смеху, репутацией дорожили. Слово старшего было законом».*

Наши многолетние исследования региональной диалектной системы Алтая показывают, что в центре картины мира жителей Алтая — Человек, а жизненными ценностями признаются: добро, любовь, уважение к людям: *«Чтобы душу чистой держать, совсем не обязательно верить, в церковь ходить, это нужно добро содержать в душе»; «Надо иметь в душе что-то другое, не обязательно веру, надо каждому иметь свои устои».*

Рассмотрим некоторые, базовые, с нашей точки зрения, понятия русской духовной культуры, представленные в языковом сознании жителей Алтая.

Идеология, объединяющая людей, — культура Добра, Уважения, Истины, Красоты и Любви: *«Добро делать ты ему, он тебе. Любит друг друга надо, уважать, прощать»*; умение прощать — необходимое условие жизни: *«Зло есть зло, надо прощать своих врагов»*; *«Надо мириться со злом и прощать все врагу»*.

Как правило, положительные, радостные эмоции связываются в сознании старожилов с редкими часами отдыха: это разнообразные праздники, гулянья, вечёрки. Пожалуй, самое большое место среди них занимают религиозные праздники: *«Счас подходит Масленка к нам. На той неделе будет. Сперва в воскресенье будет загованье. Заговеют — пелемени едят. А потом всю неделю эту будут печьти. А вот к последним дням: ну четверг, пятница там, начинают кататься на лошадях. Там стряпают всякую стряпню на масле, разные ватрушки, рыбные пироги. А после, как заговеются, называется этот Прощёный день. А назавтра уж пост. Это чё осталось, это нельзя есть, высушат, в мешочет, привешут на вышке, а потом семь недель пройдет, это уж дождутся Паски. А Паска — самый большой праздник, там уж его ждешь, не знаешь как. Вот тут уж и мясо, и всё. И стряпают, и гуляют, а которые сидят, вот выдут на улицу посидят. Потом артелями собираются, гуляют. А потом Троица, Микола, многа праздников было и хорашо их справляли. Вот даже сеять на пашне бросют и справляют праздник. Принесут из Смоленска к нам иконы, патом мы свои туды отнесем. Народу ужас чё. Придут все, хто к своим, а хто зазывает. Угоишают, кормят, а потом гулять начинают, уж обедня отойдет, тада гулянки пойдут. Лучше было, как-то всё это знали, всё по пути»*.

Всё связанное с церковью, с Богом для регионального носителя языка всегда ассоциируется с чем-то радостным, светлым: *«В Пасху мы не работали, ждали праздника. В Пасху не работали неделю целую, в Троицу — три дня. В любой праздник не работали, вот где хорошо было, весело...»*.

Вера в Бога, стремление передать детям веру в добрые, светлые чувства было характерно для сибирской семьи, передавалось из поколения в поколение. Однако отношения человека к религии и Богу в сознании жителей Алтая не столь однозначны: Бог, церковь, религия все чаще (особенно молодым поколением) воспринимается как элемент культуры: *«Хотя в бога не верю, но религиозные праздники почитаю. Это ведь культура. Традиции пе-*

редаются от старых людей, от отца к сыну, от матери — детям»; «...все было хорошо, но одно плохо, что уничтожались церкви. Они уничтожали не церковь, они уничтожали не попов, это культуру русскую уничтожали...». На примере праздников мы можем наблюдать за отношениями между людьми разных населенных пунктов, которые участвуют в праздновании. В каждой деревне был свой праздник. Из соседних деревень гости приезжали. Коллективность и организованность выражены словами *все* и *весь*.

...В октябре уборка кончалась. Весь колхоз гулял. Колхоз — коллективное хозяйство; хозяйство, принадлежащее коллективу. Определяющее слово — *весь*, не один человек, а именно *весь* колхоз, как единое целое.

Как в радости все вместе праздновали, так и в горе друг друга поддерживали:

...Родительский день — поминали родителей, друг другу подавали. Сейчас тоже ходим на кладбище.

Отношения в коллективе строились исключительно на доверии:

...Весь поселок жил одной семьей. Не закрывались, не было замков, жили дружно.

...Воздух стерильный, вода чистая, родниковая. Черпали весь поселок из одного колодца, коромыслом носили. Колодец — символ единства, сплоченности, колодец объединяет жителей. Все черпали воду из одного колодца, что указывает на всеобщее равенство, приравнивает сельчан друг к другу.

В особых отношениях находятся друг с другом соседи. Они поддерживают, стараются помочь друг другу:

...Да это съедобные грибы, ой, мы их сами наелись тогда, и соседям раздала я.

Семья — «ячейка общества», часть коллектива. В свою очередь, являясь коллективом, мы можем предположить, что семья — это коллектив в коллективе. Единство семьи уникально:

...Большими семьями жили, из одной большой чашки суп хлебали; повтор *большими (семьями)* и *из большой (чашки)* позволяет нам провести параллель между понятиями *семья* и *чашка*. Круг образуют члены семьи, сидящие за большим круглым столом. Чашка символизирует семью, члены которой сидят плечом к плечу. *Большая чашка* объединяет их, сплавливает. В пословицах мы также можем заметить, что связь между семьей, домом и чашкой неразрывная. *Дом как полная чаша;*

Дом – чаша чашей;

Мы с ним из одной чашки кашу едим.

...Когда родители на покосе, я ходила к ним с узелком, обед носила. Именно узелок символизирует отношения между людьми, выражает тесную связь членов семьи-коллектива друг с другом.

В понятийной сфере «семья» старожилы актуализируют прежде всего количество её членов — «*семьи-то раньше большие были*»: «*...у нашей мамы было двенадцать ребятишек...*»; «*...у нас в семье было пять детей: три наших брата и мы с сестрой, две девочки...*»; «*...я в семье двенадцатая была*».

При описании важным оказывается дом, усадьба, хозяйство:

«*...Была у нас горница, в подполье продукты хранились. Зерно в амбарах хранилось, потому что у нас были амбары...*»; «*...дома раньше редко стояли, большие, по улицам трава росла; куры, гуси ходили на свободе, курятников не надо было...*»; «*...У нас большой, красивый был дом, все в деревне завидовали*».

Важной темой для старожиллов являются внуки. Традиционная их характеристика: «*...Вот так смотришь на детей, ну на правнуков теперь, сидят вон, играют и не надо им ничего. Так хорошо, спокойно делается на душе...*».

Подобное отношение к внукам характерно для русского человека. Существует даже силлогизм, что внуков любят больше, чем детей.

Из поколения в поколение передаются и духовные традиции: «*Вот я в школу ходила при царе еще, мне дадут (тогда к каждому празднику учиняли) на свечку Богу поставить. Скажут, кому поставить-то. За мной пойдет моя сродная сестра, с ней мы вместе учились. А мы идем всю дорогу и сговариваемся: если нам украсть эти деньги да купить конфеток, тут магазинчик рядом был. Мы судим-судим, а все-таки не сумеем их украсть. И ни разу мы не сумели. У ней три копейки и у меня три копейки. И деньги всегда на божничке лежали, и не возьмешь – не угодно Богу, не так учили нас... А сейчас – разве оставишь что, пьют, воруют*».

Должен человек иметь право на свое уникальное «Я» или раствориться в коллективе? — вечный философский вопрос. В научной литературе уже устоялся подход к тому, что для русского сознания доминирующим является рассмотрение человека как члена определенной социальной группы. Восприятие окружающего мира жителями Алтая через призму коллективизма отчетливо прослеживается в текстах: «*на работу сообща, не ругались как-то все вместе*»;

«большими компаниями собирались»; «все вместе, все в коллективе, не как чужие, а как вроде все свои: соседи, друзья». Противопоставлением состоянию коллективизма является состояние одиночества и боли: «А страдает человек от одиночества, хоть в старости, хоть в молодости, самое большое страдание, хоть как».

Старожилы в своих воспоминаниях сожалеют об ушедшем укладе жизни и образе мыслей: *«Кто помнит, как раньше жили в семье, так сожалеет, как сейчас живут. Молодежь перестала почитать отца с матерью, а ведь семья – основа общества... Надо возрождать уважение прежде всего к родным... сохранять надо, что деды советовали»;*

«Сильное было тогда старое поколение, все веселье сейчас от старых идет, ничего этой молодежи не надо, что такое сделалось с народом?».

Философское отношение к жизни реализовано во фразе: *«Жизнь тада тяжелая была, дак она кода лёгка-то бывает? Надо жить».*

Вера в хорошую будущую жизнь сохраняется в сознании жителей Алтая. *«Родители жили бедно. Ничего не видали. Мамушка моя рассказывала, что када-нибудь небо всё загородят проволокой, и по небу будут летать железные штуки. Она знала, что будут железные, а как назвать – не знала. А теперь и правда: всё летать стали – интересно и чудно. Как она могла знать?»* Человек имеет будущее в форме целей и планов, которые определяют его настоящее, будущее, определяющие его деятельность: *«Жить бы и жить, современная молодежь должна любить свой город и ценить его»,* — отмечают старожилы.

Именно из прошлого человек черпает свои способы и цели, которые формируют и даже определяют будущее. Настоящее, вычеркивающее прошлое, включает в себя хаос, причем в той же мере, в какой теряется прошлое.

Если человек создает нечто, что относит к творчеству будущего, то достигает он этого, мобилизуя, оживляя весь свой опыт, знания и ценности, унаследованные от прошлого. Прошлое мстит тем, кто разрушает его, необходимо сохранять все то, что было у нас ценного, и передавать его потомкам.

Л.М.Дмитриева¹

¹ Дмитриева Лидия Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего и исторического языкознания АлтГУ.

Петракова Мария Ивановна

Родилась в 1884 году в с. Шульгин Лог Советского района.
Малограмотная

Год записи — 1978¹

Долгий путь в Сибирь

Наш-то родитель овдовел, пять дятей² осталось. А там ссылали на ссылку людей-то. Он колымажку³ сделал и поехал, у няго хлеба ня куска не было. К дярвене подъезжают, он дятей пустя из колымажки, их там люди встренуть, дадут по кусочку — тем и питалися. Мяне не было. Ехал, ехал, да привёз пятырых дятей. Я ня помню, когда родилась, ня знаю, при каком царе. Шесть месяцев, однако, ехали. Када приехали, построили землянушку.

Сватовство

Раньше ведь, бывало-то, девки-то ня выбирали, родители за кого захотят, за того отдадут. Им такую-то девку ня надо, а какую брали, ту яму было ня надо, а жанили их. Я яго ня знала, он сосед, и он мяне ня знал. Ох, сватали-то нехорошо, я за жаниха-то не шла, свату и отказали. Мой отец говорить: «Ишшите другую». Её винили. Жить будеть, токи нам их свянчать, отказали — я бяз горя поела, вот и они из бани пряшли. Много пряшло. Они и говорят: «Смяшай нас, Господи!». Все: «Ну отдавайтя». Долго гуляли, дней девять. Молодёжь кур ходили ловить, жаниха сябе хорошего искали.

По усей ночи пряли

Отруби отворыши, выхлопаешь, нитки-т ня рвутся. Нитки-т приготovyши да докрасна-то их покрасишь. По усей ночи пряли. У мене был мальчик один. Девочки ня все пряли. Первая дочь ох и пряха была. Ох, вязала! Усе говорили: «Это яё дочка вышивае». Ящё маленькая была. Парнишечка хуже дявчонок — убягаеть. А ить дятё-то ня мой. А я яму: «Вышивай на стенку». Када приехали мы в Пристань, а там агрономава жена вышивала. И говорить: «Чё рябятишки будут болтаться?». Овечки пострягёшь, и будуть работать. Валька-то в сямой класс ходила. Она бязить скорей вышивать.

¹ Все материалы третьей части подготовлены сотрудниками кафедры общего и исторического языкознания АлтГУ.

² Дятей — детей. Особенность произношения, обозначаемая в диалектологии как яканье.

³ Колымажка (уменьшительное от колымага) — повозка на летнем ходу.

Черникова Елена Константиновна

Родилась в 1887 году в Орловской губернии.

В 1934-м переехала в с. Шульгин Лог

Советского района. Малограмотная

Год записи — 1978

Хто работает, тот ест

Мне девяносто годов. Пахали сохой, у день по гектару вспахивали. Наборонуть, а потом сеють. Рожь-то всходе, это зеленá. Литовкою косють, а мы вяжем, у хрясты складáем. У хрясту тринадцáть снопов, а в копне пиисят¹ два снопа. Кошенíна — скошенный луг. Хранили у поля, увозили у дярвеню. Молотили у току, хранили в анбарах², сена не было.

Сковородник — сковороду из пячи вынем. Пряли, вязали, расшивали. Кохты³ шили. Тесто на замес: пудовку принясут, залезешь в квашонку, работаешь — употеешь. К паске квашонку получче⁴ поставишь, да на молочкú. Сейчас легче работать, глянется нам это. Хто работает, тот ест.

Молодёжь

Девки, было, песни грали. Щас пойдуть, у клуб сходять — и вся красота. А раньше, бывало, с ребятами пляшуть, ребята на гармони играли. Пойдешь, бывало, на речку, мама говорит: «Ты гляди, там русалка тебе за нóги тáще».

Там яблоки, груши были, а тут чарёмуха, рябина. Картошка рожалась хорошая. Дятей у зыбке качали на вярёвочках, ня как тяперь. У менé было семеро. Раньше девятнадцать родя.

Бывало, идя отряд — мы прячемся. Они у нас ружьё, а мы ни взад, ни вперёд. Голод был, грузди ели. На назьмú растут кучками чёрными. Трудный оборот был. Время такая была. Работала в колхозе. У церкви, в шелках, а летом раздёжками⁵, в платьях у одних к службе ходили. Девчонки играть, вербочки идя ломать. Тяперь не ворóтють, иконочки нясуть, окропать их, а тяперь не кропать.

¹ Пиисят — пятьдесят.

² Анбар — холодное строение для склада всякого рода хозяйственных вещей, в особенности же для хранения зернового хлеба и муки.

³ Кохты — кофты.

⁴ Получче — получше

⁵ Раздёжками — раздетыми.

Миколая свёргли

Германия восемь месяцев стояла. Снопов на гектару не было, сколько убитых. Женщина добришка на корову положила, бомба ударила, а он взлетел, да корову разодрало. Их у тыл угоняли. У дярвене всё горело, чтоб не оставалось.

Время-то да какая была! Звонять у колокол: «А ет что такое?» — Миколая свёргли. А мы думаем: «Ну как ето?». А потом отряды ети пошли. Я иду, а красноармеец бягить. «Куды ты?». А пулемёт хто знай где. Пленные были, у четырнадцатом году, астрийцы. Кабы это жизнь была, жить можно.

Ня хошь — да пожанили

У нас там богато не жили. Вязали руками. А по вечарам пляли, коноплѣ рвали. Да коноплѣ посеють, по́сканье мяи, потом пряли, а тяперь ня прядуть. Сами шили. Ситчик было покупное, и товары усякие были. Тоже одевались народ, голяками¹ не ходили. Отец был, женился, мачеху привѣл. Мачеха — ня родная мать. Замуж вышла-то, ня хошь — да пожанили. У Астрии² у плену жил. Из Астрии пришѣл, опять пошѣл служить. Он ня коммунист, ну ня против власти был.

У городе, у вязде бывала: у в Алматах, у Кустанае, у Барнауле. Иде не бывала со своей нуждою. Мы чернорабочие были. Конішка одного дяржали. Овечек стригли, чулки вязали, а кохты — нет. Варюжки.

Фадеев Алексей Степанович

Родился в 1890 году в с. Локоть Локтевского района

Год записи — 1983

Тут каторжники со всей России жили

А село наше Локоть называется. Перемен в названии не было и нет, только раньше тут три села было: Гражданское, Локоть и Ново-Алейское. А что Локоть прозвали, дак от реки это. Река Алей

¹ Голяками — раздетыми.

² У Астрии — в Австрии.

здесь локтем поворачивает, вот и село Локоть. Первыми тут каторжники со всей России жили, у Демидова на заводе работали.

Село раньше-то на три части делилось: Низ — под сопкой; на сопке — Верх, и Гражданка — приезжие там жили. Названия эти и сейчас еще сохранились. Улиц как-то не было, а село все по частям делилось: Краков — поселенцы из Кракова жили. Сейчас это улица Ильичевская (по Ленину, значит). Были еще Волчаны — звали так, что богачи там жили, злые были, как волки, вот и улицу так называли. Потом она Колхозная была, а недавно ее называли улица имени Клочкова. Была еще Сладкая улица, это по-простому ее так звали, потому что одни пьяницы на ней жили. Потом Почтовая она была, потому что почта на ей. А теперь имени Логвина. Это все земляки наши, герои. Про летопись не знаю, пишет ли кто или нет, а при Яшкове-то писали.

Сел рядом у нас много. Я бригадиром был в колхозе, часто ездить приходилось. Совсем рядом с нами поселок — Ремовка, названа так по речке Ремкй, Михайловка рядом — в Михайлов день образовалась. Совпуть — Советский Путь значить; Новенька — это мы зовем, а вообще село Новенькое, новое значит. Половинкино, оно речкой было на две половины разделено, речка-то сейчас высохла лет пять уж, и теперь овражек село разделяет. Ну, эти села совсем рядом, а чуть подальше у нас Устьянка — она как бы в устье между сопкок лежит, ее ране Мусорная звали, потому что мусор туда возили. Еще Александровка недалеко — название ее такое, что она в Александров день образовалась. Егорьевка — это от Демидова рабочий убежал — Егорий. В этих деревнях русские да хохлы живут, а вот в Ивановке (первый поселенец Иванов был) и в Березовке (берез там много) немцев живут, а в ауле — казахи, это и по названию понятно. Красный Аул — советский, значит.

По хозяину они назывались

А заимок множество у нас было. Называли их всех по фамилии хозяина: Киндеева заимка, Левонидова, Глуховская, Рыжухина, Ивановская, Фадеева, Анюхина, Гузеева, Зинкова заимка. А возле Красиловской старицы — называется она так, что Красилов там жил.

Есть рыбацкая избушка Соколова, всегда рыбачил он там, а в Сосновом бору охотничья избушка Морозова, охотился он там, да и жил, а построил сам ее. Сопок у нас много. Ну а называем-то мы

их — Ива́новская сопка — Колчак на ней Ивана плетью заporол. Есть еще Пропащая сопка — мусор всякий туда возили, а одну сопку дак кто как зовем: кто Голой сопкой, кто Лысой сопкой — ничего не растет на ней.

Колодцев раньше-то много было. Почитай, у каждого во дворе или возле двора колодец. По хозяину они назывались: Анохин колодец, Хохловский колодец, Фадеев колодец, Ивановский, были и ничьи колодцы: колодец-возле-конторы, колодец-возле-больницы, колодец-возле-бани.

А вот родников что-то я не припомню. Были у нас родники, но мы их не называли: родник-у-карьера, родник-у-сопки. Да еще Чистый родник, мы раньше за водой к нему ходили, даже тропинка к Чистому роднику у нас была. Теперь уж никто туда не ходит, вода у всех рядом.

Озер я много знал, сейчас какие старицами стали, какие высохли. Называли их в основном по хозяину, по фамилии: Хохловские озера, Медвежье озеро — Медведев объездчик жил, Саламатово, Пёршино, Арапово, озеро Шахтарин. Были еще Мельничьи озера — две мельницы на них стояло. Было, да и сейчас оно есть — Чертова яма — дна в этом озере никто еще не доставал. Соленое озеро — по воде название, соленая она. Песчаное озеро — дно в нем песчаное. А некоторые по форме называем. Есть у нас Длинное озеро — это со стороны Ремовки; Круглое озеро — сразу за Голой сопкой; Подкова — ну, это все знают — рядом с бором оно.

Из болот — Камышовое знаю, камыш там растет, да густо так; Лёшево болото — это его так старики прозвали, мы еще ребятами на него ходить боялись. Моховое болото — мохом все заросло, а было озеро.

Река у нас одна — Алей. А остальные все маленькие, летом пересыхают. Ремй — возле бора, Солонówka — зовем так, что по солонцам протекает, Золотушка — на ней раньше золото мыли, а одна речка так и зовется Сухая речка — воды в ней только весной, да и то совсем мало. И село так зовут — Сухая Речка, а какая там речка.

Забоки у нас по старым владельцам называются: Гузеева забока, Зинкова забока, Вогалиха, Фадеева забока. Есть у нас и Смольный — место в забоке, где колеса смолили. А сейчас забоки по ближним деревням зовутся: Локотевска забока, Ремовска, Михайловска забока.

Чернов Степан Николаевич

Родился в 1891 году в с. Новороманово Калманского района

Год записи — 1980

Колчаковский штаб

Родился в Белгородском районе, родители и деды из Белгородского района, малограмотный, в это село приехал в 30-х годах, работал животноводом в коммуне, общественной работой не занимался.

Сперва это Первая мировая война в четырнадцатом году. В семнадцатом царя сменили.

В восемнадцатом году появился Колчак. Стало Временное правительство. В двадцатом году его выгнали, началась советская власть. Начали создавать коммуны: «Алтайский партизан», «Степь» тут, значит. Был я в коммуне «Степь» Белоглазского района. Был животноводом. Всем в коммуне понравился. Стала сплошная коллек-

Собрание колхозников села Красный Партизан Чарышского района

тивизация уже в тридцатых годах. Потом стали создавать большие колхозы. В коммуне арбузы, хлеб, овёс — все культуры сеяли. Колчак нас, это, стал мобилизовать в армию. Мы разбежались. В одно прекрасное время нас четырёх арестовали: был Савин Иван, Иваненко Терентий, Шиповских Михаил и я. Потом нас увезли в колчаковский штаб и выпороли. Из Змеиногорска отправили в Семипалатинск. Убежали по дороге. Сто человек отправили в Семиречье против атамана Анненкова. Всех белых ликвидировали, они ушли в Китай.

Был я в санроте

В эту войну меня мобилизовали уже в сорок третьем году и отправили на Калининский фронт (сначала-то в Бийск). На передовой я не был, а был в санроте, собирал раненых. Там меня и ранили, в госпитале три месяца отлежал. Потом вылез. Начальник взял меня на охрану военнопленных. У нас двадцать пять тысяч было пленных перед концом войны. Когда война кончилась, с немцами представители разговаривали. Уж много лет прошло.

Большая стирка

Стирались кишками, которые назывались подмыльями. Душные, страшные, аж тошнит.

Иванова Мария Григорьевна

Родилась в 1891 году в с. Шульгин Лог Советского района. Родители приехали из Курской губернии. Малограмотная

Год записи — 1978

Рассейский и сибирский говоры

«Рогач» в России — «ухват» тут. Вальком выколачивали бельё. Мяшок на голове у лошади — «торбочка». «Поскань» — для мужиков одежду пряли. Скирды закрепляют байстриком. Парунья¹ яйца высиживает. Лошадь ржёт, корова мычит, собака брешет,

¹ Курица-наседка.

курица квохчет, лягушки квакают, волк воет, корова будучая брухается. Кочка муравьиная — мураши. «Метель» — буран, сильная пурга. Когда морозец — «метель». Ремень — «гашник» или «очкур». Армяк-то¹, зипуны были, ткани шабуры, кафтан кержацкий был. Шаровары были. Ошкур² застёгивали. Носили лямошники³ (сарахваны такие). Фартук раньше назывался запон. Шашмуры⁴ носили, кто кокошник, но больше шашмур. Вязаны рукавицы. Говорили «зятяруха», из пшаничной муки, заваруха из муки овсяной. Жито — рожь. «Тенета»⁵ — у нас нет такого и «завор»⁶ — нет у нас. «Куть»⁷ — угол в доме называли. «Махотка»⁸ — кто-то называет, только ня мы. «Выть»⁹ — не по-нашему. Участок пашни у нас есть. И «левада»¹⁰ — тоже нету. Лук он и есть лук. «Ляда»¹¹ — нету такого, неудобная земля и есть пустошь. «Гай»¹² нету, нет у нас и «елань»¹³, «сопка» — небольшая гора, там ягода растёт. «Кресать» — высекать искры. «Страда» есть, так и скажут. «Сосед», «товарищ», но не «шабёр». «Кромка» — эт по-украински. «Вёдро» — это хорошая погода, ясная. «Непогода» — плохая, ненастная. «Волна» — да, шерсть овечья. «Виски» — «волосы» говорят. «Зимусь» — говорили, щас нет. «Летась» тож была, — «летом», значит; и «утрась». Из бересты туяски такие. Мяшок на голове у лошади — «торбочка» или «кормушка».

¹ Армяк — верхняя долгополая одежда из грубой шерстяной ткани.

² Ошкур — пояс, пришиваемый к брюкам, юбкам.

³ Лямошник — сарафан из пяти-шести полотнищ с узкими лямками.

⁴ Шашмур — женский головной убор, похожий на кокошник.

⁵ Тенета — сеть для ловли мелких животных.

⁶ Завор — межа, забор.

⁷ Куть — угол в избе против устья русской печки.

⁸ Махотка — горшочек, крынка.

⁹ Выть — доля, участок, пай.

¹⁰ Левада — береговой лиственный лес, роща из ольхи.

¹¹ Ляда — пустошь, заросль.

¹² Гай — роща.

¹³ Елань — луговая или полевая равнина.

Кожанов Василий Прокофьевич

Родился в 1891 году в селе Топольное
Хабарского района

Год записи — 1985

Драки были между старожилыми и переселенцами

В старину Зудиловка называлась Островное, потому что находилась на острове. А Зудиловкой стали называть, потому что жители селяне все были недовольны и ворчали на старожилов, что те захватили лучшие участки рыбные, лучшие земельные и лесные колки. Их прозвали зудой, а вожак у них был Довженко. Его потом расстреляли колчаки¹. К нему примыкали полтавские, херсонские, воронежские переселенцы.

Обуховка так называется, потому что жили здесь все ссыльные, высланные с фабрики Обухова. И дразнили их всех «обухами», они ведь все плотничали и столярничали. Сейчас того села нет, остался только Обуховский мост через Бурлу, который соединял Обуховку с Топольным.

Первая улица называлась Чалдонская (так жителей называли — чалдонами). Потом она стала Набережная, занимала весь высокий берег озера. Дома и огороды тесно сомкнувшись были, так что новым переселенцам невозможно было к берегу пройти. Драки были между старожилыми и переселенцами. И старожилы (чалдоны², сибирятники) должны были сделать три проулка³ для полтавских, херсонских и воронежских переселенцев, чтобы могли проходить к берегу озера. От Набережной улицы к Травному озеру была проделана тропинка, ее прозвали «Дарына дорожка».

Ране там было озеро посередь колка, а вокруг березы. Там поили и пасли лошадей, а опосля все лошади заболели сапом⁴ и подохли, почто и прозвали «Сапливый колок». А кыргызы, то их выгнали, то они в озеро побросали больных лошадей, вот в селе и пошел мор на лошадей.

¹ Колчаки — солдаты армии А.В. Колчака.

² Чалдоны, или сибирятники, — название первых русских поселенцев в Сибири и их потомков.

³ Проулок — улица, переулок.

⁴ Сап — бактериальное хроническое инфекционное заболевание. В основном сап поражает лошадей, мулов и ослов.

Середин Арсентий Петрович

Родился в 1892 году в Тобольской губернии. В селе
Малые Бутырки Мамонтовского района живет с 1897 года

Год записи — 1976

Патракеев пруд

Был такой сибиряк, Комарёнок его фамилия, когда мы сюда приехали, у него покос был у прудов, с тех пор их Комарьи Пруды называют. Или вот Патракеев пруд; это раньше тоже сибиряк Патракей Тарасович покос держал у пруда.

Ну вот, то всё лес идет, всё лес, а то вдруг чистина, высокое место, вот это и будет грива. Вот пастухи уйдут в луга со стадом, и воды у них нету, они копают неглубокую ямку, из нее выступает вода. Это называется копанка. Пучина такая, где дна нет, и есть прорва. А еще прорвой называют, когда пруд запрудят, а потом прорвет. Михайлов колок в степи есть. Тоже Михайлов — сибиряк, раньше покос держал. В старинку охотничать ходили на Перешеек, там дома стояли у рыбаков, чертова уйма камышов была, дуплей много — это где утки клались. Перешеек — это озеро пересекло лесные заросли.

Ходов Иван Андреевич

Родился в 1892 году в Новохопёрском уезде
Воронежской губернии. В 1896 году переехал
в село Кадниково Мамонтовского района

Год записи — 1967

Тут были сибиряки

Раньше тут никакого села не было. Была Шелаболинска заимка. Скот здесь пасли богатых мужиков. Мы уж этого скота не захватили, а назьму тут было много, в два метра слой назьму лежал. Дед мой когда сюда пришел из Россеи, тут уж были сибиряки, больше всего Катниковых было, несколько домов ихних, Катников богатый был мужик. Из Россеи стали сюда переселяться в 1901, 1902 году, особенно когда революция открылась в 1905 году. Много народу пришло, помещаться тут было некуда.

Пругов Дмитрий Иванович

Родился в 1894 году в селе Кучук Павловского района

Год записи — 1983

Колчак пришел, а только и сказок, что Ленин придет

Как партизанил я, была наша жизнь незавидная. Пришел со службы благополучно. Зачалась война, Колчак пришел, а только и сказок, что Ленин придет. Я-то его ждал. Вот оне и выдали меня, что Ленин жду. В Шелаболихе у меня-от три брата жили, ну и решили: давай-те-ка, собирайтесь партизанить. Завтре поехали, время узды на лошадей. Поскотина была снята, и белы едут, а мы им наперерез из Шелаболихи, да и не знам, что и говорить, что за партизаны. Мы говорим, что мы христиане. А поскотина — палка в загоне для лошадей, ее снимешь, и лошадь выводят. А тада ишо волость была, ну офицер нас и повел туда, да допрашивал, а я ему и сказал, что лошадей

ишшем, у нас, мол, лошади убегли. А староста в волости, он знал нас, ну и сказал, что лошади-то ушли наши. Пришли шесть человек, меня давай пластовать, а я-то за старшего был у нас. А кровища везде, кое-как на брюхо лег и лежу. Привезли меня домой в Сибирку, положили, а я и умирать собрался уже, мать плачет. Тут старик один пришел, мочку с собой принес, и спасибо ей, мочечке, стал он мочить меня. Сначала коросты сделались, а потом совсем зажила. Мочку делали из трав разных, настоют их в самогонке, а потом смочут. А их из травы делали и из почек березовых.

Красноармеец

Партизаны

Приезжат отряд партизан, собрали нас всех и говорят: «Поехали!». Надо было пароход на Оби взорвать. Пароходы в пятнадцати метров от берега ходили. А меня старшим нарядили, поехали наши отряды на вершинах, ну, верхом на лошади. А нам навстречу баба с парнишонкой идет: да, говорит, солдаты к ним в деревню зашли, вот они и пошли к нам в село. А парнишонка догадался, что мы и есть партизаны. А тогда посылаю двух хлопцев в разведку. Белые все ушли по домам, ружья в козлах поставили, а у них и пулемет был тоже. Сперва поймали часового, выстрел дали они, ну а мы уж тут как тут. Белыми-то чехи были, а с ними-то подполковник был, ну, он-то в голбец¹ залез. Ну а нам-то как быть. Дверь отворишь — и пуля в лоб. Мы зашли в горницу — это комната в доме, не кухня, а другая, ну а потом он и сдался.

Фёдор Коляда

Мы-то не шибко грамотны были, повезли его в Шелаболиху. А там уже тоже поднятие партизан было. Все партизаны туда съехались. Вышли мы за бор, окопы стали рыть. Смотрим, едут коло двухсот человек, борзо едут так. Офицер впереди остальных. Ну а нас-то целая тыща уже набралась, тут мы их и покосили всех и в плен взяли. Там в степи был Фёдор Коляда, там он партизанил. Ну, нас и к нему посылают, дошли мы до Барнаулу, вступили в яво. В ту пору там площадь была-то ух какая, вот мы на ее прямо и вышли. А там полк расейский стоял, нас с нимя в марте и забрали. А тут уж мы не воевали. А полк наш шел в Алтайские горы, за Бийск. Мы шли пешком по ночам, по семьдесят верст за ночь. Дошли до Телецкого озера, стали тут, зачало темнаться. Вдруг приказ. Тут и бой начался. Побили мы их тут сильно, уже было это перед светом. Они в дом матерый забились, ну, мы их и выбили из него.

Сельхозработы

Потом ходили мы в деревни и домой вернулись. Тут стали сперва пашню сеять, имели мы пять лошадей. Утром рано берем плуг, пашешь плугом-то, семян привезешь и сеешь их в землю. В обед кормили коней. А потом боронишь, (сажусь на вершны) и домой едешь. Были у нас сита: дно у них из холста, а сама деревянна, в его пшеницу

¹ Голбец — погреб, подпол.

насыпаешь, машины-самовязки, ну, те сами снопы вязали, в жнейку¹ лошадей запрягаешь, понужаешь их, они ходят, а машина снопы вяжет, а потом сам на передке едешь; на передке — на двух первых лошадях. В жнейку мы шпагат клали. В ней дырочки были, в жнейке-то, в них шпагат всунешь, так узел завяжешь, а нож его отрезат, и сноп выбрасывают. Это и есть шпагат; а шпагат — веревочка такая толстая да крепкая. А пшеницу да рожь серпом жали тогда, дёргаешь одну-две-три горсти, надёргаешь — и в сноп вяжешь.

Ну, мы и на покос ездили, сначала десятины делить ездили, десятины резали. В ту пору сажени были, сначала гриву делили, где вода не заливается, потом луг делили, его вода заливала. Старшой берет мешёчки, в них кладут бумаги, вот из каждого мешечка тянешь бумажку, а на ней десятка стоит, на ней ты и косить будешь. Время подошло, и косить едешь. Много травы в старицах² было, если они заросли, а то бывает там озеро. У нас покос был за Обью, на другом берегу.

Свадебные обычаи

Ну а зимой игрища откупали, Избу откупают, приходят девки, садятся, а потом плясать ходим. Летом лужанка была, там и танцевали, а потом домой ее ведешь. Ну а если девку не отдают, то убёгом уводишь. А в катаву ее садишь. Катава — это сани, только у них задок, бока есть. Тысяцкий был на свадьбе как отец жениха, дружка — это помощник тысяцкого, а тогда отцы и матери вместе встречаются, они и договариваются о свадьбе. Погонщики были, они говорили родителям, что молодые под венцом. Ну а тогда ее отец и хрёсна едут с постелей. Молодые приедут из церкви, тут и блиновать надо, блинов напекут, а молодые едут и зовут всех на свадьбу и говорят: у нас сёдни блины.

¹ Жнейка — жатвенная машина.

² Старица — участок старого русла реки.

Кунгурова Александра Дмитриевна

Родилась в 1895 году в селе Ново-Повалиха
Первомайского района

Год записи — 1975

На степе жили

Были-от, кажный житель, и у каждого была своя клетка, своя полоса, который может работать, на степе жили. Вот этим плугом спашешь, присопляшь¹ за лошадь борону; два обруча деревянные. Веялку эту наденешь, возьмешь, по шагам идешь. Вот так-от сеяли. Кладь кладем, возим на конях. В клади как все уберем, а по осени начинали молотить. От молотила идет ремень, а вот такой величины барабанчик. Один стоит, снопы разрезат, а другой солому необмолотанну кидает. Солому отбрасывают, а потом веялки ручные и решето. Туды сыпешь зерно после молотеные. Решето под вид сита, на четырех веревочках. Мелка трава высевается. Тогда уж на мельницу это зерно поступат.

Там степя-то сеяли, хлеб-то как хранить, огораживать поскотиной, это у нас кругом, как от бору, все огорожено. За рекой забока². Коля ставят, жердочки перематывали. Всяк свой участок знал, поскотины, присматривал, кто ворота чинил, кажный год. По очереди дежурили.

На нечестну деушку хомут одевают

Они не знали друг друга. Лен изомнут, в бане прядут. Она сидела в бане, пряла. А жених был кызыл³. Ну, приехали: так и так, жених на улице. Вышел, весь в пыли. Юбки тогда «становинами» звали. Оделась, сяла с женихом, поехали. Это убёгом она убежала. А если добром — сватаются. А скока придана дарится? Перин-то не было, тада катались из шерсти, сундук с деньгами. Те подумали, пришли, обратно рядятся.

Посватались, делают запой. Потом запой на месяц. Жених идет с товарищами, с гармошкой. Подружки приходят, шьют кальсоны мужу, подзорники⁴ делают, полотенца вышивают. Нашьют, так свадьбу назначают. Брат обратно сестру крадет⁵. А деушкам обратно вина, конфет.

¹ Присопляшь — прицепляешь.

² Забока — территория за рекой, на другом берегу.

³ Кызыл — житель Республики Тыва.

⁴ Подзорник — расшитое украшение для кровати.

⁵ Крадет — крадет.

Жених с невестой сядут — под венец. Потом к жениху. Поют, встрели их, посидели. Во передний угол садят. Покрывалами закрывают, одевают бабий убор, платок, потом шаль. Хрёстный берет их, уводят. А на нечестну деушку хомут одевают и по улице ведут.

В печах мылись

В печах мылись. Печь большушша, нагреем воды, сидишь там, моешься. А потом хлеб пекли. Корову в избе держали. Овца объгнется дома. А тут и свинья, и корова. А раньше-то по-чёрному топились. Потом стали говорить, надо для скотины делать, печи.

Православные праздники

Мясоед¹ — от Рожества восемь недель. Свадьбы только в мясоед. Ребяты откупают, договорятся, свечки таскают, керосин. После восьми недель от Рожества — Масленка — Прощеный день. Начинается Великий пост через семь недель, постовали; исповедаешься, причастишься. Иван-капустник две недели — постны, молосно² не едят — спажинка³. Троица от Пасхи — шесть недель. Веток зеленых накладывают. В этот день распяли Христа. Как будто он по веткам зеленым идет, вот и в церкви поют: «Иисус воскрес!». Паска — яички красуют. Петровка⁴ — это на лук. Этому святому должны что-то дать за его святость, молосно не едят. Ровно как клятву дали, ему молиться, постоваться.

Благовещение — праздник большой. И раньше девушка косу не плела, одна кукушка не подчинилась Благовещенью, и Бог ее наказал, она без гнезда теперь. Да ничего такого не делают. Где-то он в марте. Церковь покупает книги, календари, у них посты, праздник от праздника сколько, заговень⁵, разговень⁶.

Детей в зыбке качали

Детей в зыбке качали. Кто палки гвоздем собьет, кто спильные, обошьешь холстиной. А потом сделали сидушку и там лавочку, там ребенка посадишь. За стол поставишь, питания поставишь,

¹ Мясоед — период, когда по православному церковному уставу разрешена мясная пища.

² Молосно — молочные продукты.

³ Спажинка — соблюдается также строго, как и Великий пост.

⁴ Петровка — Петров день, великий православный праздник, посвященный памяти первоверховных апостолов Петра и Павла.

⁵ Заговень — канун поста, последний день перед постом, когда можно употреблять скоромную пищу.

⁶ Разговень — вкушение скоромной пищи по окончании поста.

он горстям наестся. Бутылочку из коровьего рога сделаешь, а соску из коровьей титьки. Уложу их и убегу на речку. Зыбки делали: у кого пружина, а у кого жердь метра четыре, а вниз-то веревочка. А у меня сестренка вздумала на шею веревку одеть, чуть не задавилась. Простыней, матрасов не было. В избе палати были. Приду, замерзнусь, залезу на печку, там кострика-то ¹ колюча. В субботу вытрясем на улице — и на неделю. Не сообразили завалинку сделать на улице, дома сделали. Если станет из зыбки падать, полотенцем обвяжешь, он пищит.

Тамбовский говор

Это по-тамбовски: «ковшик» — «карёс», «клюка» — «кочерга», «щaplеник» — «сковородник», «куфайки» не звали — «шабур», «тулупы», «жикетки». У меня мать вятска, отец тамбовский. А бабушка скажет у нас: «Стё-о, стё-о вам надо?», так бабушка говорила, вятска.

Мама нас окрестила всех в одной рубашке

Батюшка один был, отцом Иннокентием звали. Вон всех людей по имени звал. Жил он, сестра у его была. Батюшка же учил. Мать у меня грамотна была. Память была, да ребятишек много. Тогда к лошаде привязан, боронишь, и мама пойдет косить, на березку повесит зыбку, качали. Мама в Барнаул ездила. Я юбку надену, и пойду играть. Никого, носили холщово всё. Мама у нас окрестила всех в одной рубашке. Бабушка у нас была, мамина мама, маме у нас на свадьбу положила машинку, так щас есть. Как щас помню, бела рубашечка с красными свитячками. Вот как рубашки берегли. А мы не носили штаны.

Смех и грех

Как уедем домой, как кусочки останутся, мы думали, собаки лазили. Два брата поехали в поле ночевать, легли спать, кто-то подходит, шараборит (нюхает), нет, не собака, ну чё, — волк. Лягли на эти нары, ну ночь, темь. Старший говорит: «Ты держи меня за рубаху». Заглянул под нары, а там лиса. С полночь смеялись: лиса была — и отпустил. Дверь-то открыл с крючка, а там лиса вперед его выскочила.

¹ Кострика — колючки.

Забельский Семён Григорьевич

Родился в 1896 году в селе Ново-Ажинка
Солтонского района. Малограмотный

Год записи — 1981

Село наше старое

Раньше был поселок, а теперь Ажинка стала, а почему — не знаю. Раньше здесь был Табашкан — татарин, он жил один. Цыганы жили. Здесь раньше был лес до самого берега. А село наше старое. Люди пришли и дома строили, назвали поселок. Было два колхоза: Бил, Блюхер. В 1939 году был председатель новый. Здесь была церква, а потом ее сломали. Когда наши деды пришли и стали жить, а здесь жили татары, Табашкан был нерусский, мы их не видели, а наши родители приехали и уничтожили их, и закопали. А сейчас на реке есть ямки, и поляна есть Табашкан, и избушка была. Одни они здесь были с России, и родители мои. Меня еще не было, они приехали. Моисеевы, Красновы, Волосниковы, Мамаевы, Гущины (три брата). Отмепов Остап был старик, а другие уж после приезжали. Село

Конный привод молотилки. Первая четверть XX века

было маленькое. Бейская улица, зимой тракт тут. Береговая — берегом там в бор дорога пошла.

Колчак был. Они приехали два солдата шинелки собрать, а в Карабинке собрали, да и убили их, и приехал карательный отряд. И вешали, давили тут. Памятник в Карабинке есть.

Никогда не паханая земля — залог

Никогда не паханая земля — залог. Раньше землю делили на гектары, по два-три гектара на мужика. Здесь были луга, и загораживались и назывались «поскотины»¹, и пасли скот здесь рядом. И родники были, и ключи, назывались Ново-Ажинскими.

Кержаки у нас были, жили в деревне, уехали в тайгу.

Сметанникова Анна Митрофановна

Родилась в 1896 году в селе Корнилово Каменского района

Год записи — 1988

Жизнь порой несправедлива

Семья у нас большая была, вернее детей рождалось много, но как-то все почти поумирали. Я была в семье пятнадцатая, четырнадцать умерло, да после меня брат родился. Двое нас и осталось у матери. Жили мы зажиточно. Сеяли хлеб, скот держали. Дома шестнадцать коров было. В 1905 шли с Рассеи люди семьями, там голод был. Так вот, оне приехали, ребятни много, родители мои нанимали их работать. В этих семьях все трудолюбивые были. Дети из этих семей потом развели свои хозяйства, купили машины, а в 1930 году их раскулачили и сослали в Сибирь, в тайгу. Обидно, несправедливо, мне их жалко, ведь своим трудом зарабатывали, трудолюбивые были дуже. Занимались у нас хлебопашеством, животноводством. Кто работал — хорошо жили. Помещиков у нас не было. Своим трудом жили. Скота продавали, масло за пуд — три рубля продавали, сало; кишки свиные варили на мыло для стирки. А так ведь ни чаю, ни соли, ни спичек в 1920-е годы не было. Я три

¹ Поскотина — огороженное место для выпаса скота. Обычно находилось за деревней.

зимы училась при царизме. При царе в 1916 году и замуж вышла. Мы жили раньше в Троинском районе недалеко от Бийска.

Муж

Не знала я его, в разных деревнях мы жили. Приехала женщина к нам и говорит: «У меня жаних», — а моя мать: «У меня невестушка». Женщина эта сына к нам послала, он приехал, посмотрел на меня. Пондравилась я ему, посватал и поженились. А до этого не виделись мы с ним. Походили с ним друг на друга.

Неделю гуляли. И мед в пиво, и конфеты сыпали, оно и гуляло. После свадьбы дядька приезжал, чтобы посмотреть, где я живу, а то ведь и не помнил со свадьбы. Муж победней жил. После свадьбы я к мужу уехала. Свекровь всяка была. Угодишь — хорошо, а нет — така-сяка. Я ее похоронила в сорок третьем году. Она меня с детьми не бросила. Ничо, я на нее не обиделась, не бросила она меня.

Муж в Гражданскую воевал, раненый был. В семнадцатом году при царе взяли, еще до места не довезли, а царя сместили. На войну долго был, а в каком году пришел — не помню. На побывку приезжал.

При царизме всё было

Царску-то жизнь я хорошо помню. При царизме всё было. У меня только три ящичка добра было. Из хорошего материала: из шерсти, плюша. Сак носила. Это типа курточки, до колен, и полусак. Полусак — тоже типа куртки, короче сака. У них горжёт был. А горжёт — это большой длинный воротник. Шили шубы плюшевые на меху. Юбки шерстяные были, с опояской. Опояска — пояс.

Шерсть хороша на юбке, а подклад стоил 12 копеек за аршин. В метре полтора аршина. Юбку-то эту я ишчо в девках шила и носила. Идешь, и только носочки ботинок из-под юбки видно. Зимой я зипун из шерсти скатанной шила. Дожди, холодно, оденешь — тепло. Чуни шили. Состежишь подошву в несколько раз, верх типа галош и кверху пришивались связанные теплые типа чулка до колен.

Я не пряла. Моя мама нанимала ткать половики. Ткали шерстяные, как ковры, по рублю аршин ткани. Раньше и скатерти филейные были. Красивенные. Цвет черный, зеленый, малиновый. Сейчас покажу. У меня их шесть было, а одну только приберегла.

Филей — вязание сеткой. Филей вязали черными нитками, а потом на ней кривой иглой шили узор. Вязали гарусом. Гарус —

нитки. Я бы и сейчас показала. Иголкой туда, а потом отсель. Иголки нет такой. Раньше гумага продавалась белая. Ее стелешь на стол, а потом скатерть. Красота! Ишчо фикус¹ рядом в кадках рос. Как в лесу! В девках я в хорошей жизни жила. В средние-то годы тяжело жилось. Счас хоть сыты да обуты. Телевизор глядят. А в мою молодость этого не было.

Без вины виноватые

С тридцать седьмого года бобылкой² живу. В 1937 году мужа в НКВД взяли и с концом, и ни письма, и ни слуху, ни духу. Он работал в лесу, его вызвали в контору и погнали. Вот и всё. Потом мне выслали справку: «Безвинно осужденный, судимость снята, по-смертно реабилитирован». Это еще до войны было. А когда взяли его, ему сорок лет было. У меня четверо ребятишек осталось да свекровь. Налоги брали за всё: за корову, молоко, мясо, яйца, шерсть, шкуры, свиноматку. За свиноматку по тысяче-две налога. А корову признали больной, угнали. Покупала молоко, деньги платила. Ох, и тяжело было! Валя-то, дочь моя, росла, ничего не видела, сейчас потому и болеет. Я-то вот два года как не стала работать. Годы, да и операцию сделали, худо видеть, стала.

Голод

Работала во время войны в колхозе. По хлебу ходили, молотили, сеяли, а голодом были. В колхозе коров больных доила как жена вредителя. На трудодни лен давали. Очень тяжело жить приходилось. Двадцать пять лет в колхозе отработала. В тридцатые годы мы были сосланы, тогда колхозы образовывались. Многих мужей забрали в колхозы. И я вот работала в то-то время дояркой. Кóлба нас только и спасла. Это чеснок полевой. А так бы умерли. Зимой транспорт, а летом на лотках мало хлеба перевозили, давали по пятьсот грамм, а иждивенцев не кормили. Семьями от голоду мёрли. Ели опилки да мох, их в ступе толкли, они-то желудки поотравили, да и умёрли. Всё горе и нужды пережили. А когда гнали-то, не разбирались в людях. Карелы в тайге жили, а их семьи к нам пришли. Так они рассказывали, что в ночь сразу шестьдесят человек угнали. Идешь в ночную, и слышишь стон. Людей-то гонют, а семья кричит.

¹ Фигус – фикус.

² Бобыль – одинокий, бессемейный человек.

Обоз хлеба для фронта

Теперь за всех живу

Брат был у меня, он с 1890 года. В двадцатом годе взяли его на войну, а в двадцать первом он погиб. Отец у меня тоже умер в двадцатом годе. Сноха — жена брата — вышла замуж после за батрака. Парень трудолюбивый. Его тоже потом сослали. Жалко его. Дедушку, маминого отца, помню, мачеху отцову помню. Они тоже хлебопашеством занимались, скота дёржали. Я вот теперь за всех живу, уже ведь девяносто два годка мне.

Соловцова Пелагея Парфентьевна

Родилась в 1897 году в Черниговской губернии. На момент записи проживала в селе Шульгин Лог Советского района

Год записи — 1978

Откуда родом?

Они родились далеко. Значица, мы ехали по направлению сюда. Хозяйство там было плохое. Там землю распахивали, целину, тяткой корчевали. Лен рвали, мяли, пряли, ткали, и коноплё. Только четвертая часть гектара была земли. Женщины одевали-

ся как приходилось, лапти были, кохта холщова, рубаха холщовая, дерюжку соткешь и одеваешься. Семь детей было. Хаты — избушки, там полы были земляные. Потолок, крыша соломенная, лавка да стол. Спали на чем? Полок из плах соломой настелють. На Паску соберутся да и сядешь. Готовили: брали крупчашку, булки хорошие стряпали. На вечерки ходила. Ребята, девчонки были, гармонь была, скрипка, танцевали хорошо. Я выходила замуж в шестнадцатом году. Я венчана. Теперь таких колец нету, сережки хорошие были. Платья у mine была хорошая. Шаль хорошая, платок шелковый.

Картошки, луки, помидорок, огурчиков садили. В семнадцатом году Колчак, Деникин воевал, когда шел Зайцев отряд. У меня был мужик партизаном. У меня был маленький ребенок Прокопий. Разведка подъезжала под окошко, говорят: «Сейчас будя ехать Зайцев отряд, попов не буде, в церкву не будете ходить». И когда разведчик ехал красный, его пиками закололи. В двадцатом году тут много погубили молодых женщин. Сорок первого году трех сыновей бра-

Переселенцы

ли в армию. Двое погибли. Сам пришел, да скоро умер. Моих четыре, да дочери двое. Восемь всего нас. Хронту помогали, лебеду рвали — так и питались. Чатыре брата в яво легли.

Бортунов Петр Кузьмич

Родился в 1897 году в деревне Ново-Каменской Борисовского уезда Пензенской губернии. В 1900 году с родителями переехал в Белоярск, а затем в село Сорочий Лог Первомайского района. Образование — 3 класса церковно-приходской школы

Год записи — 1975

Траву косят, а мы не умеем

У нас одной душой один надел назывался. Нас четыре брата было. Одну коровенку держали. Ржаной соломой кормили. Сечку нарубишь и посыпаешь мукой сквозь пальцы. В лаптях ходили. Пахал отец мой из двух сошек сохой. Спрягали кобыленка и пахали.

Родители узнали, что в Сибири хорошо живут, и приехали сюды. Были хорошие люди здесь. Посмотрела на них мать и закричала: «Тимошка, куда привез? Траву косят, а мы не умеем!» На одну душу много давали земли.

Белые и красные — все братья

Тут у Колчака мобилизация началась, спасла советская власть. Нас землей наделили. Вот отсель. Я был мобилизован в девятнадцатом году. Я был военным фельдшером. Пришлось мне всех перевязывать раненых: и белых, и красных. Все они мои родные братья. Подсчитайте-ка, сколько я прошел верст, сел и городов вперед и назад. День и ночь, холодный, голодный, завшивленный, грязный. Под Тюменью на банду нападали. После окончания с бандой я заболел тропической болезнью.

После окончания войны взялись за работу. Скот держали. Семян не было, по одной лошаденке было. Все бедняки сюда шли. Кулаков отбрасывали. Страчков был председателем в этих местах.

Лукьянов Селиверст Никифорович

Родился в 1897 году в селе Сорочий Лог Первомайского района. Родители переехали из Пензенской губернии, Наровчатого уезда, села Кадыковка

Год записи — 1975

Люди стали сматываться в тайгу от Колчака

Когда Колчак в восемнадцатом году пришел в Сибирь, то принес власть за собой. На каждом уголке был свой хозяин или наместник. В девятнадцатом годе Колчак сделал мобилизацию. Призвал Колчак и меня. Когда мы приехали туда являясь, пошла агитация против Колчака. Из села ушло тридцать пять человек. Из них выделилось шестнадцать человек. Искали мы там пути в тайгу. И ушли мы в тайгу скрываясь. Приехали туды колчаковцы нас искать. Собрали сходку, а мы пробирались по тайге. Прятались мы в то время в согре. Шли мы всяко. Пришлось спрятаться в Хмёлевке. И вот пришли в Ламбай¹. Большое село было.

Оружия не было никакого. Одна винтовка, одна граната и патронов штук с десятков. Живем там месяц, а народ все подбавляюща. Колчаковцы против нас отряд карательный выслали. Разбили мы ихний отряд. Оне-то были вооружены-то до зубов. Мы их оружием и вооружились. Был у нас друг, который всегда нас предупреждал, — объездчик путевой. Послали колчаковцы ышшо один отряд. Колчаковцы квартировались в школе. Все на конех. Нас-то объездчик и предупреди. Они там от самогона перепились. Этот объездчик дал нам знать. Окружили ихний лагерь. Бросили две гранаты и захватили их. С этой удачи мы начали жить. Оружье появилось. Выбрали отобранных ребят. Разбивали отряды Колчака. Народ очень помогал нам. Как, каким путем идёть карательный отряд. Говорили где они, как вооружены.

К декабрю наш отряд вырос около четырех тысяч человек всадников, вооруженных до зубов. От худого и до доброго — все готовились нас встречать, на привале топят нам народом баню. Жили без казенного. Кулаки местные, значит, дружина Святого Креста, давали поддержку Колчаку. И у них были ихние агенты. И у нас наши агенты были. Люди стали сматываться в тайгу от Колчака. Ушли в мае месяце. Был один учитель. Работал он чекистом, силь-

¹ Ламбай — пос. Аламбай в Заринском районе Алтайского края.

ным агентом, давал много сведений Колчаку. Наши партизаны его сначала удавили, а потом утопили. Много вреда нашим партизанам принялся делать и получил свое.

Против кулаков

Кулаки недобитые в двадцать девятом голову подняли. Борьба началась, а потом не состоялась. Борьбы много было. Сослали человек около двадцати. Одна посевная состояла из девяти домов. Появились трактора. Было два трактора, а к сорок первому году уже четыре трактора. Кулаки грозили. Боялись в степе ночевать. Когда коллектизация¹ началась, начали мы их попинывать. Давали одну лошадь, одну телегу, и ложи добра, скоко хошь.

Были здесь много ссыльных

Село было ране Пеканское по имени ссыльного Пекана. Очень много у нас здесь пензенских. Были здесь много ссыльных, всякие политические, бродяги. Был у нас обнаковенный домик под школу. Учиться мне не удалось. Мы были не приписные, неравноправные члены, значит, этого села. Потом отдали батрачить меня к кулакам. После войны было сухо. Из могутных остался только я один. На фронт я не попал. Много вакуированных было. Были ленинградцы. По пенсию пошёл как партизан. Сыны здесь живут.

Аверина Агафья Еремеевна

Родилась в 1898 году в селе Красный Яр Советского района

Год записи — 1977

Царя свергнули

Взяли мужа служить. А тада царя свергли. Муж пишет, что царя свергнули. Я письмо это прячу, боюсь, чтоб не знали. А то, думаю, еще посóдят. Но потом все узнали сами. Не дай бог этой жизни никому. Ничего не было, копейки не видали. Свёкор мой всё день-

¹ Коллектизация — коллективизация.

Алейский район 1929 год

ги в мяшок складáл. Свергнули царя, и деньги пропали. Вынает¹ он мяшок и деньги на стол вываливает. Лучше жить стало.

Жизнь в коммуне

В тридцать втором году организовали колхоз имени Ворошилова. Ничего работа шла. Две коммуны вместе слились в Кокшах². Мы на выселках жили. Шесть-семь годов была коммуна. Я садик для ребятшек организовала и работала в ём. Смоленского были мы района. Потом стали Советского района. Колхоз пошел ниже. Животноводство было. В коммуне сеяли вместе. Скотину свели вместе. Всё было общим. Бригады были. Потом из коммуны вышли. Семь лет жили однолично. Потом опять Кокшинская коммуна стала. Сеяли хлеб. Сеялки давали. Трактора стали поступать. Пшеницу стали тракторами убирать.

¹ Вынаять — доставать.

² Кокши — село в Советском районе Алтайского края.

Кавешников Василий Иванович

Родился в 1898 году в селе Малахово Косихинского района

Год записи — 1985

Не будешь полоть, хлеба не будет

У нас было две лошаденки, запрягут их, там два колеса — колесанка она называлась. Посеют, заборонят, руками разбрасывали, а проявится полынь, надо полоть, а не будешь полоть, хлеба не будет.

Косили литовками в кустах, вот и ходишь, собираешь ходишь, потом в копны складываем и коня запряжем, складываем в кучку в стог. Они тогда хорошо завершали, не то что сейчас, завершали прямо этим же сеном, затягиваешь, затягиваешь и завершишь, на возы накладывали, и всю зиму возят.

Кто у власти, у того и земля

Раньше-то землю делили. Нанимали землемеров, составляли список, у кого сколько душ, а потом на все души делили, сперва разрежут землю на отруба, а потом староста своим получше землю даст, и богатые поляны, а у нас-то и пахать негде было. Кто у власти, у того и земля. Отвели нам отруб, и как хочешь его дели, я сам начал делить и как разделил, так и пользуюсь. Тогда по четыре десятины давали, огород был маленький, соток пять, только огурцы да капуста.

Тогда скотина свободная ходила, а когда урожай уберут, тогда открывали ворота, и ходи сколько хошь. Луга скошенные, «по-скотня» называли. Большинство пшеницу, овес сеяли, кто гречиху, просо. Возле дома брюкву, редьку садили, картошку, а картошки-то мало садили, ее и не ели почти что никто. Семечки садили, а помидоров даже не знали, что это такое.

Беднота знает только одну работу

Вот работали-то как, тогда пьянства никакого не было, тогда гуляли только на свадьбы. Беднота знает только одну работу. Бывала, руки все в кровь скосишь, а даст всего копеек двадцать пять, вот как жили. Хлеб — палит, жар такой, вяжешь с темна до темна, у кого большое хозяйство, держали батраков. Наймет батраков, они и работали до зимы. А сейчас что, работают по часам, и какие деньги получают, а тогда дадут пятьдесят копеек, а ведь всё купить надо.

Свадьбу гуляли

Свадьбу справляли весело. Пива наварят, а потом отрабатывали за свадьбу. Невесту наряжали, к свадьбе ее приготовят. Тогда жених должен за невесту денег уплатить. Платили и деньгами, а потом попу за венчанье, тоже надо платить. Жениха и невесту к венцу поврозь везли, а от венца — тогда уж вместе. Целая церемония была: с иконами благословляли, сперва помолются кругом. Тады так не было, чтоб без спроса привел невесту, а родня не согласна, или бабушка придет — скажет, семья плохая, родня плохая, и не отдадут. А молодые мало кто уходил от родителей. Наши вот все жили вместе, а некоторые расейские по пятнадцать душ вместе, а когда сделают дом новый, тогда делиться начинают. Богатые большие дома строили, бедные — маленькие, кто как сумеет, у кого сколько силы хватит.

Брысов Михаил Кузьмич

Родился в 1899 году в селе Боровское.
Мать приехала в село из Воронежской области,
отец — из Тобольска. Малограмотный

Год записи — 1983

Я — отчаянный, а брат — смиренный

В армию пошел из батраков. В семье был старшим. Я человек с отчаянной головой. А брат у меня такой смиренный. Он работал у кулака. Молодой хозяин им попирали. Один раз пришел, а брат плачет. Я говорю: «Давай я пойду». Пришел, колю дрова и складаю, чтобы их больше было. Они все такие сырые. Потом сели за стол. Дед наливает по рюмочке. Выпил, трескаю. Смотрим, хозяин: «Что, — говорит, — сидим». Я как бросил в него топор, он летит, и об угол. Хоп — десять лет, тюрьма, посадили. Раз на проверке приказ зачитали, амнистия, значит, отпустили.

Я за народ стою

В колхозе взяли меня бригадиром. Надо, думаю, об людях заботу иметь. На другой день пригляделся маленько, думаю, почему

ж женщины мóрятся¹, пешком ходят домой. Вечером говорю одному: поставь бричку с соломой. Повезли их, запели песни. Дела подладились. Я за народ всегда стою. В коллективизацию у кулаков хлеб отбирали. Говорим ему, чтоб хлеб вез, а он: «И отку́лечка² он у меня?». Скупились, позвали. Расскажи, как дело с хлебом. Если не увез, его опять вызывали. Статья вышла «Головокружение от успехов», все разбежались из колхозу. Осталось сколько посеяли, урожай убрали, кладья склали.

О лошадях

Двор — он и двор. Тогда какие дворы были, одна крыша. Хлевок был, хлев то есть. Еще навесы были для скота. Погодите, пойду курят³ посмотрю. Давайте теперь о лошадях поговорим. Мерин, на них работали, кастрированный, значит. Некастрированные: жеребьяк, кобылка, матка. Щас они работают, а тогда нет. Жеребенок лето проходит и зиму, к весне ему гривку подстригают, называют, стригун. Третьяк — когда третий год пойдет. Теленок мать сосет. Поюно́к⁴, маленький, поить начинают его. Они такие слабенькие после молока, они едва таскаются.

Что как называется

Рассейский — корец, сибирский — кáвшик. Корзинка по грибы — не корзинка — лукошко. Туесок — деревянная корзинка, ездят с ним по воду, по молочку — с крышкой маленькое ведерочко. Подóйник⁵ был тоже деревянный, в ем сук продернутый. Крынки — это черные горшки из черной глины, их наливают молоком. В крынке снимают сливки, там бьют масло. Рукой масло сбивают. Колывáнка — горшок, в котором масло сбивают. Левáдни — это два дня назад; намéдни — три дня назад; ланíсь — в прошлом году; кайвáдни — завтра. Лужи, по-сибирски не называют «лужами», а «лыва». А подпол называют «голубец». Голбчик — скамья у печи. Шесток, под, своды у печки, стены. Вьюшка — трубу закрывать, поддувало. Рогожка у дверей лежит, из камыша вяжут. Рукомойка была раньше чугунная, на веревочке болтается. Полотенца назывались

¹ Мориться — мучиться.

² Откулечка — откуда.

³ Курята — цыплята.

⁴ Поюнок — жеребенок или теленок, выпаиваемый молоком.

⁵ Подойник — сосуд, ведро, в которое доят.

утирки, по-расейски — рукотёрт. Самовар имеет конфорку, када его углем грели. Конфорку станóвют, чтобы чай был. Полонник — тамбовская поварёшка. Махожка — маленький горшок, ребятишкам кашу варили. Горшок — узкогорлая небольшая посудина.

Кержаки, старообрядцы

Кержаки¹, сибиряки — все разные. Одни едят и пьют вместе, а старообрядцы² тебе не дадут попить. Вино пьют из одной плошки, а воду — из другой. Бог у них у каждого свой. У их молодуха, она так: «Батюшка, матушка, разрешите корову доить». У их иконы медные, отлитые с трех половинок, закрываются.

В деревню заехал кто — все знают. Мироеды³ сидят, курят. Забрать куда кого, это ихнее дело было. Называли их «мироеды».

Подросли, скотину заимели. Обрастать стали, обгонять сибиряков. Староверы уезжали в тайгу, в лес, за Обь.

Зырянова Акулина Мартемьяновна

Родилась в 1899 году в селе Панкрушиха
Панкрушихинского района

Год записи — 1985

Выворожил

И на кольцо, и на карты гадали, и башмак бросали, зашла девка и сказала: «Если будет жених богатый, подойди к окну мохнатый; если бедный, то — голый». Она зашла и стоит, и подошел мужик голый к окну, и она замуж за пастуха вышла. Брат сродный жил на уголке у дорог крестовых, там дядьке сказал: «Бери кочер-

¹ Кержаки — группа русских старообрядцев. Название происходит от названия реки Керженец в Нижегородской области. Носители культуры северорусского типа. После разгрома в 1720-х Керженских скитов десятками тысяч бежали на восток — в Пермскую губернию. С Урала расселились по всей Сибири, до Алтая и Дальнего Востока. Являются одними из первых русскоязычных жителей Сибири, «старожильческим населением».

² Старообрядцы — совокупность религиозных течений и организаций в русле русской православной традиции, отвергающих предпринятую в 1650–1660-х патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем церковную реформу.

³ Мироед — кулак, лицо, живущее чужим трудом.

гу и крутись. В какую сторону упадешь, там и будешь». И закрутился — и клюкой по лбу. Выворожил. Раньше: не дай бог, избивали жен, раньше жизнь не шибко была хороша.

Грехи сдавали — причастие принимали

Большая церква была семиглавая, в Комарьем, 19 километров видно было купол, сорок попов было, когда святили колокола. Настлаты были дорожки, стоит церква много лет, до меня достроили, сломали в один день. Нутри хорошо было, под золотом было всё, на потолке цветы нарисованы, поствовали, грехи сдавали, затем причастие принимали. Отца Ивана сослали, когда церкву сломали. Шут его знает, за что их выслали, старосту церковного хоронили под церковой. Только переломали иконы, всё сняли. А тут с кино приехали.

Кузьменко Елена Ивановна

Родилась в 1899 году на Украине. В 1914 году семья переехала на Алтай, в село Панкрушиху Панкрушихинского района

Год записи — 1985

Я и пряла, и ткала

Я не знаю буквы, яки знаю, яки не знаю, таких я не знаю. Мене не учили в школе. Робить учили, прясти, ткать, вот и всё. Ай, девчатам не нужна грамота. На Украине жила, до четырнадцатого года. Ластухино, Глинске, все поселки больше села. Пан жив, мать с зэнлею був [с землей была]. Зэнли не було, ихали сюды.

Дояркою я доила коров. Я вот не помню, стики¹ их мене було. А детей пятеро було. Тэ ж приихали за зэнлею. Хлопцам давали, девчатам ни. А мы бедняки булы. Я и пряла, и ткала, и шо тики не делала. На войну забрали, убили Ехвима, мужа моего. Издила як забрали, так и нэ вэрнулсся. А я робила. Вивцев² стригла, всэ робила, бач

¹ Стики — сколько.

² Вивцев — овец.

и руки. Хлопцы мои робили, хату мазали, скотину пасли. Василий парнем помер, хорош бул. Старший Данил до Украина живе. Жили в Демьяне. У пана в Билозёрке робили, пан був, паныч був молодой. Да, бач руки яки. Що це таке? Я обижалась на своих тятку да матку, шо писать да читать не выучили, а дети все мои грамотны.

Ой, шо це окно змерзло. Сопляки (сосульки) ще не висели.

Володя пришёл, ох и гарный хлопец. Сидат исти. Борщ який вкусный, сидай, да иди. Рексу накорми. Ой, яки кошенята,¹ вплесли им молока.

Вострикова Анна Захаровна

Родилась в 1900 году в селе Вяткино
Усть-Пристанского района. Родители из Воронежской
губернии, Нижедевицкий уезд, село Староскол

Год записи — 1983

Свадебные хлопоты

А надо начала вышивать, нехай Верка вышивает. Всякая у меня пригодится, хоть директором будь, этой работы не миновать. А сейчас Верка мне фартук сошьёт, как мать заучала. Большуху — старшую дочь, когда выдавали — не умела, говорит: «Вы будите пособлять»,² а сейчас платье шьет сама, курточки шьет. Сама фасон всякий найдёт. Раньше не дружили, куда родители захотят, отдадут. У нашей есть какой-то жених, доведе³ до ограды. Нельзя ли его распечь, вон бог, вон порог, чтоб не знал нашу ограду. Вот и Верку скоро скопнём⁴ замуж. С рук-то долой, да вот какой муж попаде. Нехай страшный муж буде, да не пьяный. Только за маленького не ходи, дети такие же лилипутики будут.

Раньше позор был, если девка замуж не выйдет. К слепой пришли свататься, мать ее подучила, кинула ей иголку под ноги и говорит: «Как сваты придут, вели мне поднять». Сидят сваты, значит-

¹ Кошенята — котята.

² Пособлять — помогать.

³ Доведе — доводить, довести.

⁴ Скопнём замуж — выдадим замуж.

ся, а дочь и говорит: «Мать, иголку подыми». Сваты зашептались: «Не слепая девка-то, зря говорили». А жених не хотел брать ее. Посадил он ее в кошевку¹, обвез три раза вокруг ее же дома и говорит: «Приехали в церковь, вылезай». А слепая-то: «Ну, вот и хорошо». Так обман и раскрылся.

Наряд у невесты тогда не такой был, как сейчас, парочку новую справь², кофту, юбку, фартук. А на голову полушалок шелковый. Косы в пучок собраны. После венца их на две косы разделят. Кокошник надевали — обруч с шапочкой. Бисера, ошейник, кольца серебряные, невеста сидит как барыня. Жили тогда плохо, а люди лучше были. Девки красивые, чистые, большие. А сейчас если толстые, две недели хлеб не ест, талию наводит. На вечёрки ходили. Ребята деньги соберут и избу откупят. Калачи таскали, поесть. Хозяйка на печи, а тут бесятся. У Любы играли. Посажаются кругом, ходят парень и девка, посовуют [преподнесут] полотенце — любви не любви. Кругом играли — энтю как каравай.

Бабы пригрозки³

Сперва однолично жили. Овец водили, нарядом, наткем. Из одежды борчатки⁴ были. Как пальто стяженные, у пояса набратые. Кряги⁵, варежки на рукава натягивались. Даже и фуфак не было. Фуфайки в войну пошли, цыганы продавали да татары. Зипуны шили из терки, сукна черного, тертого. Сотрут, развернешь — блестит, хороший. С льном много хлопот было. Поспеет, выдерут его. Вылежится, синий станет, выберем. Руками дергали, снопочки вязали, вповал настиляется, плотно только. Мнешь. Сейчас полотенца называют, раньше утирки были. Столешники — скатерки. Дерники — квашнину ими завязывали. Опояски мужикам шили, за сеном поедет и подпояшет. Рубахи нижние — станок ситцевый, становина холщовые. Все холщово, всякие бабы приграмозки. Как упрaviшься, все белье покатаешь рубелем⁶, так говорили: «Все пригрозки прибрала». Мебели тады не было.

¹ Кошевка — легкие сани для выезда.

² Справить (справь) — сделать что-либо.

³ Пригрозки — женская одежда, гардероб.

⁴ Борчатка — овчинная шуба со сборками по талии.

⁵ Кряги — большие варежки, верхонки.

⁶ Рубель — предмет домашнего быта, который в старину русские женщины использовали для глажения белья после стирки.

Карелина Анна Дмитриевна

Родилась в 1900 году в селе Вяткино
Усть-Пристанского района

Год записи — 1983

Колчак приходил

Замуж выходили, приехал жених — иди. Мать с отцом отдадут, тебя не спрашивают. Выдали меня за богатого в Белово. Мужа Колчаком убили, приехала к тятё с мамой, за другого вышла. Второй муж в шестьдесят седьмом умер, осталась с ребятишками, мы на выселке жили, пока выселок не разъехался.

Колчак приходил. Партизаны, человек пять, уедут, живут в степи. Как переворот, стали убивать. Красные пойдут, а те с оружием, прибахают их и всё. А здесь чехи драли мужиков. В Белово пароход тоже заходил. Белые на конях приехали, велели нести молоко, хлеб. Бабы всех накормили, они и уехали. А здесь в Вяткино расстреливали двенадцать человек. Остальных на пароход согнали. В Вяткино сколько было парнишек, много прибили молодых.

Уборка хлеба серпами

Как свадьбы делают

Сошлись, запой сделали. Рукобитье, али сговор, все свои соберутся, кладут к столу невесте холсты для рубах. Когда рукобитие делается, девки пойдут. А потом венчаться повезут. Я четыре рукотёрта¹ подарила свекру, сама вышивала. Когда свадьба, свои гуляют. За муж выходила: двенадцать скатерок было, скатерки, рукотёрты сами пряли да ткали. До полуночи прядешь, часов нет, когда петух запоеет, ну, девчонки, ложитесь. Встаешь же, еще темно, и снова прясть.

Норму всегда делала, сейчас руки-то болят

А молодые стали, в колхоз вошли. Давали там прикурить: тут ребяташки свои, а тут надо в колхоз бежать. Косить, по гектару пшеницу выкашивала, снопы вязала по пять куч. Придешь домой, а есть нечего. Картови² купить надо. Норму всегда делала, сейчас руки-то болят. Кровати раньше деревянные были. Чурки наставят да плахи накладывают, в стену вдолбят. А диванов вовсе не было, потом уж и пошли.

Ульянов Николай Яковлевич

Родился в 1900 году в селе Фирсово Первомайского района

Год записи — 1977

Крестьянская слобода

Деревня была хозяйств двести. Густой сосновый лес. Затем площади под сельское хозяйство. Вода подходила под самую деревню. Сообщение с Барнаулом только с лодками туда и оттуда. Когда вода сбывала, луга высыхали, и их косили. Кругом жили крестьяне. Пшеница, овес, лен для своих потребностей, конопля. У крестьянина две-три лошади, сохи. Плугов не было. Победнее хозяйство — десятины три. Богачи — кулаки. Так и жила деревня.

Белоярская слобода. В этих тридцати двух пунктах — четыре церкви в четырех селах и четырнадцать питьевых кабаков. Так жили до 1908 года. Жили коренный.

¹ Рукотёрт — полотенце для рук.

² Картовь — картофель.

С 1908 года было разрешено переселяться из Вятской, Вологодской, Архангельской губернии. Они арендовали землю у крестьян. За это отработывали. В одиннадцатом-двенадцатом году эти земли принадлежали Кабинету Его Величества. Кабинет разрешил перераспределить землю. Они стали заниматься сельским хозяйством.

Баринава Фёкла Тимофеевна

Родилась в 1904 году в деревне Кучугуры

Нижедевицкого уезда Воронежской области.

На момент сбора материала проживала в селе Вяткино

Усть-Пристанского района Алтайского края. Грамотная

Год записи — 1983

Говор у нас самый что ни на есть расейский

Мы из Расеи, деревни Кучугуры, под Воронёжем, Нижедевицкий уезд. Спервы¹ в горы приехали, а там баршина. Сюды приехали. После войны то было. Отец, брат на войне побывали, отец контуженый, брату палец свернули. Вся село бедно жили. Говор у нас самый что ни на есть расейский. Есть еще пензенский, курский говоры. Сюды приехали, здесь по-другому говорят. Мы: «на завтра», они: «третьего дни». «Бадейка», «туесок» — здесь услышала. Бадейка — ведро на колодце. Туесок — для дрожжей посудина. У нас у² Расеи ведро звалось «цибárка». «Недавно», «вчера» — «анады». «Лето прошлогоднее» — «прошлогóд» или «лётся».

Семья небольшая была: два брата, я да сестра. Дедушка с бабушкой помёрли, не видела их. Братья грамотные, ентот³ председатель сельпа был. Посевов мало было. Пахали сохами, косили литовками. Енто у Сибири: «литовки» да «литовки», по-расейски «коса»: «коси, коса, пока роса». От старых у Сибири тоже слышала «коса», а молодежь все: «литовки». Лёну сеяли, толкли, мыкали⁴. Как у колхоз зашли, не сеяли больше.

¹ Спервы — сначала, сперва.

² «У» — «в», предлог.

³ Ентот — этот.

⁴ Мыкать лён — чесать лён для пряжи.

Из посуды: крыночки, чашки, чугуна. Крыночки, чашки — мисочки из глины. Были еще чашки обливные — не шершатые, а гладкие. Молоко сливали, топили в их. Сыр сами варили: творог варится, потом туда яйца бьем, масло снимаем. Когда захрясне¹, режем. Но здраватый, укусный получается. Только яйца туды требуются. Счас огурцы соленые, компоты, черемуху у стеклянных держим трехлитровках, двухлитровках. Калину кипятком заворим, попарится. Калина нынче добра², круглая, не каменистая. У серёд³ недели, середу, за ней ездили.

Имя мне поп дал — Хвёкла⁴

Имя мне поп дал — Хвёкла. Тоды не сами выбирали. Поп откroe книжку и смотре. У одной Мокрида имя было, куды годно название. У саратовские деревне хвамилия⁵ Засранькин была, сменили бы, дак нет, носе⁶.

Давеча Ольга уехала, автобус шибко долго не шел. Наказанье, он одурел, ентот автобус. Я уж думала, он идет, а эт какая-то каланча еде. Оттёдова иде, народу много сиде. Чижеловата⁷ у Ольги сумка-то. Пимы не надела, какая неволя мерзнуть, студёно же. Ольга стипензию⁸ получае, подберегае копейки-то.

¹ Захряснуть — отвердеть, затвердеть. Формы глаголов без конечного «т», в том числе и глагол «захрясне», употребляемый в тексте, являются распространенной особенностью южнорусского наречия.

² Добра — хорошая.

³ У серед недели — в середине недели, в среду.

⁴ Фёкла.

⁵ Хвамилия — фамилия. До сих пор в некоторых южнорусских говорах на месте фонемы /ф/ произносится звук [х], обозначающий новую для системы языка фонему.

⁶ Носе — носить.

⁷ Чижелый, чижеловатый — тяжелый. Одна из ярких особенностей южнорусского наречия.

⁸ Стипензия — стипендия.

Апарин Павел Агапович

Родился в 1905 году в селе Леньки Благовещенского района Алтайского края. Образование 4 класса

Год записи — 1985

Первопоселенцы

Дед и прадед родились здесь. Кажись, с 1810 года люди жили в Леньках. Старики говаривали, что были Нёрки когда-то, это по первому жителю — Норца́. Сказывали старики, что были первыми жителями это мы, Апарины, мой дед, прадед здесь и родились. Что были Нечуна́евы, Ба́харевы. Жили они одиночно, колхозов ишо не было, а с тысяча девятьсот — какого, я уж не помню точно, начали населять Леньки с Рассей¹, с Тамбовской, Курской губернии. Мужик отту́ль² приезжал, бежал от голода и царя. Семьсот дворов было, когда белые и красные здесь орудовали. Колчаковцы были в Леньках. Вот мужик был крестьянин, опосля разжился и стал кулаком. Сенокосу, молотилку, мельницу имел, вот и кулаком называли его. А раскулачивать стали их с двадцать девятого года.

У сарая раньше много названий было

Занимались здесь хлебопашеством, скотину держали в каждом дворе. Скотина стояла в стайках, а зимой, когда меньше работ, коров, овец в денник³ выгоняешь, а на ночь тажно⁴ опять в сарай. Тады много названий было, где скотину держали: по-теперешнему-то все больше «сарай» зовут, а тады и «пу́ня»⁵, «сарай», «стаяка» и «загон»⁶. Загон-то этот-то тожа летом спользовали. Пригонишь с пастбищ скотину, и пока старуха доит ее, в загон загоняшь, на ночь оставляли, летом-то тепло. Ежели дождь, так под навес зайдет.

Первый трактор

Также хлеб сеяли, тракторов не было, деревянные плуга, да на лошадях пахали, быки у которых, на их пахали. Трактор я увидел в двадцать седьмом годе, мы пацаны ишо были, так бежали аж

¹ Рассей — европейская часть России.

² Оттуль — оттуда.

³ Денник — закрытое стойло.

⁴ Тажно — тогда.

⁵ Пуня — сарай для хранения сена.

⁶ Загон — место на выгоне или пастбище, огороженное изгородью, куда загоняют домашний скот.

до Зелёненского, это до самого ближнего колку¹. Зелёненским называли, потому что среди полей уж быстро зеленое весной, а может и по чему-то, я уж и не знаю.

Шли в колхоз не с радостью

Коммуну начали создавать с двадцать седьмого года, а коллективизация пошла с тридцать первого году. Отец вступил в колхоз в тридцать втором году, когда хлеб получили все, тажнó мы пошли. Отец сперва не хотел вступать — боялся. Уговаривали его и уговорили. Сперва коммуна была в Заветах Ильича², а в Ленках не была. Собрания были, голосовали, шли в колхоз не с радостью. Тут поп отговаривал: «Ежели вступишь в колхоз, то плохая жизнь наступит». А братовья у меня были Терентий и Димитрий, так те попа не испугались и вступили. Отец серчал³ на них, боялся, убьют их, а потом и сам вступил, но это опосля их.

¹ Колка — небольшой лес, околк.

² Заветы Ильича — поселок в Алтайском крае Алейском районе.

³ Серчать — обижаться.

Учили молитвы до хрипоты

В 1913 году школу построили, возле церкви была. У нас было всего три учителя. Учили молитвы ажно до хрипоты, боялися учителя так, специально легибзная¹ книга была. Закон Божий — это уж обязательно, а в двадцатом годе закона Божьего уже не было. На колени ставили читать, ежели ослухаемся. Арифметику учили, деодрафию,² хто доле учился, тот счетоводом был. Ходили в школу в пимах, обутках, у кого какое одёжа была, в том и ходили. У кого зипун³ был, шабурá⁴ вместо зипуна, а это такая одна холщовая рубаха, в общем, кто в чем, товаров-то не было никаких, покель революция не пришла.

Кончил войну в Прибалтике, до Берлина не дошел

Бабка и дед неграмотны были. Веялку⁵ дед крутил, в анбаре веяли хлеб, вот он и ходил. Молотяги⁶ появились ишо в девяностых годах⁷. Я работал в войну трактористом, с трактора на фронт ушел, тада всех мобилизовали, в сорок втором году в октябре меня забрали. На передовую пошел в сорок третьем году, учился на шофера в Новосибирском, а тажнó на Север отправили, в Заполярье, в Мурманск попал. До сорок четвертого году, пока Норвегию не взяли, я тама был. А тажнó в сорок пятом году на Западный фронт отправили. Кончил войну в Прибалтике, до Берлина не дошел, он левее осталси. Был я в конном транспорте, боеприпасы подвозил, продохты. У меня двое коней убило, сам еле живой остался.

Опосля войны пришел в сентябре месяце и стал работать в колхозе опять. Я работал пастухом, конюхом на конской базе, наработался, всё. А в последние годки перед пензией сторожем работал, колхозный сад сторожил. А на пенсию пошел в шестьдесят шестом году, и ишо попросили поработать летом, некому пасть было скотину. И ишо лето поработал. С тех пор дома сижу с бабкой.

¹ Легибзная — религиозная.

² Деодрафия — география.

³ Зипун — в старину верхняя одежда у крестьян. Представляет собой кафтан без воротника, изготовленный из грубого самодельного сукна.

⁴ Шабур — рабочий армяк.

⁵ Веялка — сельскохозяйственная машина, на которой веют зерно.

⁶ Молотяга — молотильная машина.

⁷ В данном случае имеется в виду 1890-е годы.

Чем голод утоляли

После войны шибко голодовали, исть нечего было. Хлеба даже аржаного¹ не было. Похлёбку варили. В кólки ходили, собирали съедобные корни, боярку, землянику, черную смородину, это летом. Горчák², рыжик натолкем, кашу заварим. Тятенька пышки настряпал, чуть с их не умер, Або³ исть что-нибудь. Слава Богу, хоть картошка была. Вота и питались картохой⁴, картофляники⁵ стряпали, намешам что-нибудь и едим. А все было для войны, работали, с утра до вечера робили⁶. Ежели не выйдешь, так бригадир разругает. На бугайх⁷ в Кулунду возили хлеб, машин не было.

Займище⁸ и согра⁹ — это низина

Займище все знают, у любого спросите. А назвали его так, потому что заняло оно низкое место. А вот перед домом согра, тожа низина, и ручей тута бежит. Раньше весной большие воды были здесь, река из берегов выходила. Всю низину заливала, а наш-то дом на горе, так нам и ничего, а вот люди, которы жили в низине, страдали шибко. А осенью там люди сбирали хороший урожай, картошка хорошо родíлася, а на нашем бугре всё сохло, земля суха, поливать много приходилось. А песку много было. Вот когда нам плохо было.

На Кривом болоте

Рыба водилася на Кривом болоте. Называли от того, что дед Кривой рыбу ловил всё один, а тажнó и другие мужики втянулись. А можа, и по-другому, вид у него кривой, весь крючковатый. Рыба водилася, но с перебоями. С 1931 по 1951 год никакой рыбы, кроме гольяну¹⁰, на Займище не было в Леньках, морозы сильные были, вот и не было. В ту пору сильнейшие морозы были, до сорока градусов. И ныне не будет рыбы в болоте, а отколь ей быть, ежели в декабре до сорока трех доходило. Все повымерзнет. Бывало-то, с вечеру по-

¹ Аржаной хлеб — ржаной хлеб. В говорах Юго-Западной зоны сохраняется произношение сложных групп согласных в начале слова типа аржаной, альняной и пр.

² Горчак — ядовитое растение.

³ Або — лишь бы.

⁴ Картоха — картофель.

⁵ Картофляники — оладья из картофеля.

⁶ Робить — работать.

⁷ Бугай — бык.

⁸ Займище — полоса земли у реки, заливаемая весенними водами.

⁹ Согра — низина.

¹⁰ Гольян — род мелкой рыбы семейства карповых.

ставишь мордúшки¹, сети закинешь, а утресь раненько я уж на озере вытаскиваю сети. А то вентиля² в заводь³ поставишь и через неделю наведаешься. Всё больше карасей споймаешь. А дома бабке забота. Нужно было вытащить их из сетей, иные толстые ерепенились и сети рвали. Потом Мария их потрошила, и на сковороду положит несколько штук, а оне и тама ишо трепыхаются. По семь ведер лавливал, соседям, детям давали, а когда бабка и продавала у магазинчика их. Ну, рыбу исть все любили у нас, и дети, и унуки⁴.

Арапина Мария Максимовна

Родилась в 1908 году в селе Тюменцево Алтайского края.

С 1929 года проживала в селе Леньки

Благовещенского района Алтайского края. Малограмотная

Год записи — 1985

Быти я в работницах

Родилася я в селе Тюменцево Алтайского края. А с двадцать девятого году я живу в Линьках. Жилося нам в молодости тошнехонько. Быти я в работницах, робила на хозяина. Ужо тяжеекее доли, чем работницей, быть не могло. Все работы делали вручную, серпом хлеба жали, раньше хлеб был ржаной всё. Семья наша была большая, и все девки-сестры мои в работницах ходили. Бедно жили тытьенька с мамкой. Хозяева много работы давали. Дел хватало с утра до вечера. Скотины много было, доглядеть за всеми надо. То коров подоишь, выгонишь их пастись, тажно за мелкий скот примешься. Пять ярочек было да два баранчика, выгнать тоже нужно, а тут курей, гусей, уток стаи есть просят, накормить надобно. По весне особливо работы много, квочки курят высиживают, нужно посмотреть за ними, чтобы квочка яйца не застудила. Два кочета было, один

¹ Мордушка — приспособление в форме бутылки с горлышком внутрь. Часто изготавливается плетением из проволоки или из тонких прутьев дерева. Мордушка наполняется приманкой и опускается на дно водоема. Используется мордушка для ловли рыбы, раков, выдр. Животное, заплывшее в мордушку, не может из неё выбраться.

² Вентиль — вентерь, рыболовная снасть.

³ Заводь — речной залив; мелкий, открытый залив.

⁴ Унук — внук.

больно пакостливый был, все клювался. Как увидит мене, несется ко мне. Насилу отобьешься от него. Работы я не боялась, как хозяев. Больше всего голодная была. Телятам понесу мешанку, а сама крошки хлеба вылавливаю из пойла и ем вкрадучи. Хозяева плохо кормили, за общий стол сажали, чугуны с картошкой поставят, а работников много. Я тушевалась¹ есть, только украдкой, где что ухватишь. А хозяйка балаболка была, всё с соседкой балакала, а нас ругала за малую провинность. Только и отдыхали от нее на сенокосе. Ребенок был у нее маленький, и с нами не ездила косить, а мужик ее — хозяин наш, молчаливый был и наравне с нами работал.

За делами есть забывала

На вечеринке и встретила моего Пашу, он из Леньков приехал к брату и сюда зашел. Приглянулись мы друг дружке. Сваты приехали к нам, засватали меня. Договорились о свадьбе. Я юбку сшила, просторную и нарядную, а девки на девичнике Паше рубаху сшили. Кофта у мене басхая² была; бисер на шею надела и — готова невеста к венцу. Раньше-то украшений мало было. Родители нас благословили, обвенчал нас поп в церкви и стали мы жить со свекром-ба-тюшкой. А там дети пошли. Коммуна стала появляться, я пошла туда работать. Председателем ее был, кажись, Медижский Семён. Потому колхоз появился, робила на полях и картошку вдругорядь тятипали, а то овощи поливали; с ребятишками некогда было возюхаться, сидели со старшим сыном Николаем, накажешь, чтоб доглядывал за Катей, Валюшей, так он когда доглядит, а когда сбежит с пацанами играть, тады ему годков пять, кажись, было. А девки одни ревмя ревут, голодные, а мы до вечера робили. Прибежишь, ребятишек накормишь чем есть, а потом спать их укладышь в горенке³, а самой делов-то по дому — не переделаешь. Бельишко ребятишкино пожуйкаешь в корыте — на завтра им надобно. А гладили вальками белье, утюгов ведь не было. На каток рубаху положишь, а потом валиком сверху по нему возишь. И есть сама за делами забывала, не то что на себя глянуть. Всяко было. Хорошо коровка была у нас, свекор на свадьбу подарил. Ведерница была, молока за раз целно ведро давала. Все горшочки, какие есть, заполнишь им и в голбец снесешь, чтоб не скисло. А како скиснет, так ребятишкам просто-

¹ Тушеваться — робеть, смущаться, приходить в замешательство.

² Басхая — красивая.

³ Горенка — горница.

кваша будет. В голбеце¹ все хранили — всяку утварь, картошку осенью сыпали, капусту солили, в бочках стояла, а летом молоко опускала, а то квасок стоял, в жару холоденький-то хорошо.

К праздникам

Осенью за трудодни давали хлеб, ржаной и пшеницу. Так праздник был для всех. В субботу поставлю квашню, а в воскресенье утресь начинаю пекчи хлеба, калачи. Особливо на праздники стараешься. На Пасху спекешь пасху, яичек наклеишь, а ребята насобирают битков² и играют ими, бьют яйца. У кого лучше. Цельну неделю едят эти куличики и яйца. Ну, это к праздникам. А в такие дни варили похлебки³, али кулеш⁴ какой, ежели мослы были. Брали мосола и варили его, бульон-то затем красили, кочан капусты, добавляли пшено и картошки. Вот те и кулеш. И толченку делала с картошки, самой вкусной была она, у меня все ребята любили с солониной есть толченку. А зимой пельмени готовили всей семьей, замораживали их и ели тажно. А то поросенка к ноябрьским морозам заколят мужики, так свинина была. Возни много с им было. Сало топила на жаровне в такой большущей сковородке, а после шкварки оставались, и я их в толченку для вкусноты добавляла.

Уж мне нравилось, чтоб красиво было

Жили мы со свёкром, а потом тесно стало и боковушку пристроили. А через год кладовку свою сделали и сенцы тожить. А после войны дом новый построили всей артелью. Бабы, мужики, девки — все помогали, и мазали и пилили тажно. Горница была у нас большая, комод тама стоял, где вещи ложилась, койки для гостей, кажись две, стол да четыре табурета, геранки на окне стояли. На банницу⁵ полотенца вешали, чтоб красиво было, а на полу дорожки стелили, сама ткала из шерсти, а те и сейчас у нас есть в горнице. А в других комнатах только койки для ребят стояли, и все. Никакой обстановки, как по-теперешнему, не были. Хоть это было. Паша наши стол,

¹ Голбец — конструкция при русской печке для всхода на нее и на полаты, а также спуска в подклет. Может быть оформлен в виде загородки или чуланчика с дверцами, лазом и ступеньками. Располагается за перегородкой в стряпной (на кухне), при этом находится напротив красного угла

² Битки — битые пасхальные яйца.

³ Похлебка — деревенское кушанье, представляющее собой постный суп.

⁴ Кулеш — суп из пшена.

⁵ Банница — предпраздничный период.

стулья сам делал. На окне разные наличники вырезал, уж мне нравилось, чтоб красиво было. А сейчас мы стары, и дом наш в землю врос, согнулся. С внуками сидела, а сейчас внуки носят ко мне другой-рядь на часок-другой посидеть с правнуками. Они молодые, им все бежать куда-то надо, а мы рады, что хоть нас, старых, не забывают. Люблю я водиться с ребятишками. Шесть правнуков у нас теперяча. Зина, кажись, приходила, оставляла до обеда своего Саню, а сама на вокзал побёгла, кажись, встречать кого-то. Саня-то уж пакостливый, уж трудно усматривать за ним. Матери не скажу, а то шерстить начнет, а мне его жалко. Махоньких, их завсегда жалко.

Юстюженкова Татьяна Яковлевна

Родилась в 1908 году в селе Леньки Благовещенского района.

Образование — 3 класса

Год записи — 1985

Работа

О войне трудно рассказывать. Я много побáчила¹, пережила. Всяко-разно я работала. Я работала, картошку перебирала, нам давали еду, и мы работали. А когда лен убирали, нужно было его дергать. А тажнó снова на поля везли. Привезут на площадь и попросят, кто сможет на поля выйти, и идешь. Нужно было, война ведь. Поля недалеко были, гýмно чистили под хлеб, рожь колотили. Потом взяла бригадирша меня на общий двор, помогать кладовщице. Опосля в детском саду работала нянкой, хлеб носила ребятишкам, сечку давали, пшено и ишо каки крупы, и я носила. И домой давали маленько мяса, крупу, что было, то давали.

Готовили исть в русской печке. Ребяты заране заложат топку дровами, а я вечóр прихожу и ставлю чугу́н с картошкой. А зимой ишо трудно с дровами было, приходилоя за в кóлки ходить. Мужиков не было, воевали. Так мы бабы артелью соберемся, да робяты когда, кто поболе, и в кóлок. На неделю — на две хватало, а по-тома снова ехали. Везли на лошадях, и я ишо короб возьму, наложу,

¹ Бачить — видеть.

Сбор земляники в колхозе «Молотов» Шипуновского района

и на плечах несущ, чтоб всё меньше вдругорядь приходиться. А по весне полегче было. Но вёсны были смурные, морозливые и затяжные. Когда большеводье было, так нас больше затопляло. Мы жили в низине, нам доставалось. В погребах вода стояла, глубоко было, и мы не лазили туда, пока вода не уходила. Потом в колхозе хлеб сеяли, я, правда, не сеяла, а я со своим звеном огород общественный сажала. И дома тожить рассадничек небольшой был. Землю удабривали черноземом, чтоб лучше росло. Сеяли огурцы в бороздки, чтоб ране были, а помидоров вообще не сеяли, не было их. Картошку сеяли скороспелку да белую. И берлинку для скота, и сами другорядь ели. Она ничего, скусная, только дрябнет быстро. Буряк, лук, морковь — этого много сеяли. Весной голодовали, робяты всё в огород бегали, смотрели, когда редька вырастет, так исть хотелось, и щавель ели в кóлках и корни кай. А летом лучше было. Ягода появлялася, так в леса ходили. Земляники было уйма, черна сморóда на болоте росла. Соберемся всем гужом, и айда́те по ягоды. Наберем корзины, торба́, ведры, а у кого что было, возьмем с собой еду, жбан с квасом от жары попить. А потома бабы разбредутся кто куда, пока целые корзины не наберешь. Жарко — так мы в тенёчек сядем, охоло-

нем¹ маненько, попьём холодненького кваску, да похлебаем, а потом, ежели у кого ишо есть вёдры, помогли набрать и домой. Покуль летом длинный день, нужно столько дел переделать. Мужики на фронте, а мы за мужиков робили, шибко тяжело было. Одна радость — мальцы. Ради них и жили. И ребятишки жалели нас, ма́теру. Косили сено мы лобогрейками, моё звено все больше буртовало сено в ко́пна, ездили на волоку́шах, на лошадях. Бригадирша план давала на день, как сделали, так потома домой бегим. И до самых морозяков робили, пока все пашни не убрали. А потома рózдых давали маненько, председатель нас, баб, награждал, хто хорошо работал. Пúда два получу муки, сорного пшену, пашани́цу, постнову масла, мёду дадут. А хто на дармовшину хотел получить, а не работал на пашнях, то тому не давали. Была у нас и пашня в колхозе, я тама тожесть помогала по весне выставлять Ули на солнце. А летом мёд качали, пасечник Егорыч их из улей дымарём выкуриват, рамки с сотами достаёт, а мы медогонку крутим. Опосля медком нас угостит.

Банька по-чёрному

Банька у нас была, топилась по-чёрному. Как в ей вымоешься, так хорошо. Парку бзданёшь на раскалённу каменку и берёзовым веничком паришься, пока силы хватит, а потом выльёшь ушат холодной воды, в предбаннике отдыхаешь, опосля снова на полочек париться. Голову щёлоком мыли, вода мягкая была, а делали так: золу прошурьёшь, воды нальёшь и отстаиватся, опосля на камнях кипятишь, и через железню решётку сцедим, и вода мягка далатся, ежели щёлок не сделать, то волосы не промыть. Мылись мы вехоткой, потома вытирались утиркой и домой бежали, и сразу на койку. Охоло́нешь немного, и чай пить. И так хорошо делатся после баньки. Венички готовили заране. Летом привозили из ко́лку берёзу, вязали и вешали их на гарди́нку на горницу. Вдругорядь веников до весны не хватает, ежели мало их заготовишь. А которыми вениками-голяками пола подметаю, имя можно пол в сенках хорошо вышóркать. Пол-то в сенках некрашенный, быстро марается.

¹ Охолонуть — остыть.

Бобылева Варвара Степановна

Родилась в 1910 году в селе Леньки Благовещенского района Алтайского края. Образование 4 класса

Год записи — 1985

Житуха у хозяев не сладкой была

Жилось шибко нам тяжело, не то что таперича. Как вспомянешь, как давеча жилося, тошно становится. У тяти с мамкой было нас восемь человек. Миша — братан самый старший, нянчил нас, меньших. Я была в семье пятая, и мне приходилось водиться с младшими ребятишками. Исть нечего было. Мяса вообще не видали. Еда была: картошка, молоко и простокйша. Да летом ягоды каки да грибы. То матушка сварит чугуна картошки в мундире, раздаст всем, вой из ковшика запьешь — и накормлен считалси.

И в работницах мне приходилось работать. Житуха¹ у хозяев не сладкой была. Зато родителям всё легче было, всё меньше ртов приходилось кормить. У их шесть коров было, три быка, стадо овец, куры, гуски с гусьтками, утки, уже всего и не пересчитаешь.

Осенью работы и по дому много

Утресь рано вставать не хочется, но коров-то нужно доить, пока их пасти не выгнали, а спать хочется, поздно ложиться. Потому энтю молоко через сепаратор надо пропустить.

Сидишь около него, вертанешь ручку пару раз, а у самой глаза закрываются. А тады коровы почти все ведёрницы² были, и докёдова³ молоко перегонишь, так руки отваливаются да спина колом встанет. Потом идешь задавать корм в овин⁴ овцам, поросяттам. Готовили мешанку из дробленки и картофельных лушпáек⁵ и обрáтки от молока.

А зимой бадью возьмешь и носишь воду для скотины. Много приходилось носить. А весной к матери бегала таскать от пригона перегной в рассадник, мать садила много овощей, особливо картошку. Но в работницах я робила две зимы, тажно отец забрал меня домой, сказал: «Хватит тебе тама работать!». И в поле я робила, зем-

¹ Житуха — жизнь.

² Ведерница — корова, дающая ведро молока за один удой.

³ Докёдова — пока в значении предлога.

⁴ Овин — хозяйственная постройка.

⁵ Лушпайки — картофельные очистки.

Дойка коров на опытной животноводческой станции

лю боронила на пашне и бросали зерна, а лошаденки взадь¹ заглаживали тяжелым деревянным брусом.

Осенью работы и по дому много. Солониной занимались. Солили капусту, огурцы в бочках, а сверху гнет ложили, чтоб капуста вся в рассоле была.

Руки от рассола разъедало, покуль² посолишь капусту. А делали много, две бочки засаливали, чтоб на всю зиму хватило.

Зимою морозяки сильные были, а одежонка плохенькая, балахон³ был дуже дырявый, весь перештопанный, со всех сторон поддувало ветром. На ногах самокатки⁴ тожеть много раз подшитые. Когда воду носишь, а воды много надо было, всю дорожку обольешь водою, а то бывало как ахнешься⁵, так с ног до головы мокрая да коленки пришибешь.

¹ Взадь — назад.

² Покуль — пока.

³ Балахон — просторный халат.

⁴ Самокатки — самокатные валенки.

⁵ Ахнуться — падать, упасть.

Коммуна появилась, а потом колхоз, он назывался тада «Гигант». Работала я тада на молоканке. Как заслышат звон ботала¹ лошади, люди так кричат: «Молоканщица, примашь сѣдня молоко?». Ая тажнó везла молока на приемный пункт, а оттўль его увозили в район. Наш колхоз передовым тада слыл по сдаче молока.

Охота парубковать

Хлопчиков много в селе было, все такие ладные, работающие, у нас тады пáкостливых не было. А дружить некогда было. Но, конечно, ходили вдругорядь² на игрища. Они обычно бывали на лугах в березняке или возле какой-нибудь избы на краю деревни. Девки сядут на завалинку и семечки лузгают. Как игральщик заиграет, так девки и робята в пляс пойдут. У меня сестра была (погодки мы с нею) Татьяна, ух и боевущая была. Все парни ухлестывали за ней, ухажеров много было, ей только ниhto не приглянулси в нашей деревне, взамуж отдали в другую деревню. Как зачнет, бывало, плясать, так бабы бегут, молодухи не выдерживают, все к нам на вечёрку идут. А тажнó пляшут, частушки поют. А когда и играли. Много игров тада было. А парубки³ зачинали шутковать над девками, пужáli их. Играли в жмурки, чехарду, я уж всех не припомню.

За мной стал ухаживать Микита Бобылев, мой муж, стало быть. Домой по росе стала приходиться, так тятка изругает меня, а мать когда за вóлосы потаскает. А у мене была охотка с Микитой парубковать⁴. А на Троицу свадьбу с ним сыграли. После дети пошли у нас.

Поталдычим о том, о сем

Часто вечеровали с бабами. Соберёмся, поталдычим⁵ о том, о сѣм, когда песни споем — и расходимся. Кино перед войной появилось. Районку стали выписывать, а потома всем колхозом обсуждали колхозные новости, что в газете писалось. Газеты я не собирала, я энтой гумагой печку растапливала. Кизяк-то ⁶ плохо горел, дымил всѣ, вот и гумагу туда сувала.

¹ Ботало — колокольчик на шее у коровы или лошади.

² Вдругорядь — в другой раз, иной раз.

³ Парубки — парни.

⁴ Парубковать — дружить с парнем.

⁵ Талдычить — поговорить, повторять, твердить одно и то же.

⁶ Кизяк — высушенный навоз.

Пасха и Масленица

Любила очень Пасху. Мы с матерью ставили на ночь опару, а рано утром пекли паску, украшали ее, обливали кремом, и паска готова. Яйца красили, а потом в церкву ходили. Нарядно одева-лись, и все бабы гуртом¹ шли туда. Она под боком была. А вечером на игрища бежали, хороводы водили. Ишо много праздников справ-ляли. И Масленицу дюже любили. Она была в конце зимы, и радо-вались, что зиму провожаем, а весну встречаем. Пекли блины скус-ные, жгли чучела, прыгали через огонь, водили хороводы, пели пес-ни весёлые, частушки.

В тылу работы хватало, но не жалились²

Нам в тылу работы хватало. Зимой топили кизяком, али валеж-ник собирали, или дерево свайлося, мы его распиливали на швы-рй³, ошкуривали и топили понемножку. В войну я работала дояр-кой. Кормов не хватало, полóву⁴ замешивали да солому давали. Кру-гом голимый солончак⁵ был, травы плохо росли, сенники⁶ почти пустые были, некому было сено заготовливать. Питались мы сами плохо. Ребятишек много было в каждой семье. А исть надо кажен день. Но мы не жалились никому. Вечёрась ишо вязали воинам ва-режки, кисеты⁷ вышивали, посылочки им отправляли.

А теперя у младшей дочери мой унук армеец, уже второй год дослуживает в Чите гдей-то там. Все парни, мои унуки, служили. И последнему черед пришел. Переженили всех. Правнуки есть. Вот вкратцах всю свою жизнь рассказала нелегкую.

¹ Гуртом — все вместе, толпой.

² Жалиться — жаловаться.

³ Швырки — березовые дрова.

⁴ Полова — мякина.

⁵ Солончак — почва, характеризующаяся большим отложением солей на поверхностных слоях.

⁶ Сенник — сарай для хранения сена.

⁷ Кисет — мешочек для хранения табака.

Просветова Анастасия Никифоровна

Родилась 1910 году в селе Тогул Тогульского района.

Малограмотная

Год записи — 1985

Бедность — не порок

Сейчас носят трикотажные кофты, а у нас были... Вот, значит, четыре полоски, а приставок ситцевой. Белый уж не делали. Это значит рабочая рубашка. Это под низ надевали¹. А остальные четыре полосы были широки и длины, и я так носила. А вот теперь, значит, как это выходные, это уж не работали, выходные, те, значит, белые. Вот этот пробелишь холст, и тогда приставочек розовый чтоб был. Для молодых делается, а для старых делали с рукавами, а мы делали безрукавы, мы сами помоложе — безрукавы.

А на ногах мы носили чулки, свои вязали. А сюда обутки. А обутки шили свои. А из материала были как рабочие холщовы. Рабочие как холщовы, а на праздник только что в воскресенье надевали — это ситцево.

Были уборочки². Стали носить открытые, а вот до нас носили старши наши сестры — там были закрыты. Грудь не была открыта обязательно. До сих пор закрыта и шире немного сюды, чтоб одевать было хорошо. И с застежками так были. Холщовы шибко уж не модны не были.

Зимой полушок. Это жикетка. Тогда полушок звался. Польты были. Это дорогие люди носили.

Чимбары — это мужские брюки, тоже холщовы. А мужские рубашки подпоясываются тусяками. Нынче ремешки, а эти — туяски.

Холщова рубаха в зиму, ну а в праздник ситцева. Поддевка³ холщова. Поддевка — это вот как телогрейка теперь, фуфайки. А женщины носили полушалки.

Напрядешь шерсть, выткешь. Это шерстяные нитки шли. А потом все это покупать стали. Зимой носили пимы. И чесанки⁴ были. Богатые [люди] чесанки носили с галошами.

А чуни-то вот уж носили во время войны. А чуни — это такие резиновые галоши. Моя-то родня в лаптях выросла, а я-то их не видала.

¹ Надевать — надевать несколько вещей одновременно.

² Уборка — женское платье.

³ Поддевка — то, что надевают под верхнюю одежду.

⁴ Чесанки — валенки, скатанные из шерсти высшего сорта.

ла. Они плелись из лыки. Это вот мама рассказывала. Так вот они жили. И эти чтоб портяночки были белы, и ножки чтоб были хорошо. Они целый день как обуются в эти лапотки, портяночками закрутят, умели они все так сделать, и целый день ходят. У их чтоб ножка была хороша.

Ну, чё у нас были? Только что одеяла были, так и звали одеялы. Вот в Питер ездила, там курские жили. У них дерюжки были из шерсти.

Занавески не были. Ни у кого не были, только у богатых, а у нас ни у кого. А на столе скатерки были. Скатерки тоже были свои, не делали, ткали.

А полотенца были больше, они у нас, значит, весели на стену, на зёркала расшиты красиво. Это я сама малость даже вышивала. А которым руки вытирали — тот рукотельник. А которым лицо вытирать, то это отдельно. Тоненько ладили.

Дела хозяйственные

Похлебка называлась так: вот печку как затопишь, дым пройдет, и ставишь варить мясо, мелком искрошишь и картошечки там положишь, и капустки туда — это значит похлебка.

Это на завтрак. Утром печку истопила, и сейчас мясо ложат, и картошку ложат, капусту ложат. Это ставят в погреб, в суп. Это будет суп, это будем днем есть.

А с рыбным называют уха, щерба. Що — так у нас называли. Если крупу ложишь, то щи. Это у нас так было. Тогда, значит, как крупу ложишь, то, значит, варить надо кислу; то, значит, мы варим — тогда кислу кладем — это и называли щи. А кутьей называли — эту пшеничку-ту, когда распаришь, ну, на родительский день только, ну, если покойник. Маненько сахарку клали, вот по ложечке каждому подносили. На могилке каждому подносят, каждый ложечку возьмет.

Калину парили. Калина парена, калина на кисель. Это, значит, калина на кисель идет с мукой. У нас мука солодела. А соло-то сейчас пшеничку помочат и ее на печку. Она там наклinitся, прорастет. Она солодела. Эта мука будет темна и сластит.

Кулага — это, значит, она делается с мукой. Какая-то густа. Из нее делают калинники. А калинники тоже делают из солода. Теперь ее утром встают заваривают эту муку. Маненько погода она поспеет, как рассолодеет шибко, ее опять маненечко помесят.

Курники мы всегда готовим из уток. Это курники — это на пи-роги, а делаешь просто на сковороду такой круглый. Ну, курочку

тоненьку туды, мясо кладешь, муку кладешь, ну и теперь лавровый лист кладешь. Перец кладешь. Это, значит, называется курник. Мы часто такой курник делали.

Драники из картошек делали. А эти оладьи, если сейчас делаем, из муки.

Ну, молоко вареное квашеным называли. А как-то ряской, а молоко сварить и заквасить его сметаной.

Варенец тоже звали. А варенец одно и то же — сметана. Молоко в печь поставишь, чтобы оно там притомилось. Сделается она такая темно-бардовая. Это простакиша, сверху сметанка. Сепаратик у нас сейчас пропускает молоко, у нас обрат и силок. Пахта отдельно. Пахта так пахта. Пахта, так эту сметану смешам.

Хлеб-то свой пекли, у чужих-то когда жили. В огороде капусту садили, огурцы, помидоры. Помидоры и так жились, не садили. Лука не было. Морковку больше на пашне сеяли. А два погребка было, вот один снег нагребется. Там картошка на лето идет, там капуста. Туда всяко молоко ставишь, как холодильник, на этот низочек. А летом отдельный погреб, значит, картошку ложили. Называли ямой. Ничего у нас здесь, кроме кадок, не было. Из посуды из крупной ушата были. Бадья у пасечников была, они мед ложили. А у нас посуда тогда была глиняна, деревянна, горшок там был, кувшинчик. Ковшик, черпачок, нет, у нас ковшик звали. Поварешка — она суп черпашь, уху черпашь. Вот это все черпашь.

Сусло так варили. Мука солодела, теперь чугульки поставят две-три. В кадку муку сыпят, чтобы шибко не заварилась, и это выльют в кадку и месят все. Она солодеет, а потом в корчагу, в печь, и до вечера эти корчаги в печи стоят. Вечером печку топят, и опять эти корчаги в печь. Утром уже не вытаскивают и зачинают цедить сусло. Вот это, значит, сусло с ягодой пшеничку бросают. Деревянный желоб, корчаги там эти штуки четыре или пять друг за дружку так поставят, а желоб покатью на посудину какую-то. Наливают туда теплой воды, оно уже там разопрето, это сусло, и у этих корчаг внизу сток. Сток этот открывают, и это сусло идет по желобочку бежит. Вот это и называлось сусло. А потом ее, значит, заквашивают и туды ягоду, малину там или смородину.

Затируха — опять така затируха. Сейчас на скору руку яичко разобьют там два и муку вот так мелконько растирать. Она как крупа сделается, мука, и вскипятишь ее, в кипяток кладешь. Это заваруха у нас называется.

Белье стирали в корыте. А из елок сейчас печка топится русская, в кадку зола на дне. Теперь нагреем целую кадку воды — щёлоку, и начинаем стирать в корыте. Там, в корыте, дворась, трирась и перестираем это все руками. Доски тоже не было, а руками в корыте так стирали. А гладили, был валёк. Вот такой вот длинный с рубцами. И рубальник звали, и катком звали. Ну вот, эти наматывали на рубахи. Вот так гладили.

Тын, частокол, плетень

Тын — жерди. А мельненький тальник рубишь и городишь. Он гнется хорошо, плотно закроешь. А частокол — это колья, а плетень — это из хвороста, из мелкого хвороста. Это плетут и плетут дальше и дальше. У нас тоже был плетень.

Овечья шерсть

Сейчас как зима пройдет, станет тепло — это веснина. Ее весной стрижешь — это веснина. Она длинна идет, эта прядь, а вот сейчас вот будем стричь. Через месяц уже летнина, она коротенька, на валенки. Этой уже пимы катать. А зимнюю? Она вот так растет, растет и зимой ее не стригут, ее стригут весной. Прядут ее на прялку, ткут и чулки, варежки вяжут. У нас чулки только со следишками были, на зиму обязательно со следишками.

Поярок — первый раз стрижешь, он осенью родится.

Мамонтова Евдокия Трофимовна

Родилась в 1910 году в селе Ново-Ярки Каменского района

Год записи — 1988

Одежда

Раньше-то одевались попроще¹, одежда была другая немного. Управлялась я по хозяйству и зимой и летом. Зимой носила сачок. Это типа фуфайки. Ишшо носила бешмет. Это тоже верхняя оде-

¹ Проще — попроще. Удвоение шипящих согласных — характерная особенность южнорусского наречия.

жа, шуба женская, котору или со сборами, или без сбор. На ноги надевала пимы, или, как ишшо называли, самокатки. А руки грели в муфте. Муфту шили из плюша или другой ткани. Она теплая. Форму имела типа рукава или трубы. В оба конца руки всовываешь и греешь. Верёука, чтобы на шею весить, чтоб не потерялась. Ишшо я носила коротышку, это коротенькая верхняя теплая одёжа, которую шили из своего самотканого сукна. И были раньше кохтаны¹, это наподобие женской кофты из легкой ткани. Застегивали на костяшки, сейчас пуговицами называют, а раньше-то костяшки. Подзёмки раньше носили и подпоясывали их гашниками. Подзёмка — это юбка самотканая, а гашник — пояс.

Мутовка, сарянка и сапуха

Загнетка — это место перед русской печкой, не в самой печи, не в глубине. Возьмешь с судней лавки (это место для посуды возле печи) чугуна, на рогац его поставишь, чтобы кулага варилась. Это блюдо наподобие киселя, варится из муки, сахара. Надо, чтобы оно парилось, прело. Палички были у нас для посуды. На них лежали и чапальники, и корец, и сарянки. Туда же клали мутовку. Чапальник — это сковородник для сковороды, а корец — это ковш. Раньше-то спички называли у нас сарянками. Печь я чистила; сапуха накопится, сразу вычищаю. Когда тесто ставили, то квашню посежкой мешали. А посежка — это типа палки, мешать тесто чтобы. Еще ее называли мутовкой. Слова эти: «мутовка», «сарянка», «сапуха» и другие почему же не используются, я ведь их говорю. Да, старые люди говорят их, а молодежь по-своему разговаривает. Раньше мы всё называли «куть», а таперича «кухня» мои внучки кличат. Да и горницей никто не называет большую комнату.

Сито или лукошко?

Когда я вышла замуж, свекровь меня послала в чулан: «Сходи, — говорит, — в чулан, тама стоит скрыня, принеси мне лукошко». А я ить сразу и не поняла, что это за скрыня. Ну, лукошко — это, я посчитала, для грибов. «Что такое «скрыня»?», — спрашиваю. «Сундук», — отвечает свекровь. Принесла я ей лукошко, она на меня так посмотрела и сама пошла. Несет обыкновенное сито. Вот тебе и лукошко!

¹ Кохтан — кофтан.

Чемоданова Анна Михайловна

Родилась в 1911 году в селе Красная Троицкого района

Год записи — 1985

Сейчас-то фабрика, а раньше сами

Это самопряха. Ну, самопряха вот прядет, сюда шерсть наматывается — вьюшка, а это прядка, сюда шерсть привязывается. Привяжешь шерсть, а потом уж сидишь, прядешь. Ну, так и прядешь вот. Если тянет нитку, значит, винтик от себя отвертывать, а тянет, к себе. И носки вязать можно, и варежки вязать можно. Шерсть хорошая. А раньше пряли разве эдак. Это сейчас шерсть на этих, на пряхах прядут. Вон лен чёсанный, его на донце чешут. На донце гвозди набиты, и вот баба чешет его. Сюда, на эту сторону, падают эти, как его, отрепья. Вот она бьет горсть лен, и остается здесь в руках, там, несколько штук, жилочки одни, тоненькие жилочки, пасынковать. А сейчас никто не ткёт сам, лен сеют где-то. А тут нигде не сеют. Вот спрядут это всё. А потом есть красна. Раньше поставят такие креслы, на креслы бёрды, ниченки, челнок вот такой маленький. Ну, например, она ногой наступит на педаль, ниченки поднимутся, а там зев разиётся, она раз челнок туда, прихлопнет бёрдами. А потом опять другой ногой, опять зев разиётся, она опять сюда челнок. И вот ткёт это, материал-то. Сейчас-то фабрика, а раньше сами. Я в две ниченки ткала, а так не ткала. Я прясть училась. Потом холсты соткут и на речке их моют. Их на мосты положат, по речке распустят, ну, как полотенце, распустят, он растянется по речке, и вельками его потом колотят. Они вот колотят одно место, колотят, водой смойт, а потом уж переворачивают на эту сторону и опять бьют. А потом стелют на траву, сушат, чтобы они высохли на солнце. Настелют этих холстов, кто белых, кто пестрых, кто какое настелют, сушат.

Я прясть могу и тонко, и толсто. Вчерась пришла женщина. А как ты, говорит, прядешь. Трое детей уже, и не знает, как прясть. Эта не ссучёная еще, а эта вот ссучёная. Этот клубок сдвиряженный и ссучёный. А это только напрядены, это еще надо сдвиряжить. Чтобы сдвиряжить, самопряху наоборот крутить надо. А это еще не крученный клубок. Я кудельку-то спряду, одна нитка эдак, и вот со скалки сдвиряживать буду. Поярки у меня еще не сдвиряжены, а это простая у меня шерсть. С одной поярки будешь вязать, они не скатаются. А это простая, со старой овечки. Значит, я нитку

эту и нитку эту. А уж когда там носки, варежки свяжу, дак они мягкие, пушистенькие сделаются. А с этой их надо вязать большие, с этой, с одной вот. Потом они скатаются, дак как пимы.

Я и хлеб стряпала

Я и хлеб стряпала. Я дрожжи свои делаю, сварю хмель, мукой подобью маленько, дрожжи размочу, их же надо размочить, чтоб поднялись они, вот они поднимаются когда, а то, который хмель я сварила-то, надо чтоб остыли они, как парное молоко чтоб были. И в этот хмель дрожжи, которые куплены, выливаю туда, в тот хмель-то, ну и вот, а они тогда и бушуют у меня там, и бушуют они у меня тогда, вздымаются. А потом это, опару делают, отрубя заваривают кипятком, она постоит, потом развожу холодной водой, эту опару-то, развожу ее, а потом эти дрожжи выливаю, которые я сварила-то, ну там в кружечку или еще что. Она у меня подымет-ся, эта опара-то, я ее цежу, ну, через сито. Я ее процежу, а там уже чистенькая водичка у меня стоит, а тогда в десять, одиннадцать подмешиваю. Потом поставлю, она опять за ночь у меня подымет-ся, это тесто-то, а уж утром вставать, я уж тогда ее совсем подмешиваю, чтоб она гуще, чтоб мне выкатывать-то ее, на столе чтоб выкатывать ловчее было, и в формочки. Затопляю печку, пока печка топится, они у меня уж подымутся в формочках. А там потом печку обогреваю и сажу их. Там они подрумянятся. Другой раз выше формы еще подымет-ся. Другой раз и перебегаёт, упадет на печку, засохнет. Другой раз нет, другой раз подымет-ся так, и остановится, а другой раз маленько и на бочок упадет.

И печку я ставила

И печку я ставила. Печку-биту. Мы били печку в своей избе, с глины били. Просто гольну глину, мы сами били. Такие молотки у нас деревянные. Мы насыпаем ряд глины и молотками выбиваем. Солью посыплем маленько, чтоб она скипятилась-то¹. А тут-то вот место-то, там свинка² такая, из досок она делается, и закрывается кругом. А потом мы насыпаем по бокам, бока набиваем глиной. Внутрях доска перерезана, потом эту доску веревкой раз, дернут, она и переломилась напополам. Она ведь чуть-чуть держится. Есть

¹ Скипятилась — окрепла, сцепилась, застыла.

² Свинка — деревянный остов свода печи.

и сбитая печка, я не видела, но люди рассказывают. Тоже сделают доски такие, чурбак туда вкладывают, а потом его выбивают, и делается труба. А эту плиту мы не делали, нам колхоз ее делал, у нее, вишь¹, абажуры чугунные.

Белобородова Прасковья Яковлевна

Родилась в 1912 году в селе Вяткино
Усть-Пристанского района. Неграмотная

Год записи — 1983

По-расейски или по-сибирски?

Туески были. Эти внизу шире, кверху узенькие, обручочек. С деревянных дощечек делали. Были из бересты, круглые. Чашки, горшки, бокалы — чай пили, всё из глины было ляпано. Квашня под хлеб была. Муку в селище² сеяли. Сейчас стали койки, а тогда звали кровати. Одежа была: зипуны, коротайки³ шили. Рубахи катали⁴ скалкой и рубелем⁵. Начнем покатывать, только гуд стоит. Ограда — сейчас штафетник. Раньше плетень — плетеный из веток. Если стойком⁶ палки наставлены — тын.

Родители были сибиряки. Говорили наособицу, чем расейские. Сейчас всё смешалось. Я выросла вместе с ребятишками, те говорят по-расейски, ты тоже. Мы говорим «ухват», расейские — «рогач». Мы «сковородник», по-расейски «чапля». По-сибирски «клюка», по-расейски — «кочерёжка». Как-то по двое говорят. Во дворе «стайка» — по-расейски, по-сибирски — «хлевок, хлев». Теплое помещение по-сибирски — «закута», по-расейски — «малушка». По-расейски «потолок», залез на потолок, по-сибирски «чердак». На руку одно и то же надевали, а звали по-разному: сибиряки «рукавички», расейские — «варежки». В огороде то же росло,

¹ Вишь — видишь.

² Селище — постройка, жилище.

³ Коротайка — верхняя крестьянская одежда.

⁴ Катать — гладить.

⁵ Рубель — в старину утюг.

⁶ Ставить стойком — стоять вертикально.

что и сейчас. Помидоров почти не было, баклажаны тогда звали их. Яблок не было. Тогда в Сибири сады: боярка¹ да черемуха, а сейчас и виноград растёт. «Завозня» — как сейчас «гараж», сани летом туда толкаешь, зимой телегу. Тогда рыдванки² были, как телега, только палки набиты, силос в ней возили. Косили хлеб серпом. Крюком ещё, как литовка, дерево привязано. Серпом когда жали, горсти в руку нажнут, положат. Молотили цепью, шлёпаешь и шлёпаешь. Сенки тогда были, веранды и в помину не было. «Крыльцо» мало тогда звали, «ступеньки». На дверях вертушки были, железка, какой запираешь, по-сибирски «накладка», по-расейски «чепок». «Дехник» — квашню закрывать. «Околотка» — тряпка, вешится внизу кровати. Покрывалов не было — попоны шерстяные. Дерюжка в две полосы, попонка в три. Бани по-чёрному топили. Дым через двери выходил. Чугунами воду грели. Дым все глаза выедал. Мылись в корыте.

Олешко Пантелей Семенович

Родился в 1912 году в селе Платава Алейского района

Год записи — 1983

Жизнь-то хорошую на земле построили

Вот эта дорога, что сейчас проходит мимо магазина, раньше здесь был проезжий тракт Змеиногорск — Барнаул. Из Змеиногорска везли на лошадях руду, камень и всевозможные руды для выработки железа. Был здесь каземат, где ночевали ссыльные, которых вели в кандалах из Змеиногорска. Были еще тут двухэтажные дома, их заезжими домами называли, тут князья разные останавливались. Платава ведь уже существует лет триста, а сначала тут несколько дворов было. Сибиряки жили. А уж как они сюда пришли — не знаю. А вот в 1905 году с Украины, из Екатеринослава, стали мужички наезжать, на земли селиться стали. А дома двухэтажные не сохранились.

¹ Боярка — боярышник.

² Рыдван — старая громоздкая повозка.

Особенно трудно было нам в 1914–1920 годах: и война тут, и революция. В 1914 году все мужики из Платавы ушли на фронт, остались два калеки, старики да женщины с детьми. Все им, бедным, самим приходилось делать.

В 1922 году из Шулы приехали в Платаву, в Лужки, в Ветелки мужички, а землю от Платавы нарезали. Платова тогда относилась к Томской области, Змеиногорскому уезду Белоглазовской волости, а в Алейский район перешла уже в 1923–1924 годах.

В 1922 году население-то поприбавилось, а мы все жили единолично, у каждого свое хозяйство было, тем и жили. В 1929 году коллективизация началась. Весной в колхоз стали сходиться, дела там, конечно, не сразу стали ладиться, многие повыходили из колхоза, да такие трудности ведь везде встречались. Я вот тоже выходил из колхоза, недопонимал что-то тогда много. В 1930 году завербовался на строительство Новосибирского вокзала. Туда после с Платавы еще семь человек приходило. Вот и жили мы, всяко было: и трудно, порой и до слез дело доходило, и весело все равно было, интересно. А главное, жизнь-то хорошую на земле построили. Теперь вот и выучиться каждый может, да и работать куда легче стало. У меня вот брат младший университет имени Ломоносова закончил. А хоть в колхозе теперь посмотри: машины, тракторы, сеялки, веялки. Знай работай, не ленись.

Опалёвка Фекла Александровна

Родилась в 1913 году в селе Топольном
Хабарского района. Образование 4 класса

Год записи — 1983

Не покладая рук работали

Дед, прадед и отец — все тут жили. Я работать начала с тринадцати лет, копнить ходила, до семнадцати лет с вилами пришлось быть, а с семнадцати — на току, а с девятнадцати в транспорт ездила, на быках зерно с токов на элеватор возила. Дед рожденный здесь, а его родители из-под Омска сюда засланы были. Отец в рабочих за три рубля в месяц работал. У деда два сына было и три дочери.

Жали серпами часов по двенадцать. Ребятишки: «Тятя, спать охота». Возьмет, серп запрячет. Отец: «Горка, чё сидишь?» — «Серп потерял». — «Ишши». Уже зариться¹ начинает, а все работают. Не покладая рук работали, скота много было, и пашня еще.

Потапова Клавдия Степановна

Родилась в 1913 году в селе Гонохово Каменского района

Год записи — 1988

Деревушка была маленькая, глухая

Я помню, что Гонохово была небольшая деревня. Здесь были такие магазинчики, назывались лавочки. Бедные вдовушки продавали иголки, ниточки, шоколад, мармалад. Лавочки эти были около дому. Деревушка была маленькая, глухая, магазинов больших не было. Бывало, идешь по улице, никто не стукнет, не крикнет, ветер дует да пыль гонит. Да перекасти-поле осенью гонит. Кругом деревни были околки березовые близко к населению. И мы ходили туда, на березах, на сучках качались.

О своем хозяйстве

Хозяйство было. Корова, порося², птицы. Бывало, мама корову выгонит, и вот она, трава, тут. Село было огорожено поскотиной, где на каждого приходилось по пиисят³ метров. Вот загородють, подоють корову и выгонють на выпасы. Поскотина — это городьба, как огород горóдится. Скот загораживают, чтоб посевы не топтал. Он там пasetся, в этой поскотине. Кормили коров когды чем. Давали отрубя, давали солому. Сажали тыкву кормовую. Счас расскажу, как я приобрела поросенка. Купила я поросенка. Ну и вот, принесла я ее в хату. Вот пойду на работу, а эта свинка у избе. Дверь как-то у меня слабо отворялася. Под койкой стояли помидоры. Она взяла, залезла под койку, перевернула корзинку и все помидоры помесила. Ну что ты думаешь, выживает свинка из избы. Решила я ее продать.

¹ Зарится — восходит солнце.

² Порося — поросята.

³ Пиисят — пятьдесят

Сеятель. 1920-е гг.

Всё сами робили

Ну а как же. А если б не работала, дак чё бы я получила. Всякую работу выполняла, куды пошлют: и косили, и молотили, и дрова рубили. Всё сами робили, чижало было. Раньше усё руками. Я сама и пахала на конях, и боронили конямы, боронами, а руками сеяли. Повешают корзинку на шею, насыпят зерна и разбрасывают руками. Осенью пахали зябь [готовили к посеву], а весною боронили на коровах, конях, быках, а потом сеяли. На коров, быков надевали ярмо — это хомут на коров и быков, а на лошадь не идёт. И дрова я сама заго-

тавливала. Запрягу быков, а зимой в околос за дровами. А если дров не было, топили соломой, кизяками.

Печка

Хлеб пекли на капустных и подсолнечных листах в русской печи. На палку насаживали веник и заметали в печи, затем хлеб сажали. Ещё протвики были для мелких изделий. Печи закрывали за-слонкой. Это такая крышка, чтобы закрывать печь русскую. На плиту ставили чугунки, суп гороховый варили, кашу из пшена. Пшено сами сеяли, обмолачивали руками, цепамы. Цепы — это палки для обмолачивания. А для сковороды — чапля, это такой подхват. Чугунки подхватывали рушниками¹, а в печи мешали дрова клюкой. Клюка — это кочерга.

¹ Рушник — полотенце из домотканого холста.

Толкли, мяли, мыкали, сновали

Я сама ткала. Усё ведь самой приходилось делать. Сначала толкли в ступе конопель, потом мяли конопель (лен), мыкали на мыке — значит, чесали большим гребнем. Мыкали — чесали, а мык — большой гребень. Ишшо было донце — это такое приспособление, чтобы гребень втыкать. Ну вот, опосля, как помыкали на мыке, забивали гвозди в стенку и сновали, а затем и ткали. Сновали — это, значить, натягивали на гвозди нитки для основы. Ткали, а потом отбеливали на речке, вальком отбеливали; а как отбелим, стелем на траву на зелёную, сушим. Гладили рубелём. Рубель — это скалка, палка, на нее наматывали холстину и катали этим рубелём. А уж потом шили из этой холстины нижние рубахи, для мужиков рубахи, кальсоны, трусы, кофты. Такой вот это длительный процесс получения одежды.

Рубан Вера Захаровна

Родилась в 1915 году в с. Платава Алейского района.

Год записи — 1976

Гуляли неделю или две

Раньше сватали так: придут к невесте, высватают, потом девки, подружки невесты, сидели, шили скатерки, рубашки. Недели две жили у невесты: шьемся, ужинаем, песни свадебные поем, ночуем (тогда жили единолично). В последний день, в субботу, снаряжаемся, идем на девчонки к жениху за венником, идем к невесте в баню. В баню идем, моем невесту, с собой брали пиво, потому что ребята подпирали дверь, а мы им и подавали пиво. Потом расчесываем невесту. Если у невесты нет родителей, идем на могилки, плачем. Оттуда приходим, вечером приезжают родители жениха. Приезжают выкупать невесту, дарют подарки, потом идем к жениху гулять, едут молодые к венцу в церковь. Тут раньше церковь была. А потом идет веселье. Гуляли неделю или две. Плясали до упаду, пели специальные свадебные песни.

Когда молодые к столу проходили, все кидали печенья, яблоки, так заведено было. За столом невесту окручивали (косу вокруг головы закручивали). Так вот раньше свадьбы справляли.

Первый патефон

А вот недавно была на свадьбе, так не сравнить. Все совсем по-другому. Песни свадебные теперь редко услышишь, молодые не поют их.

Колхозные работы

С самого детства я привыкла к пашне. Привезут меня еще маленькую туда родители, оставят с ребятами (нас в семье было 13 душ детей, я самая старшая). Вот я и сидела с ними на пашне в избушке земляной. Работали родители помногу. Осень может и дождливой быть, поэтому уже в страду без выходных работали. Надо урожай не загубить.

В 1929–1930 годах колхозы стали образовываться. Кулаков из села выселяли. До войны я на ферме работала, все руками делали, трамбовали землю, телят поили, сено складывали, очищали, сами в родильном отделении сидели, ждали, пока корова отелится. Сами и молоко крутили, и возили. Очень трудно было во время войны на ферме. Кормов мало было, ботвой кормили коров.

Колхозов здесь раньше много было: «Новая жизнь», «Имени Шмидта», затем слили в два колхоза «Новая жизнь» и «Имени Шмидта», потом один остался «Новая жизнь», сейчас так же на-

зывают. В колхозах в ту пору работали на лобогрейках, были тракторные машины, пахали плугами.

Танцевали до петухов

И назем возили, дощечка, и кизяки топтали, и сено косили, все умели делать. А по вечерам постановки смотрели, с концертами по другим колхозам ездили, пели частушки о лодырях, пели песни такие, как «Прокати нас, Петруша, на тракторе». Ребят тогда много было в селе, представитель приезжал, хор создавал. Бывало, как рывкнут на сцене! Были бубны, мандолина, два баяна. Потом уж в клубе патефон появился. Танцевали до петухов. Ни мороз не брал нас, никто. Не кутались сроду, нараспашку бегали.

А теперь в селе глухо, будто и нет молодежи. Выйдешь вечером на улицу, слышно только как собаки брешут, песню редко когда услышишь.

Свекловодом работала. Свеклу чистили, кучи закладывали, потом на сахзавод возили.

На Масленицу каждый день блины стряпали, с четверга начинали на лошадях кататься, в субботу и в воскресенье катались верхом и в кошевках. Вечером через огонь парни прыгали на лошадях.

А лед как пойдет, вот радости было, песни пели, парни, так те даже на льдинах по озеру плавали.

Зимними вечерами пряли на пряхах, на веретёшках, шили, вязали носки, рукавички.

На вечёрки ходили. Ребята откупали места для вечёрок, там в палача играли, в ремень, плясали.

Под Троицу, да когда ведро, уходили за травой, за березками на весь день. Там тоже играли, пели, кукушку слушали, сколько накажет жить. Приносили березки, около дома в землю вкапывали, на половики траву стелили, гуляли три дня.

Суцевских Анастасия Сергеевна

Родилась в 1916 году в селе Вяткино
Усть-Пристанского района

Год записи — 1983

Пряжи сидели

Сначала коноплё, лен сеяли. Потом дергали лен и коноплё. Коноплё замачивали, мочили в воде. Лен расстилали по низинке. Зори вечерние росой мочили, целый месяц лежал. Собирали на палки. Мять начинали. Мяли в мялках. Две доски, две щёчки, между их, как язык, ещё одна доска. Наматывали, мяли, кострику сбивали. Плохие нитки — посконь¹ отделяли. Добрые на белье шли, посконь — на веревки. Потом в ступе толкли, ступа круглая, два толкача, деревянные, ими столчешь. Чесали на гребне, надеваешь на гребень, мбчешь, расщасываешь. Потом мотаешь на сновалку² — вдоль стен набитые палочки, ходишь, снуешь. Ткали на бёрда, ставили как ковры, только поуже. А шерсть, как и тогда, так и сейчас, наматывали, прядем и вяжем. Без носков не будешь ходить.

Пимы катали на терёбачке — на валки набиты гвоздики, терёбится. Бани у каждого были, кто катал. Мешок, два на пол настилают, — повал будет, и катают. Надевают на колодки, сушат, снимают и носят.

Утюгов тогда не было, каталка и рубель были. Каталка круглая, сантиметров семьдесят, рубель — с метр зубчатый. На каталку наматывали, рубелем накачивали. Полотенца, кальсоны холщовые, потом мягкие, блестящие. Сейчас вот шерсть свежую прясть приспело. Пока холодно, бабушка сторопится. Как тепло будет, март месяц, Леночку катать надо, санки есть. Сейчас в фуфайке, а тогда полупальто кожные шили и сапоги стали шить. Аране обувки были, как галоши глубокие, с опушкой и нитками стянуты. Маленько допрясть стало, почему-то замудрила, не знаю. Неохота ее и снимать.

Домашняя утварь

Посуда какая была. Чашечки деревянные, когда белые, когда крашенные. Горшки — крынки. Горшки делали, выкачивали, обжигали. Были облитые. Для молока которые, большие, литров по десять —

¹ Посконь — мужская особь конопли.

² Сновалка — сновальный станок, сновальная машина.

За ткатским станком

колыва́нки. Варили в чугунах, на голландке¹, большинство в печи русской. Пройдет самый дым, ставили в жар, варили. Квашёвник — квашню закрывали, небольшой щит, им закрывали.

Стирались в корытах из дерева. Мыло сами варили, скот забивали. Кишки, отходы — в чугу́н. В ямку под чугунок подкла́дæшь дров, кипит. Сода кишки переедает. Когда переест, в корыто вываливаем. Охлаждаем, нарезаем кусками. Когда большая стала, товары пошли: сатины, ткани. Всё брали и шили. А раньше-то ткали сами. Скатерть ткали. Столешница — деревянная посудина, муку в неё сеяли. Скатерть да полотенца вышивали сами. Сейчас — мулине, а тогда бумага была красная, чёрная, перetyкали ей.

Сено каждый год косили. Скот-то надо кормить. Упряжка с бастрьком нужна, без него как привезти сено? Бастрьк — лесина, чтоб придавить сено. Передовáчка — веревочка небольшая, за чего задеть бастрьк, вдоль воза и привязывают. А на стоге притук ложат, нет, неправильно, вйсы. Накосишь, сложишь, рубишь сырую чашу — стог ею укрепляют — это и есть вйсы. Притужить — это дома, можно жердей набросать сверху — притугу сделать. Стог не притужишь — только вйсы висят.

¹ Голландка — комнатная печь.

Рассейский говор

Анадьсь — так хохольские говорят, не скажут «вчера» или «третьего дни», а говорят «анадьсь». Какие-то выворотни. Хохольщина в той деревне. Я-то здешняя рождёнка. Отец привёзённый из Тамбови, мать из Курского. Маленьких попривели. Может, запрос послать в Тамбов-то, поди хто-нибудь есть из тятиных родных.

Телушонка целый день блуде по дороге. Напоила ее в проруби, а она зыкнула¹ да на косный двор побежала, сбесилась. В жару на телят зык нападае. Говорят: «Зык нападае», бегают, хвосты задерут.

Кудрешова Пелагея Петровна

Родилась в 1918 году в селе Вяткино

Усть-Пристанского района

Год записи — 1983

На попрядушки ходили

Обычаи были, на вечёрки собирались. Мальчишки по пятаку, по сколь могут, соберут, откупают. Играли — кругом. В круг встаем, обыгрываем. На попрядушки ходили. Шерсть привязывали к преснице². Пряжи раньше пряшники³ делали. Раньше пряшнику закажешь — сделае. Красны есть, половики ткут на ней. Коноплю, лен сеяли. Выберем коноплю, намочим. Сушишь в бане, мнешь на мялке. Пряли на этих пряхах. Из льна, конопли нитка еще тоньше, чем из шерсти. На гребне⁴ на мычку⁵ намычишь, надеешь ее и прядешь. Кабы все как щас свет, а то сидишь с коптюшечкой⁶.

Венчались, если много родни

Венчались раньше в церкви. Замуж выходит девка — запой — сговор делали, подруг катали на конях. Дровни-то⁷ низкие — рабо-

¹ Зыкать — убежать, резвиться.

² Пресница — прялка.

³ Пряшник — мастер по изготовлению прялок.

⁴ Гребень — продолговатая пластинка с рядом зубьев, служащая для расчесывания льна или конопли.

⁵ Мычка — пучок льна или конопли для прядения.

⁶ Коптюшка — тарелка, смазанная жиром. Использовалась в старину для поддержания огня.

⁷ Дровни — крестьянские сани без кузова.

тают на них, а кошева¹ сзади обшитая, а беседка впереди. Едут и поют свадебные песни. Сначала стговор бывае, потом проведуть, а потом уже к венцу. Венчались, если много родни. Как от венцу приедуть, так к жениху. У жениха стол. К столу кладуть, кто свечку, хто куриц, кто деньгами положа. Бывало, обыгрывали молодого, придет к невесте ночевать, а у ней подружки. Рябята попридуть, обыгрывают. Раньше в будни не гуляли, ходють подолгу, праздник поджидает. Рождество, зимние, Новый год, Крещение — «годовые праздники» назывались. В эти праздники на вечёрках играли, свадьбы были.

Тулейкина Евдокия Ивановна

Родилась в 1922 году в селе Огни Усть-Калманского района.

Образование — 5 классов

Год записи — 1999

В поцеловалки играли

Подружек у меня было шесть. Горка была недалеко от дома. Ходили туда, карусель на ней еще была. Красивая казалась она нам. Шибко боялись крутиться. Еще мальчишки ходят за нами, бывало. Мы с подружками боялись их. И всё по-другому было. Письмо писал мне, а я от него убегала. Боялась их, мордовачи ведь были. Красный уголок еще был. У избы собирались мы с подружками по вечерам. Мальчишки на балалайке играли, а тогда две девчонки выйдут, спляшут и сядут. А вона другие идут пляшут. В поцеловалки еще играли. Ну, кто играет на балалайке, а все девки садятся на колени к мальчишкам. А кому любя была девка, оставляли ее и целовали. Я вон боялась в такие игры играть. Ну, так и проводили всё время.

Дьявол во плоти

У бога я верую. Старые верили, и нас заставляли. Про мир в книжках всё написано. Я из них все и узнаю. Как нам говорили, всю землю опутает проволока, и галки летать будут. Галки и летают. Ну, галки железные, ну, самолеты енти самые и опутаны проволокой. Убивают

¹ Кошева — широкие и глубокие сани с высоким задком, обитые кошмой, рогожей и т.п.

ведь кругом. Всю землю изрыли, а ведь грех копать-то землю вне надобности. А раньше как было, землю не копали. Грех ведь это большой, вот и галки не летали. И проволоки не было. Это всё дьявол выбрался. И в людей вселился. Страшно сейчас. Ну, эти, кто они, мохнатые такие — пауки. А я их страшно боюсь. Ведь они всё от дьявола ползут.

Ну, раньше-то про все праздники в церковь ходили. Наряжались и ходили в другие деревни. Много их было, этих праздников. Я их сейчас и не упомяну все. Помню, на крещение едут подвозы, ну, телеги такие раньше были. Святят воду. И обязательно без шапок тогда за водой надо было идти. И не гребовали речной водой тогда. А вона сейчас банавые (балованные) какие стали.

Вера-то нам от родителей, да от бабок наших пришла

Душа есть у человека. Живет внутри. Опосля смерти выходит. Сорок дней живет в доме. Дескать, прощаясь с семейными. Поминать ее надо, а то и не уйдет из дому-то. Утонуть и задушиться — это грех. Нигде тебя и не примут потом. Мытаться будешь из рая в ад. Везде тебя выгонять будут.

Их тоже нужно помянуть. Ну, хоть немножко грехи их перед богом искупить. Авось и простит. А жить надо с верою, а иначе нельзя. Анадясь пошла я проводить одного соседа. Вона стоит дом его. Поядела у него, а он и говорит мне: «Ты бы не уходила, ночевала со мной». Уговаривал меня, уговаривал. Ну, я и осталась, болел он сильно. Говорили мы с ним, значит, а он и говорит мне, что-бы я не спала. А я и не уснула. Вдруг слышу, стучится кто-то в окно. А из окна в дверь постучался. А я-то и подумала, кто стучаться будет ночью. Сплю дальше, опять стучится. А дед и говорит мне, энто смерть моя за мной пришла. Я на улицу выглянула, нету никого. А дед и умер уже. Вот он ведь-то видел смерть свою. Видеть-то видел ее, а не сказал. Энто душа всё видела. Перед смертью душа неспокойная становится, но человек не может сказать об этом.

Муж у меня был. Не спит, вижу. Подошла к нему и спросила: «Ты чё. Буйно щаш¹, не спишь-то». А он и говорит: «Бабка, завтрак готовь». Ну я и сготовила ему всё как любит. Глядит на меня, а сам ест с аппетитом. Ест так, чё плохо ел, а здесь хорошо так ест. Ну вот, ест, а сам смотрит, гляделки так и ходят. Поел, взял колбасу,

¹ Щаш — сейчас.

понюхал и говорит, что наелся. Поел и давай детей кликать. А Галя-то далеко жила. Созывал всех, ну пришли тогда все. А он и глядит. Потом расставил подале себя и смотрит так, а глаза так и ходят, так и ходят кругом. Вот я и говорю, что чувства-то есть, а сказать-то ничего нельзя. Душа ведь наша в чувствах и есть. Душа всё видит и слышит, а язык не говорит. Перед смертью особенно, и ад не знает, где находится, и рай. Умер он вскорости. Сказать не мог мне боле. У бога он теперь, в раю. Я знаю, тоже чувствую. Молюсь за него. Снится он мне как-то вот, говорит мне, что всё у него хорошо. Меня, наверно, звал к себе. Давеча голубков видела. Они и говорят нам о боге, он их нам насылает на землю грешную.

Ну, хотя злые, да все сейчас злые. А бог всё видит. Бог создал человеков для деяния, добра, а они все злые.

Счастей-то много в мире, в книжках читала я. Огонь, воздух и земля. Огонь и есть пекло ада, гранафты там есть. Ну, эти, слуги чертей.

Бог управляет всеми, и человеками тоже руководят. Ангелы — это его посланники, и голуби тоже. Мы их не видим, а душа видит. Про ад думать и верить страшно ведь, не дай бог.

Грех это, когда с могилки хлеб собаки едят. От этого всем плохо. Мне вот няня с мамкой снились, сказывали, что птичкам лучше дать хлеб. Они ведь ближе к небесам, а знать, к богу. А может, и у бога не живут, так хоть и туда хлебушек утащат.

Земле тело надо предавать обязательно. Вон Шумиха говорила, что будто на крестах они потом сидят и мучаются. У во сне видела она своего мужа. Грешник он был страшный, не приговорили его тогда, вона он и мучился. И отпевать надо всех, грехи ведь энтим отпускались.

Да нет сейчас, доча, на земле правых людей-то. Всяк по-своему верит, вера-то нам от родителей да от бабок наших пришла. Старые верили и нас заставляли. Вот я верую, а в церкву не хожу. Вот я и говорю, нет сейчас правых людей. А всяк по-своему верит.

Восемь детей было у меня, четырех схоронила. Раньше-то не знали, что такое аборт, рожали все. Большой грех-то аборт делать. Раз суждено богом рожать, то рожай. Потом-то тебе это не прощать. Вот и много раньше детей-то было.

Дети

Поехали пшеницу полоть. Отца у нас не было. А мать и ребятки и вся семья. Мне тогда семь лет было. Следила всю за всем тогда. Ну вот, дали, значит, мне маленького. А он толстейший был

такой. Ну, я и не удержала его, и выпал он под телегу. Переехало его телегой. Мать моя голосила, голосила, а что делать, не вернулись, всё. Поехали полоть. Малой попищал, попищал да перестал. Мать со старшим братом-то пололи, а я с маленьким сидела. Потом, когда уже вечер близился, мать-то пришла, а старшого-то нету. Уснул где-то в пшенице. И где его искать-то, кругом поля, поля. Мы сядем, а мать всю ночь голосила, как окайнная.

Мерли дети тогда. А не знали, почему. Говорили, что бог наказал. Осыпь была у детей. Один за несколько дней черный стал. Так и мерли, и не лечили их.

Детей рожали — и свеклу им сразу втыкали тёртую. Ну, чтоб в туалет лучше ходили. А сосок тогда не было. Узелки их называли. Марлю или тряпку брали, завязывали узелком, и в рот ребёнку давали, когда ещё и заворачивали внутрь узелка. А дети все тогда ели, и зерно жеваное, и пшеницу, и хлебало, и крепкие были. Так и жили мы. Хорошего ничего не было. Все бедные были, а богатых тогда не было. Ну, у кого пшеница была большая, а у кого две коровы и все богатства. А мы жили бедно, на бога уповая. Мать была нам и отцом, и учителем.

Ранаев Прохор Петрович

Родился в 1923 году в селе Ленки Благовещенского района. Образование 8 классов

Год записи — 1985

Целинники приехали

Первые целинники приехали в середине марта 1954 года. Сюда приехали все желающие. Мы встретили их дюже гостеприимно. За ранее нас известили о том, что они приедут, и мы приготовили им квартиры. У нас большой дом был, и одну из комнат мы сдали целинникам. Три парня жили у нас в одной из наших комнат. Парни приехали с Краснодарского края. Они были неплохие, всегда помогали нам по хозяйству. Их отличало большое трудолюбие. Сарайчик совместно с ними построили, колодец нам вырыли. Но не только мы одни взяли к себе целинников, такжеть и другие семьи, у кого была лишняя жилплощадь. Были истоплены бани, вечером состоя-

лось знакомство. Вся деревня собиралась на этот вечер. А на усадьбе развернули торговлю всем необходимым из товаров повседневного спроса. В первом потоке было пятьдесят шесть человек. Люди приезжали из разных областей: Краснодарского края, центральных областей Чувашии. А мы, колхозники, к их приезду создали в Ленках крупный хлебоприемный пункт. И уже начали строить элеватор, а также жилье для работников хлебной базы. Но жилья всем не хватало, мы не могли всех обеспечить жильем. Прибывшим строителям требовалось жилье, но его пока не было. И поэтому людей стали размещать в палатках. А столовую, медпункт, библиотеку тоже поместили в палатках. Работали мы дружно, на совесть. С шутками и песнями работа спорилась. И урожай в пятьдесят пятом и пятьдесят шестом годах был огромный. За все довоенные и послевоенные годы не было таких урожаев, как в этих годах. Земля-матушка первый раз родила такой урожай, и погода способствовала этому. Все было в меру: и дожди и солнце. Многие целинники навсегда остались у нас жить. Привыкли у нас. Пережились на наших девчатах, заимели свои семьи и своих детей. Им дали жилье со временем.

У нас приземлилась Валентина Терешкова

А одно событие осталось у меня в памяти навсегда. Взорвало всех людей нашего села. В 1963 году 19 июня спускаемый космический аппарат сделал посадку в двадцати пяти километрах от Леньков. Героиней космоса была первая женщина-космонавт — Валентина Владимировна Терешкова. Сотни жителей Леньков и всего района были свидетелями приземления космического корабля «Восток-6». Приземлилась Терешкова вблизи села Мурашкино, ныне это село Баевского района. Когда мы, леньковцы, прибежали на место приземления космического корабля, то Валентина Владимировна была за работой с приборами. И здесь был пастух, который первым встретил космонавтку и помог ей освободиться от скафандра. Валентина Владимировна тепло поздоровалась с нами. Поисковая группа еще не прибыла, и Терешкова попросила нас доставить ее до ближайшего почтового отделения. Из села Нижняя Чуманка был отправлен рапорт в Москву в ЦК партии о выполнении программы и благополучном возвращении на землю. Наш учитель физкультуры средней школы с разрешения Валентины Владимировны сфотографировал ее в окружении сельчан. А из деревни сельчане захватили для нее всякую снедь: лук, молоко, картошку, хлеб, варенье. И она с удовольствием отведала наше деревенское угощение. Валентина Владимировна Терешкова после обеда всех поблагодарила за гостеприимное угощение. Вот такая встреча с Терешковой навсегда останется в памяти леньких сельчан.

Антропов Андрей Андреевич

Родился в 1926 году в поселке Петровка Благовещенского района Алтайского края. Образование 4 класса

Год записи — 1985

В семье нас было мал мала меньше

Вот я жил в поселке. Маленькая деревушка — Петровка Дмитриевского сельского совета Благовещенского района Алтайского края. Я рожденный в деревне. Аккурат нас было в семье мал-мала меньше. Когда было мне шесть лет, начиналась коллективизация.

Сенокос

Собрали лошадей в колхоз, быков. Но и начались, одни были довольны, другие недовольны. Запрягут его лошадь, он кричит: «За-чем мою запряг?!». Но так было недолго, все помирились и стали дружной жить.

Работали все за трудодни. Проработал день — палочку поставят. Зарабатывали помногу, тысяча трудов¹, но получать было нечего. Двадцать копеек на трудодень, налоги, и всё должны были. Тады голодовали мы шибко. С малства² ходили оборванные, всегда хотелось кушать. Семья большая, были у нас и двойнята³. Сядем гужом⁴ за стол, мать поставит чугунок с вареной картошкой али буряком⁵. Не успеет доглядеть, как мы моментом подчистую всё выгребем, и кто не успеет, так жалиться некому, всё сразу проглатывали. Но мать вкрадучи ховала⁶ от нас несколько штук картошки, а потом же и отдавала. И всё было вкусно, что ни подаст на стол. Ле-

¹ Тысяча трудов — тысяча трудодней.

² С малства — с детства.

³ Двойнята — двойня.

⁴ Сесть гужом — вереницей, гуськом.

⁵ Буряк — свёкла.

⁶ Ховать — прятать.

том было лучше, какая трава была съедобная, ту и ели: сладкий корень, после борщёвка, моркошка, щавель, слизун, семечки. В ко́лках¹ грибы собирали всякие: рыжики, грузди, бабки² и белянки³. Белянки у нас есть, много их около деревни растёт. А то в огородах бзніху⁴ собирали, тожеть мать из ее делала скусные вареники. В общем, духом не падали, гужевáли⁵ летом вовсю, и никакая хворьба⁶ не приставала.

Бегали почти телешóm⁷, нечего было одевать, не то что тапереча молодежь — не знат, что одеть, всего полно. Хмáра⁸ кака была, а нам все нипочем, босиком по дождю и по снегу приходилось бегать.

Вечером в воскресенье

Тады молодежь весело жила. Собиралися гуртóm⁹ салажата, и играем в бабки, в мяча, особенно весной. Придут вечор парубки постарше, тожеть в мяч поиграть, так соберутся все посельские, нас, пацанов, — в сторону, и пойдет игра, это бывало обычно в воскресенье. И бабки стары здесь, и молодухи, и девки с ухажерами своими, и мы, пацаны, — все село. А мы сидим на жердях, смотрим, и так до темна, покéдова¹⁰ родитель не придет и не турнет домой. Гармошка играют, девки пляшут, бабы балакают, семечки лузгают, а мы домой, и уходить не хотелось. Но надо, по росе вставать и на выпасá пасть скотину.

Рыбалка выручала

В ту пору пацаны и пасли стада. Ишо летом нас выручала рыбалка. Встаем, глаза протерли, и по росе бегім на озеро. Тады озеро было большое и глыбокое. Вечор мордúшки поставим, а утресь¹¹ уже смотрим их. Рыбы много было, карасей особливо, рыбаки их по целой кадушке ловили. После этого выберем место посуше, удочку наладишь и сидишь, караулишь, только не зевай.

¹ Колки — небольшой березовый лес.

² Бабка — обабок, гриб-подберезовик.

³ Белянка — белая разновидность волнушки.

⁴ Бзника — растение с черными сладковатыми и съедобными ягодами, паслен.

⁵ Гужевать — весело проводить время; выпивать.

⁶ Хворьба — болезнь.

⁷ Ходить телешом — ходить полураздетым.

⁸ Хмара — ненастная, пасмурная погода.

⁹ Собираться гуртом — собираться большой компанией.

¹⁰ Покéдова — пока (в качестве предлога).

¹¹ Утресь — утром.

Гальяны, те мигом клюют. Тянешь его, а он ерепенится¹, хочет сорваться, а крючок-заглотыш, крепко держит. А ежели сядешь возле омутка, то и караса поймать можно большого. А комаров — спасу нет от их, так много было. А как солнце появится, прогреет, ветерком потянет, так они меньше кусаются, в тень ховаются. А то скупались², и домой.

Устройство дома

Дома в деревне тогда были ветхие. Дворище у нас был большой, ворота большие, тесовые. Сарайчик для скота был небольшой. А вокруг дома завалинка была, где мы весной грелись на солнышке после холодной зимы. Дровенник³ был рядом с сараем, небольшой загон для овец. Был у нас еще рассадник, где мать сажала много буряка, семечек, моркошки и в основном картошку. Отец ишо пчел держать начал, так что мед есть стали.

Пластались от утра до позднего вечера

Когда сенокос начинался, то все от мала до велика на лугах работают. Да и до сенокоса, когда занятия в школе кончались, так сразу брались за работу. А учились в две смены: одна до обеда, другая — после обеда. Было три учителя. Мы их боялись. Как линейку возьмет, постучит по столу, то аж муха летит — слышно было. В летние каникулы все работают, полют пшеницу, она всегда сорная была, и картошку тяпали⁴, она зарастала березкой. Жара стояла, пить тогда не возили воду, а только в обед напьешься, и до вечера. Тады часов не было, встанешь, и свою тень меришь. Семь шагов обмеришь, тогда домой идем, а на обед — один шаг тени. Хорошо старались работать, кто больше прополет, тот больше получит хлеба. Хлебá были сорные, но потом получали один килограмм хлеба — рады были. А в школу ходили когда, так тожесть колоски собирали и сдавали в кладовую.

Деревня была дворов шестьдесят — это был колхоз. Хлеб сеяли, коров было пятьдесят, овец тысяча пятьсот, курей сто штук, лошадей пятьдесят, быков шестьдесят. Вот и вся техника была. Пахали на лошадях и на быках. Всю землю опахивали с марта до июля. Сея-

¹ Ерепениться — сопротивляться.

² Скупаться — купаться, искупаться.

³ Дровенник — место для хранения дров.

⁴ Тяпать — полоть.

ли сеялками и вручную, старики и боронили также. А потом начинался сенокос. С рассветом выходили на луга. Мужики косами косили, сенокосилок было мало, а мы, ребяташки, ходили за лобогрёмками¹ и собирали в маленькие кучки, а женщины тѣжно копнили в копны. Сначала складывали на брички, потом сверху клали быстрик², чтоб сено придавить, и возили к стогам. А там мужики вилами закидывали сено наверх стогомѣтчику, а он его раскладывал. Держѣки³ были длинные у вил, стога делали высокие, а внутри ставили вѣхи⁴, чтобы стог не развалился от ветра. Пластались от утра до позднего вечера. Некогда было повечерять, приходили домой и как убитые спать падали. Только рѣздых⁵ в обед наступал. Мы, пацаны, бежали к пруду, чтоб охоло́ннуться, а бабы доставали припас, чтоб поснедать⁶, опѣсле⁷ мы прибежали, вскорости ели и снова начинали работать. И не было среди нас маломѣчных⁸, никто не жалился на трудности, а потому что время было тяжелое и нужно было помогать.

Чудо-техника

В тридцать втором году пришел трактор «Форзон»⁹. Вся деревня сбежалась смотреть, поселские даже прибежали за пять и семь километров, чтоб побачить¹⁰ первый трактор, это чудовище. Но он у нас как фото под навесом в будни простоял. Через несколько лет пришел трактор колесный ХТЗ на шипах и комбайн «Коммунар». Трактор пахал, но неважно, всё радиатор грелся, и комбайн ломался часто, не тянул. Стоял на месте, и в барабан подавали вручную. Но легче стало за зиму, обмолачивали хлеб. Возили хлеб на лошадях и государству сдавали на станции. Кулунда в ста двадцати километрах или Камень — тоже в ста двадцати.

¹ Лобогрейка — жатвенная машина, применявшаяся для уборки ржи, пшеницы, овса, ячменя.

² Быстрик — доска, применяющаяся для придавливания сена.

³ Держак — рукоятка.

⁴ Веха — шест, жердь, поставленная стойком.

⁵ Рѣздых — отдых, передышка.

⁶ Снедать, поснедать — поесть.

⁷ Опосле — после.

⁸ Маломочный — слабый, хилый.

⁹ «Форзон» — трактор «Фордзон».

¹⁰ Побачить — увидеть.

Лудцева Акулина Федоровна

Родилась в 1926 году в селе Новопокровка
Быстроистокского района. Образование — 7 классов

Год записи — 2007

Изругался — на Беломорканал

Вот он (жених) уехал в город, но присылал письма, говорит, осенью приеду. Но у него была невеста, она с двадцать второго года. Ну вот, и сестра у него тут, и мать с отцом. А отец его, он Беломорканал строил в Ленинграде. Его осудили и угнали — отца-то его. А за что осудили... Был, пахал тут у женщины, а она одна жила без мужа. Ну и тут пожар — тушить надо. Они стояли там, кто с лопатой, кто с чем, кто с багром¹ — надо растаскивать этот дом, чтоб затушить-то. Ну и он там изругался. Не то что бы на ее — с мужиками. А там был этот, уполномоченный, из района. Ну и прям они забрали его, и всё — и Беломорканал. А потом его оправдали, судимость сняли. Так со всеми делали. Приехал и здесь умер. Тада он говорил, что там полягло, там полягло, народу-то, ой, тьма!

За жеребца отдали

В старину — силом забирали; убёгом называли. Силом — родители — за ково они хочуть... Был жаних — они за его не отдали... А дурак пришел свататься — у него жеребец, значит, он богатый. Вот тада и говорили — за жеребца отдали. У нас вот у Гаврилы брат — он такой мужчина: хороший, умный и красивый, а взяли и отдали за глухую и совсем плохо разговаривае. А нявеста у его была — им не надо было — так он и прожил — вот так. И тоже у них вот четверо детей было.

Мне сестра дала два метра ситца — мне кофту сшили — тут у нас портниха. А дядя мне прислал на юбку — тоже два метра — сатина. Да они пришли свататься — она и говорить: «А в чем я поеду? У мене валенков нету». Одеть — не одеть, не обусть — как только не жили!

Ну, пришли они — я, сестра, да еще сестрина золовка — двое. Ну, вот мы пришли свататься: «У вас нявеста, у нас жаних». Приедут на лошади, складут постели — приданщик. Правда, в воротах мы держим, чтобы он не зашел: даст денежку — выкупил невесту.

¹ Багор — длинная деревянная палка с металлическим крюком на конце.

Молодуха — так называли нявесту у нас. А у нас молодожены кусали пирог, чтобы узнать, кто главным будет. Соли на хлеб прям насыпать и руками не помогать.

Средство от перхоти

Раньше ботву намнешь — очень хорошая — и перхоти не будя, и никого не было. А щас вымою шампуней — у меня раззудится. Дрявесной золой тоже можно. Вот вскипит вода, и прям чажечка, ковшик тама и золы накидывашь. И она как в баню идти отстоится, чистой водой и мой.

Гражданская война. Случай

Гражданская была, када казаки с казаками. И это они воевали. Оружья-то не было, у нас не было. Ну и это, у нас пришли они к нам — где мама-то жила. Ну, и зашли они. А у нас дядя у меня — отцов этот брат — ляжал на печи. И казак-то зашел и тада увидел, ему это лет пятнадцати был, небольшой, и прям соскочил с печки да и на отца-то: «Тятя, а где вилы?». С вилами воевали-то. А вот тада и прям соскочил с печки и прям за ём вдогон, а у его пика, пики такие. А он в такое помящение, не с дерев она — просто из соломы — стропилы и всё, и покрыты соломой, и там сени полные. И он ить додумался, в этаю в сену-то, солому-то, и главное, там они, эта троя — три казака. Там они этими пиками тыкали, тыкали по сену-то — его хотели заколоть. А он додумался к стенке прижаться и туды прям на дно повалился, а там-то прокопал норы, а тогда табак сажали (табак этот курят). И он прорыл норы... кой они тута ушли, а всё равно следили: где-нибудь он вот выйдет и будет кричать — мож мы вот его. А пику-то вытащут — а крови-то нету. Если б они его попали, то кровь была. И вот он в табак — и ушел. И убежал. Но его повесили прям на ихних воротах, поймали и повесили. И хоронить — ни боже мой, еслив выдут его забрать, то всех они поуничтожат. И он висел до ночи повешанный на воротах. И уже ночью его схоронили. И вот памятник поставили.

А когда красные победили? Казаки куда? Ну, они стали с нами, всё. Тут и не пойми — отес¹ на сына, брат на брата шел, непонятно.

Это вот щас уж была война — немцы и русские, ну, там и поляки, и русские, всё. А то тут была такая — не пойми. Одна семья — сын

¹ Отес — отец. Замена ц на с свойственна южному наречию. Данное явление называется соканье.

за красных, отес за белых — и вот и убивали друг друга, вилами кололи — оружейе-то не было. А щас мы все дружные — и казаки, и все.

Посля революции

А жили-то после революции: загоняли в коммуну. Коров, всё отобрали, хлеб выгрябали. Всё отобрали.

Сорок литров с коровы было, а четыреста литров надо сдать, триста яиц надо сдать государству, полторы овчины с овечки — хоть есть у тебя, хоть нету — покупай да сдавай. Полторы овчины — как мы разрежем: два двора собираемся по три штуки. Триста яиц надо сдать — а их то шесть кур, то пять кур. Яйца даже не кушали. А щас вот они не ядят ничё — орда. Ой, трудно было. Свяклу пололи. Картошку сажали — огороды, по писят соток. Тыкву ды морковку, свёклу, капусту, вот и всё. А хлеб — мы его не видали даже. Кукурузу вот мы сажали — толкли в ступах. Деревенская ступа и вот толкач деревенский.

Жаглина Анна Федоровна

Родилась в 1926 году в селе Вяткино
Усть-Пристанского района. Грамотная

Год записи — 1983

С троими на руках горе мыкала

Я замуж вышла, его даже не знала. Прожила с ним девять лет, он помер, с троими на руках горе мыкала. Работать начала с пятнадцати годков, в бор угнали. На хвирме работала день и ночь, выходных не было. Мороз, ветер, а мы сараи затирали. Скотняков не было, сами чистили, поили. Как Коля помер, день и ночь. Прибежишь, ребятишек накормишь, и в степь. Ребятишки небалованные были. Такая наша жизнь была, всю жизнь прожила как попало. Трудно было. Пойдем, бывало, село откапывать, мороз, терпения нету, буралина¹, а мы копаем. Замерзнем, девчонки же, ветром шатает, прибежим погреться, животновод накричит на нас, обратно посылает.

¹ Буралина — буран.

Только что погрому не видели, как на фронте. Босяками¹ ходили, по следу узнаешь, вон Катька на работу прошла. Косили хлеб вручную, крюками. Утром вязать горсти по росе идешь. Лопатами хлеб веяли. Идешь, на амбар смотришь, где ты висишь, на красной али на черной доске. Работали ночи подряд. Раз Петровну отпустили, она в гречихе цветущей заплутала. Пришла обратно, ее спрашивают: «Что не пошла?» — она говорит: «Брела, брела, кругом снега, хоть бы выйтить». Сейчас вон у каждого дров, яр² завален дровами. А тады мы чащу³ сами заготавливали, кизяки делали. Овец поили, коров пасли сами. Говорят, пойдешь пасти, отдохнешь — та же маета. По месяцу, по два домой не показывались. Это единоличные пряли, а мы колхозные. Обложились кругом детьми. Денег не выдали. Деньги уже в какую пору стали давать. А тады трудодень начислят, и всё. Год проработаешь, на отчетное собрание идешь. А после идут и рады, слава богу, колхозу не должны. А были и такие, какие должны оставались.

Сиблагги едут — сядешь с ними и не боишься

А работали за чего? Денег не было, а налоги, займа — подавай деньгу. Скотину держала, сам молока не ешь, масло собирали да продавали, налоги платили. Хлеба давали, сто грамм свешивают, а метчикам⁴ — двести. Картошек нет. Бывало, все на картошках сидели. Ходили все пешком, сейчас кто разве пойдет в Пристань пешком. Из бору четырнадцать километров, идешь, уже тёмно, приду уж ночью. Мать узелок соберет, утром обратно пешком. Туда-сюда ходила. И как не боялась. Тогда идешь, увидишь человека, слава богу, попутчик есть. А сейчас увидишь и сторонишься. Запились все. Заключение, сиблагги,⁵ едут, сядешь с ними, едешь и не боишься.

Товары хоть и бывали, да все в очередь

До войны товары хоть и бывали, да все в очередь. На перинах все холстяное. рубахи, юбки — всё холстяное. Я выходила замуж,

¹ Босяками ходить — босиком ходить.

² Яр — вогнутый, обычно речной и не затопляемый в половодье берег.

³ Чаща — здесь имеется ввиду общее название дров, заготавливаемых в густом частом лесу, т.е. в чаще.

⁴ Метчик — то же, что метальщик. Человек, который сгребает сено в стог.

⁵ Сиблаг, Сиблон — Сибирское управление лагерей особого назначения. Появился в 1929 г. В 1935 г. Сиблон переименовали в Сиблаг. Узников этих лагерей в просторечии звали сиблаггами.

одеяло за мной дали коситчатое, шьют из косяков, берут в магазине от каждого куска по четверти, подклад и каймы ситчатые. Редко у какой скатанный потник¹ на койку был. Какое богатство тогда — платок драный да из хлопьев дерюга.

Свадьба кончается, последний день — калинка. Калинку ложили в стакан, молодых одаривали. Это сейчас на калинку много ложат, раньше мало ложили. Бывало, привезет жених невесту, а их положить некуда. Были тогда анбары сплетены из чащи, их называли пуньки, клали туда молодых. Но это давно, я еще совсем мала была. Тогда народу много жило в домах, да еще квартирантов держали. Мама у меня все время на квартире учителей держала. Это сейчас старики молодых стеснили, побросали, в новые квартиры переехали. Скатерки мама ткала, это из лебеды. У меня вот холстинка одна осталась. Плесью пахнет уже. Крестушками соткана. Что полубелками ткали, четыре белых нитки, четыре синих. Сు-прядки соберут, бывало, помочь, женщин двадцать, вечером поугостят. Я там первый раз выпила, в голове зашумело. Прихожу домой, мать спрашивает: «Да где же ты так насадокалась?». Не пила ни разу до этого. Зипуны ткали суконные, коротайки вместо фуфайки. Холстина под низом, сверху сукно. Мама дюже хорошо у меня вышивала. Я вот тоже на утирках² гладь вышивала. Полы босиком мыли, под ногой голяк, голяком выскребешь, а потом еще хвощем для белизны. На чистый пол соломы натрусит. У нас-то дерюжки были, у порога только солома. Под порогом отец сплёл подстилку из куги. Куга — растение, как кукуруза на Крутихе. Мучник из корня добывали.

¹ Потник — войлок, подкладываемый в качестве матраса.

² Утирка — полотенце.

Тимчева Анна Егоровна

Родилась в 1928 году в селе Новопокровка
Быстроистокского района. Образование — 6 классов

Год записи — 2007

Труд крестьянина

С детства отца забрали на войну, убили, осталось нас пятеро, мама шастая. Замуж вышла, не пожилося, а потом, сама вишь, вся высохла. Здоровья нету. Глаза ня видять. В чатырнадцать годов в бор угнали, в бору была, работала, трицать три года проработала. Каво, мать осталась сама шаста, каво же. Работала, в бору была, дояркой была. Вручную доила коров. Двенадцать коров было у меня. Была жизнь-то какая. Чижало, чижало, очень чижало. Колоски собирали, кормилися, гнилую картошку. Пашут, а мы за следом ходим, собираем и ели. Плохо, плохо, невозможно эдак, што жизнь-то. Носки вязали, была на фирми, работала, там были овечки, я их подергаю — свяжем.

Кизяков с назьма наляпають, стоять кизяки. Кизяки из назьма, назём. Назьма кладешь, топчешь. Такой кузючечек получается, как кирпичик. Строили. Шубуры¹, шубур сошьет какой-нибудь мама. С сестрой ходили в школу в одним, она с утра, а я с обеда. Одни, выстежет нам мама каки-нибудь галоши, очень плохо, очень плохо. Куфайку редко, редко. Она у нас была одна на всю всю жись.

На пугах были мы, вот плуга. Два корпуса по два человека мы сидели, ногами выталкавали. Как наберёцца, так выталкавали. Молотили, была молотилка такая, снопы вязали, всё делали, все. И молотили, подавали в барабан, резали, подавали. Солому на конях отвозили, а если коней нет, то на сябе. Ня дай бог тах-то жить. Не дай бог никому. Щас жить можно, и исть есть чё. Мы тада хлеба не видали, а щас хлеб в поле, ешь, сколь хочешь. И одетые, от молодого и до старости — всё шелк, или хто он есть. А мы вот холст пряли, сеяли, ткали и пряли. Вот. Мама бывало сошьет нам платье, мы рады до смерти, а она к телу не прижимаица, холстинные, холстиные. А щас чё?!

Колхоз: плюсы и минусы

Все дружны были, а щас нет. Соединяли, отес сразу не зашел в колхоз, а уехал в горы работать зарабатывать. Привез нам, сколь-

¹ Шубур — в старину верхняя крестьянская одежда в виде легкого кафтана из домотканой материи.

ко месяцев работал, полмяшка пшаницы. Ну, а мы на его заварили: «Тятя, — тятя тада звали, — тятя, заходи в колхоз, в колхозе будем жить». «Ну ладно, я пойду». Попросился, пошел, заявление написал, его приняли в колхоз. Полгода проработал, ему дали телку, и стали мы жить, и жить, и жить. Лучше, лучше, намного лучше. Только нас подозревали. Наш дед был раскулачен, и забрали его, и расстрелян. Отес у нас никада на собрании, чтобы вот выступить, чё-нибудь сказать. Никада не говорил ничё. Молчал, молчал. Зажмёцца в уголок куды-нибудь. Тут одна горела, а дед пошел. Пряма за серковью горела, его забрали на Покров. А на третий день расстреляли в Бийске. Стреляли, за што — и сами ня знают. Раскулачивали. Жили богато.

Без войны — гибель

Мир, войны нету. Вот мир. Войны нету — мир. Россию всю рассташшили всю, рассташшили всю. И моста нету. Мир, войны нету, мир. Да только вот гибнут почему люди-то, гибнуть. А хто его знает. То ли уж чё подделывают, то ли чё. И на самолете лятят, по телевизору-то послушашь. Без войны — гибель.

Война-то, как она кончилась. Тада пашня называли, с пашни мать у нас не пришла ишшо, и подходит дядя мой. Говорит: плямяница, война кончилась, — глядим, мама — вот она, уж там, на пашне, приехали, сказали, што война кончилась, она так вот собралась и заревела, заревела. Када уж кончилась, мы получили известие. Все встречаются, встречаются, а мы као будем встречать? Вот и узнали, обрадовались-то: у нас там и дядя мой, ишшо дядя пришел, хоть оне раненые, у одного ноги не было, дядь Яша. Все роднились мы. Были крепкие родня.

Бог

Я до этого, бывало, тах-то верила — ня верила, а потом у нас померла мамина мать, мы деда откопали, потому что хранить негде было. Он вот лежит весь там селый (целый), а поттронули, а он и всё — рассыпалси. А да тода могилы-то некому копать, а мы свежую откопали, откопали — туды и ряшили. И отпетый он был, а потом второй раз отпывали яго. А вот прям ляжит как живой, бяда, и всё это, и так вот всё рассосалось. Нет, весь иссохнешь, и всё, изотлеешь, и всё. Весь, весь, пепел получился, и всё. Вот до этого-то я верила, а никакого щастья. Да я и вспоминать ня буду больша.

Воропаева Лидия Филипповна

Родилась в 1932 году в селе Новопокровка
Быстроистокского района. Образование 4 класса

Год записи – 2007

Кто в колхоз не шел, тот страдал

Отец мой с Подмосковья приехал, и тут он жил, мне было два года. Бабушка и дедушка ниоткуда не приехали. Я, доченька, доркой сначала работала, шшитай, и пять классов не кончила. Мама заболела, а я пошла прямо посыльной в контору, и топить печку, и за рабочими ходили — вот это я обслуживала. И потом кончилась зима, я на пуга пошла, а такая вот молодая, потом свиаркой работала, письменоской¹.

У нас одиннадцать колхозов было в нашем селе, вот исполнителем было, что ночь, то мы у телефона дежурили, а день оповещали. Куда сельский председатель скажет итить, тада сельсовет руководил-то колхозами-то, вот, а мы тогда идем, там у кого какой председатель вели собрание. Вот такая была работа. Потом пошла по комсомольской путевке на ферму свиаркой, вот свиаркой работала. Со свиарника и замуж вышла. И на свекле работала, и на бригаде, и на пугах, и на комбайне.

А как же сказывала-то мама, что мои родители зашли сразу в колхоз, а сястра не входила в колхоз, и у неё всё-всё отобрали: и дом, и всю скотину, тогда же однолично жили. И были у них и кони, и коровы, и всё, всё, всё отобрали. А детей было много. И они потом у бабушки пожил. Это мама рассказывала, что она очень много хлебнула, муж упряился, в колхоз не шел — вот и много страдали.

Половички из конопли

Ну, они тада работали, дедушка с бабушкой, со своим хозяйством, одноличники были, мама-то тоже захватила в одноличную. Они пряли, ткали, мяли, толкли. Вот посконь-то, как сказать, конотип. Щас вот пьют эти наркоманы-то — конопля. Вот, а мы его сеяли чисто и сначала выбирали его, какой помельче, какой начинал желтеть, выбирали, потом мочили, сушили, потом мяли, толкли и мыкали, пряли на половики, а щас их чертова дюжина ляжит, как мама только, бядняжка, она была худенькая, и как она высиживала.

¹ Письменоска — почтальон.

Налоги для крестьян

Корову дяржали, одну корову, телочек там, две овцы, два поросенка — вот так было скудно, а потом разряшили, тогда ведь налоги были, и на молоко налоги были, и на яйца, и шерсть, всё сдавали государству, всё. Ну, потом налогов не стало, и стали водить, ну вот, две коровы дяржали, вот не запрещено было.

Лечу от испуга, от рожи, зуба и тоски

Лячу от испугу. Читаю, отливаю. Беру воду непитую и воск растапливаю, на стульчик, на порог ставлю, сажу ребенка, а сама молитву читаю и лью в воду-то. А там если сразу вот испугалась, то сразу отливать, сразу вылить, то что ты испугался. У нас правнучка испугалась собаку. Они подъехали на машине к квартире, только вышли из машины, и хозяин вывел собаку, она прям кинулась, и всё. И вот сколько я бьюсь, целый месяц, они не привозили и не сказали. Вот только выльется мордочка, вот уши, глазки не выливаются, а вот мордочка собачья. И так она заикалась. В воде, вот када я читаю над ней и в воду лью, и не вожу ее, а в одну точку лью-то. Выливается. Вот внучка-то испугалась петуха, и ее прям сразу мама отлила, он прям пятух, а вот не сразу, там непонятно. Вот и от рожи, от зуба заговариваю, от тоски умею, от мамы это научилась.

От тоски-то, бяру тоже такую воду и вот читаю: «Матушка вода, буйная струя, смой тоску, печаль с рабё божей, разнеси ее тоску по горам, по лясам, по зеленым лугам, чтоб она пила, запивала, ела, заедала, спала, засыпала, разнеси ее буйною струею, чтоб она ни думала, ни мечтала о рабё божей, там называешь кого».

Вот восстановил ее, скорбящая Божья Матушка. По-старому, как мать поставила, до трех раз эти речи говоришь. У нас вот, у них вот, это сын единственный, пил он, а потом закодировался, и вот этот день прошел — срок кодирования — и он напился и уходил¹ на тракторе тама, и вот осталось маленькая девочка. И вот лечила и мать, и сноху, и сестру, вот сколько раз приежжали. Мне ничё не надо, лишь только вам было хорошо, чтоб полегчало.

Вот такая вот от испугу: «Встану я, раба божья Лидия, благословясь, пойду перекрестясь. Из двери, из ворот в ворота, под светел месяц, под часом звезд, подойду, раба божья, к Ливан-морю, подойду поближе, поклонюсь пониже. В Ливан-море лежит золотой камень,

¹ Уходиться — погибнуть.

на золотом камне сидит Матушка Пресвятая Богородица. Как ты можешь ополоснуть, так и смой всё с рабы божьей, все восемнадцать родимцев¹: родимец головной, родимец мозговой, родимец сердцевой, родимец кровяной, родимец жилиной, родимец тыленной, родимец ручной, родимец ножной, родимец сустовной, родимец трясучий, родимец жгучий, родимец дергучий. Выдь, испуг, из бѣлого тѣла, из красной крови, из белых жил. Батюшка тиханский, дай тишины рабе божьей, дай ей, господи, на доброе здоровье и на покой».

А от рожи: «Пойду я во полюшко, во полюшке стоит дубравушка, на этой дубравушке листия бумажныи, свет шелковый, по этой дубравушке течет речка, на этой речке, на этой речке стоит мост калинный, на этом мосту стоят три гробницы, в этих гробницах лежат три девицы, они называются родные сястрицы. Насажу я саблю крепко-накрепко, насажу я саблю крепко-накрепко, насажу я саблю крепко-накрепко, наточу я саблю остро-наостро, наточу я саблю остро-наостро, и там, зубную рожу. Аминь. Или костиную рожу. Аминь». Ну, чѣ болит, на чѣ жалуваешься. Они и от зуба хорошо, и от рожи хорошо. Вот к маме ходили тоже.

Стерпится — слюбится

Собирались на вечѣрках, на вечѣрках и знакомились, вот и познакомились, а замуж отдали за другого. Мы-то не венчались, ясно дѣло, по согласию родителей. Мама тоже вот дружила с парнем, а отдали, он ростиком такой маленький, и она говорит, ну, всю жизнь, наверное, будет постылая, а потом дети пошли, вроде согласилась, и потом их и обвенчали. А всё равно не любили, а их обвенчали.

Дисциплина от и до

Были когда коммунисты, жизнь была хорошая, дисциплина была, был партком, комсомольцы были. Что-то не послушался или что-то он там, собирает на комсомольское собрание, потом на партком — разбирают, дисциплина была от и до. Вот щас, щас вот это нельзя так. Пьют, наркоманы, нет работы. Как это так — нет работы, это уму непостижимо. Совхоз «Огни» звался, «Новопокровский» он называется, в семидесятом году богатый был совхоз — всё было. Вот столько молока государству дали — море. Вот, и за два года развалили совхоз и не доказали, и ездили даже наши в Барнаул. Что не должно быть,

¹ Родимец — припадок, общее название болезней.

Комсомольцы

хто-то нажился, а хто-то обнищал, не доказали. Не нашли правду. Ну, мне кажется, не хотели найти. Это не должно быть, чтобы передовой совхоз был, передовой, а за два года развалился.

Тогда совесть в людях была, щас-то молодежь-то бестыжая. Вот пошли, напились, корову не подоют сутки. Думаю, как корову не подоить, это же не телега, поставил и стои двое суток. А корова-то матушка — раз не подоил, молоко ушло, ее надо наверстать целых три дня или чатыри, чтоб вернуть это молоко.

Ну, этого нету, нету такого, чтобы какой был по-

рядок. Теперя эти на комбаин, а мы на копнителе были, у нас серп с собой был. Он же сразу не развернется, обязательно на огрехи останется зерно, это колос. Это трактор поехал на повороте, и целая прям круговина оставайтся колосьев. Мы соскакиваем и сжинаем, это чтоб колос не был, а то приедет директор, тут колос увидит, тут что будет-то. Ну вот, трактор-то ташшит конбаин, ну, на полосе-то, и на повороте обязательно остается кулишка, вот этим серпом жжинали, и в барабаны, чтоб колос не было. Вот такая-то была дисциплина. А щас чё, у нас вот када собрание было, я не ходила, я болела, шипко выступали, что вот развалился совхоз, передовой был и по мясу, и по молоку, передовой совхоз — и в два года выбрали.

Война закончилась — кто плачет, кто поет

И помню хорошо, как закончилась война, вот стон стоял, слезы, вот ужасно. Через дорогу жила соседка, бабушка Наташа. И все к ней, наш колхоз был «Победа», и в нем было три бригады, столько было миру, и все к этой бабушке. Вот и я маме-то говорю: «Мама,

почему к бабушке Наталье столько народу-то собралось, крик, крик?». А к вечеру потом песни стали петь, ну, у кого они не погибли. Она мне сказала, что у нее погибли три внука и три сына, а один сын пришел на одной ноге, поэтому собрались сюда вот. Вот это слезы были, потом кто плачет, кто поет, такая ситуация была.

Бесы

Я поздно начала молиться-то, мама-то была верующая, она и служила, она верила Богу. Это родители к этому приучили, а я была отъявленная комсомолка. Нам говорили, что Бога нет. Вот мама меня воспитывала, ну, я ей подчинялась, что это, када на собрании говорила, что Бога нету, надо иконку чтоб убрать, а я ее не вешала, мама вешала, и заставляли убирать иконы. Это не коммунисты, это бесы, бес в их вселился. В дедовой спальне есть иконочка, у меня в спальне, я молюсь вечером постоянно, утром — когда приходится, когда нет. Каждый вечер Богу.

Федотова Александра Петровна

Родилась в 1933 году. На момент сбора материала проживала в селе Вострово Волчихинского района

Год записи — 1999

А познакомил их Алтай

А папа мой, мой дед откуда-то приехал с России. А откуда — вот какая-то Пензенская область, вроде вот так вот. Они так вот рассказывали, когда в молодости приехали. Они, мои родители, вот с разных мест. Сошлись туда, в Алтайский край Ельцовский район того поселка, которого сейчас уже не существует. Где мы жили, где я родилась там, вот нет его и следа. Они, значит, как говорят: «Мы познакомились под березкой, в этот праздничный день, как празднуют березку здесь, на Алтае». И вот они сошлись так, и молодыми они поженились, у них было трое детей, я третья. Те, в то время как-то мало дети выживали, умерли маленькими, а я у них одна осталась.

Они воспитывали меня одну. И как я помню, еще с малых лет, там поселок Бадрас, его сейчас не существует, сельского совета,

Ельцовского района. Это где-то рядом с Новокузнецком, всего сто двадцать километров, близко так. Мы когда еще там жили и занимались тоже сельским хозяйством, туда все продукты сельского хозяйства в Новокузнецк возили, тогда он был Сталинск. Там торговали, оттудова продукты возили, а туда подсолнечник, семечки, мясо, что выращивали, и мед в том числе. И они до войны, это я родилась в тысяча девятьсот тридцать третьем году, до войны они тоже занимались немного пчеловодством, мама в основном, папа к ним как-то был не очень пристрастен, потому что, говорит, какая эта скотина, которая кусает своего хозяина, не признает. Боялся укусов пчел. Ну, она водила пчел до войны.

Трудились день и ночь

Приходилось мне и вершить клади в одиннадцать лет по возрасту, у меня получилось так, что зимой потом их молотили, это вот зерновые культуры когда, снопы вязали за жнейками, а потом уже их возили на ток в определенные места и складывали в клади, так назывались. Сначала их так называли суслонами, снопы составляли, а потом уже их молотили на месте, когда они, такие работы, уже маленько кончаются. Людей-то мало, и в зимнее время уже обмолачивали это зерно.

А зерно молотили в то время там, где я росла, сначала были барабаны, так называли мы их, вращение их было, барабанов, при помощи коногонов: запрягали попарно восемь лошадей, вращали этот коногон, а привод был ременный к этому барабану. Большие ремни такие, двадцать примерно метров ремни, от такие. Потому что коногон-то далеко, а здесь чтобы не мешали, они вращали эти. От приходилось к барабану мне эти снопы подавать. А поменьше там молодёжь, ну, дети. Подносили. А я туда в барабан подавала. Они от до того, ночь уже. Темно, ничего не видеть. Света нет. Все падают, спать охота!

А когда сильно много, большой сноп сунешь — заглохнет барабан, от когда барабан заглохнет, тогда дети отдохнут. Иногда даже приходилось, значит, в ущерб того, заглушить, чтобы был отдых для детей. После этого, дальше больше, появились двигатели. Электричество тоже есть, примитивное такое еще. В случае если нет света, энергии, вот эти двигатели вращают, вырабатывают свет. Вот этими двигателями вращали опять. Стали уже барабаны заменяться полуслошки. Более массивные они и отрабатывали зерно лучше, там у них были сита, уже более чистое зерно выходило.

В школу пешком за пятнадцать километров

А во время учебы, значит, учиться мне была возможность, потому что я одна была у матери, всё-таки не так, как у некоторых — по пять, по шесть детей. Меня в школу, значит, отправляли. Четыре класса в своем селе было, а уже пятый в село за пять километров пешком ходили. А в восьмой — уже за пятнадцать километров ходили пешком, восьмой, девятый, десятый. Потом уже, когда я закончила школу, меня направили работать в начальном классе, там, в соседнее село, четыре класса, всего девять человек.

Копылова Валентина Петровна

Родилась 1935 году в селе Новопокровка
Быстроистокского района. Образование — 7 классов

Год записи — 2007

Здесь была тайга — всё вырубали

Здесь на месте я была. Бабушка приехала — отцова мать. Ну, она говорила, из какой-то Рассеи. Ну не скажу, я была маленькая — плохо ориентировалась. Знаю, что она говорила, из Рассеи. Привезли ее сюда восьми лет. Здесь была тайга — всё вырубали. Моего отца бабушка и моей матери мать — они были репрессированы — жили богато и их, как тогда говорили, раскулачивали. Она вот рассказывала, что кулаки любили труд, а потом политику стали гнуть не в ту сторону. Труд любили. Они день и ночь трудились. Жили богато — раз трудились-то, значит, и жили так. А делать не будешь, откуда чё будет? Ну а потом, значит, неугодны стали, дескать, делить надо, не любили эндаких, вот и сослали сюды.

Родных моей бабушки — их рыпрессировали, угнали, а вот куда-то в Сибирь угнали их, на Колыму на какую-то. Вот, что успела, то в узелок завязали, детей с собой разрешалось, детей взяли. А это всё, всё в домах осталось. Их ведь как скот забирали, ни один не вернулся сюда. Ну, они так и там остались, так там и работали.

Содержание

Вигандт Л.А. Один век и несколько эпох	3
--	---

ЧАСТЬ I

Балаба Николай Иванович.....	9
Кислых Мария Михайловна.....	15
Медведева Анна Васильевна	18
Загородняя (Ищук) Марина Кирилловна.....	26
Зверева Ульяна Афанасьевна.....	27
Токарева Евдокия Никифоровна	35
Гончарова Анна Андреевна.....	38
Евстифеева Екатерина Павловна	40
Нагайцева Зоя Николаевна	43
Газукина Ирина Павловна	48
Зубченко Вера Корнеевна.....	49
Тракалюк Анна Федоровна.....	55
Шутто Клара Ивановна.....	56
Голубятникова Валентина Ивановна.....	72
Кривов Петр Александрович.....	76
Баранова Мария Васильевна	82
Климов Дмитрий Федорович.....	87
Одушкина (Нугбаева) Наталья Ивановна	92
Сидякина Мария Яковлевна	96
Вулуйских Дмитрий Григорьевич.....	97
Зубков Николай Иванович	100
Кудрявцев Иван Митрофанович.....	104
Семенютин Александр Павлович.....	108
Семенютина Татьяна Матвеевна	112
Грачева Нина Федоровна	113
Воробьев Александр Васильевич.....	118
Звягинцева Антонина Петровна.....	120
Медведева Валентина Андреевна	122
Оспинникова Зоя Илларионовна	123
Тополева (Суртаева) Августа Федоровна.....	125
Костомаров Владимир Ильич.....	127
Федоренко Виктор Алексеевич.....	135
Горшков Иван Яковлевич.....	137
Кузьмичёва Галина Ивановна.....	140

Миллер Эмма Ивановна.....	147
Ненашева Раиса Федоровна	150
Погодина Аграфена Егоровна.....	151
Кивоенко Николай Иванович	153
Марков Валентин Гаврилович.....	156
Маркова Нина Никифоровна	156
Беккер Мария Францевна	159
Бочаров Иван Семенович.....	165
Бочарова Антонина Александровна	166
Глазина Нина Андреевна	170
Долгова Валентина Григорьевна.....	172
Кондрашова Галина Прокопьевна.....	176
Костюченко (Вергунова) Валентина Трофимовна.....	182
Куркина Евгения Георгиевна.....	186
Реймер Виталий Давыдович.....	188
Медведев Михаил Кириллович.....	191
Уразова Любовь Григорьевна	193
Батищева Тамара Евгеньевна	195
Игнатова Надежда Дмитриевна.....	197
Кульгускина Нина Павловна	200
Малахова Любовь Сергеевна	203

ЧАСТЬ II

Щеглова Т.К. «Человек в истории» и «История в человеке».	
Возможности и перспективы устной истории	209

Дмух (Рыбальченкова) Евдокия Ионовна	220
Нечаева Степанида Сергеевна	225
Рыбникова Агафья Степановна.....	229
Приказчикова Вера Трофимовна	239
Ачкасова (Трошкина) Анна Ивановна	242
Гордюшкин Павел Петрович.....	254
Медведев Игнат Алексеевич.....	260
Рохлина Анна Васильевна	275
Тырышкин Степан Иванович.....	279
Прокопенко Александра Григорьевна	283
Татарников Петр Иванович	287
Александрова Мария Ивановна.....	292
Пастухова Матрёна Федотовна.....	296

Бурматова Мария Никифоровна	298
Гребнева Евдокия Федоровна	311
Епифанцев Виктор Прохорович.....	314
Черепанова Галина Александровна.....	323
Леонидова (Кинтоп) Альма Вильгельмовна	326
Сухова Геральда Сергеевна.....	330

ЧАСТЬ III

Дмитриева Л.М. Языковое сознание жителей Алтайского края и история региона.....	343
--	-----

Петракова Мария Ивановна.....	351
Черникова Елена Константиновна.....	352
Фадеев Алексей Степанович	353
Чернов Степан Николаевич.....	356
Иванова Мария Григорьевна.....	357
Кожанов Василий Прокофьевич	359
Середин Арсентий Петрович	360
Ходов Иван Андреевич.....	360
Пругов Дмитрий Иванович	361
Кунгурова Александра Дмитриевна.....	364
Забельский Семён Григорьевич.....	367
Сметанникова Анна Митрофановна.....	368
Соловцова Пелагея Парфентьевна	371
Бортунов Петр Кузьмич.....	373
Лукьянов Селиверст Никифорович.....	374
Аверина Агафья Еремеевна	375
Кавешников Василий Иванович	377
Брысов Михаил Кузьмич.....	378
Зырянова Акулина Мартемьяновна.....	380
Кузьменко Елена Ивановна.....	381
Вострикова Анна Захаровна	382
Карелина Анна Дмитриевна.....	384
Ульянов Николай Яковлевич	385
Барина Фёкла Тимофеевна.....	386
Апарин Павел Агапович.....	388
Арапина Мария Максимовна	392
Юстюженкова Татьяна Яковлевна	395
Бобылева Варвара Степановна.....	398

Просветова Анастасия Никифоровна	402
Мамонтова Евдокия Трофимовна	405
Чемоданова Анна Михайловна	407
Белобородова Прасковья Яковлевна	409
Олешко Пантелей Семенович	410
Опалёвка Фекла Александровна	411
Потапова Клавдия Степановна.....	412
Рубан Вера Захаровна.....	414
Сущевских Анастасия Сергеевна	417
Кудрешова Пелагея Петровна	419
Тудейкина Евдокия Ивановна	420
Ранаев Прохор Петрович.....	423
Антропов Андрей Андреевич	425
Лудцева Акулина Федоровна.....	430
Жаглина Анна Федоровна	432
Тимчева Анна Егоровна	435
Воропаева Лидия Филипповна	437
Федотова Александра Петровна.....	441
Копылова Валентина Петровна	443

АЛТАЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ В РАССКАЗАХ ЕЁ ЖИТЕЛЕЙ

Научное издание

Общее руководство издательским проектом: Вигандт Л. А.

Научные редакторы:

Дмитриева Л. М., доктор филологических наук, профессор;

Щеглова Т. К., доктор исторических наук, профессор

Редактор Вигандт Л. А.

Помощники редакторов:

Грибанова Н. С., Прокофьева Е. В.,

Иванова К. В., Короткова В. А.

Дизайн, художественное редактирование:

Раменская Ю. В.

Иллюстрации:

Назаренко О. В., студентки каф. АрхДи АлтГТУ,

под руководством Раменской Ю. В.,

доцента каф. АрхДи АлтГТУ

В книге использованы фотографии:

Александра Волобуева;

из фондов Алтайского государственного краеведческого музея;

из архива Лаборатории исторического краеведения

Алтайской государственной педагогической академии;

из семейных архивов жителей алтайской деревни;

прочих открытых источников

Техническое редактирование, верстка:

Стрекалов Е. Н., Майер О. В.

Корректоры:

Ляшко Н. Ю., Сигарева М. В.

Подписано в печать 05.12. 2012

Печать офсетная. Бумага мелованная. Формат 100х70/16.

Гарнитура Bannikova. Тираж 1000 экз. Заказ №

ОАО «Алтайский дом печати»

656049 г. Барнаул, ул. Б. Олонская, 28

Тел. (3852) 638761, 637971

e-mail: zakaz@adp.alt.ru